Научно-Популярная

БИБЛІОТЕКА

№ 5—6 Ц. 1 р.

MARX

П. А. Берлинъ.

Карлъ Марксъ

и

его время.

книгоиздательство
„ПОЛЬЗА"
В. Антикъ и К°
Москва

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛІОТЕКА.

Серія I. №№ 5—6.

Berlin, Pavel Abramovich

П. А. Берлинъ.

"Karl Marks i ego vremia."

КАРЛЪ МАРКСЪ

И

ЕГО ВРЕМЯ.

МОСКВА.

Книгоиздательство „ПОЛЬЗА"

В. Антикъ и К°.

Типо-литографія Русскаго Товарищества печатн. и изд. дѣла.
Чистые пруды, Мыльниковъ пер., с. д. Телеф. 18-35 и 53-95.

I.

Годы юности и студенчества.

Карлъ Марксъ происходилъ изъ древней и благочестивой еврейской семьи. Его родословное древо по прямой линіи вплоть до шестнадцатаго вѣка насчитываетъ въ числѣ своихъ членовъ исключительно раввиновъ, среди которыхъ нѣкоторые въ свое время были извѣстными учеными теологами. Всѣ они носили фамилію Мордухай, и лишь дѣдушка Карла Маркса измѣнилъ эту фамилію на фамилію „Марксъ“.

Отецъ Маркса не только нарушилъ древнюю традицію своего рода и вмѣсто учено-духовной карьеры избралъ свѣтскую—въ 1824 году онъ перешелъ изъ іудейства въ протестантизмъ.

Переходя изъ іудейства въ протестантство, отецъ Маркса, по словамъ Меринга, „дѣлалъ это не для того, чтобы вѣру въ Іегову перемѣнить на вѣру въ Христа, а для того, чтобы внѣшне порвать съ іудействомъ, которое онъ уже пережилъ внутренне. А въ то время сдѣлать это можно было лишь въ формѣ перехода въ протестантство“. [1])

И въ подтвержденіе Мерингъ ссылается на слова Гейне, который, оправдывая свое крещеніе, говорилъ, что свидѣтельство о крещеніи служитъ входнымъ билетомъ въ область европейской культуры.

Но эти соображенія Меринга представляются намъ очень уже натянутыми. Переходъ изъ іудейства въ христіанство вызывался тогда не тѣмъ, какъ это предполагаетъ Мерингъ, что тогдашніе наиболѣе передовые евреи „внутренне преодолѣли“, пережили еврейство, а тѣмъ, что тогдашніе официальные христіане не давали возможности евреямъ по человѣчески жить въ Пруссіи. Мерингъ забываетъ о словахъ Гейне, что если бы позволили красть серебряныя ложки, то онъ бы никогда не крестился... Гейне крестился почти одновременно съ отцомъ Маркса и въ письмѣ къ своему другу Мозеру онъ слѣдующимъ образомъ объясняетъ свой шагъ: „Я очень хорошо понималъ слова псалмопѣвца: „Господи! Давай мнѣ насущный хлѣбъ, дабы я не позорилъ Твое святое Имя!“ Весьма фатально, что во мнѣ весь человѣкъ управляется бюджетомъ! На мои принципы отсутствіе

---

[1]) Ср. его введеніе въ „Aus dem litterarischen Nachlass von Karl Marx“. Erster Band. Stuttagart. 1902. Стр. 3—4.

или изобиліе денегъ не имѣетъ ни малѣйшаго вліянія, но на мои поступки оно вліяетъ тѣмъ сильнѣе. Да, великій Мозеръ, Генрихъ Гейне очень малъ... Это не шутка, это мое серьезнѣйшее, исполненное самого сильнаго негодованія, убѣжденіе. Моя душа гуммиластиковая, она часто растягивается до безконечности и часто стягивается до крошечныхъ размѣровъ". И затѣмъ, въ другомъ письмѣ къ тому же Мозеру Гейне произноситъ упомянутую фразу о серебряныхъ ложкахъ: „Мнѣ было бы очень прискорбно, если бы мое свидѣтельство о крещеніи могло представиться тебѣ въ благопріятномъ свѣтѣ. *Увѣряю тебя, что, будь законами дозволено красть серебряныя ложки, я бы не крестился*" (курсивъ нашъ). Эти слова Гейне отлично показываютъ, что многіе тогдашніе евреи переходили въ христіанство вовсе не потому, какъ это предполагаетъ Мерингъ, что они „внутренне преодолѣли еврейство", а просто потому, что они не могли преодолѣть грубаго внѣшняго и внутренняго гнета прусскаго государства.

Семья Маркса, правда, жила въ рейнской провинціи, гдѣ дѣйствовалъ несравненно болѣе передовой, чѣмъ прусское уложеніе, Наполеоновскій кодексъ, которому были чужды религіозныя преслѣдованія. Но ко времени крещенія семьи Маркса городъ Триръ подпалъ подъ владычество Пруссіи, которая въ то время жестоко травила евреевъ, и не далѣе какъ въ 1826 г. рейнскій провинціальный ландтадъ обсуждалъ законопроектъ о лишеніи евреевъ всѣхъ гражданскихъ правъ.

Грубый и злобный антисемизмъ тогдашняго нѣмецкаго правительства и значительной части общества заставлялъ многія тысячи еврейскихъ семействъ переходить въ христіанство. И этимъ, конечно, объясняется переходъ въ христіанство и всей семьи отца Карла Маркса. И именно благодаря тому, что внѣшнія гоненія заставили многихъ передовыхъ евреевъ переходить въ христіанство, эти евреи сохраняли въ себѣ жгучую, лютую ненависть къ реакціонному правительству и обществу и бросались въ первые ряды борцовъ за политическую свободу.

Берне, который тоже вынужденъ былъ принять христіанство, въ превосходныхъ словахъ показалъ, почему именно евреи выдвигали тогда передовыхъ борцовъ освободительнаго движенія. „Да, именно потому,—писалъ Берне,—что я родился рабомъ, свобода милѣе мнѣ, чѣмъ вамъ. Да, вслѣдствіе того, что я былъ обученъ рабству, я понимаю свободу лучше васъ. Да, оттого, что у меня не было при рожденіи никакого отечества, я жажду пріобрѣсти его гораздо сильнѣе, чѣмъ вы, и вслѣдствіе того, что мѣсто, гдѣ я родился, было ограничено одною еврейскою улицею, за запертыми воротами которой начиналась для меня чужая земля,—мнѣ недостаточно теперь имѣть отечествомъ ни городъ, ни провинцію, ни цѣлую область; я могу удовольствоваться только всею великою отчизною, на всемъ пространствѣ,

гдѣ звучитъ ея языкъ... Я пересталъ быть рабомъ граждан, и потому не желаю теперь никакого рабства; я хочу быть теперь совершенно свободнымъ. Домъ моей свободы я выстроилъ себѣ заново снизу до самаго верху; слѣдуйте моему примѣру и не довольствуйтесь накладкой новыхъ черепицъ на крышу полусгнившаго государственнаго зданія. Прошу васъ, не презирайте евреевъ. Вы лишили ихъ воздуха, но это предохранило ихъ отъ гнилости. Вы насыпали въ ихъ сердце соль ненависти, но это помогло ему сохраниться въ совершенной свѣжести. Вы всю зиму держали ихъ въ глубокомъ погребѣ, заткнувъ отдушину навозомъ, но сами, незащищаемые ничѣмъ отъ холоднаго воздуха, полузамерзли. Когда наступитъ весна, мы увидимъ, кто зазеленѣетъ прежде: евреи или христіане". [1])

Эти слова Берне хорошо вскрываютъ соціально-психологическій источникъ той чуткой воспріимчивости къ новымъ освободительнымъ идеямъ, той готовности биться за ихъ осуществленіе, которыми отличался тогда передовой слой еврейства. Достаточно сказать, что за короткій промежутокъ времени нѣмецкое еврейство сумѣло тогда выдвинуть цѣлую плеяду блестящихъ, геніальныхъ борцовъ за политическое и соціальное освобожденіе всего человѣчества—Берне, Гейне, Маркса, Лассаля.

Но помимо принадлежности къ гонимой въ тогдашней Пруссіи націи, всѣ внѣшнія условія жизни Карла Маркса складывались такъ, что должны были рано пробудить и развить въ немъ его природную революціонную стихію. Марксъ родился и выросъ въ городѣ Трирѣ, въ рейнской провинціи, которая была завоевана Наполеономъ I и съ тѣхъ поръ управлялась на основаніи Наполеоновскаго кодекса. Но въ 1815 г. рейнскія провинціи вновь отошли къ Пруссіи, и ихъ жителямъ была дана возможность наглядно сравнить болѣе или менѣе свободный режимъ, созданный „революціоннымъ и безбожнымъ" французскимъ правительствомъ съ деспотическимъ режимомъ патріархальнаго и богобоязненнаго прусскаго правительства. Сравненіе было, конечно, не въ пользу послѣдняго. И недовольство прусскимъ режимомъ широко разлилось по рейнской провинціи. Къ тому же, рейнская провинція принадлежала къ числу наиболѣе развитыхъ въ экономическомъ отношеніи частей Германіи. Здѣсь раньше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ Германіи, начало развиваться крупно-капиталистическое хозяйство и образовался слой богатой и властолюбивой крупной буржуазіи. Вслѣдствіе всего этого, рейнская провинція шла впереди другихъ по оппозиціонности своего настроенія.

Если мы теперь перейдемъ отъ общихъ къ частнымъ, семей-

---

[1]) Л. Берне. Сочиненія въ переводѣ П. Вейнберга, т. II-ой. Спб. 1896. 133—134 стр. Подробнѣе объ еврейскомъ вопросѣ въ дореволюціонной Германіи см. въ нашей книгѣ: „Германія наканунѣ революціи 1848 года". Спб. 1906.

нымъ условіямъ, среди которыхъ выросъ Карлъ Марксъ, то мы убѣдимся, что и въ этой области обстановка, окружавшая Маркса, благопріятствовала его развитію. Отецъ Маркса былъ чуткимъ и образованнымъ человѣкомъ, души нечаявшимъ въ своемъ сынѣ, рано разгадавшимъ геніальные задатки своего первенца и всѣми силами старавшимся дать ему цѣльное и законченное образованіе.

Одна изъ главныхъ „особыхъ примѣтъ" духовнаго облика К. Маркса—его интернаціонализмъ и, если такъ можно выразиться, интеррелигіозность—тоже уже въ условіяхъ его дѣтства получила благодарную почву для развитія. Отецъ и мать Маркса происходили изъ древней еврейской фамиліи, перешедшей въ христіанство, когда Марксу было шесть лѣтъ. Отецъ Маркса былъ нѣмецъ, его мать голландкой, до самой своей смерти не научившейся безукоризненно говорить по-нѣмецки.

Вь 1835 году Марксъ окончилъ гимназическій курсъ въ трирской гимназіи. Полученный имъ аттестатъ меньше всего давалъ основаніе предполагать въ семнадцатилѣтнемъ юношѣ геніальнаго теоретика и стратега революціи. Аттестатъ былъ „средній". Почти по всѣмъ предметамъ отмѣчались „удовлетворительные" успѣхи и похвальное поведеніе.

Окончивъ гимназическій курсъ, Марксъ въ томъ же 1835 г. поступилъ на юридическій факультетъ боннскаго университета.

Студенческая жизнь Германіи тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ какъ нельзя лучше подтвержала ту истину, что непосредственная политическая роль, играемая студенчествомъ, тѣмъ шире и вліятельнѣе, чѣмъ болѣе отстало общее соціально-экономическое положеніе данной страны. Соціально-политическій строй Германіи тридцатыхъ годовъ былъ до крайности отсталый по сравненію съ „западными странами"—Англіей и Франціей. Въ политической области въ ней ненарушимо царилъ еще абсолютизмъ, имѣвшій къ тому же нѣсколько десятковъ филіальныхъ отдѣленій, въ видѣ безконечнаго числа отдѣльныхъ микроскопическихъ государствъ. Не менѣе отсталой была Германія тридцатыхъ годовъ и по своему соціально-экономическому развитію. Капиталистическое производство едва только назрѣвало, господствующая же роль принадлежала мелкимъ формамъ самостоятельнаго производства и ремеслу. Соціальныя взаимоотношенія различныхъ классовъ отличались патріархальностью и благодушіемъ. Пролетаріатъ былъ еще очень малочисленъ и не порвалъ еще своей связи съ мелкимъ производствомъ и съ землею.

Такимъ образомъ, въ Германіи тридцатыхъ годовъ еще не существовали сколько-нибудь обширные кадры населенія, которые бы, подобно тому, какъ это было во Франціи, могли на своихъ крѣпкихъ и широкихъ плечахъ вынести организованную политическую борьбу съ абсолютизмомъ.

А между тѣмъ мысль нѣмецкой интеллигенціи значительно обогнала медленный ходъ соціально-экономическаго развитія страны. Передовые слои нѣмецкой интеллигенціи съ жадностью усваивали новыя вѣянія въ наукѣ и жизни, доносившіяся изъ сосѣдней Франціи. На сѣромъ, тускломъ фонѣ крайне отсталой соціально-политической жизни Германіи яркимъ пламенемъ горѣла мысль передовой интеллигенціи. И эта-то передовая интеллигенція, не находя еще въ своихъ освободительныхъ стремленіяхъ точки опоры въ широкой народной массѣ, приняла отсталость соціально-экономическаго развитія Германіи за ея особенность и съ энтузіазмомъ сама возложила на себя великую миссію своими личными силами и усиліями освободить весь нѣмецкій народъ. И въ первыхъ рядахъ этой интеллигенціи стояло, конечно, студенчество. Въ тридцатыхъ годахъ оппозиціонное движеніе носило въ Германіи чисто интеллигентскій и, по преимуществу, студенческій характеръ. Пролетаріатъ еще политически безмолвствовалъ, буржуазія уже начинала издавать политически-членораздѣльные звуки, но тогда она еще не шла дальше упованій на мудрость правительства и почтительныхъ просьбъ, обращенныхъ къ правительству, чтобы оно само себя ограничило. Среди студенчества же шло сильное броженіе, и скорпіоны жестокихъ правительственныхъ репрессій обрушивались всею своею тяжестью почти исключительно на студентовъ. Но эти гоненія только сильнѣе сплачивали и только больше озлобляли студенчество, которое въ отвѣтъ на правительственный терроръ стало проповѣдывать „убійство тирановъ“.

Чрезвычайная неопредѣленность соціально-экономическаго состоянія тогдашней Германіи, пестрая черезполосица интересовъ различныхъ ея классовъ отражалась въ головахъ студенчества въ видѣ удивительнаго сумбура политическихъ понятій. Не говоря уже о „цвѣтномъ“, корпоративномъ студенчествѣ, которое всецѣло ушло въ дуэли, попойки и подражаніе фешенебельнымъ офицерамъ, даже среди передовой части студенчества еще широко были распространены грубые корпоративные предразсудки и чисто ребяческое увлеченіе „страшными“ революціонными лозунгами и призывами, которые, за единичными исключеніями, всегда оставались въ области революціонной фразеологіи.

Одинъ изъ друзей К. Маркса, „красный“ Беккеръ, поступившій въ университетъ лишь на 4—5 лѣтъ позже Маркса, разсказываетъ, что среди передового студенчества тогда еще очень часто встрѣчались студенты, которые одновременно съ „тиранами“ предавали проклятію и... желѣзныя дороги и упорно отказывались пользоваться ими [1]). А когда другой геніальный современникъ Маркса, Георгъ Бюхнеръ, поступившій въ университетъ на

---

[1]) Ср. Hackenberg. „Der „rohte“ Becker“. Leipzig, s. a., стр. 24.

3—4 года раньше Маркса, обратился къ революцiонной студенческой организацiи, „студентовъ-коммунистовъ“, съ приглашенiемъ вступить въ революцiонный союзъ, въ которомъ участвовали многiе ремесленники, то „студенты-коммунисты“ отвѣтили Бюхнеру, что уставъ этого общества соотвѣтствуетъ ихъ убѣжденiямъ, такъ какъ они, студенты, непримиримые коммунисты, но, однако, они считаютъ ниже своего достоинства быть въ одномъ обществѣ съ какими-то ремесленниками.

Этотъ характерный эпизодъ хорошо показываетъ, что, несмотря на всю свирѣпость своей революцiонной фразеологiи, нѣмецкое студенчество тридцатыхъ годовъ еще не могло освободиться даже отъ своихъ корпоративныхъ предразсудковъ.

Однако, все чаще и чаще уже съ тридцатыхъ годовъ среди нѣмецкаго студенчества стали встрѣчаться отдѣльныя личности и небольшiя группы, которыя звали студенчество выйти изъ тѣсныхъ стѣнъ чисто-студенческаго движенiя и, поднявъ массовое народное движенiе, стать во главѣ его.

Вслѣдствiе вышеуказанной соцiально-экономической отсталости Германiи тридцатыхъ годовъ, тогдашнему студенчеству въ лицѣ его передовыхъ дѣятелей не удалось вызвать сколько-нибудь замѣтнаго массового движенiя, но все-таки студенчество сумѣло бросить въ дѣвственное въ политическомъ отношенiи сознанiе широкихъ слоевъ народа первыя зерна политическаго развитiя. Въ особенности это приходится сказать о ремесленникахъ, которые уже съ тридцатыхъ годовъ стали приходить въ соприкосновенiе съ „бунтующими“ студентами и даже основывать студенческо-ремесленные революцiонные союзы. Лишь немногiе студенты—вродѣ Бюхнера, Беккера и др.,—настолько поднялись надъ общимъ уровнемъ, что умѣло пропагандировали ремесленниковъ, обыкновенно же эта пропаганда сводилась къ обученiю ремесленниковъ свирѣпой революцiонной фразеологiи. Вотъ какъ одинъ современникъ Маркса передаетъ „имѣвшую шумный успѣхъ“ рѣчь одного ремесленника: „Добро должно восторжествовать! Моей религiей является убiйство тирановъ и всеобщее равенство... Я знаю навѣрное и надѣюсь, что и вы, дорогiе братья, вѣрите въ это, что скоро совершится нѣчто (bald etwas geschieht), я знаю это изъ вѣрнаго источника, я знаю это отъ поляковъ и французовъ. Революцiя, говорю я вамъ, революцiя и всеобщее уничтоженiе“ (Общее продолжительное одобренiе. Апплодисменты. Крики „браво“) [1].

Этотъ „революцiонный“ сумбуръ былъ точнымъ отраженiемъ того сумбура, который царилъ въ тридцатыхъ годахъ въ головахъ большинства нѣмецкихъ студентовъ. Но какъ ни былъ великъ

---

[1]) A. Jäger. Der Deutsche in London. Ein Beitrag zur Geschichte der politischen Flüchtlinge unserer Zeit. Leipzig. 1839. T. I. Стр. 201—202.

этотъ политическій сумбуръ, онъ во всякомъ случаѣ не помѣшалъ студенчеству играть очень шумную политическую роль, будоражить крѣпко спящій міръ филистеровъ и будить его къ самостоятельной политической жизни. Студенчество находилось въ непрестанномъ броженіи, неутомимой войнѣ съ правительствомъ, и своими „безпорядками" оно, конечно, сильно содѣйствовало политическому пробужденію всей страны.

Къ этой эпохѣ бури и натиска въ жизни нѣмецкаго студенчества относятся университетскіе годы Карла Маркса. Какую же позицію занялъ Карлъ Марксъ по отношенію къ студенческимъ волненіямъ, къ какимъ изъ многочисленныхъ тогда студенческихъ группъ онъ примкнулъ, какую роль онъ сыгралъ въ развитіи студенческаго движенія? Къ сожалѣнію, тотъ весьма скудный біографическій матеріалъ, который мы имѣемъ о Марксѣ, особенною скудостью страдаетъ относительно его студенческихъ лѣтъ. Мы не имѣемъ никакихъ данныхъ относительно роли Маркса въ студенческомъ движеніи тридцатыхъ годовъ; но тѣ автобіографическія данныя, которыми мы вообще располагаемъ относительно студенческихъ годовъ Маркса, и многочисленныя воспоминанія его современниковъ заставляютъ предполагать, что Марксъ или совсѣмъ остался въ сторонѣ отъ студенческихъ движеній или, во всякомъ случаѣ, принималъ въ нихъ лишь незначительное участіе. Марксъ уже на университетской скамьѣ сильно выдѣлялся своими замѣчательными способностями и богатствомъ своихъ знаній. Если бы, поэтому, онъ принялъ близкое участіе въ студенческомъ движеніи, то онъ бы очень скоро выдвинулся и сыгралъ въ немъ крупную роль. А между тѣмъ, въ довольно богатой нѣмецкой литературѣ о студенческихъ движеніяхъ тридцатыхъ годовъ имя Карла Маркса не встрѣчается. Сохранившіяся письма студента Маркса къ отцу и отца къ нему тоже заставляютъ предполагать, что въ студенческіе годы Марксъ всецѣло ушелъ въ выработку своего обще-философскаго міросозерцанія, и вопросы міровоззрѣнія цѣликомъ поглотили всѣ его мысли и помыслы. О соціальныхъ движеніяхъ, соціальныхъ и политическихъ вопросахъ мы не находимъ въ письмахъ Маркса къ отцу и въ отвѣтныхъ письмахъ отца ни звука. Въ этомъ отношеніи интересно сравнить письма Маркса къ отцу съ письмами къ отцу Георга Бюхнера, посѣщавшаго университетъ лишь на 3—4 года раньше Маркса. Отецъ Бюхнера былъ въ политическомъ отношеніи очень консервативно настроенъ, но, несмотря на это, Бюхнеръ въ своихъ письмахъ къ отцу и невѣстѣ постоянно вновь и вновь возвращается къ соціальнымъ и политическимъ вопросамъ и съ юношескимъ пыломъ реагируетъ на всѣ политическія событія. И даже въ своихъ занятіяхъ онъ больше всего времени удѣляетъ „изученію исторіи революцій".

Совершенно иной характеръ носятъ письма и занятія сту-

дента Маркса. Свою невѣсту онъ засыпаетъ письмами чисто-лирическаго характера и даже цѣлыми тетрадями своихъ стихотвореній, въ письмахъ къ отцу онъ вновь и вновь возвращается къ вопросамъ о выработкѣ своего обще-философскаго міросозерцанія; а въ Берлинѣ среди его друзей мы встрѣчаемъ все людей на нѣсколько лѣтъ старше его и уже закончившихъ свой періодъ бури и натиска. Марксъ—студентъ, очевидно, принадлежалъ къ тому типу людей, которые не могутъ заняться практическимъ дѣломъ или даже вопросами практики, не уяснивъ себѣ предварительно „проклятыхъ" вопросовъ теоріи, вопросовъ общаго міровоззрѣнія. Ночи напролетъ просиживалъ Марксъ надъ книгами и мучительно метался отъ одной теоріи къ другой, отъ одной науки къ другой, крайне неохотно и неаккуратно посѣщая университетскія лекціи. Изъ этихъ лекцій Марксъ охотно слушалъ знаменитаго Савиньи и въ особенности Ганса, оказавшаго на Маркса очень сильное вліяніе. Гансъ въ своихъ лекціяхъ мѣтко и зло бичевалъ крайнюю историческую школу юристовъ. Гансъ отмѣчалъ „узость, ограниченность и мумієподобность этой школы, ея вредное вліяніе на законодательство и право, жалкое чванство, съ которымъ она покрываетъ свои тощіе члены государственной тогой." Кто знакомъ съ знаменитой статьей Маркса „Къ критикѣ гегелевской философіи права," тотъ легко прослѣдитъ по ней, какое глубокое впечатлѣніе произвели на Маркса лекціи гегельянца Ганса.

Для періода студенчества Карла Маркса наибольшую біографическую цѣнность представляетъ письмо Маркса къ отцу, относящееся къ ноябрю 1837 г. и впервые опубликованное дочерью Маркса въ 1897 г. въ журналѣ „Die Neue Zeit".

„Когда я покинулъ васъ,—пишетъ здѣсь Марксъ,—для меня раскрылся новый міръ, міръ любви и притомъ страстной, безнадежной любви. Даже поѣздка въ Берлинъ, которая, вообще говоря, привела меня въ восхищеніе, разбудила во мнѣ наслажденіе природой, доставила мнѣ радости,—и эта поѣздка въ концѣ концовъ оставила меня равнодушнымъ и угнетающе на меня подѣйствовала, ибо скалы, на которыя я глядѣлъ, не были сильнѣе и величественнѣе, чѣмъ чувства моей души; обширные города не были болѣе живы, чѣмъ моя кровь, меню трактировъ не были болѣе разнообразны и неперевваримы, чѣмъ продукты моей фантазіи, и, наконецъ, искусство не было такъ прекрасно, какъ моя Женни. [1]) Пріѣхавъ въ Берлинъ, я порвалъ со всѣми своими прежними знакомствами, неохотно дѣлалъ рѣдкіе визиты и пытался уйти въ науку и искусство.

При моемъ тогдашнемъ настроеніи я прежде всего долженъ былъ, конечно, броситься на лирическую поэзію, и въ связи со

---

[1]) Тогда невѣста, а впослѣдствіи жена Карла Маркса.

всѣмъ моимъ развитіемъ эта поэзія могла быть лишь чисто идеалистической. Такимъ же далекимъ, потустороннимъ міромъ, каковымъ тогда была моя любовь, было и мое небо, мое искусство. Всякая дѣйствительность исчезала, и все исчезнувшее расплывалось въ безграничномъ пространствѣ, не находясь ни въ какой связи съ настоящимъ, принимая характеръ расплывчатаго и безформеннаго чувства, лишеннаго всякой естественности. Все совершилось точно на лунѣ; между существующимъ и тѣмъ, что должно быть, зіяла полная противоположность, реторическія разсужденія замѣняли поэтическія мысли...

Однако, поэзія была лишь второстепеннымъ дѣломъ, я долженъ былъ изучать юриспруденцію, и прежде всего я чувствовалъ стремленіе посчитаться съ философіей. Эти занятія такъ переплелись другъ съ другомъ, что я вынужденъ былъ частью безъ всякой критики, чисто-ученически, воспринять Гейнеціуса, Тибо и источники. Двѣ первыя книги пандектовъ я перевелъ на нѣмецкій языкъ и пытался изложить философію права. Въ качествѣ введенія я предпослалъ нѣсколько метафизическихъ тезисовъ, и этотъ злосчастный Opus я довелъ до публичнаго права. Эта работа заняла почти триста (?) листовъ [1]).

Здѣсь у меня прежде всего рѣзко выступило присущее идеализму противорѣчіе между міромъ дѣйствительнаго и міромъ должнаго и повлекло за собою безнадежно ошибочную классификацію. Прежде всего, милостиво окрещенная мною метафизика права, т.-е. основныя начала, опредѣленія понятій, не находилась у меня ни въ какой связи съ дѣйствительнымъ правомъ и его реальными формами. Я повторялъ этимъ Фихте, но придавая разсужденіямъ болѣе современную и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе безсодержательную форму. При этомъ ненаучная форма математическаго догматизма заранѣе воздвигала препятствіе для истиннаго познанія, такъ какъ здѣсь субъектъ вертится вокругъ вещей, разсуждаетъ о нихъ и такъ и сякъ, вмѣсто того, чтобы понять вещи въ ихъ саморазвитіи, какъ живущія своей жизнью.

Математикъ строитъ треугольникъ и доказываетъ, что этотъ треугольникъ есть простое представленіе въ пространствѣ, изъ него само по себѣ ничего не развивается, онъ становится въ различныя отношенія и раскрываетъ различныя истины въ зависимости отъ того, что мы въ него привносимъ. Но въ конкретной формѣ живого міра идей, каковымъ является право, государство, природа, вся философія, здѣсь самъ объектъ долженъ быть понятъ въ его развитіи, здѣсь произвольныя классификаціи не должны привноситься; разумъ же самихъ вещей долженъ разрываться во внутреннихъ противорѣчіяхъ и въ самомъ себѣ отыскивать свое единство...

---

[1]) Здѣсь у Маркса, очевидно, описка.

Понятіе служитъ посредствующимъ звеномъ между формой и содержаніемъ. Въ философскомъ развитіи права форма должна входить въ содержаніе, форма должна быть лишь простымъ продолженіемъ содержанія".

Далѣе Марксъ излагаетъ свою классификацію юридическихъ наукъ, не представляющую интереса, и которую онъ уже самъ отвергаетъ.

Только что успѣвъ закончить свою систему, „положительную теорію права", Марксъ уже видитъ всю ея непригодность и безжалостно разрушаетъ ее сверху до низу. „Мнѣ снова стало ясно, что безъ философіи далеко не уѣдешь. Я вновь бросился въ ея объятія и вновь создалъ новую метафизическую систему, закончивъ которую я вновь долженъ былъ признать ея ошибочность и вообще ошибочность всѣхъ моихъ прежнихъ попытокъ".

„Я усвоилъ себѣ привычку дѣлать выписки изъ всѣхъ читаемыхъ мною книгъ, напр., изъ „Лаокона" Лессинга, изъ „Эрвина" Сольгерса, изъ „Исторіи искусства" Винкельмана.

Въ то же время я переводилъ „Германію" Тацита, libri tristium Овидія, занимался англійскимъ и итальянскимъ, не сдѣлавъ пока въ этомъ успѣховъ, читалъ уголовное право Клейна и его анналы и всѣ новости литературы.

Всѣ эти занятія заставляли меня просиживать многія ночи напролетъ, перестрадать внутреннюю борьбу, изъ которой я въ концѣ концовъ вышелъ не слишкомъ-то обогащеннымъ, забросивъ при этомъ природу, искусство, міръ, оттолкнувъ друзей, подорвавъ свое здоровье, такъ что врачъ посовѣтывалъ мнѣ отправиться въ деревню и я впервые пропутешествовалъ черезъ весь городъ въ Штраловъ [1]).

Занавѣсъ опустился. Моя святыня была разрушена, и я долженъ былъ приняться за созданіе новыхъ боговъ.

Отъ идеализма, который я, къ слову сказать, уподоблялъ кантовскому и фихтевскому, я пришелъ къ заключенію о необходимости отыскивать идеи въ самой дѣйствительности. Если прежде боги жили надъ землею, то теперь они переселились въ ея центръ.

Я прочелъ фрагменты гегелевской философіи, фантастическія горныя мелодіи которой мнѣ не понравились. Вновь я хотѣлъ окунуться въ стихію, но уже съ опредѣленнымъ намѣреніемъ понять духовный міръ какъ столь же необходимый, конкретный и опредѣленный, какъ и физическій. Я не хотѣлъ заниматься дольше фехтовальнымъ искусствомъ.

Я написалъ діалогъ приблизительно въ двадцать четыре листа: „Клеантусъ, или объ исходной точкѣ и необходимомъ развитіи философіи". Здѣсь до извѣстной степени объединились

---

[1]) Штраловъ—предмѣстье Берлина.

искусство и наука... Моимъ конечнымъ тезисомъ было начало гегелевской системы, и эта работа, ради которой я долженъ былъ ознакомиться съ естествознаніемъ, Шеллингомъ и исторіей, причинила мнѣ безконечную головоломку и при этомъ такъ была написана, что я теперь не могу въ ней разобраться. Это мое любимое дѣтище, точно фальшивая сирена, завлекло меня въ руки врага.

Со злости я нѣсколько дней совершенно ни о чемъ не могъ думать, точно сумасшедшій бѣгалъ по саду, по берегу грязной Шпрее, даже отправился на охоту со своимъ хозяиномъ. Послѣ этого я занялся исключительно положительными науками" [1]).

Эти письма юнаго Маркса, напряженно и страстно строившаго философскія системы и тотчасъ же съ отчаяніемъ ихъ разрушавшаго, чтобы строить вновь, доставляли его положительному отцу глубокое огорченіе.

Въ своемъ отвѣтномъ письмѣ Марксъ-отецъ раздраженно обвиняетъ сына въ „безпорядочности, нелѣпой суетнѣ по всѣмъ отраслямъ науки, коптѣніи при тусклой лампѣ, одичаніи въ ученомъ шлафрокѣ съ нечесанными волосами, вмѣсто одичанія за кружкою пива... искусствѣ вращаться въ мірѣ, ограниченномъ стѣнами грязной комнаты". Достается при этомъ юному философу и за невнимательность къ финансамъ. „Точно мы богачи, господинъ сынъ позволяетъ себѣ въ теченіе одного года истратить почти 700 талеровъ, вопреки всѣмъ условіямъ, вопреки всѣмъ обычаямъ, и это въ то время, какъ самые богатые тратятъ не болѣе 500. И почему? Я знаю, что мой сынъ не мотъ. Но, помилуйте, какъ же господинъ, каждую недѣлю или каждыя двѣ недѣли изобрѣтающій новыя системы и уничтожающій всю прежнюю, съ такимъ усиліемъ исполненную работу, какъ можетъ такой господинъ заниматься мелочами? Какъ онъ можетъ думать о такихъ мелочныхъ вещахъ, какъ порядокъ?

Другіе — „обыкновенные", конечно, — студенты, продолжаетъ отецъ язвить сына, по своей простотѣ душевной посѣщаютъ лекціи, ночью спокойно спятъ и завязываютъ знакомства. А мой славный, талантливый Карлъ по цѣлымъ ночамъ не спитъ, истощаетъ духъ и плоть въ серьезныхъ занятіяхъ; отказывается отъ всякихъ удовольствій, чтобы отдаться абстрактнымъ наукамъ и то, что онъ сегодня создаетъ, онъ завтра разрушаетъ. Въ концѣ концовъ все свое онъ разрушилъ, а чужое не усвоилъ. Въ результатѣ — тѣло оказывается изнуреннымъ, а умъ совершенно сбитымъ съ толку, въ то время какъ обыкновенные, маленькіе люди спокойно идутъ своею дорогой и порою лучше или во всякомъ случаѣ спокойнѣе достигаютъ своей цѣли, чѣмъ тѣ, которые

---

[1]) Cp. Eleanor Marx-Aveling „Ein Brief des jungen Marx". Neue Zeit". 1897. № 1.

отказываются отъ всякихъ юношескихъ радостей и разстраиваютъ свое здоровье ради тѣни учености" [1]).

Эта переписка между сыномъ и отцомъ даетъ очень цѣнный матеріалъ для характеристики Маркса-студента. Карлъ Марксъ, подробно описывая—мы сократили письмо—весь ходъ своихъ думъ и занятій, сообщая о своихъ неудачныхъ попыткахъ литературнаго творчества, о своихъ личныхъ дѣлахъ, о своихъ друзьяхъ, при этомъ ни однимъ словомъ не касается ни событій тогдашней жизни, ни вообще какихъ-либо соціальныхъ или политическихъ вопросовъ.

Среди друзей Маркса-студента мы опять таки встрѣчаемъ людей не политической дѣятельности, а теоретической мысли. Ближе, чѣмъ съ другими, онъ сошелся въ Берлинѣ съ знаменитымъ изслѣдователемъ Евангелія Бруно Бауеромъ и историкомъ Карломъ Коппеномъ. Несмотря на то, что эти люди были на десять лѣтъ старше Маркса и уже давно сошли съ университетской скамьи, у нихъ очень скоро установились съ юнымъ студентомъ самыя близкія товарищескія отношенія. Уже тогда Марксъ обладалъ способностью подчинять, покорять своему уму окружающихъ его людей. Въ одномъ письмѣ къ Марксу Карлъ Коппенъ, бывшій уже тогда вполнѣ сформировавшимся умственно человѣкомъ, пишетъ, что съ отъѣздомъ Маркса изъ Берлина, онъ, Коппенъ, „вновь обрѣлъ свои собственныя, такъ сказать, самостоятельно продуманныя мысли, тогда какъ до этихъ поръ всѣ мои мысли приходили ко мнѣ съ Шютценштрассе" (улица, на которой жилъ въ Берлинѣ Марксъ). И въ этомъ же письмѣ Коппенъ говоритъ, указывая на одну статью Бауера, что и послѣдній многимъ былъ обязанъ Марксу. „Какъ видишь,—говоритъ Коппенъ Марксу,—ты цѣлый магазинъ мыслей или, выражаясь на берлинскомъ жаргонѣ, ты бычачья голова, фаршированная идеями".

Это шутливое письмо Коппена показываетъ, что уже на студенческой скамьѣ Марксъ поражалъ замѣчательнымъ богатствомъ своихъ знаній и желѣзною силою своей логики, поражалъ не только профановъ, но и такихъ выдающихся по своему таланту и знаніямъ людей, какъ историкъ Коппенъ и доцентъ Бруно Бауеръ. И если мы вспомнимъ приведенное нами выше письмо Маркса къ отцу, то насъ это, конечно, не удивитъ. Всѣ силы, помыслы и способности молодого студента поглощены были жаднымъ, неутомимымъ стремленіемъ къ знаніямъ и выработкѣ цѣльнаго міросозерцанія. Ночи напролетъ мучаетъ Марксъ свою голову, чтобы самостоятельно разобраться въ вопросахъ обще-философскаго міровоззрѣнія. Передъ нимъ вырисовывается уже

---

[1]) Gesammelte Schriften von Karl Marx und Friedrich Engels. 1841 bis 1850. Erster Band. Stuttgart. 1902. Стр. 22—23.

стройная и величественная философская система, кажется, еще нѣсколько штриховъ, еще нѣсколько деталей—и она будетъ закончена, и юный философъ, дрожа отъ восторга, поднимаетъ уже руку, чтобы нанести эти послѣдніе штрихи, но его неумолимое критическое око въ то же время замѣчаетъ коренной изъянъ всего построенія, и съ отчаяніемъ и злобой онъ безжалостно разрушаетъ свою систему и на время отворачивается отъ всякой философіи, старается уйти отъ ея неотвязчивыхъ вопросовъ въ обывательскую жизнь или „положительныя знанія". Но Марксъ не былъ такимъ человѣкомъ, который могъ бы обойтись безъ стройнаго міросозерцанія и сложить свое оружіе послѣ первыхъ неудачъ. Проходитъ короткое время, и онъ, позабывъ о наложенномъ имъ на себя философскомъ воздержаніи, вновь съ прежнимъ пыломъ обсуждаетъ философскія системы со своими друзьями и въ своей убогой студенческой комнатѣ вновь возводитъ смѣлыя философскія системы.

Эта, по выраженію поэта, „бурь душевныхъ красота" ярко сказалась въ приведенномъ нами письмѣ юнаго Маркса къ отцу. Причемъ уже въ этомъ письмѣ видно, что Марксъ уже на студенческой скамьѣ напряженно искалъ выхода изъ противорѣчій метафизическаго идеализма и не былъ слѣпымъ послѣдователемъ царившаго тогда въ нѣмецкой философіи Гегеля. Уже въ этомъ студенческомъ письмѣ Марксъ пишетъ, что „отъ идеализма я пришелъ къ заключенію о необходимости отыскать идеи въ самой дѣйствительности.... Я прочелъ фрагменты гегелевской философіи, фантастическія мелодіи которой мнѣ не понравились. Вновь я хотѣлъ окунуться въ стихію, но уже съ опредѣленнымъ намѣреніемъ понять духовный міръ какъ столь же необходимый, конкретный и опредѣленный, какъ и физическій. Я не хотѣлъ заниматься дольше фехтовальнымъ искусствомъ".

Такимъ образомъ, еще студентомъ Марксъ видѣлъ недостатки гегелевскаго идеализма, хотя, конечно, ничего своего, оригинальнаго онъ создать на студенческой скамьѣ не успѣлъ.

Университетскій курсъ близился къ концу, практическая дѣятельность юриста совершенно не прельщала Маркса и его все болѣе и болѣе тянуло къ профессорской дѣятельности. Его близкій другъ Бруно Бауеръ, уже занимавшій кафедру раньше въ Берлинѣ, а затѣмъ въ Боннѣ, усердно уговаривалъ Маркса поскорѣе сдать государственный экзаменъ и записаться доцентомъ философіи въ боннскій университетъ. „Постарайся,—пишетъ Бауеръ Марксу,—покончить съ твоимъ жалкимъ экзаменомъ, чтобы ты могъ безпрепятственно отдаться своимъ работамъ". И въ другомъ письмѣ Бауеръ вновь пишетъ: „Время становится все плодотворнѣе и прекраснѣе... Покончи же съ твоими проволочками и твоею излишнею вознею съ такою безсмыслицей и съ такимъ фарсомъ, какъ экзаменъ".

Весною 1841 г. Марксъ сдалъ государственный экзаменъ при іенскомъ университетѣ и получилъ степень доктора философіи. У Маркса зарождались уже сомнѣнія, не предпочесть ли ему практическую дѣятельность ученой, и его другъ Бауеръ усердно отговаривалъ его отъ этого рѣшенія. „Было бы безсмыслицей,—писалъ Бауеръ,—если бы ты посвятилъ себя практической карьерѣ. Теорія является въ настоящее время самой сильной практикой, а мы даже предвидѣть не можемъ, какое крупное практическое значеніе она еще получитъ въ будущемъ“.

Послѣ нѣкоторыхъ колебаній Карлъ Марксъ рѣшилъ послѣдовать совѣту своего друга и занять въ боннскомъ университетѣ кафедру доцента философіи. Въ ту эпоху занятіе философіей было тѣсно сплетено съ занятіями вопросами религіи. Какъ мы уже знаемъ, тогдашнее радикальное теченіе совершалось почти исключительно въ чисто-идеологической сферѣ. Молодое радикальное теченіе вело борьбу со старымъ порядкомъ посредствомъ философской критики идеологическихъ основъ этого порядка, и, углубляясь въ эту критику, оно приходило къ заключенію о необходимости разрушить непогрѣшимость религіозной санкціи существующаго строя.

Позже, вспоминая это время, Энгельсъ писалъ: „Въ борьбѣ съ правовѣрными піэтистами и феодальными реакціонерами такъ называемые молодые гегельянцы—лѣвое крыло—отказывались мало-по-малу отъ того философски-пренебрежительнаго отношенія къ жгучимъ вопросамъ дня, ради котораго правительство терпѣло ихъ ученіе и даже покровительствовало ему. А когда въ 1840 г. правовѣрное ханжество и феодально - самодержавная реакція вступили на престолъ въ лицѣ Фридриха Вильгельма IV, пришлось высказаться открыто. Борьба попрежнему велась философскимъ орудіемъ, но уже не ради отвлеченно-философскихъ цѣлей. Рѣчь шла уже объ уничтоженіи унаслѣдованой религіи и существующаго государства“. [1])

Однимъ изъ самыхъ блестящихъ представителей этой философской критики религіи явился уже знакомый намъ ближайшій другъ Маркса—Бруно Бауеръ.

Съ увлеченіемъ и блескомъ Бауеръ велъ борьбу съ теологическимъ міросозерцаніемъ, нанося ему все новые удары и раскрывая одинъ за другимъ всѣ его предразсудки и секреты. Вся молодая радикальная Германія съ напряженнымъ интересомъ и восторгомъ слѣдила за этой побѣдоносной борьбой Бруно Бауера съ теологами. Но какъ ни заволакивала радикальная школа свою аргументацію философскими туманами, какъ ни употребляла она вмѣсто всѣмъ понятныхъ выраженій ихъ головоломные метафи-

[1]) Ф. Энгельсъ. Людвигъ Фейербахъ. Пер. съ предисловіемъ и примѣчаніями Г. В. Плеханова. Спб. 1906. Стр. 37.

зическіе псевдонимы, но тогдашняя предержащая власть не могла, конечно, оставить безнаказаннымъ такое колебаніе всѣхъ основъ.

Въ тогдашней Германіи вся наука—и въ томъ числѣ и университетская—находилась подъ явнымъ надзоромъ полиціи. которая моментально вмѣшивалась, какъ только съ университетской кафедры начинало вѣять вольнымъ духомъ. Не даромъ Берне писалъ: „Пусть только случится, что между испанскими якобинцами найдется какой-нибудь математикъ — и союзный сеймъ тотчасъ же запретилъ логарифмы“.

Лекціи Бауера были, конечно, признаны несоотвѣтствующими „духу существующаго государственнаго строя“, и Бауеръ былъ лишенъ профессуры въ боннскомъ университетѣ.

Этотъ случай съ его ближайшимъ другомъ раскрылъ Марксу глаза, показалъ ему, что свободное научное изслѣдованіе не совмѣстимо было въ тогдашней Германіи съ занятіемъ университетской кафедры, съ которой начальство дозволяло лишь защиту, но никакъ не критику „существующаго строя“, т. е. піетистически-абсолютистской реакціи. Тогда Марксъ окончательно покинулъ всякія дальнѣйшія мечты о профессорской карьерѣ, но покинулъ ихъ не для того, чтобы отдаться практической карьерѣ въ смыслѣ службы или адвокатской практики, а для того, чтобы пуститься въ ту единственную область, въ которой въ тогдашней Германіи только и можно было вести серьезную политическую борьбу,—въ область публицистики.

Къ студенческимъ годамъ Маркса относится и его первый и единственный „романъ“. Еще совсѣмъ ребенкомъ Карлъ Марксъ подружился съ Женни Вестфаленъ, дочерью крупнаго чиновника, по происхожденію—шотландскаго дворянина. Между семьей Марксовъ и Вестфаленовъ установилась тѣсная дружба, и Карлъ Марксъ былъ неразлучнымъ товарищемъ Женни Вестфаленъ во всѣмъ играхъ и занятіяхъ. Но когда Марксъ былъ въ послѣднихъ классахъ гимназіи, ровная дѣтская дружба между нимъ и Женни Вестфаленъ вспыхнула яркой, пламенной юношеской любовью.

Женни Вестфаленъ принадлежала къ тому счастливому и рѣдкому типу людей, которые страстно любятъ жизнь во всей ея пестротѣ, во всемъ ея разнообразіи, одновременно умѣя и всецѣло отдаваться ея радостямъ, и съ героическою стойкостью переносить всѣ ея ужасы.

Въ своемъ родномъ городѣ Женни Вестфаленъ слыла „царицей баловъ“ и „самой красивой дѣвушкой Трира“, но умѣвшая беззавѣтно веселиться на балахъ, она, какъ показала ея долгая жизнь съ Марксомъ, умѣла съ удивительной цѣльностью, мужествомъ и сдержанностью переносить тѣ тяжкіе и нерѣдкіе

въ ея жизни ужасы, отъ которыхъ гнулись и ломались сильные мужчины.

Марксъ питалъ къ ней пламенную, глубокую страсть, которую не только не потушили, но и не ослабили долгіе годы ихъ совмѣстной жизни.

Дочь Маркса разсказываетъ о своемъ отцѣ: „Въ теченіе всей жизни Марксъ питалъ къ своей женѣ не только любовь, но влюбленность. Предо мною лежитъ любовное письмо, страстный, юношескій огонь котораго заставляетъ предполагать, что оно написано восемнадцатилѣтнимъ юношей, а между тѣмъ оно написано Марксомъ въ 1856 г. послѣ того, какъ у него уже было 6 дѣтей отъ его брака съ Женни. Когда смерть его матери заставила Маркса уѣхать въ Триръ, то онъ писалъ оттуда: „Ежедневно отправляюсь къ старому дому Вестфаленовъ (на Римской улицѣ), интересующему меня больше, чѣмъ всѣ римскія древности, такъ какъ онъ напоминаетъ мнѣ о счастливомъ юношествѣ и такъ какъ въ немъ жило мое лучшее сокровище“. [1])

Если сорокалѣтнимъ мужчиной Марксъ, по словамъ его дочери, писалъ своей женѣ письма, по страстности своего тона заставляющія предполагать въ ихъ авторѣ восемнадцатилѣтняго юношу, то можно себѣ представить, какое пламя любви сжигало его, когда ему дѣйствительно было восемнадцать лѣтъ! По словамъ его дочери, Марксъ въ любви къ своей невѣстѣ былъ настоящимъ „неистовымъ Роландомъ“.

Послѣ окончанія гимназическаго курса, уѣзжая въ университетъ, Марксъ „обручился“ со своею невѣстою, но объ этомъ знали лишь родители Маркса, старикамъ же Вестфаленъ ни ихъ дочь, ни Марксъ не рѣшились открыть своего секрета. Они боялись, что старикъ Вестфаленъ, несмотря на всю его глубокую любовь къ юному Марксу, очень насмѣшливо отнесется къ „обрученію“ своей дочери съ восемнадцатилѣтнимъ юношей (Марксъ былъ на 4 года младше своей жены), только что сошедшимъ съ гимназической скамьи.

Съ отчаяніемъ въ душѣ Марксъ покидалъ свою невѣсту. Всѣ его письма переполнены ею, и даже новыя, яркія впечатлѣнія университетской жизни, а потомъ и жизни Берлина не могли заглушить въ его душѣ тоски по Женни и неумолкающаго стремленія уѣхать къ ней. Уже не разъ цитированное нами выше письмо къ отцу Марксъ заканчиваетъ словами: „Кланяйся моей милой, прелестной Женни. Я уже двѣнадцать разъ перечелъ ея письмо и каждый разъ я открываю въ немъ новыя и новыя прелести“.

„Самая красивая дѣвушка Трира“ производила чарующее

---

[1]) Cp. Eleanor Marx-Aveling. „Ein Brief des jungen Marx“. Vorbemerkung „Neue Zeit“. 1897—1898. № 1. Стр. 5.

впечатлѣніе не только на безумно влюбленнаго въ нее Маркса, но и на всѣхъ людей, которые близко съ нею сталкивались.

Въ письмахъ отца Маркса къ сыну сквозитъ глубокая и нѣжная любовь старика къ Женни Вестфаленъ. И мать Маркса въ письмѣ къ сыну съ любовною нѣжностью говоритъ о Женни и выражаетъ твердую увѣренность, что она сдѣлаетъ счастливымъ ея сына.

Ближайшій другъ Маркса, Бруно Бауеръ, въ одномъ изъ своихъ писемъ пишетъ: „Твоя невѣста способна все перенести съ тобою, и кто еще знаетъ, что можетъ случиться". Эти слова друга оказались пророческими: судьба не баловала Маркса, и его жена оказалась дѣйствительно способной героически „все перенести".

По всей вѣроятности, подъ вліяніемъ своей пламенной страсти къ невѣстѣ Марксъ сдѣлался необычайно плодовитымъ поэтомъ. Въ теченіе всего одного года своего студенчества Марксъ успѣлъ прислать своей невѣстѣ цѣлыхъ три толстыхъ тетради своихъ стихотвореній.

II.

Политическое положеніе Германіи въ началѣ сороковыхъ годовъ.— Окончаніе Марксомъ университетскаго курса и мечты о профессорской дѣятельности.—Первыя литературныя произведенія Маркса и ихъ характеръ.—Сотрудничество въ „Рейнской Газетѣ" и увлеченіе Гегелемъ.—Закрытіе „Рейнской Газеты".—Увлеченіе Маркса Фейербахомъ.—Пессимистическое настроеніе нѣмецкой интеллигенціи и оптимизмъ Маркса.—„Нѣмецко-французскіе Ежегодники" и сотрудничество въ нихъ К. Маркса.

Царствованіе Фридриха-Вильгельма III († 1840 г.) было эпохой глухой реакціи. Мрачный король защищалъ неограниченный режимъ съ непримиримостью и неутомимостью своей ограниченной натуры. И чѣмъ больше разгоралось оппозиціонное движеніе, тѣмъ мрачнѣе и суровѣе становилась реакція. Въ пылу національнаго увлеченія, вызваннаго освободительной войной съ французами, Фридрихъ-Вильгельмъ III торжественно обѣщалъ даровать нѣмецкому народу конституцію; въ двадцатыхъ годахъ, въ виду стѣсненнаго финансоваго положенія государства, онъ вновь повторилъ это обѣщаніе, но затѣмъ не только не приводилъ его въ исполненіе, но принялся ожесточенно преслѣдовать всякіе разговоры о конституціи; все конституціонное движеніе онъ принималъ чуть ли не за личное оскорбленіе и высказывалъ твердую увѣренность, что ему удастся арестовать все освободительное движеніе и засадить его въ тюрьму. Подобная надежда была, конечно, наивной утопіей, но при мрачномъ реакціонномъ правительствѣ Фридриха-Вильгельма III, освободительное движеніе не получило въ Германіи особенно широкаго развитія. Имъ былъ охваченъ собственно лишь только тонкій верхній слой общественной пирамиды. Въ широкой массѣ народа уже началось глухое броженіе, но оно еще не получило сознательнаго политическаго характера. Рабочій классъ былъ еще очень малочисленъ и никакой самостоятельной политической роли еще не игралъ. Все освободительное движеніе выносили на своихъ слабыхъ плечахъ лишь малочисленная либеральная буржуазія и, главнымъ образомъ, студенчество, да еще, конечно, литераторы.

И при Фридрихѣ-Вильгельмѣ III освободительное движеніе разросталось и углублялось въ широкую народную массу, но суровыми реакціонными мѣрами этому правительству удавалось тормазить его и, главное, замкнуть въ тѣсныя рамки волненій интеллигенціи.

Въ 1840 году Фридрихъ-Вильгельмъ III умеръ, и вздохъ облегченія вырвался изъ тысячи грудей. Еще при жизни Фридриха-Вильгельма III либеральные слои общества отчасти изъ трусости, а отчасти изъ-за реальнаго безсилія отказавшіеся отъ открытой борьбы съ правительствомъ, всѣ свои надежды и упованія перенесли съ короля на кронпринца. Съ наслажденіемъ передавались изъ устъ въ уста разсказы о либерализмѣ кронпринца, о его сочувствіи конституціонному движенію, о его просвѣщенномъ умѣ и мягкомъ характерѣ. И смирные бюргеры съ нетерпѣніемъ ждали смерти стараго мрачнаго короля, съ ожесточеніемъ топтавшаго всѣ полезные ростки жизни.

И когда умеръ Фридрихъ-Вильгельмъ III, и 7-го іюня 1840 г. на престолъ вступилъ Фридрихъ-Вильгельмъ IV, все общество предалось необузданной радости, въ его настроеніи произошелъ рѣзкій переломъ отъ тяжелаго отчаянія къ бурнымъ надеждамъ.

На первыхъ порахъ все шло гладко, и именинное настроеніе нѣмецкаго либеральнаго общества росло. Правда, когда нѣкоторые изъ собравшихся ландтаговъ, принося новому королю присягу, въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ напомнили ему о давнишнемъ обѣщаніи его отца дать народу конституцію и выразили глубокую увѣренность, что сынъ, конечно, не замедлитъ исполнить торжественное обѣщаніе отца, то Фридрихъ-Вильгельмъ IV отнюдь не отвѣтилъ утвердительно. Но въ то же время онъ и не разсердился и не закричалъ на депутатовъ за ихъ безсмысленныя мечтанія, а по тогдашнимъ жестокимъ временамъ и это уже было не мало. Король отвѣтилъ очень туманной рѣчью, никакихъ конституціонныхъ обѣщаній не содержавшей, но либеральное общество предпочло истолковать эту витіеватую рѣчь въ смыслѣ симпатіи короля къ конституціонализму. Но король самъ поспѣшилъ разсѣять эти иллюзіи либераловъ. Опубликовавъ рѣчи депутатовъ отъ земствъ и отвѣтную рѣчь короля, правительственный органъ при этомъ выразительно присовокупилъ, что онъ предаетъ гласности эти офиціальные документы съ тѣмъ, „чтобы положить конецъ превратнымъ толкамъ о томъ, будто король въ своей отвѣтной рѣчи высказалъ одобреніе петиціи депутатовъ о провозглашеніи конституціи на основаніи указа 22-го мая 1815 года“.

Наконецъ, въ своей рѣчи, обращенной къ нѣмецкому дворянству, Фридрихъ-Вильгельмъ IV ясно и громогласно заявилъ во всеуслышаніе, что ни о какой конституціи онъ и не помышляетъ. „Я твердо помню,—сказалъ король въ этой рѣчи,—что получилъ свою корону отъ Всевышняго Господа и передъ нимъ я отвѣтственнъ за каждый день и каждый часъ своего правленія. И кто требуетъ отъ меня гарантій на будущее, тому я адресую эти слова. Лучшей гарантіи ни я и никакой другой человѣкъ дать не могутъ. И эта гарантія прочнѣе, чѣмъ всѣ присяги, чѣмъ всѣ обѣщанія, закрѣпленныя на пергаментѣ, ибо

она вытекаетъ изъ самой жизни и коренится въ ней... И кто хочетъ довольствоваться простымъ, отеческимъ, древне-христіанскимъ правленіемъ, тотъ пусть съ довѣріемъ взираетъ на меня".

За какихъ нибудь 2—3 года со времени восшествія на престолъ Фридриха-Вильгельма IV оппозиціонное движеніе сдѣлало въ Германіи значительные шаги впередъ. Фридрихъ-Вильгельмъ IV своими постоянными колебаніями между либеральными уступками и реакціонными гоненіями какъ нельзя лучше служилъ росту оппозиціоннаго движенія, которое всегда выигрывало отъ подобныхъ растерянныхъ колебаній правительственнаго курса. Броженіе во всей странѣ росло и вширь, и вглубь, оно все лучше политически организовывалось, оно захватывало все болѣе и болѣе широкіе слои. Отношенія между правительствомъ и народомъ благодаря этому все болѣе обострялись. Еще недавно провозглашенная новая эра взаимнаго довѣрія быстро отходила въ прошлое, а борьба между правительствомъ и народомъ ярко разгоралась. Уступки, которыя время отъ времени правительство съ злобой бросало въ угоду ненасытному времени, не только не останавливали, но еще усиливали оппозиціонное движеніе.

Фридрихъ - Вильгельмъ IV былъ серьезно увѣренъ въ божественности своей власти, а между тѣмъ въ странѣ „божественный авторитетъ" королевской власти находилъ все менѣе и менѣе вѣрующихъ. Народъ начиналъ все болѣе и болѣе скептически относиться къ увѣреніямъ правительства. „Самой характерной чертой переживаемой эпохи,—говоритъ одинъ изъ современниковъ,—является упадокъ вѣры въ правдивость правительства. Даже дѣлались всѣ усилія, чтобы открыто заявить объ этомъ недовѣріи. Такъ, напр., въ Берлинѣ появилась книга „Рѣчи и тосты короля", представляющая простое сопоставленіе различныхъ рѣчей короля и на этомъ примѣрѣ иллюстрирующая, насколько офиціальныя рѣчи не отвѣчаютъ истинѣ. Ореолъ власти Божьей Милостью уже не ослѣплялъ глазъ, пурпуръ уже не скрывалъ человѣка [1]).

Какъ глубоко понимало правительство характеръ оппозиціоннаго движенія, хорошо показываетъ заявленіе кенигсбергскаго оберъ-президента, увѣрявшаго, что онъ „вполнѣ точно знаетъ, что кенигсбергскіе либералы находятся *„на жалованіи у русскаго правительства"* (er, der Königliche Oberpräsident, ganz genau wisse, das die konigsberger Liberalen im russischen Sold ständen. Курсивъ подлинника [2]).

Такова была общая атмосфера политической жизни Германіи той эпохи, когда Карлъ Марксъ, сдавъ свой государственный экзаменъ, собирался вступить на поприще профессорской дѣя-

---

[1]) Ср. Ernst Dronke. Berlin. Erster Bd. Frankfurt am Main. 1846. 252 стр.

[2]) Ibid, 356 стр.

тельности. Мы же видѣли, что реакціонныя гоненія, предпринятыя нѣмецкимъ правительствомъ противъ ближайшаго друга Маркса, Бруно Бауера, и лишеніе послѣдняго каѳедры, ясно показали Марксу, что съ каѳедръ тогдашней Германіи свободная наука не могла преподаваться. Оставивъ окончательно мысль о профессорской дѣятельности, Марксъ рѣшилъ отдаться публицистикѣ.

Къ публицистикѣ его давно тянуло, и еще на университетской скамьѣ онъ дѣлалъ—неудавшіяся—попытки литературной дѣятельности. Переписываясь съ Бруно Бауеромъ о своей преподавательской дѣятельности по каѳедрѣ философіи, Карлъ Марксъ въ то же время планируетъ со своимъ другомъ изданіе радикальнаго журнала. И какъ только при первомъ же столкновеніи съ суровою жизнью разбились его мечты объ университетской каѳедрѣ, Марксъ принялся за литературу.

Съ восшествіемъ на престолъ Фридриха Вильгельма IV у либеральнаго общества появилась надежда, что теперь печать, наконецъ, вздохнетъ свободно, и дѣйствительно, новый король не скупился на комплименты по адресу печати, а черезъ нѣкоторое время появились новыя инструкціи цензорамъ, обѣщавшія въ „разумныхъ предѣлахъ“ водворить свободу печати. Въ высочайшемъ посланіи по поводу подготовляемыхъ новыхъ законовъ о печати говорилось: „Для того чтобы уже теперь избавить прессу отъ неумѣстныхъ, не соотвѣтствующихъ Высочайшимъ видамъ ограниченій, Его Величество въ Высочайшемъ посланіи къ государственному министерству твердо высказалъ свое неудовольствіе по поводу неумѣстныхъ притѣсненій литературной дѣятельности и призналъ значеніе и необходимость свободной и приличной публицистики.“

По поводу этихъ - то сборовъ правительства соединить цензуру со свободою прессы и напечаталъ свою первую статью Карлъ Марксъ.

Обѣщаніе дать свободу печати нисколько, конечно, не мѣшало правительству Фридриха Вильгельма IV на дѣлѣ продолжать все ту же старую политику свирѣпаго преслѣдованія малѣйшаго намека на дѣйствительно свободное слово.

Марксъ предназначалъ свою статью для журнала „Deutsche Jahrbücher“, но статья эта еще не была закончена, когда свирѣпствующая цензура сдѣлала невозможнымъ ея появленіе въ этомъ журналѣ. Редакторъ этого журнала Руге по поводу цензурныхъ преслѣдованій писалъ Марксу отъ 25-го февраля 1842 г.: „Дорогой другъ, одновременно съ вашей критикой цензуры прусская тенденціозная цензура активно принялась за нашъ „Ежегодникъ“. Вотъ уже цѣлая недѣля, какъ цензоръ вычеркиваетъ нашу „вредную тенденцію“. Можете себѣ представить, что изъ этого выходитъ. Ваша статья не можетъ появиться; все, что напоминаетъ о

Бауерѣ, Фейербахѣ и обо мнѣ, не пропускается. Благодаря этому въ моемъ распоряженіи оказался подборъ прекрасныхъ и пикантныхъ вещей, уготовляющихъ цензурѣ оглушительную пощечину. Не согласитесь ли вы, чтобы и ваша статья вмѣстѣ съ другими запрещенными статьями была напечатана въ Швейцаріи въ сборникѣ „Anecdota philosophica" Фейербаха, Бауера, Руге и др., если вы не захотите, чтобы было названо ваше имя". [1]).

Марксъ, конечно, согласился. Въ началѣ марта появились два тома сборника „Anedkota", въ которыхъ была помѣщена статья Карла Маркса. Сборникъ носилъ названіе „Anekdota zur neuesten deutschen Philosophie und Publicistik" herausgegeben von Arnold Ruge".

Статья Маркса, подписанная псевдонимомъ „Жителя Рейна", тогда же обратила вниманіе на начинающаго литератора. И дѣйствительно, чуждая всякой декламаціи и фразы, эта статья мастерски разбираетъ по косточкамъ всю цензурную инструкцію прусскаго правительства; спокойною и твердою рукой вскрываетъ всѣ ея замаскированныя внутреннія противорѣчія и доказываетъ, что нѣмецкимъ писателямъ не приходится надѣяться, что подобныя инструкціи могутъ улучшить ихъ положеніе. Обнаруживая въ авторѣ глубокій, анализирующій умъ, эта статья, однако, еще не носитъ ни малѣйшихъ слѣдовъ чего-либо специфически - марксистскаго.

Въ этой статьѣ, по всѣмъ видимостямъ, Карлъ Марксъ еще не стоялъ не только на соціалистической, но и на крайней радикальной точкѣ зрѣнія. Онъ начинаетъ свою статью съ заявленія: „Мы не принадлежимъ къ числу тѣхъ недовольныхъ, которые еще до выхода новаго цензурнаго эдикта восклицали: Timeo Danaos et dona ferentes" [2]). Но по отношенію къ прусскому самодержавному правительству подобное авансированное недовѣріе было, конечно, какъ нельзя болѣе умѣстно.

Заканчиваетъ свою статью Марксъ тоже слѣдующими скромными словыми: „Единственнымъ радикальнымъ излеченіемъ цензуры является ея устраненіе. Самое учрежденіе плохо, а учрежденіе сильнѣе людей. Но окажется ли нашъ взглядъ правильнымъ или ошибочнымъ, во всякомъ случаѣ прусскіе писатели выигрываютъ благодаря новой цензурной инструкціи, выигрываютъ, — получивъ или реальную свободу или идеальную: „сознаніе" [3]).

Сотрудничество Маркса въ „Anekdota" ограничилось лишь вышеупомянутой статьей о цензурѣ, да и сами „Anekdota" вышли всего въ двухъ выпускахъ, а затѣмъ прекратились. Въ это время

---

[1]) Ср. Aus dem literarischen Nachlass. I Bd. Stuttgart. 1902. Стр. 140.

[2]) Aus dem literarischen Nachlass. Stuttgart. 1902. I. Bd. Стр. 142.

[3]) Ibid. Стр. 166.

для Маркса открылось уже въ его родной рейнской провинціи новое, болѣе широкое и болѣе отвѣтственное поприще литературной дѣятельности: сотрудничество во вліятельной „Рейнской Газетѣ“, а затѣмъ и редактированіе ея.

И въ экономическомъ, и въ политическомъ отношеніяхъ рейнская провинція была наиболѣе передовою частью Германіи. Въ то время, какъ въ остальной Германіи лишь начинала развиваться крупная промышленность, въ рейнской провинціи она уже сдѣлала крупныя завоеванія.

Въ политическомъ же отношеніи рейнская провинція обогнала всю Германію благодаря тому, что со временъ наполеоновскаго завоеванія въ ней остался кодексъ Наполеона, который, по сравненію съ политическими порядками остальной Германіи, казался „революціоннымъ“.

Вслѣдствіи этого въ рейнской провинціи оппозиціонное движеніе противъ абсолютизма развилось сильнѣе, чѣмъ во всей остальной Германіи, и нашло себѣ вліятельную и внушительную опору въ лицѣ богатой и довольно многочисленной либеральной буржуазіи. Ея руководителями являлись два крупныхъ промышленныхъ дѣятеля Кампгаузенъ и Ганземаннъ. Ганземаннъ для проведенія въ жизнь либеральной политической программы крупной буржуазіи испробовалъ раньше излюбленный тогдашними нѣмецкими либералами и радикалами путь—черезъ голову бюрократіи обращаться непосредственно къ королю. Въ своемъ докладѣ королю Ганземаннъ очень краснорѣчиво и убѣдительно доказывалъ нѣмецкому самодержцу необходимость введенія хотя бы умѣреннѣйшей конституціи. Изъ этой записки ничего, конечно, не вышло, кромѣ непріятностей для самого Генземанна, который былъ немедленно внесенъ въ списки неблагонадежныхъ и постоянно привлекалъ къ себѣ немилостивое вниманіе администраціи.

Ганземаннъ и Кампгаузенъ рѣшили тогда для борьбы съ абсолютизмомъ и проведенія конституціонныхъ идей основать ежедневный органъ „Рейнскую Газету“.

Если въ соціально-политическомъ смыслѣ „Рейнская Газета“ была органомъ либеральной крупной буржуазіи, то въ общеидейномъ отношеніи она явилась органомъ радикальныхъ лѣвыхъ гегельянцевъ. Лѣвые гегельянцы — въ противоположность правымъ — выводили изъ ученія Гегеля чрезвычайно радикальные соціально-политическіе взгляды, и въ первой половинѣ сороковыхъ годовъ лѣвые гегельянцы стояли въ передовыхъ рядахъ освободительнаго движенія.

Нѣмецкое правительство первое время возвело гегелевскую философію въ придворный санъ, признало ее философіей предержащихъ властей, но когда молодые лѣвые гегельянцы, завоевывая все болѣе широкія симпатіи, стали доказывать революціон-

ный смыслъ гегелевской философіи, то правительство начало смотрѣть на гегельянство совершенно иными глазами. Когда, напр., старые профессора гегельянцы: Ото, Фатке и Бенари, обратились къ министру Эйхгорну съ просьбою о разрѣшеніи имъ издавать газету, то они получили отказъ, мотивированный тѣмъ, что „не располагая практическими, жизненными знаніями церковныхъ и государственныхъ вопросовъ, они будутъ руководить газетой съ точки зрѣнія гегелевской философіи, которая, по мнѣнію министра и всѣхъ высшихъ ирусскихъ государственныхъ людей, находится въ непримиримомъ противорѣчіи съ церковью и государствомъ“ [1]).

Но понятно, что, если прусское правительство запрещало изданіе органа старыхъ гегельянцевъ, ссылаясь на неблагонадежный характеръ гегелевской философіи, то рейнская либеральная буржуазія, основывая радикальный политическій органъ, постаралась привлечь къ участію въ немъ всѣхъ выдающихся лѣвыхъ гегельянцевъ.

Къ сотрудничеству въ „Рейнской Газетѣ“ были привлечены Бауеръ, Марксъ, Штирнеръ, Рутенбергъ, Копиенъ, Гессъ и др.

Въ то время, когда была въ Кельнѣ основана „Рейнская Газета“ (въ январѣ 1842 г.), Марксъ съ Бауеромъ жили въ Боннѣ, куда ему была послана просьба о сотрудничествѣ, и онъ принялъ это приглашеніе съ радостью.

Программа „Рейнской Газеты“ сводилась къ требованію введенія всеобщаго избирательнаго права, свободы печати, совѣсти и т. д., словомъ, къ обычнымъ конституціонно-демократическимъ требованіямъ. Въ соціальной области „Рейнская Газета“ выдвигала требованіе прогрессивнаго подоходнаго налога, — отмѣны налога на предметы первой необходимости и т. д. Наконецъ, газета требовала роспуска постояннаго войска.

Марксъ принялъ самое дѣятельное сотрудничество въ „Рейнской Газетѣ“.

Его первыя же статьи (о преніяхъ рейнскаго ландтага по поводу свободы печати) обратили на него вниманіе и выдвинули его въ первые ряды тогдашнихъ нѣмецкихъ публицистовъ. „Ваши статьи о свободѣ печати, — писалъ ему Юнгъ, — необыкновенно хороши“. „Никогда еще не было написано ничего болѣе глубокаго и не можетъ быть написано ничего болѣе глубокаго о свободѣ печати, писалъ Арнольдъ Руге по поводу этихъ первыхъ статей Маркса въ „Рейнской Газетѣ“ [2]). Не удивительно, что Марксъ быстро занялъ первое мѣсто среди блестящаго состава сотрудниковъ новой газеты, и съ осени 1842 года онъ былъ приглашенъ редактировать „Рейнскую Газету“.

---

[1]) Ср. Er. Dronke. Berlin. Frankfurt am Main. Erster Band. 1846. Стр. 281.
[2]) Aus dem literar. Nachlass. 1 Bd. Стр. 182.

Статьи Маркса въ „Рейнской Газетѣ“, обнаруживая въ авторѣ блестящаго и глубокаго публициста, показываютъ, однако, что Марксъ въ то время еще совсѣмъ не былъ марксистомъ, и его мысль еще всецѣло находилась подъ вліяніемъ чаръ гегелевской философіи. Это сказалось прежде всего въ манерѣ изложенія, характерѣ аргументаціи, всемъ ходѣ мышленія. На каждомъ шагу въ этихъ публицистическихъ статьяхъ мы наталкиваемся на чисто-гегелевское „развертываніе“ понятій.

Перегонкой живыхъ общественныхъ явленій въ безплотныя абстракціи и категоріи страдаютъ въ значительной степени первыя статьи Карла Маркса.

Напримѣръ, въ статьѣ по поводу преній ландтага о правѣ крестьянъ на сборъ хвороста въ лѣсахъ—вопросѣ, очень волновавшемъ всю рейнскую провинцію, — Марксъ, между прочимъ, пишетъ, защищая крестьянъ: „Разумъ, такимъ образомъ, путемъ примѣненія существующихъ категорій абстрактнаго частнаго права, вскрываетъ переходный колеблющійся характеръ формъ собственности. А законодательствующій разумъ чувствуетъ себя тѣмъ болѣе вправѣ отмѣнить обязательства этой колеблющейся собственности по отношенію къ бѣдному классу... но при этомъ онъ забываетъ, что передъ нами здѣсь, даже съ чисто частно-правовой точки зрѣнія, двойственное частное право, — частное право владѣнія и частное право невладѣнія и что, далѣе, законодательство не уничтожаетъ государственно-правовыхъ привилегій собственности, а только лишаетъ ихъ авантюристскаго характера и придаетъ имъ буржуазный характеръ“ и т. д. Наконецъ, переходя къ доказательству права крестьянъ на сборъ хвороста въ лѣсу, Марксъ пишетъ: „Хворостъ такъ же мало органически связанъ съ живымъ деревомъ, какъ сброшенная кожа со змѣи. Сама природа здѣсь представляетъ контрастъ между бѣдностью и богатствомъ въ видѣ контраста между сухими, отдѣленными отъ органической жизни, согнутыми вѣтками и сучьями, съ одной стороны, и крѣпкими, сочными, органически перерабатывающими въ свою сущность воздухъ, свѣтъ, воду и землю деревьями и стволами — съ другой стороны. Мы имѣемъ здѣсь передъ собою физическое представленіе о бѣдности и богатствѣ. Человѣческая бѣдность чувствуетъ свое родство съ этой физической бѣдностью и изъ этого чувства родства выводитъ свое право собственности, и если поэтому физически органическое богатство она виндицируетъ собственнику, то физическую бѣдность она виндицируетъ своей потребности и всѣмъ ея случайностямъ“ [1]).

Такъ защищалъ Марксъ на страницахъ ежедневной газеты право крестьянъ на сборъ хвороста! Тогда всѣ гегельянцы не успокаивались до тѣхъ поръ, пока изъ живого явленія не были

[1]) Ср. „Aus dem literar. Nachlass“. Bd. I. Стр. 290.

высосаны плоть и кровь, и безплотныя абстракціи не были насажены на соотвѣтствующую философическую булавку.

Но гегельянство Маркса въ его первыхъ статьяхъ не ограничивалось этою внѣшнею „гегельянскою" аргументаціей, оно шло гораздо глубже и опредѣлило собою основную исходную точку зрѣнія Маркса на государство и право.

Гегель, какъ извѣстно, смотрѣлъ на государство, какъ на высшій нравственный организмъ, воплощающій въ себѣ полноту добра и истины. Государство проникнуто единой и нераздѣльной великой идеей, растворяющей эгоизмъ отдѣльныхъ людей въ единый „духъ государства". Въ государствѣ находятъ свое примиреніе тѣ разнородныя начала, которыя борятся въ человѣкѣ и человѣческихъ группахъ. Государство стоитъ надъ этой борьбой, выше ея.

На этомъ отвлеченно-идеалистическомъ взглядѣ на государство стоитъ въ своихъ первыхъ статьяхъ Карлъ Марксъ. Въ уже знакомой намъ статьѣ о цензурѣ, напечатанной въ „Anekdota", Марксъ доказываетъ, что новый прусскій законъ о цензурѣ дѣлаетъ различіе между лицами тѣхъ или иныхъ убѣжденій, а подобнаго рода законы „опираются на безсовѣстность, на безнравственное, матеріальное представленіе о государствѣ". [1]) И въ своихъ первыхъ статьяхъ Марксъ выступаетъ противникомъ „безнравственнаго, матеріальнаго представленія о государствѣ." [2]).

Въ своей политической статьѣ противъ „Кельнской Газеты" Карлъ Марксъ подробно излагаетъ свой взглядъ на государство. Этотъ взглядъ оказывается всецѣло проникнутымъ ученіемъ Гегеля.

Марксъ доказываетъ здѣсь ненужность религіозной санкціи государства. „Одно изъ двухъ,—говоритъ онъ,—или христіанское государство соотвѣтствуетъ понятію государства: *быть воплощеніемъ разумной свободы,* тогда достаточно *обосновать государство на разумѣ человѣческихъ отношеній,* а это и дѣлаетъ философія. Или же государство, какъ разумная свобода, не можетъ быть выведено изъ христіанства, а тогда вы сами должны признать, что государство не можетъ быть обосновано на тенденціи христіанства, ибо христіанство, конечно, не желаетъ имѣть дурное государство. Государство же, которое не является воплощеніемъ разумной свободы, есть дурное государство.

Вы можете какъ угодно разрѣшать эту дилемму, но вы должны признать, что государство должно быть конструировано не изъ религіи, а изъ разума свободы." [2])

„Новѣйшая философія", говоритъ Марксъ въ заключеніи этой статьи, „разсматриваетъ государство, какъ цѣльный организмъ,

---

[1]) Ср. Aus dem literarischen Nachlass. Bd. I, Стр. 290.
[2]) Ibid.

въ которомъ воплотились правовая, нравственная и политическая свобода, и отдѣльный гражданинъ, подчиняясь государственнымъ законамъ, подчиняется этимъ самымъ лишь единственнымъ законамъ своего собственнаго разума.“ [1])

Изъ этихъ словъ Маркса ясно видно, что въ своихъ первыхъ статьяхъ онъ всецѣло стоялъ на гегелевской теоріи государства, какъ „воплощеніи разумной свободы,“ какъ нравственномъ организмѣ, въ себѣ поглощающемъ и примиряющемъ всѣ расхожденія и столкновенія частныхъ интересовъ. Такой идеалистическій взглядъ на государство мѣшалъ Марксу на первыхъ шагахъ его литературной дѣятельности дать широкую и обобщающую картину борьбы общественныхъ силъ въ тогдашней Германіи. Въ этомъ отношеніи особенно любопытна его статья о правѣ крестьянъ на собираніе хвороста въ частновладѣльческихъ лѣсахъ. Марксъ съ самаго начала выступилъ убѣжденнымъ и краснорѣчивымъ защитникомъ крестьянъ и блестящимъ обличителемъ каннибальскихъ инстинктовъ лѣсовладѣльцевъ. Но въ то время, какъ эти лѣсовладѣльцы, руководимые вѣрнымъ соціальнымъ инстинктомъ, увѣренно обращались къ государству и просили его законодательнымъ и административнымъ путемъ преградить крестьянамъ возможность собирать въ лѣсахъ сучья, хворостъ, ягоды и т. д., въ это самое время миражи гегелевской философіи государства застилали лѣвымъ гегельянцамъ глаза и заставляли ихъ вмѣстѣ съ Карломъ Марксомъ доказывать, что государство не можетъ и не должно стать на сторону лѣсовладѣльцевъ, ибо государству чужды какія бы то ни было эгоистическія цѣли.

„Истинный законодатель, — говоритъ по этому поводу Марксъ,—долженъ бояться безправія,—въ противоположность этому законодательствующій интересъ боится послѣдствій, вытекающихъ изъ права, боится тѣхъ злыхъ силъ, противъ которыхъ существуютъ законы“. Въ противоположность частнымъ лицамъ и группамъ, для государства „и собственникъ лѣса, и крестьянинъ, таскающій изъ лѣса хворостъ, являются гражданами. Если мелкій и крупный собственникъ лѣса имѣютъ одинаковое право на защиту со стороны государства, то развѣ не располагаютъ въ еще большей степени этимъ же правомъ всѣ крупные и мелкіе граждане?“ Государство должно отнестись къ тяжбѣ между крестьянами и помѣщиками, какъ учрежденіе, стоящее надъ этою борьбою. Помѣщики, не могущіе подняться до государственной точки зрѣнія, добиваются того, чтобы государство упало до частновладѣльческой точки зрѣнія. По отношенію ко всѣмъ домогательствамъ превратить государство въ представительство частныхъ, сословныхъ интересовъ „всякое совершенное государство, если оно хотя сколько-нибудь соотвѣтствуетъ своему понятію, должно при

---

[1]) Ibid.

первой же практической попыткѣ подобнаго рода громко заявить: вашъ путь не мой путь и ваши намѣренія не мои намѣренія“ [1]).

Эти слова Маркса непререкаемо показываютъ, что въ своихъ первыхъ литературныхъ произведеніяхъ онъ еще всецѣло стоялъ на чисто-идеалистической, гегельянской точкѣ зрѣнія на государство и право. Но работа въ „Рейнской Газетѣ“, поставившая его лицомъ къ лицу съ практическими вопросами государственной дѣятельности, заставила Маркса признать, что изъ одной гегелевской философіи нельзя „выводить“ рѣшенія все острѣе становившихся на очередь дня соціально-политическихъ вопросовъ. Марксъ по мѣрѣ своей редакторской и публицистической дѣятельности все осязательнѣе чувствовалъ необходимость заняться серьезнымъ изученіемъ соціально-политическихъ вопросовъ и выработкой соціально-политическаго міросозерцанія. Въ частности, во время работы въ „Рейнской Газетѣ“ Марксъ столкнулся впервые съ необходимостью внимательно изучить соціализмъ и занять къ нему опредѣленную позицію. Въ „Рейнской Газетѣ“ сотрудничало, правда, въ качествѣ второстепенныхъ сотрудниковъ, нѣсколько соціалистовъ, за что умѣренныя охранительныя газеты еще больше на нее косились, а когда „Рейнская Газета“ перепечатала одну статью изъ „Юнаго Поколѣнія“ Вейтлинга, то охранительная „Аугсбургская Всеобщая Газета“ воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы обвинить ненавистную ей „Рейнскую Газету“ въ сочувствіи коммунизму. Марксъ на страницахъ „Рейнской Газеты“ отвѣтилъ на это „обвиненіе“ и въ своемъ отвѣтѣ открыто призналъ и заявилъ, что редакція „Рейнской Газеты“ (а редакторомъ былъ Марксъ) еще не выяснила своего отношенія къ коммунизму, она еще недостаточно его изучила, и только послѣ основательнаго ознакомленія съ нимъ она сумѣетъ занять по отношенію къ нему ту или иную позицію.

„Рейнская Газета“,—писалъ Марксъ въ 1843 г.,—никогда не заявляла сочувствія теоретической истинности коммунистическихъ идей въ ихъ современной формѣ и, конечно, еще менѣе стремилась къ ихъ практическому осуществленію и даже не считаетъ его возможнымъ. Она подвергаетъ эти идеи основательной критикѣ. Но если бы „Аугсбурская Газета“ способна была бы къ чему-нибудь большему, чѣмъ вылощенныя фразы, то она бы тогда поняла, что сочиненія такихъ людей, какъ Леру, Консидеранъ и прежде всего такія глубокія сочиненія, какъ книги Прудона, могутъ подвергаться критикѣ не на основаніи поверхностныхъ, скоропалительныхъ сужденій, а только послѣ продолжительныхъ и глубокихъ изслѣдованій“. [2])

Такимъ образомъ, въ 1843 г. Марксъ, какъ онъ это открыто

---

[1]) Ср. Aus dem literarischen Nachlass. Bd. 1. Стр. 293—299.
[2]) Aus dem literarischen Nachlass. Bd I. Стр. 278.

заявилъ, только начиналъ знакомиться съ соціализмомъ и только уяснялъ самому себѣ отношеніе къ коммунизму. Еще на студенческой скамьѣ Марксъ, какъ мы уже видѣли въ первомъ очеркѣ, никогда не высказывалъ опредѣленныхъ сужденій по тому или другому вопросу общаго міросозерцанія, не занявшись предварительно долгимъ, основательнымъ и всестороннимъ изученіемъ этого вопроса. И теперь, когда полемика съ „Аугсбургской Газетой" еще разъ показала ему необходимость отдаться серьезному изученію соціально-политическихъ вопросовъ, его вновь потянуло съ поприща публицистики въ тишь кабинета [1]).

Въ то время, какъ Марксъ разрѣшалъ текущіе вопросы на основаніи анализа „понятія" частной собственности, „понятія" государства, „понятія" права, помѣщики и чиновники, не имѣя никакого понятія обо всѣхъ этихъ „понятіяхъ", успѣшно практически разрѣшали вопросъ въ свою пользу. Помѣщики проявили при этомъ чисто каннибальскую жестокость, рѣшивъ „разъ навсегда" уничтожить у крестьянъ „коммунистическія замашки". Лѣсничимъ былъ отданъ приказъ стрѣлять во всѣхъ охотящихся безъ разрѣшенія въ помѣщичьихъ лѣсахъ; лѣсничіе усердно исполняли это приказаніе и, чтобы избѣгать судебной волокиты, предавали сожженію трупы убитыхъ порубщиковъ лѣса и браконьеровъ.

Марксъ изъ гегелевскаго понятія о государствѣ, какъ о „нравственномъ организмѣ" „выводилъ", что государство, не можетъ стать на сторону помѣщиковъ, но на самомъ дѣлѣ, государство изъ своихъ интересовъ „вывело", что оно должно стать на защиту помѣщиковъ и рѣшительно стало.

---

[1]) Марксъ самъ разсказываетъ объ этомъ въ предисловіи: „Къ критикѣ политической экономіи". „Моею спеціальностью,—говоритъ онъ,—была юриспруденція, которую, однако, я проходилъ, какъ подчиненную науку, наряду съ изученіемъ философіи и исторіи. Въ 1842—1843 году, состоя редакторомъ „Rheinische Zeitung", я впервые поставленъ былъ въ затрудненіе, такъ какъ долженъ былъ высказывать сужденія о такъ называемыхъ матеріальныхъ интересахъ. Постановленія рейнскаго ландтага по поводу лѣсныхъ порубокъ и дробленія земельной собственности, офиціальная полемика, въ которую г. фонъ-Шаперъ, тогдашній оберъ-президентъ рейнской провинціи, вступилъ съ „Rheiniche Zeitung" по вопросу о положеніи мозельскихъ крестьянъ, наконецъ, дебаты о свободной торговлѣ и покровительственныхъ пошлинахъ—послужили первымъ толчкомъ для моихъ занятій экономическими вопросами. Съ другой стороны, въ то время, когда благое желаніе „итти впередъ" во много разъ превышало пониманіе вещей, въ „Rheinische Zeitung" отражалось эхо французскаго соціализма и коммунизма со слабой философской окраской. Я высказался противъ этого кропанія, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ полемикѣ съ „Allgemeine Augsburger Zeitung" откровенно признался, что мои тогдашнія знанія не позволяли мнѣ составить самому себѣ опредѣленное сужденіе о французскихъ направленіяхъ. Я охотно поспѣшилъ воспользоваться иллюзіей руководителей „Rheinische Zeitung", которые думали, что болѣе умѣреннымъ веденіемъ газеты они смогутъ отклонить висѣвшій надъ ней смертный приговоръ, чтобы удалиться съ публичной арены для научныхъ занятій" (К. Марксъ. „Къ критикѣ политической экономіи". Пер. П. Румянцева. Спб. 1907. Стр. 12).

Это еще разъ убѣдило Маркса въ необходимости заняться внимательнымъ изученіемъ реальныхъ соціальныхъ отношеній существующаго общества, его еще сильнѣе начинало тянуть изъ редакторской комнаты въ библіотеку. Нѣмецкое правительство обратило это желаніе Маркса въ необходимость, — „Рейнская Газета" была закрыта.

Яркій радикальный тонъ этой газеты, ея большой успѣхъ, ея сильное вліяніе—уже давно обратили на себя тревожное вниманіе нѣмецкаго правительства. Раньше оно пробовало усмирить газету внушеніями, совѣтами, предостереженіями, но ничего не помогало. Тогда правительство назначило для газеты спеціальнаго цензора, двойную цензуру, но и цензура оказалась безсильной, такъ какъ ловко переодѣтыя въ гегелевскія абстракціи неблагонамѣренныя мысли проходили черезъ цензурныя рогатки. Тогда правительство 1-го января 1843 г. постановило, что къ 1-му апрѣля 1843 г. газета должна прекратить свое существованіе. Правительство при этомъ заявило, что оно до сихъ поръ не прекращало газеты и теперь оттягиваетъ смертный приговоръ до 1-го апрѣля, имѣя при этомъ въ виду матеріальные интересы акціонеровъ и подписчиковъ; а пока, до наступленія 1-го апрѣля, къ газетѣ былъ приставленъ спеціально выдресированный цензоръ. Давленіе со стороны акціонеровъ, умиленныхъ заявленіемъ правительства, и гоненія со стороны цензора заставили редакцію „Рейнской Газеты" прекратить свое участіе раньше назначеннаго газетѣ срока запрещенія. Въ номерѣ отъ 18-го марта 1843 г. появилось заявленіе Карла Маркса: „Нижеподписавшійся заявляетъ, что *наступившія цензурныя условія* заставляютъ его выйти изъ состава редакціи".

Въ лицѣ „Рейнской Газеты" Марксъ сумѣлъ создать самый замѣчательный органъ той эпохи.

Эта газета сыграла, несмотря на свое очень кратковременное существованіе, значительную роль въ дѣлѣ политическаго развитія нѣмецкаго общества. Объ этомъ свидѣтельствуютъ отзывы о ней ея современниковъ. Одинъ изъ самыхъ проницательныхъ ея современниковъ, Эрнстъ Дронке, въ своей интересной хроникѣ той эпохи (съ 1840—1845 г.) „Берлинъ", нѣсколько разъ отмѣчаетъ глубокое вліяніе этой газеты.

„Новый годъ, — говоритъ Дронке о 1842 г., — ознаменовался выходомъ новаго органа общественнаго мнѣнія, основанной на акціяхъ „Рейнской Газеты" въ Кельнѣ. По своей рѣшительности эта газета скоро перегнала всѣ другія и безусловно заслужила въ исторіи нѣмецкой прессы первое, самое выдающееся мѣсто" [1]). Нѣсколькими страницами далѣе онъ отмѣчаетъ „общія симпатіи страны, завоеванныя этою газетою въ самое короткое время."

---

[1]) Ср. Er. Dronke. Berlin. Frankfurt am Main. 1846. Erster Band. 216 стр.

Во второмъ томѣ, говоря о зарожденіи соціалистическаго движенія въ Германіи, Дронке отмѣчаетъ, что этому движенію предшествовала борьба за свободныя права человѣка, а эта борьба нашла своего перваго выразителя въ „Рейнской Газетѣ“, „этомъ метеорѣ, который внезапно такъ высоко и ярко вспыхнулъ во тьмѣ нѣмецкой жалкой прессы и такъ же внезапно исчезъ“. [1]).

Когда „Рейнская Газета“ была закрыта, то значительное количество кельнскихъ гражданъ обратилось къ королю съ петиціей о снятіи запрещенія. Къ королю даже была отправлена для этого спеціальная депутація, но, конечно, изъ этого ровно ничего не вышло, а адвокаты и нотаріусы, подписавшіе эту петицію, получили черезъ министра юстиціи высочайшій выговоръ, и имъ было внушительно предложено „озаботиться пріобрѣтеніемъ болѣе зрѣлыхъ воззрѣній“...

Марксъ воспользовался прекращеніемъ „Рейнской Газеты“ для того, чтобы исполнить свое настойчивое желаніе—погрузиться въ изученіе соціально-политическихъ вопросовъ и выясненіе своего соціально-политическаго міровоззрѣнія. Эта глубокая внутренняя работа, прерываемая лишь личными дѣлами и переговорами объ основаніи новаго журнала, длилась цѣлый годъ, и Марксъ вышелъ изъ нея съ значительно обновленнымъ міровоззрѣніемъ — онъ сдѣлался горячимъ послѣдователемъ философіи Людвига Фейербаха.

Философія Фейербаха какъ нельзя лучше шла на встрѣчу затаеннымъ желаніямъ передовой нѣмецкой интеллигенціи, стосковавшейся на холодныхъ высотахъ гегелевскихъ абстракцій по живомъ и дѣйствующемъ человѣкѣ. Марксъ, какъ мы видѣли, во время своей публицистической дѣятельности въ „Рейнской Газетѣ“ освѣщеніе соціально - политическихъ вопросовъ „выводилъ“ изъ гегелевскихъ понятій, но очень скоро убѣдился, что многообразная и все усложнявшаяся соціальная жизнь не укладывается въ эти понятія. Марксъ былъ слишкомъ глубоко проникнутъ вѣрою во всесильную власть философіи, прошелъ слишкомъ основательную философскую школу, чтобы, убѣдившись въ недостаточности гегелевской философіи, отбросить вообще всякую философію и отдаться соціально - политической дѣятельности, не освѣщенной, не осмысленной общимъ философскимъ міровоззрѣніемъ. Такое стремленіе къ живой, жизненной философіи испытывала тогда вообще радикальная нѣмецкая интеллигенція. И когда Л. Фейербахъ выступилъ съ проповѣдью этой живой, жизненной философіи, когда, на мѣсто гегелевской абстракціи, Фейербахъ торжественно воздвигъ въ центрѣ философской системы живого и дѣйствующаго человѣка, нѣмецкая передовая интел-

---

[1]) Ср. Ibid. Zweiter Band. 113 стр.

лигенція, и въ ея числѣ Марксъ, встрѣтили это ученіе съ неописуемымъ энтузіазмомъ.

Въ 1841 г. вышло знаменитое сочиненіе Фейербаха „Сущность Христіанства“, въ которомъ авторъ не только разрушалъ теологическіе предразсудки, но и провозглашалъ свою гуманитарную философію, какъ нельзя болѣе отвѣчавшую настроенію тогдашней радикальной интеллигенціи Германіи. Въ предисловіи къ этому сочиненію (ко второму изд.) Фейербахъ такъ характеризовалъ сущность развитого въ ней обще - философскаго міровоззрѣнія: „Я совершенно не похожъ на тѣхъ философовъ, которые умышленно закрываютъ свои глаза, чтобы легче было мыслить, напротивъ, въ процессѣ мышленія я прибѣгаю къ помощи всѣхъ чувствъ и, прежде всего, глазъ; я строю свои мысли и идеи на такомъ *матеріалѣ*, который мы усваиваемъ себѣ только посредствомъ дѣятельности чувствъ, я создаю не предметы изъ идей, а, наоборотъ, идеи *изъ предметовъ*, а предметомъ я считаю только то, что существуетъ *внѣ моей головы*. Я идеалистъ лишь въ области *практической* философіи, т. е. грани настоящаго и прошедшаго я не дѣлаю гранью для будущаго, для человѣчества, а, напротивъ, я вѣрую непоколебимо, что многое и даже очень многое изъ того, что близорукіе, малодушные практики нынѣ считаютъ фантазіей, неосуществимою идеею или химерою, завтра, т. е. въ слѣдующемъ столѣтіи, предстанетъ передъ нами во всей своей реальности. Однимъ словомъ, идея для меня есть вѣра въ историческую будущность, въ торжество истины и добра, и она имѣетъ для меня лишь *политическое* и *моральное* значеніе, но въ области собственно теоретической философіи я, въ противоположность гегелевской философіи, высказываюсь за реализмъ и матеріализмъ“ [1]).

Въ томъ самомъ журналѣ, въ которомъ началъ свою литературную дѣятельность Карлъ Марксъ,—другъ Маркса и редакторъ журнала, Арнольдъ Руге, помѣстилъ восторженную статью о „Сущности христіанства“ Фейербаха.

„Разсужденія Фейербаха,—говоритъ А. Руге, изъ гегельянца сразу превратившись въ фейербахіанца,—столь же новы и неожиданны, сколь неопровержимо-истинны и просты. Фейербахъ смѣло идетъ навстрѣчу будущему, и, благодаря отрицанію всего прежняго воззрѣнія, передъ нимъ выростаетъ все разнообразіе новыхъ и положительныхъ взглядовъ на религію, образованіе и исторію. Онъ поступаетъ при этомъ вполнѣ въ духѣ исторіи: корабль, который провелъ его къ новымъ берегамъ, онъ не тащитъ за собою внутрь страны; онъ сбросилъ со своихъ рукъ и своей

---

1) Людвигъ Фейербахъ. «Сущность Христіанства». Перев. съ нѣм. Спб. 1906 г. Стр. 20.

памяти цѣни Прометея: онъ сжигаетъ злые духи прошлаго въ чистомъ эфирѣ современнаго самосознанія". [1]).

Руге дальше показываетъ, что философія Фейербаха есть не что иное, какъ философское благословеніе на смѣлую политическую борьбу съ реакціей. „Философія,—говоритъ онъ,—теперь втянута въ практическую борьбу, въ текущую исторію; поднимаются крики о ея „неблагонадежности", объ ея „разрушительныхъ стремленіяхъ", пытаются поднять противъ нея всю массу человѣческой глупости и ограниченности, а почему? Потому, что эта философія завоевываетъ теперь въ наукѣ то, что уже отвоевала исторія, потому, что она является послѣдней и высшей санкціей новой эпохи; потому, что она не шутитъ съ такими вещами, какъ свобода духа и жизни, потому, наконецъ, что это серьезное отношеніе, хотя бы оно и носило чисто-теоретическій характеръ и не сходило съ высотъ науки, по необходимости является *фактическимъ* отрицаніемъ господствующаго практическаго направленія, или, скажемъ прямо, *реакціонной* партіи, въ принципѣ отрицающей реформацію и французскую революцію, низвергающей духовную и политическую свободу". [2]).

И Фейербахъ помѣстилъ въ этомъ журналѣ статью, въ которой онъ въ афористической формѣ излагаетъ основные принципы своей философіи. „Философія,—говоритъ онъ,—есть познаніе того, что существуетъ. Познавать вещи и ихъ сущность таковыми, каковы онѣ суть,—таковъ высшій законъ, такова высшая задача философіи". [3]).

Ниже, говоря о соціалистическихъ теоріяхъ нѣмецкой интеллигенціи, намъ придется еще говорить о томъ, какъ сильно и прочно философія Фейербаха окрасила собою все міросозерцаніе нѣмецкихъ передовыхъ писателей, а здѣсь мы отмѣтимъ лишь, что и Марксъ беззавѣтно увлекся этой философіей, очевидно, послѣ того какъ, поневолѣ прекративъ свою публицистическую дѣятельность (въ виду запрещенія „Рейнской Газеты", онъ погрузился въ разработку вопросовъ соціально-философскаго міровоззрѣнія. И Марксъ съ увлеченіемъ воспринялъ гуманистическую философію Фейербаха, какъ превосходное духовное орудіе въ жестокой практической борьбѣ со старымъ порядкомъ. Если изъ гегелевской философіи нѣмецкая интеллигенція, въ лицѣ лѣвыхъ гегельянцевъ, дѣлала самые радикальные соціально-политическіе выводы, то по отношенію къ философіи Фейер-

---

[1]) Ср. Ar. Ruge. Neue Wendung der deutschen Philosophie. „Anekdota zur neuester deutschen Philosophie und Publicistik". Hrsg. von Arnold Ruge. Zweiter Band. Zurich und Winterthur. 1843. Стр. 29.

[2]) Ibid. Стр. 50.

[3]) Ср. L. Feuerbach. „Vorläufige Thesen zu einer Reform der Philosophie". „Anekdota zur neuesten deutschen Philosophie und Publicistik". Zürich und Winterthur. 1843. 2 Bd. Стр. 72.

баха подобные выводы не только сами собою напрашивались, но и указывались самимъ же Фейербахомъ. Въ лицѣ Фейербаха, жизнь и философія нашли себѣ полное и гармоничное объединеніе. „Намъ говорятъ,—писалъ Фейербахъ,—что наука не разрѣшаетъ загадки жизни, но что же изъ этого слѣдуетъ? Необходимость обратиться къ вѣрѣ? Но это бы значило—броситься изъ огня въ полымя. Нѣтъ, изъ этого слѣдуетъ лишь то, что ты долженъ перейти къ жизни, къ практикѣ. Сомнѣніе, котораго не разрѣшаетъ теорія, разрѣшитъ тебѣ практика".

И мы видѣли изъ приведенныхъ выше словъ Арнольда Руге, что передовая нѣмецкая интеллегенція съ самаго начала поняла систему Фейербаха, какъ философское благословеніе, какъ философскій апоѳеозъ смѣлой политической борьбы съ реакціей во всѣхъ ея видахъ и проявленіяхъ.

Въ своей извѣстной книжкѣ „Людвигъ Фейербахъ" Энгельсъ разсказываетъ о томъ, какое глубокое впечатлѣніе произвела на него и Маркса книга Фейербаха „Сущность христіанства". „Кто не пережилъ,—говоритъ Энгельсъ,—освободительнаго вліянія этой книги, тотъ не можетъ представить его себѣ. Мы всѣ были въ восторгѣ, и всѣ мы стали на время послѣдователями Фейербаха". [1])

Но если міросозерцаніе Фейербаха и примиряло практическую политическую борьбу съ философскою совѣстью, если оно звало на эту борьбу, то, однако, само по себѣ оно не давало сколько-нибудь надежнаго практическаго руководства для этой борьбы. Соціально-политическія воззрѣнія самого Фейербаха отличались большою путанностью, и въ частности по своему воззрѣнію на государство онъ еще твердо стоялъ на идеалистической точкѣ зрѣнія. А между тѣмъ соціально-политическая жизнь Германіи все усложнялась, и приходилось, вмѣсто отвлеченныхъ философскихъ формулъ, обратиться къ изученію соціальной дѣйствительности, ея силъ и отношеній. Прежде всего, къ половинѣ сороковыхъ годовъ уже и для умѣренныхъ нѣмецкихъ либераловъ выяснилась необходимость сбросить со своихъ политическихъ счетовъ надежду на то, что абсолютизмъ самъ себя ограничитъ, добровольно дастъ конституцію. Для тѣхъ умѣренныхъ либераловъ, вся политическая платформа которыхъ исчерпывалась подобнымъ упованіемъ, крушеніе этой надежды означало политическое банкротство, и не удивительно, что они впали въ глубокую апатію, тоскливое уныніе. Но и болѣе радикальные слои чувствовали себя въ эту эпоху не весело. Они знали, что нѣмецкій абсолютизмъ, въ лицѣ такого короля, каким былъ Фридрихъ-Вильгельмъ, не совершитъ добровольнаго самоубій-

---

[1]) Фр. Энгельсъ. „Людвигъ Фейербахъ". Переводъ съ предисл. Г. Плеханова. Спб. 1906. Ст. 30.

ства, и они искали тѣ реальныя силы, которыя бы заставили его это сдѣлать? Какъ ни сильно негодовала, волновалась и рвалась въ бой нѣмецкая интеллигенція, но все-таки ей было ясно, что ей одной не по плечу историческій переворотъ, что всѣ ея волненія представляютъ собой лишь легкую рябь на тихомъ океанѣ тогдашней народной жизни, что эта рябь безсильна вынести освободительное движеніе въ обѣтованную гавань конституціонализма. И только тогда, когда грозно всколыхнулся доселе тихій океанъ народной массы, только тогда могущественно ожили надежды; въ эпоху же закрытія „Рейнской Газеты“ народъ, за рѣдкими исключеніями, еще политически безмолствовалъ, и уныніе и апатія охватывали ряды либеральной и радикальной интеллигенціи.

Берлинскій корреспондентъ „Кельнской Газеты“ сообщаетъ въ № 61 за 1843 г., что „наша публика, повидимому, снова постепенно перестаетъ интересоваться текущими вопросами отечественной жизни. Повидимому, безплодность стремленій породила какое-то безразличное настроеніе и заставила отказаться отъ всякихъ дальнѣйшихъ стремленій... И не только Берлинъ, но и другія мѣстности, обнаруживавшія прежде интересъ къ политической жизни, по словамъ мѣстныхъ наблюдателей и судя по внѣшнимъ проявленіямъ, снова впадаютъ въ прежнюю бездѣятельность и апатію“. [1]) „Мангеймская Вечерняя Газета“ отъ 22-го октября 1843 г. отмѣчаетъ тотъ же ростъ апатіи и политическаго индифферентизма среди либераловъ и прибавляетъ, что теперь всѣ пришли къ заключенію, что „нѣмцы совершенно не пригодны для политики“. [2])

Что эта политическая апатія и разочарованіе охватили собою не только умѣренныхъ либераловъ, но и крайнихъ радикаловъ, свидѣтельствуетъ относящаяся къ этому времени переписка между Марксомъ и Руге, напечатанная впослѣдствіи въ „Deutsch-Französiche Jahrbücher“. [3])

Отвѣчая на письмо Маркса, Руге пишетъ въ мартѣ 1843 г.: „Мы переживаемъ политическую революцію? Мы, современники

---

[1]) Ср. B. Bauer. „Vollständige Geschichte der Parteikämpfe in Deutschland während der Jahre 1842—1846“. Bd. I. Charlottenburg. 1847. Стр. 284.

[2]) Ibid. Стр. 285—286.

[3]) Подлинность этихъ писемъ была подвергнута рѣшительному отрицанію со стороны Трейчке, утверждавшему, что ихъ выдумала редакція „Нѣмецко-французскихъ Ежегодниковъ“. Редакторъ этихъ „Ежегодниковъ“, Ар. Руге, въ своихъ воспоминаніяхъ тоже говоритъ, что всю эту переписку между нимъ, Марксомъ и Бакунинымъ, онъ, Руге, „самъ придумалъ“. Но Руге при этомъ выражается очень неясно и, во всякомъ случаѣ, прибавляетъ, что въ основѣ напечатанныхъ писемъ лежатъ подлинныя письма. По всей вѣроятности, Руге нѣсколько „отдѣлалъ“ эти подлинныя письма, прежде чѣмъ ихъ печатать. Основныя идеи этихъ писемъ, во всякомъ случаѣ—что признаетъ и Руге,—взяты изъ подлинной переписки.

этихъ нѣмцевъ? Мой другъ, вы вѣрите въ то, что желаете. Мнѣ знакомо это состояніе! Очень сладко питать надежды и очень горько отказываться отъ всякихъ иллюзій. Надо обладать большимъ мужествомъ для того, чтобы разочароваться, чѣмъ для того, чтобы подняться"... „Нѣмцевъ надо считать не по числу борцовъ, а по количеству душъ, которыхъ продаютъ". „Правда, говоритъ Руге, нѣмцы раздражены и обозлены, друзья и знакомые, разговаривая другъ съ другомъ, постоянно вспоминаютъ о судьбѣ Стюартовъ... Но все это только разговоры... Существуетъ ли такой глупецъ, который бы не позналъ нашихъ мѣщанъ и ихъ безграничнаго овечьяго терпѣнія? Прошло пятьдесятъ лѣтъ послѣ французской революціи, и мы дожили только до возобновленія всѣхъ безстыдствъ стараго деспотизма. И не говорите, что XIX вѣкъ не перенесетъ его. Нѣмцы разрѣшили эту задачу. Они не только переносятъ его, но переносятъ съ патріотизмомъ, и мы, краснѣющіе за нихъ, именно мы знаемъ, что они его заслуживаютъ". [1])

И Руге заканчиваетъ свое письмо словами: „Нашъ народъ не имѣетъ никакой будущности". К. Марксъ изъ кратковременнаго періода своего редакторства „Рейнской Газеты" вынесъ жгучую ненависть къ нѣмецкому правительству; эта ненависть только содѣйствовала разрушенію его иллюзій насчетъ государства, какъ „нравственнаго организма", но не привела его къ пессимизму. Жгучая ненависть къ реакціи сплелась у него съ горячей вѣрой въ близкое освобожденіе Германіи.

„Прусское самодержавное правительство,—писалъ Марксъ, отвѣчая Руге,—наглядно показало необходимость для деспотизма всего міра жестокости, невозможность для него быть гуманнымъ... Вы говорите, что я слишкомъ высоко оцѣниваю дѣйствительность, но если я не отчаяваюсь въ ней, то только благодаря тому, что ея собственное безнадежное состояніе наполняетъ меня надеждой. Я не говорю уже о неспособности господъ и о филистерствѣ слугъ и поданныхъ, представляющихъ всему итти такъ, какъ Господь велѣлъ, хотя и этихъ двухъ явленій достаточно, чтобы вызвать катастрофу. Я уже обращаю ваше вниманіе на то, что враги филистерства, т. е. всѣ думающіе и страдающіе люди, пришли теперь ко взаимному соглашенію, тогда какъ прежде они это сдѣлать не могли, и что даже простой процессъ размноженія старыхъ подданныхъ съ каждымъ днемъ создаетъ новыхъ рекрутъ на службу новому человѣчеству. Система промышленности и торговли, владѣнія и эксплоатаціи еще быстрѣе, чѣмъ ростъ населенія, ведетъ къ разрушенію современнаго общества, котораго не можетъ спасти старая система, ибо эта система вообще ничего не излѣчиваетъ и ничего не творитъ,—она лишь существуетъ и потре-

---

[1]) Ср. Aus dem literarischen Nachlass. Bd. I. Стр. 361—365.

бляетъ. Существованіе страждущаго человѣчества, которое мыслитъ, и мыслящаго человѣчества, которое угнетаютъ, по необходимости должно сдѣлаться для пассивнаго и безсознательно потребляющаго зоологическаго міра филистеровъ непотребимымъ и неперевариымымъ". [1])

Погрузившись въ изученіе вопросовъ соціально-философскаго міровоззрѣнія, Карлъ Марксъ въ то же время не оставлялъ и мыслей о дальнѣйшей публицистической пропагандѣ своихъ идей. Опытъ съ „Рейнской Газетой" показалъ ему, что подцензурный органъ въ тогдашней Германіи, какимъ бы темнымъ и рабскимъ языкомъ онъ ни говорилъ, обреченъ или на насильственную смерть, или же на безсиліе, если онъ согласится подчиниться. Да и кромѣ того, душная атмосфера тогдашней Германіи и годъ мелкой, изнуряющей ежедневной борьбы съ цензурой утомили Маркса и раздергали его нервы. Онъ поэтому и лично мечталъ о поѣздкѣ за границу, и кромѣ того, въ интересахъ дѣла считалъ необходимымъ перенести печатный станокъ за границу.

Въ письмѣ къ Руге (отъ 25-го января 1843 г.), опубликованномъ впервые Бернштейномъ въ „Dokumente des Socialismus", Марксъ пишетъ, что онъ больше не въ силахъ работать подъ цензурнымъ надзоромъ. „Скверно,—говоритъ онъ,—даже ради свободы выполнять службу батрака и вести борьбу, вмѣсто дубинъ, булавками. Я усталъ отъ лицемѣрія, глупости и грубаго авторитета, я усталъ отъ нашего подлаживанія, приспособленія, выворачиванія, пустословія". И въ другомъ письмѣ онъ рѣшительно заявляетъ: „Я не могу писать подъ прусской цензурой и жить въ прусской атмосферѣ."

Это настроеніе раздѣлялъ и Руге, рѣшивъ основать за границей радикальный журналъ. Послѣ долгихъ совѣщаній и колебаній было рѣшено основаться въ Парижѣ.

Марксъ получилъ, наконецъ, свободное время, чтобы жениться. Въ 1843 г. онъ женился на Женни Вестфаленъ, офиціальнымъ женихомъ которой онъ состоялъ въ теченіе семи лѣтъ. Тотчасъ же послѣ женитьбы Марксъ уѣхалъ съ женою за границу, а въ ноябрѣ 1843 года поселился въ Парижѣ, гдѣ первое время съ головою ушелъ въ работу для новаго журнала.

Роль, которую призванъ былъ выполнить этотъ журналъ, рисовалась Руге въ чрезвычайно увлекательныхъ краскахъ; онъ мечталъ ни болѣе ни менѣе, какъ о томъ, что журналъ этотъ создастъ духовный союзъ между Франціей и Германіей. Руге собирался привлечь къ ближайшему участію въ журналѣ французскихъ писателей-единомышленниковъ: Леру, Прудона, Луи Блана, и предполагалъ придать журналу интернаціональный характеръ. При этомъ дѣло шло не о соціалистическомъ, а о радикальномъ

---

[1]) Aus dem literarischen Nachlass. Bd. I. Стр. 370.

журналѣ, и вначалѣ Руге далъ ему названіе „Радикальнаго Обозрѣнія“. И въ письмѣ къ Фейербаху Руге пишетъ, что его журналъ будетъ органомъ интернаціональнаго *радикализма*. [1])

Въ 1844 г. появилась первая (двойная) книжка новаго журнала подъ заглавіемъ „Нѣмецко-Французскій Ежегодникъ“ („Deutsch-Französische Jahrbücher“). Составъ сотрудниковъ былъ блестящій. Въ первой, двойной книжкѣ журнала были напечатаны статьи Гейне, Гервега, Бакунина, Фейербаха, Якоби, Энгельса, Гесса и Карла Маркса.

Изъ произведеній Маркса здѣсь были напечатаны его три письма къ Руге, о которыхъ намъ выше уже приходилось говорить, и двѣ статьи: „Къ критикѣ гегелевской философіи права“ и „Къ еврейскому вопросу“.

Эти статьи Маркса представляютъ громадную цѣнность для изученія хода его умственнаго развитія, для изученія вопроса: какъ Марксъ сдѣлался марксистомъ. Три письма Маркса написаны раньше, чѣмъ его статьи, и въ нихъ онъ еще всецѣло стоитъ на точкѣ зрѣнія Фейербаха. Онъ твердо вѣритъ, что не за горами освобожденіе Германіи, но онъ ждетъ этого освобожденія отъ „страждущаго человѣчества, которое мыслитъ, и отъ мыслящаго человѣчества, которое угнетено.“ Онъ ждетъ переворота отъ чувства глубокаго *стыда*, охватившаго нѣмецкую интеллигенцію, стыда за свое правительство, за свою отсталость. Онъ пишетъ Руге: „Стыдъ есть уже революція; благодаря ему французская революція побѣдила нѣмецкій патріотизмъ и, наоборотъ, нѣмецкій патріотизмъ въ 1813 г. побѣдилъ французскую революцію. Стыдъ есть своего рода гнѣвъ, обращенный внутрь себя. И если вся нація истинно стыдится, то она является львомъ, готовящимся къ прыжку.“

Особенный интересъ для интеллектуальной біографіи Маркса представляетъ его третье письмо къ Руге. Какъ мы уже знаемъ, на страницахъ „Рейнской Газеты“ Марксъ заявилъ въ отвѣтъ на вызывающій запросъ „Всеобщей Газеты“, что онъ еще не выяснилъ своего отношенія къ соціализму. Но то свободное время, которое оказалось въ его распоряженіи послѣ закрытія „Рейнской Газеты,“ Марксъ употребилъ, между прочимъ, и на ознакомленіе съ тогдашними соціалистическими ученіями. Но эти ученія, въ ихъ тогдашней утопически-догматической формѣ, его не удовлетворили. Его критическій и творческій умъ не могъ увлечься догматическими ученіями, и въ своемъ третьемъ письмѣ къ Руге Марксъ рѣзко возстаетъ противъ догматизма тогдашнихъ соціалистовъ. „Мы не провозглашаемъ догматически,—пишетъ Карлъ Марксъ,—новый міръ, а выводимъ его изъ критики стараго. До

---

[1]) Ср. Grünk. „Ludwig Feuerbach in seinem Briefwechsel und Nachlass. B. I. Стр. 357.

сихъ поръ философы разрѣшеніе всѣхъ задачъ оставляли подъ спудомъ, а глупому экзотерическому міру оставалось только раскрывать ротъ, чтобы въ него летѣли жареные рябчики абсолютной науки. Философія стала свѣтской, и самымъ яркимъ доказательствомъ этого является то, что философское сознаніе не только внѣшне, но и внутренне втянулось въ мученія борьбы. Если теоретическое построеніе и разъ навсегда изготовленныя формулы будущаго не являются нашимъ дѣломъ, то тѣмъ яснѣе вырисовывается наша нынѣшняя задача: безпощадная критика всего существующаго, безпощадная въ томъ смыслѣ, что она не боится ни своихъ результатовъ, ни конфликтовъ съ существующими властями. Я не стою поэтому за то, чтобы мы выставили какое-либо догматическое знамя. Наоборотъ, мы должны стараться, чтобы догматики уяснили себѣ свои собственныя основныя положенія. Такъ, коммунизмъ является догматической абстракціей, причемъ я говорю здѣсь не о какомъ-либо воображаемомъ или мыслимомъ коммунизмѣ, а о коммунизмѣ, дѣйствительно существующемъ, какъ его излагаютъ Кабе, Дезами, Вейтлингъ и т. д. Подобный коммунизмъ является лишь особымъ видомъ проявленія гуманистическаго принципа, порожденнымъ своей противоположностью, частною собственностью. Однако, отмѣна частной собственности отнюдь не означаетъ коммунизма, и на ряду съ коммунизмомъ по необходимости должны возникнуть другія соціалистическія ученія, напримѣръ, Фурье, Прудона и т. д.“ [1])

Такимъ образомъ, уже съ самаго начала своего изученія соціалистическихъ системъ Марксъ рѣшительно возсталъ противъ догматическаго соціализма.

Противъ подобнаго наивнаго утопизма большинства тогдашнихъ соціалистовъ Марксъ долженъ былъ рѣшительно возстать не только какъ „марксистъ“,—онъ таковымъ еще тогда не былъ, но какъ вѣрный и послѣдовательный сторонникъ Гегеля и Фейербаха. Школа Гегеля-Фейербаха научила Маркса понимать всѣ явленія, проникнувъ во внутреннюю логику ихъ объективнаго развитія, а не противопоставляя имъ свои субъективныя пожеланія. „Выведенная“ изъ философіи Гегеля-Фейербаха программа общественной дѣятельности только и могла опираться на изученіе внутренней закономѣрности объективнаго развитія, а это заранѣе отвергало догматизмъ и доктринерство.

И на первыхъ порахъ дѣятельность Маркса была не чѣмъ инымъ, какъ мастерскимъ переложеніемъ философіи Гегеля-Фейербаха на соціально политическій языкъ. „Мы не выступаемъ доктринерами передъ міромъ,—писалъ Марксъ въ этомъ же письмѣ,—съ новымъ принципомъ: вотъ тебѣ истина, преклони колѣни... Мы не говоримъ: брось свою борьбу, все это глупыя затѣи,

---

[1]) Ср. Aus dem literarischen Nachlass. Bd. I. Стр. 378—383.

мы провозгласимъ тебѣ истинный пароль борьбы. Мы лишь разъясняемъ, въ чемъ состоитъ сущность этой борьбы, мы лишь покажемъ, что міръ долженъ, хотя бы онъ и не хотѣлъ этого, выработать самосознаніе.“

Программа Маркса, развиваемая въ этомъ письмѣ, сводится къ требованію критики „мистическаго“ сознанія людей, выясненія „самосознанія“, разрушающаго „самообманъ“, т. е. это та же программа, которую ставилъ въ своей критикѣ религіи Фейербахъ. Марксъ самъ заявляетъ, что „вся наша цѣль представляетъ то же самое, что и фейербаховская критика религіи, т. е. она приводитъ къ сознательной человѣческой формѣ религіозные и политическіе вопросы“ [1]).

Изъ приведенныхъ нами выдержекъ и изъ заявленія самого Маркса ясно, что въ 1843 году Марксъ еще не стоялъ на „марксистской“ точкѣ зрѣнія, всецѣло раздѣлялъ воззрѣнія Фейербаха и давалъ имъ широкое соціальное примѣненіе. Чистыя специфически-марксистскія ноты впервые зазвучали у Маркса въ статьѣ, „Къ критикѣ гегелевской философіи права“, напечатанной въ 1844 г. въ „Deutsch-Französische Jahrbücher“. Въ этой статьѣ у Маркса впервые сквозь волнистые туманы гегелевской и фейербаховской философіи начинаетъ проглядывать соціальный реализмъ. Въ этой же статьѣ впервые мы встрѣчаемъ у Маркса слово „пролетаріатъ“, въ этой же статьѣ впервые у Маркса ярко вспыхнула идея о великой исторической миссіи пролетаріата, о томъ, что пролетаріатъ призванъ совершить коренной общественный переворотъ. До сихъ поръ въ своихъ статьяхъ Марксъ никогда не употреблялъ слова пролетаріатъ, онъ говорилъ о бѣдныхъ классахъ населенія, онъ говорилъ о страждущемъ человѣчествѣ, которое мыслитъ, и о мыслящемъ человѣчествѣ, которое угнетаютъ, но не о пролетаріатѣ. Марксъ впервые заговорилъ о пролетаріатѣ и съ самаго начала заговорилъ съ энтузіазмомъ въ статьѣ: „Къ критикѣ гегелевской философіи права.“

Въ этой статьѣ причудливо смѣшиваются уже умирающіе, но еще мощные отзвуки увлеченія абстракціями Гегеля и Фейербаха съ еще слабыми, но крѣпнущими нотами рождающагося реализма.

Марксъ уже заявляетъ въ этой статьѣ, что „главною проблемою настоящаго времени является вопросъ объ отношеніи промышленности и вообще міра богатства къ политическому міру.“

„Оружіе критики,—говоритъ далѣе Марксъ,—не можетъ замѣнить критики оружія, матеріальная власть можетъ быть низвергнута только съ помощью матеріальной же власти, а теорія становится матеріальною властью, когда она охватываетъ массы.“

Въ духѣ же реализма Марксъ говоритъ здѣсь: „Революціи

---

[1]) Ibid. Стр. 382.

нуждаются въ пассивномъ элементѣ, матеріальной основѣ. Всякая теорія воплотится въ народѣ лишь постольку, поскольку она является воплощеніемъ его потребностей... Недостаточно, чтобы мысль стремилась къ воплощенію, необходимо, чтобы и самая дѣйствительность стремилась навстрѣчу этой мысли“ [1]).

Блестяще рисуетъ здѣсь Марксъ величавое историческое призваніе пролетаріата и его союзъ съ новой философіей. „Какъ философія,—говоритъ онъ,—находитъ въ пролетаріатѣ свое матеріальное орудіе, такъ пролетаріатъ находитъ въ философіи свое духовное орудіе. И когда молнія мысли основательно ударитъ въ эту наивную народную почву, то совершится освобожденіе нѣмцевъ въ человѣка“ [2]).

Головою эмансипаціи человѣка является философія, а ея сердцемъ пролетаріатъ,—говоритъ Марксъ, заканчивая свою блестящую статью.

Ниже мы еще увидимъ, что въ этой статьѣ Марксъ уплатилъ извѣстную дань соціальному утопизму, здѣсь же мы отмѣтимъ, что, даже перейдя на точку зрѣнія реализма, Марксъ не измѣнилъ Фейербаху, а лишь углубилъ, расширилъ и пополнилъ его ученіе.

Заключительный аккордъ статьи Маркса: философія явится головой, а пролетаріатъ сердцемъ человѣческаго освобожденія,— звучитъ совершенно въ духѣ фейербаховской философіи. Противопоставленіе между сердцемъ и головой и тщательная формулировка соотносительной роли перваго и второй играли очень важную роль въ философской теоріи Фейербаха.

Сердце,—доказываетъ Фейербахъ,—есть женское начало конечнаго, средоточіе матеріализма, оно настроено на французскій духъ, а голова есть мужское начало, средоточіе идеализма, оно настроено на нѣмецкій ладъ. Голова создаетъ вещи, а сердце приводитъ ихъ въ движеніе [3]).

И Фейербахъ призываетъ къ объединенію сердца и головы, къ галло-германскому принципу, какъ онъ выражается.

Этимъ ученіемъ Фейербаха о „сердцѣ“ и „головѣ“ всецѣло проникнута статья Маркса; его восклицаніе: „философія есть голова освобожденія человѣка, а пролетаріатъ его сердце“, представляетъ собою соціальное примѣненіе обще-философскаго ученія Фейербаха. И заключительныя слова Маркса: „Когда всѣ внутреннія условія будутъ выполнены, наступленіе дня германскаго воскрешенія будетъ возвѣщено громкимъ крикомъ галльскаго пѣтуха“,—отлично показываютъ, какъ сильно здѣсь влія-

---

[1]) Aus dem. litter. Nachlass. Bd. I. Стр. 393.

[2]) Ibid. Стр. 398.

[3]) Ср. L. Feuerbach. „Vorläufige Thesen zur Reformation der Philosophie“ въ „Anekdota zur neuesten deutschen Publicistik.“ Herausg. von A. Ruge. Zürich und Winterthur. 1843. 2 Bd. Стр. 76—77.

ніе Фейербаха. У Фейербаха „нѣмецкое начало“, „голова“ („философія“) создаетъ условія, а „сердце“, „французское начало“, приводитъ ихъ въ движеніе. И у Маркса въ полномъ согласіи съ этимъ, философія („голова“) нѣмцевъ создаетъ въ Германіи внутреннія условія воскрешенія, а крикъ „галльскаго пѣтуха“ („французское начало“, „сердце“, „пролетаріатъ“) приводитъ въ исполненіе. Такимъ образомъ, роли между нѣмецкимъ и французскимъ началомъ, между головой и сердцемъ, Марксъ располагаетъ въ полномъ соотвѣтствіи съ ученіемъ Фейербаха.

III.

Положеніе Германіи въ сороковыхъ годахъ. — Недифференцированность общественныхъ направленій.— Рѣшительный переходъ Маркса къ реалистическому соціализму.—Критика субъектизма.—Отношеніе къ нѣмецкому народничеству. — Полемика съ радикалами.

Уже въ тридцатыхъ годахъ стала раздаваться въ Германіи проповѣдь соціализма и призывы порвать всякій союзъ съ либералами, но эта проповѣдь широкаго успѣха не имѣла и лишь нѣсколькими годами позже она сумѣла увлечь за собою значительную часть нѣмецкой передовой интеллигенціи.

Въ концѣ же тридцатыхъ и самомъ началѣ сороковыхъ годовъ тѣ общественные элементы, которые вскорѣ обособились въ отдѣльныя теченія — либеральное, радикальное и соціалистическое — сливались въ одно общее русло.

Когда Марксъ выступилъ впервые на литературное поприще, всѣ эти теченія уже были въ зачаточномъ видѣ представлены въ нѣмецкой литературѣ, въ произведеніяхъ отдѣльныхъ писателей, но въ жизни они еще не обособились сколько-нибудь замѣтнымъ образомъ. Первые органы, въ которыхъ сотрудничалъ Марксъ — „Нѣмецкіе Ежегодники“, „Anekdota“, „Рейнская Газета“,— относятся къ этому періоду еще не дифференцировавшихся политическихъ теченій. Всѣ эти органы были проникнуты боевымъ оппозиціоннымъ духомъ, и они объединяли въ одной освободительной арміи и соціалистовъ, и радикаловъ, и либераловъ. Даже когда Марксъ переѣхалъ въ Парижъ и окончательно порвалъ съ мыслью о возможности дозволенной цензурою борьбы съ правительствомъ, даже и тогда еще не произошло отмежеванія основныхъ типовъ политическихъ движеній. Въ числѣ ближайшихъ сотрудниковъ „Нѣмецко-Французскихъ Ежегодниковъ“ мы встрѣчаемъ и радикала Руге, и анархиста Бакунина, и соціалиста Маркса, и гуманиста Фейербаха.

Но эти „Нѣмецко-Французскіе Ежегодники“ (вышедшіе въ 1844 г.) были послѣднимъ органомъ, въ которомъ мы находимъ подобную недифференцированность основныхъ теченій политической мысли. Ниже мы дадимъ общую характеристику тѣхъ объективныхъ условій, подъ вліяніемъ которыхъ съ 1844 года начинается въ Германіи рѣзкое размежеваніе общественныхъ направленій, а теперь мы лишь отмѣтимъ, что Марксъ лично именно въ это время перешелъ отъ философствующаго радикализма къ дѣйственному соціализму.

Мы уже знаемъ, что въ своей статьѣ, помѣщенной въ „Нѣмецко-Французскихъ Ежегодникахъ“, Марксъ всѣ свои надежды возлагаетъ на пролетаріатъ и его историческое призваніе. Но въ этой статьѣ соціализмъ Маркса еще пропитанъ фейербаховскимъ гуманизмомъ, и свой окончательный переходъ къ реалистическому соціализму Марксъ завершилъ во время своего пребыванія въ Парижѣ и Брюсселѣ, въ теченіе 1844—1846 гг.

Пребываніе въ Парижѣ оказало на Маркса огромное вліяніе. Несравненно болѣе развитыя, чѣмъ въ Германіи, соціальныя отношенія, несравненно болѣе обостренная, чѣмъ въ Германіи, классовая борьба и замѣчательный расцвѣтъ соціалистической литературы,—все это вмѣстѣ взятое раскрыло испытующему взгляду Маркса основныя пружины общественной жизни. Какъ извѣстно, іюльская монархія съ особенною ясностью обнажила двигательные нервы капиталистическаго организма. Іюльская революція возвела на тронъ финансовую аристократію. Политическій переворотъ, происшедшій во Франціи и такъ дорого стоившій рабочимъ, своими жалкими результатами вызвалъ сильнѣйшее озлобленіе въ низшихъ слояхъ населенія и жгучую ненависть къ торжествующей буржуазіи. Завладѣвъ властью, французская крупная буржуазія жадно эксплоатировала ее для своего обогащенія. Промышленность Франціи сильно развивалась.

Разорявшіеся мѣщане и крестьяне переполняли города и вызывали паденіе заработной платы; число безработныхъ повсюду было очень велико. Города кишѣли нищими, больными и спившимися людьми. Каково было общее матеріальное положеніе рабочихъ въ тогдашней Франціи, видно хотя бы изъ того, что въ 1845 г. на всю страну насчитывали всего 134.836 рабочихъ, которые дѣлали кое-какія сбереженія на черный день.

Рабочій классъ былъ охваченъ сильнымъ броженіемъ, то и дѣло вспыхивавшимъ стачкой, которая тогда — запрещенная закономъ—по необходимости принимала революціонный характеръ. Какъ разъ въ то время, когда Марксъ былъ въ Парижѣ, произошла крупная стачка въ каменоломняхъ, закончившаяся вооруженнымъ столкновеніемъ стачечниковъ съ войсками.

Іюльская монархія, добытая кровью рабочихъ, павшихъ въ іюльской революціи; крупная буржуазія, возведенная на тронъ, умножавшая свои богатства со сказочною быстротою, весело прожигавшая роскошную жизнь и жестоко эксплоатировавшая рабочихъ; рабочій классъ, совершившій революцію и теперь гибнущій въ нищетѣ,—все это вызвало во Франціи сороковыхъ годовъ необычайный расцвѣтъ соціалистической проповѣди во всѣхъ ея оттѣнкахъ и направленіяхъ.

Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе должна была произвести эта обстановка и атмосфера соціально-политической жизни Франціи на такого человѣка, какъ Марксъ, пріѣхавшаго

изъ тихой Германіи, съ ея отсталымъ экономическимъ строемъ, патріархальностью классовыхъ отношеній, съ наивною вѣрою либераловъ во власть петицій и резолюцій, а интеллигентовъ — во власть философскихъ формулъ.

Франція очень скоро отучила Маркса отъ его вывезеннаго изъ Германіи гегелевскаго взгляда на государство, какъ на „нравственный организмъ", величаво возвышающійся надъ борьбою общественныхъ классовъ. „Нѣмецко-Французскіе Ежегодники", какъ мы уже упомянули, были послѣднимъ органомъ, въ которомъ Марксъ сотрудничалъ въ періодъ своего переходнаго состоянія отъ утопизма къ реализму. „Нѣмецко-Французскіе Ежегодники" вышли всего въ одномъ двойномъ выпускѣ, а затѣмъ прекратили свое существованіе, отчасти изъ-за недостатка средствъ, а отчасти потому, что къ этому времени обнаружились уже серьезныя разногласія между редакторомъ, радикаломъ Руге, и соціалистомъ— Марксомъ.

Къ самой серединѣ сороковыхъ годовъ, рука объ руку съ быстрымъ обостреніемъ соціальной борьбы между различными классами нѣмецкаго общества, стало обнаруживаться стремленіе къ политическому размежеванію. Радикалы стали отдѣляться отъ либераловъ, соціалисты отъ радикаловъ. Марксъ къ этому времени уже окончательно примкнулъ къ соціализму, а въ области послѣдняго уже сдѣлалъ главные шаги отъ утопизма къ реализму. Онъ жилъ въ это время въ Парижѣ, дѣля свое время между усиленными научными занятіями и страстными спорами съ выдающимися соціалистическими дѣятелями и мыслителями тогдашней Франціи. Изъ всей Германіи стекались въ Парижъ наиболѣе „неблагонадежные" и боевые элементы. Тысячи нѣмецкихъ интеллигентовъ, ремесленниковъ и рабочихъ покидали свою родину и уѣзжали въ Парижъ, чтобы хотя на короткое время подышать свободнымъ воздухомъ и почувствовать себя свободными отъ докучливой полицейской опеки. Въ Парижѣ кипѣла интенсивная политическая жизнь и напряженно работала соціально-политическая мысль, охваченная лихорадочнымъ исканіемъ новыхъ общественныхъ идеаловъ. Нѣмецкая колонія, насчитывавшая нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ, была захвачена этою повышенною интеллектуальною жизнью Парижа и жадно прислушивалась къ яркимъ и сильнымъ лозунгамъ многочисленныхъ соціалистическихъ ученій. Нѣмецкіе ремесленники и интеллигенты устраивали многолюдныя и многошумныя собранія, гдѣ произносились страстныя рѣчи и давались торжественныя аннибаловы клятвы положить жизнь за освобожденіе родной Германіи.

Подъ вліяніемъ этихъ благопріятныхъ условій времени и мѣста, созрѣваніе соціалистическаго реализма въ головѣ Карла Маркса шло съ замѣчательною быстротою, и въ теченіе какихъ-нибудь двухъ лѣтъ (1844—1846 гг.) К. Марксъ успѣлъ не только

усвоить себѣ основательно соціалистическое міросозерцаніе, но и внести въ него новую, строго реалистическую струю. Процессъ обоснованія своего ученія шелъ у Маркса рука объ руку съ процессомъ энергичной литературной борьбы со всѣми видами и формами отечественнаго нѣмецкаго утопизма, дань которому въ свое время уплатилъ и самъ К. Марксъ. Этой критической работой было заполнено первое время пребыванія Маркса за границей (въ Парижѣ и Брюсселѣ), когда Марксъ въ блестящихъ и ѣдкихъ памфлетахъ бичевалъ нѣмецкихъ утопистовъ.

Журнальная дѣятельность Маркса свелась въ это время почти на нѣтъ. Кромѣ двухъ, уже знакомыхъ намъ статей въ „Нѣмецко-Французскихъ Ежегодникахъ", Марксъ во время своей жизни въ Парижѣ принималъ участіе лишь въ издававшейся въ Парижѣ нѣмецкой революціонной газетѣ „Впередъ"(„Vorwärts"). Газета эта въ началѣ была основана нѣкіимъ Бернштейномъ въ качествѣ небольшой газетки, лишенной какихъ бы то ни было революціонныхъ намѣреній. Несмотря на то, что газетка эта вначалѣ велась въ духѣ самаго дешеваго и беззлобнаго либерализма, нѣмецкое правительство запретило ее въ Германіи. Тогда Бернштейнъ, разъ уже газета все равно запрещена, рѣшилъ придать ей революціонный характеръ и пригласилъ въ число ея сотрудниковъ Генриха Гейне, Гервега, Маркса, Энгельса, Бакунина, Руге и др.

„Впередъ" заговорилъ рѣзкимъ и насмѣшливымъ языкомъ. Онъ сталъ проповѣдывать неутомимую, лютую борьбу съ нѣмецкимъ абсолютизмомъ, борьбу, не останавливающуюся ни передъ какими средствами, до террора включительно.

Когда въ 1844 г. нѣкій Чехъ произвелъ неудачное покушеніе на Фридриха-Вильгельма IV, то парижскій „Впередъ" помѣстилъ статью, въ которой доказывалъ, что въ Германіи покушеніе на нѣмецкаго короля есть единственное средство доказать непригодность нѣмецкаго абсолютизма... „Абсолютизмъ, разъ на него оказывается возможнымъ покушеніе, теряетъ свой божественный, безпорочный характеръ. Необходимо было на примѣрѣ нѣмецкаго короля доказать, что абсолютизмъ можетъ быть предметомъ покушенія, такъ какъ казнь Карла I и Людовика XVI и многочисленныя покушенія на Людовика-Филиппа, очевидно, не научили Германіи. Нѣмецкій король можетъ грабить и убивать, производить любыя насилія, мучить людей, обезчещивать ихъ и продавать, и при всемъ этомъ безбоязненно давать своему грѣшному тѣлу отдыхъ въ любой избѣ. Теперь уже невозможно, теперь и нѣмцы поняли, что и королю можно отмстить".

Съ столь же грозными предупрежденіями обращался „Впередъ" и къ семи прусскимъ министрамъ: „Пусть семь нечистыхъ духовъ, дающихъ совѣты наслѣднику великаго Фридриха, знаютъ, что задолго до того, какъ пала царственная голова британскаго

Стюарта, поплатился жизнью его министръ и руководитель, графъ Страффордъ. Пусть эти жалкіе прусскіе министры подумаютъ о своемъ будущемъ!“

Очень рѣзкій и смѣлый тонъ, въ которомъ „Впередъ“ говорилъ о нѣмецкомъ правительствѣ, чрезвычайно злилъ и безпокоилъ послѣднее. Несмотря на всѣ пограничныя рогатки, „Впередъ“ провозился въ Германію и здѣсь вызывалъ сильную сенсацію. Его вліяніе быстро возрастало, и нѣмецкое правительство рѣшило во что бы то ни стало добиться его закрытія. Для этого было лишь одно средство: побудить къ этому шагу французское правительство. Нѣмецкое правительство сдѣлало соотвѣтствующее представленіе министерству Гизо. Послѣднее, однако, побоялось, въ виду общественнаго скандала, закрыть газету, а предпочло привлечь ее къ суду за нарушеніе тогдашняго французскаго закона о печати, обязывавшаго всѣ политическіе органы вносить соотвѣтствующій денежный залогъ. „Впередъ“ этого залога не внесъ, и его редакторъ былъ приговоренъ за нарушеніе этого закона къ денежному штрафу и двухмѣсячному тюремному заключенію. Съ 1-го января 1845 года „Впередъ“ долженъ былъ превратиться въ ежемѣсячный журналъ, для котораго по тогдашнимъ французскимъ законамъ не требовалось денежнаго залога, но какъ разъ перваго января 1845 г. всѣ ближайшіе сотрудники „Впередъ“, и въ ихъ числѣ и Марксъ, получили отъ Гизо приказъ покинуть Парижъ въ теченіе 24 часовъ. Марксъ уѣхалъ тогда въ Брюссель.

Сотрудничество Маркса въ „Впередъ“, поскольку рѣчь идетъ о крупныхъ статьяхъ, ограничилось всего одною статьею, представляющею собою критику статьи Арнольда Руге „Прусскій король и соціальная реформа“. Ниже, въ другой связи, намъ еще придется вернуться къ этой статьѣ Маркса, а пока мы должны будемъ обратиться къ тому окончательному разрыву съ утопическимъ прошлымъ и къ той общей критикѣ нѣмецкихъ утопистовъ, которые относятся къ 1845 г., когда Марксъ, покинувъ Парижъ, переселился въ Брюссель.

Въ Брюсселѣ Марксъ впервые отъ обсужденія и изложенія соціально-политическихъ вопросовъ перешелъ къ практической дѣятельности. Но прежде, чѣмъ говорить объ этой послѣдней, остановимся на періодѣ окончательнаго теоретическаго разрыва Маркса съ нѣмецкими утопистами.

Прежде всего Марксъ подвергъ жестокой и насмѣшливой критикѣ нѣмецкихъ субъективистовъ-индивидуалистовъ, съ Бруно Бауеромъ во главѣ. Нѣкогда Марксъ былъ связанъ съ Бруно Бауеромъ узами самой тѣсной дружбы. Они очень усердно переписывались, были другъ съ другомъ на „ты“ и одно время носились съ планомъ совмѣстнаго изданія радикальнаго журнала. Это показываетъ, что въ то время между Бауеромъ и Марксомъ

еще были точки тѣснаго идейнаго соприкосновенія. Общею почвою служило имъ ученіе Гегеля, изъ котораго оба они дѣлали „лѣвые", въ общественномъ смыслѣ, выводы. Марксъ въ эту эпоху еще всецѣло стоялъ на гегелевской точкѣ зрѣнія и очень мало занимался соціально-политическими вопросами. Все вниманіе тогдашней передовой нѣмецкой интеллигенціи было поглощено философско-религіозными теоріями, изъ которыхъ попросту „выводились" соціально-политическія примѣненія. А въ области религіозно-философскихъ вопросовъ Бр. Бауеръ былъ въ началѣ сороковыхъ годовъ одною изъ самыхъ крупныхъ величинъ. Его критика религіозныхъ суевѣрій и предразсудковъ христіанства навлекла на него гоненія правительства и привлекла къ нему широкія симпатіи нѣмецкой интеллигенціи. Бруно Бауеръ велъ неутомимую и побѣдоносную борьбу съ религіознымъ фанатизмомъ, фарисействомъ и суевѣріемъ.

Бр. Бауеръ и кучка его послѣдователей чувствовали себя могущественными критически-мыслящими личностями, въ лицѣ которыхъ міръ пришелъ къ своему самосознанію и избралъ ихъ орудіемъ разрушенія всего стараго филистерскаго міра. Пока Бр. Бауеръ во имя „самосознанія" велъ веселую и побѣдоносную войну съ темнымъ царствомъ филистеровъ и фарисеевъ, между нимъ и Марксомъ существовала самая тѣсная идейная дружба. Бр. Бауеръ стоялъ въ первыхъ рядахъ нѣмецкаго общественнаго движенія. Но это движеніе съ начала сороковыхъ годовъ быстро росло и вширь, и вглубь. Марксъ, какъ мы знаемъ, въ теченіе какихъ-нибудь двухъ лѣтъ совершилъ громадную идейную эволюцію отъ интеллигентски-отвлеченной точки зрѣнія къ реалистически-дѣйственной. А Бр. Бауеръ не двигался впередъ и благодаря этому оставался все болѣе и болѣе позади. Пока на борьбу со старымъ нѣмецкимъ порядкомъ жидкими и разрозненными рядами выходили лишь кучки интеллигентовъ, пока эта борьба велась лишь въ области философской и религіозной теоріи, до этихъ поръ ученіе Бауера о „самосознаніи", какъ единственной движущей силѣ исторіи, было прогрессивнымъ идеологическимъ стимуломъ. Но когда общественная борьба сумѣла мобилизовать уже и извѣстные слои народа, когда въ самомъ народѣ начали просыпаться освободительныя стремленія, когда народная масса начинала уже не формулировать въ теоріи, а добывать на практикѣ новыя условія свободной жизни,—тогда ученіе Бауера о проникнутыхъ самосознаніемъ одинокихъ личностяхъ, какъ о единственномъ двигателѣ прогресса, это ученіе изъ революціонной критической формулы превратилось въ тормазъ дальнѣйшаго движенія. Бр. Бауеръ и его немногочисленные послѣдователи изъ передовыхъ бойцовъ очень скоро превратились въ злобствующихъ критиковъ и ненавистниковъ широкаго народнаго движенія, которое переросло философскія формулы, выкроенныя для одино-

кихъ нѣмецкихъ интеллигентовъ, вырабатывающихъ въ тиши кабинета свое „самосознаніе“.

Бр. Бауеръ и его послѣдователи относились съ глубокимъ и нескрываемымъ недовольствомъ къ освободительному движенію, въ которомъ принимала участіе „масса“. Участіе „массы“, по утвержденію Бр. Бауера, лишь опошляетъ и губитъ всякое освободительное движеніе. Всѣ крупныя историческія событія лишь потому оказались безплодными, что въ нихъ принимала участіе масса. Нѣмецкіе индивидуалисты рѣзко противопоставили „критическій духъ“, какъ двигатель прогресса, съ одной стороны,—и „массу“, какъ инертное, косное начало исторіи—съ другой. Человѣческій духъ, говорили они, „знаетъ теперь, гдѣ онъ долженъ искать своихъ единственныхъ враговъ: этими врагами являются фразы, самообманъ и мягкотѣлость массы“.

Бруно Бауеръ и его послѣдователи имѣли свой собственный литературный органъ — „Литературную Газету“ („Litteraturzeitung“), въ которой они горделиво заявляли свои права на званіе единственныхъ двигателей историческаго прогресса и изощрялись въ насмѣшкахъ надъ „массой“, толпой и ея тупою реакціонностью. Успѣха эта газета не имѣла, но редакція только гордилась этимъ. Она была убѣждена, что критически-мыслящія личности могутъ только унизиться, если встрѣтятъ поддержку въ массѣ, ибо масса способна лишь къ воспріятію пошлыхъ заблужденій. Указывая на полный неуспѣхъ „Литературной Газеты“, одинъ изъ ея сотрудниковъ присовокуплялъ: „Вы видите, такимъ образомъ, что „Литературная Газета“ достигла своей цѣли, т.-е. не нашла себѣ никакого отзвука. Сочувствіе она могла бы встрѣтить только въ томъ случаѣ, если бы она вторила безсмысленности, если бы впереди нея гордо шли янычары съ музыкой ходячихъ понятій и трескучихъ фразъ“.

Къ общественной дѣятельности критическія личности относились съ презрѣніемъ. Одинъ изъ видныхъ послѣдователей Бруно Бауера, Сцелига, писалъ, что „критики не должны лично вмѣшиваться въ общественныя дѣла“, „истинный и чистый критикъ никогда самъ не принимаетъ непосредственнаго участія въ дѣлѣ, не является человѣкомъ дѣла“.

Отношенія между Марксомъ и Бауеромъ уже въ самомъ началѣ сороковыхъ годовъ приняли характеръ натянутости и въ 1843 г. личныя отношенія между ними окончательно оборвались. Чѣмъ рѣшительнѣе Марксъ переходилъ на точку зрѣнія соціальнаго реализма, тѣмъ рѣзче расходился онъ съ Бауеромъ. Насколько Бауеръ видѣлъ въ „массѣ“, въ народѣ инертное начало, погубившее всѣ широкія начинанія критическихъ личностей,—настолько же Марксъ все болѣе и болѣе убѣждался, что только движенія массы способны произвести крупный историческій переворотъ. Насколько Бруно Бауеръ рѣзко противопоставлялъ кри-

тическія идеи косности массы, насколько онъ считалъ великія идеи погибшими, разъ за ихъ осуществленіе возьмется масса,—настолько же Марксъ уже въ 1845 г. убѣдился, что только тогда идеи сильны, когда ихъ усвоитъ масса.

Въ Брюсселѣ Марксъ написалъ обширный памфлетъ „Святое семейство или критика критической критики“ („Die Heilige Familie oder die Kritik der Kritischen Kritik“), въ которомъ подвелъ итоги своего непримиримаго разногласія со своимъ бывшимъ другомъ Бруно Бауеромъ и его послѣдователями.

Мы уже указывали, что въ своей статьѣ „Къ критикѣ гегелевской философіи права“ Марксъ великую историческую освободительную миссію возлагаетъ на пролетаріатъ, причемъ уже здѣсь Марксъ писалъ, что „революціи нуждаются въ пассивномъ элементѣ, въ матеріальной основѣ. Въ каждомъ народѣ теорія осуществляется лишь постольку, поскольку она представляетъ собою осуществленіе его потребностей... Мало того, чтобы мысль стремилась къ осуществленію, необходимо, чтобы сама дѣйствительность стремилась навстрѣчу мысли“.

Эмансипація Германіи,—уже въ 1844 г. писалъ Марксъ,—произойдетъ только тогда, когда молнія мысли основательно ударитъ въ доселѣ наивную и дѣвственную массу пролетаріата.

Въ памфлетѣ противъ Бауера Марксъ даетъ этимъ идеямъ соціальнаго реализма дальнѣйшее блестящее развитіе. Въ полную противоположность Бруно Бауеру и его послѣдователямъ, Марксъ доказываетъ въ „Святомъ Семействѣ“, что „идея скандалится каждый разъ, какъ только она отдѣляетъ себя отъ „интереса“ [1]). На примѣрѣ Великой французской революціи Марксъ превосходно показываетъ, какую огромную историческую роль играетъ „масса“ и въ какомъ взаимоотношеніи находятся интересы и идеи людей. Чѣмъ шире народная масса, принимающая участіе въ данномъ историческомъ событіи,—говоритъ Марксъ,—тѣмъ глубже будетъ дѣйствіе этого событія, тѣмъ могущественнѣе его роль. Наиболѣе сильное и неутолимое стремленіе къ справедливости и знанію, говоритъ Марксъ, живетъ не въ рядахъ интеллигенціи, а въ рядахъ рабочихъ. „Надо быть знакомымъ съ жаждою знанія, съ нравственной энергіей, съ неустаннымъ стремленіемъ къ развитію англійскаго и французскаго рабочаго, чтобы составить себѣ представленіе о духовномъ благородствѣ массоваго движенія“ [2]).

Рисуя величественное историческое призваніе пролетаріата, Марксъ, однако, протестуетъ противъ утвержденія Бр. Бауера, будто соціалисты провозглашаютъ пролетаріевъ какими-то но-

---

[1]) Aus dem literarischen Nachlass von Karl Marx. Zweiter Bd. Stuttgart 1902. 182. стр.

[2]) Ср. Aus dem literarischen Nachlass von Karl Marx. Zweiter Band. Stuttgart. 1895. Стр. 102.

выми богами. Пролетаріи—не боги, говоритъ Марксъ, а обыкновенные люди, поставленные, однако, въ такія соціальныя условія, что они поневолѣ *должны* со временемъ взяться за эмансипацію всего человѣчества. Пролетаріатъ, самъ,—говоритъ Марксъ,—и только самъ можетъ добиться своего освобожденія. „Но онъ не можетъ освободить себя, не уничтоживъ предварительно условій своего существованія. Но онъ не можетъ уничтожить условій своего существованія, не уничтоживъ предварительно *всѣхъ* безчеловѣчныхъ условій существованія современнаго общества... Дѣло идетъ не о томъ, чтó въ данную минуту *воображаетъ* своею цѣлью тотъ или иной пролетарій или даже весь пролетаріатъ. Вопросъ заключается въ томъ, чтó представляетъ собою пролетаріатъ и какую историческую роль онъ вынужденъ играть въ силу своего положенія“ [1]).

„Святое Семейство“ Маркса означало, такимъ образомъ, полный разрывъ съ нѣмецкимъ субъективизмомъ сороковыхъ годовъ. Но оно направлялось не только противъ субъективистовъ, а и противъ нѣмецкихъ утопистовъ-соціалистовъ, наивно учившихъ, что въ Германіи, въ полную противоположность „западнымъ странамъ“ (Франціи и Англіи), носителями соціалистическихъ идей являются не рабочіе, „заинтересованные“ въ нихъ, а интеллигенты, безкорыстно ими увлекшіеся.

Въ началѣ своего развитія соціалистическое движеніе носило въ Германіи наносный, импортированный характеръ, оно было внесено туда изъ Франціи, сильно обогнавшей Германію по своему соціально-политическому развитію. Въ самомъ началѣ сороковыхъ годовъ пролетаріатъ, какъ обособленный соціальный классъ, едва только нарождался въ Германіи. Правда, уже съ тридцатыхъ годовъ въ Германіи стали попадаться единичные рабочіе (или вѣрнѣе ремесленники), которые беззавѣтно увлекались соціалистическими идеями, но это были лишь случайные и разрозненные элементы. Но въ то самое время, когда нѣмецкія крайне отсталыя соціально-политическія условія еще не возростили въ Германіи самостоятельнаго рабочаго движенія,—а съ нимъ и соціалистическаго, въ сосѣдней Франціи и рабочее, и соціалистическое движеніе успѣли уже принять широкія размѣры. Благодаря этому, нѣмецкая интеллигенція, всегда жадно перенимавшая у Франціи всѣ новыя слова, получила возможность усвоить себѣ соціалистическія идеи, явившіяся на своей родинѣ продуктомъ сложныхъ и развитыхъ соціальныхъ условій; жила же она въ то же время въ странѣ, объективныя соціальныя условія которой были крайне отсталы и не могли еще самостоятельно породить рабочее и соціальное движеніе. Благодаря этому, у передовой нѣмецкой интеллигенціи, увлекшейся соціалистическими идеями, родилась

---

[1]) Ibid. Стр. 133.

горделивая иллюзія, что нѣмецкій „народъ мыслителей и поэтовъ", въ противоположность грубому Западу, увлекается соціализмомъ изъ чисто идеалистическихъ увлеченій и отвлеченныхъ соображеній и что въ Германіи, въ противоположность Франціи, соціалистическій переворотъ произойдетъ мирнымъ путемъ не съ помощью жестокой классовой борьбы, а благодаря идейному проникновенію соціализмомъ.

При этомъ нѣмецкіе соціалисты переводили французскій, слишкомъ жестокій и боевой для нихъ соціализмъ на свои мягкіе интеллигентскіе нравы и соединяли его съ фейербаховскимъ гуманизмомъ. Этотъ-то передѣланный на нѣмецкіе нравы французскій соціализмъ усердно проповѣдывали подъ именемъ истиннаго соціализма въ первой половинѣ сороковыхъ годовъ нѣмецкіе интеллигенты.

Однимъ изъ самыхъ выдающихся представителей этого „истиннаго соціализма" была Мозесъ Гессъ. Во Франціи,—пишетъ Гессъ въ одной изъ своихъ статей,—„бѣдные рабочіе стремятся осуществить ту цѣль, къ которой у насъ стремятся преимущественно высшія и образованныя сословія. Причиною этого являнія надо считать поверхностное умственное развитіе имущихъ классовъ и глубокую сердечность неимущихъ классовъ по ту сторону Рейна. И во Франціи имущіе классы отнюдь не безучастно относятся къ бѣдствіямъ современнаго общества; лишь по сравненію съ французскимъ пролетаріатомъ и нѣмецкой буржуазіей все, что предлагаетъ имущій классъ во Франціи для устраненія общественной нужды, кажется поверхностнымъ и ничтожнымъ".

„И развѣ то обстоятельство, что имущій классъ въ Германіи послѣ того, какъ онъ всего лишь два года занимался общественными вопросами, въ существенномъ сошелся въ своихъ возрѣніяхъ съ неимущимъ классомъ Франціи, будучи въ одинаковой съ нимъ степени глубоко и живо охваченъ соціальнымъ движеніемъ, развѣ это обстоятельство не достаточно доказываетъ, что ни первый, ни второй изъ этихъ классовъ не является причиною существованія и развитія нашихъ многочисленныхъ бѣдствій" [1]).

„Если въ Германіи,—говоритъ Гессъ въ другомъ мѣстѣ,—не существуетъ широкаго соціально-политическаго движенія, то оно возмѣщается движеніемъ духовнымъ". И если во Франціи только массовое движеніе можетъ добиться соціальной справедливости, то въ Германіи эту роль сыграетъ образованное меньшинство. „Во Франціи,—писалъ Гессъ,—гуманизмъ представленъ пролетаріатомъ, а въ Германіи—духовной аристократіей" [2]).

---

[1]) Ср. „Die gesellschaftliche Zustände der zivilisirten Welt". Herausg von M. Hess. Elberfeld und Iserlohn. 1846. Bd. I. Стр. I.

[2]) Ср. „Neue Anekdota". Herausg. von Karl Grün. Darmstadt. 1845. Стр. 225.

Въ 1842 г. Лоренцъ Штейнъ выпустилъ свою книгу „Соціализмъ и коммунизмъ въ современной Франціи“, въ которой хотя и заявлялъ, что въ Германіи не существуетъ пролетаріата, но по отношенію къ Франціи доказывалъ, что соціалистическое движеніе создается и поддерживается классовыми интересами пролетаріата. Нѣмецкіе „истинные“ соціалисты съ М. Гессомъ и Карломъ Грюномъ во главѣ встрѣтили этотъ реализмъ Штейна взрывомъ нравственнаго негодованія.

„Нѣкоторые люди,—говоритъ М. Гессъ по адресу Штейна,—будучи не въ состояніи преобразовать дѣйствительность сообразно съ своимъ самосознаніемъ, направляютъ свое орудіе противъ самихъ же себя и дѣлаютъ самоубійственную попытку сформировать свое собственное сознаніе сообразно со скверною дѣйствительностью. Къ этимъ людямъ принадлежитъ и Штейнъ“ [1]).

„Ошибочно думать,—пишетъ Гессъ въ другомъ мѣстѣ,—и эта ошибка является продуктомъ эгоистической ограниченности, неспособной подняться до гуманности, и распространяется реакціонерами и въ частности Штейномъ,—что соціализмъ порождается только пролетаріатомъ, а у послѣдняго вызывается потребностями желудка. Французы не подали никакого повода для подобнаго рода ошибки. Правда, французскій соціализмъ возникъ не изъ логической необходимости, не изъ потребностей головы, но и не изъ потребностей желудка: онъ возникъ изъ потребностей сердца, изъ сочувствія къ страданію человѣчества... Французы, правда, только благодаря страданію человѣчества, дошли до соціалистическихъ принциповъ, но отнюдь не собственныя страданія заставили французскій пролетаріатъ съ такимъ прекраснымъ воодушевленіемъ отдаться соціалистическому принципу“ [2]).

„Но если,—продолжаетъ Гессъ,—по отношенію къ Франціи ошибочно думать, что величайшая идея нашего времени, да и всѣхъ временъ вообще, т. е. идея соціализма, источникомъ своего происхожденія имѣетъ желудокъ, то по отношенію къ Германіи подобное воззрѣніе, если это только возможно, еще ошибочнѣе. Даже та посредническая роль, которую сыграли физическія страданія при возникновеніи соціалистическихъ идей во Франціи, здѣсь въ Германіи едва ли имѣетъ какое-либо существенное значеніе. Соціалистическая пропаганда, проникшая къ намъ изъ Франціи, только потому не имѣла успѣха въ Германіи, что она исходила отъ людей, аппелировавшихъ только къ сочувствію и не сумѣвшихъ стать на точку зрѣнія идеи гуманизма и подняться до гуманистической практики“.

---

[1]) Ср. статью (анонимную) Гесса: „Socialismus und Communismus. Von Verfasser der Europäischen Triarchie“ въ сборникѣ „Einundzvandzig Bogen aus der Schweiz“. Herausg. von G. Herwegh. I. Th. Zürich und Winterthur 1843. Стр. 75.

[2]) Ср. статью Гесса: „Die vereinigten Bestrebungen въ сборникѣ „Neue Anekdota“. Herausg. von K. Grün. Darmstadt. 1845. Ср. 220.

„Денежная аристократія, отъ которой исходитъ движеніе во Франціи, имѣетъ своего антипода въ лицѣ пролетаріата, посягающаго на ея наслѣдіе и на устраненіе самой денежной аристократіи; духовная же аристократія, отъ которой исходитъ движеніе въ Германіи, имѣетъ противоположность лишь въ самой себѣ, и она стремится устранить это противорѣчіе, выражающееся въ противорѣчіи съ дѣйствительностью, путемъ распространенія на всѣхъ привилегіи образованія и путемъ устраненія черни. Французскій пролетаріатъ тогда только можетъ въ дѣйствительности устранить денежную аристократію, когда онъ предварительно теоретически преодолѣетъ всякую безчеловѣчность; тогда какъ нѣмецкая духовная аристократія только тогда сумѣетъ устранить существованіе черни, когда она сама практически преодолѣетъ вѣчную безчеловѣчность. Такимъ образомъ, различіе исходныхъ точекъ у обѣихъ націй обусловливаетъ и различіе въ характерѣ соціалистическаго движенія. Во Франціи представителемъ гуманизма является пролетаріатъ, а въ Германіи—духовная аристократія [1]).

Съ такимъ же нравственнымъ негодованіемъ встрѣтилъ замѣчательную книгу Штейна и другой виднѣйшій представитель нѣмецкаго истиннаго соціализма—Карлъ Грюнъ. Для Штейна, писалъ Грюнъ, „пролетаріатъ, видите ли, представляетъ особый классъ общества! Вотъ какъ! Орудіе исторіи смѣшивается съ идеей исторіи... Пролетаріатъ, какъ выраженіе матеріальной нужды, какъ выраженіе ненормальнаго положенія низшихъ классовъ народа, какъ выраженіе несоотвѣтствія между потребностями и средствами къ ихъ удовлетворенію, этотъ вопросъ голода долженъ служить мотивомъ, истиннымъ историческимъ мотивомъ соціализма?! Нѣтъ, голодъ есть лишь орудіе, которымъ теперь пользуется человѣческое развитіе, какъ въ 1789 г. такимъ орудіемъ служило безправіе обширнѣйшей и лучшей части народа“ [2]).

Мы привели слова Гесса и Грюна, самыхъ видныхъ представителей „нѣмецкаго истиннаго соціализма“ для того, чтобы охарактеризовать сущность того утопическаго соціалистическаго ученія, которое до второй половины сороковыхъ годовъ господствовало среди нѣмецкой интеллигенціи. Сущность этого соціализма заключалась въ томъ, что нѣмецкіе интеллигенты *отсталость* соціальнаго развитія Германіи принимали за ея *особенность*.

Гуманистическая философія Фейербаха служила какъ бы величественнымъ апоѳеозомъ ученія „истинныхъ“ соціалистовъ. И

---

[1]) Ibid. 221, 226.

[2]) См. рецензію К. Грюна на книгу Штейна въ сборникѣ „Neue Anekdota“ Herausg. von K. Grün. Darmstadt. 1844. Стр. 262—263. Мы не имѣемъ возможности останавливаться здѣсь на подробной характеристикѣ ученія истинныхъ соціалистовъ. Такая характеристика сдѣлана нами въ книгѣ „Германія наканунѣ революціи 1848 г.“ Спб. 1906 г.

„истинные" соціалисты относились къ ученію Фейербаха съ безграничнымъ увлеченіемъ, будучи твердо убѣждены, что въ философіи Фейербаха уже заключаются всѣ данныя, необходимыя для разрѣшенія соціальнаго вопроса. Уже знакомый намъ главный представитель „истиннаго" соціализма, Карлъ Грюнъ, говорилъ о Фейербахѣ: „Назвать Фейербаха—значитъ назвать всю работу философіи, начиная отъ Бэкона Веруламскаго и кончая нашими днями; это значитъ сказать, чего въ концѣ концовъ хочетъ философія, это значитъ увидѣть въ человѣкѣ конечный результатъ міровой исторіи. Этимъ путемъ мы надежнѣе—потому что основательнѣе—сумѣемъ разрѣшить всѣ вопросы, чѣмъ въ томъ случаѣ, если станемъ толковать о заработной платѣ, о конкуренціи, о недостаткахъ конституціи" [1]).

Когда Карлъ Марксъ, закончивъ въ Парижѣ выработку своего міросозерцанія, приступилъ къ критикѣ нѣмецкаго соціальнаго утопизма во всѣхъ его видахъ и проявленіяхъ, то, конечно, онъ долженъ былъ подвергнуть—и дѣйствительно подвергнулъ—рѣшительной критикѣ и ученіе истинныхъ соціалистовъ. Но въ какомъ отношеніи стоялъ къ этому истинному соціализму Марксъ въ первые годы своей литературной дѣятельности? Этотъ вопросъ является спорнымъ, и разные біографы Маркса даютъ на него противоположные отвѣты. Какъ мы покажемъ ниже, Марксъ никогда не раздѣлялъ ученія истинныхъ соціалистовъ во всей его полнотѣ и никогда не былъ его безусловнымъ сторонникомъ, но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что было время, когда Марксъ раздѣлялъ многія изъ основныхъ идей „истиннаго соціализма". Мы не говоримъ уже о томъ, что у Маркса былъ общій съ „истинными" соціалистами философскій источникъ—гуманистическая философія Фейербаха и что, подобно „истиннымъ" соціалистамъ, Марксъ въ начальный періодъ своей литературной дѣятельности „выводилъ" рѣшеніе соціальныхъ вопросовъ изъ философіи Фейербаха. Но и помимо этого, Марксъ нѣкогда раздѣлялъ иныя изъ основоположеній „истиннаго соціализма".

Вчитайтесь внимательно въ статью К. Маркса „Къ критикѣ гегелевской философіи права", напечатанную въ 1844 г. въ „Нѣмецко-Французскихъ Ежегодникахъ", и вы на каждой странице натолкнетесь на внутреннюю борьбу между впервые провозглашаемымъ соціальнымъ реализмомъ и умирающимъ утопизмомъ.

„Даже и исторически,—говоритъ въ этой статьѣ Карлъ Марксъ,—теоретическая эмансипація имѣетъ специфически-практическое значеніе для Германіи. Революціонное прошлое Германіи носитъ теоретическій характеръ: оно заключается въ реформаціи.

---

[1]) Ср. статью К. Грюна „Feuerbach und die Socialisten" въ „Deutsches Bürgerburch fur 1845" Herausg. von Püttmann. Darmstadt. 1845. Стр. 74.

Какъ тогда революція началась съ головы монаха, какъ теперь она начинается въ мозгу философа“ [1]). Одною изъ основныхъ идей „истиннаго соціализма“ было утвержденіе, что въ Германіи невозможна частичная политическая революція, что въ ней сразу произойдетъ глубокій соціальный переворотъ, который положитъ основаніе „гуманистическому“ строю. Въ статьѣ Маркса мы находимъ ясный отзвукъ этой идеи истинныхъ соціалистовъ. „Не радикальная революція является утопическою мечтою для Германіи,—говоритъ, напр., Марксъ по отношенію къ тогдашней Германіи,—не общечеловѣческая эмансипація, а, наоборотъ, утопической является мечта о частичной, политической революціи, революціи, которая бы оставила въ цѣлости устои зданія... Въ Германіи ни одинъ классъ не обладаетъ достаточною послѣдовательностью, рѣзкостью, мужествомъ, безпощадностью для того, чтобы сдѣлаться отрицательнымъ представителемъ общества: ему не достаетъ для этого той душевной широты, которая хотя бы на минуту заставила его отожествить себя со всѣмъ народомъ. Взаимоотношенія различныхъ сферъ нѣмецкаго общества носятъ поэтому не драматическій, а эпическій характеръ“ [2]).

Резюмируя смыслъ этой статьи, Марксъ пишетъ: „Единственнымъ практически-возможнымъ освобожденіемъ Германіи является ея теоретическое освобожденіе, которое превозгласило бы самого человѣка глубочайшею сущностью человѣка. Въ Германіи эмансипація отъ средневѣковья возможна только какъ эмансипація отъ всякаго частичнаго устраненія средневѣковья. Въ Германіи нельзя сломить ни одно изъ видовъ рабства, не сломивъ всякое, все рабство“ [3]).

Такимъ образомъ, Марксъ въ началѣ сороковыхъ годовъ еще раздѣлялъ по отношенію къ Германіи основной предразсудокъ истинныхъ соціалистовъ, вѣрившихъ въ особенные пути соціальнаго развитія Германіи и утверждавшихъ, что особенность Германіи заключается въ томъ, что въ ней невозможна частичная политическая революція, что въ ней въ ближайшемъ будущемъ сразу совершится соціальный переворотъ, переходъ къ гуманистическому строю. Иначе ее обосновывая, Марксъ, однако, какъ показываютъ вышеприведенныя цитаты, раздѣлялъ эту иллюзію и считалъ Германію 1844 г. созрѣвшей и готовой для коренного соціальнаго переворота, который бы провозгласилъ „самого человѣка глубочайшею сущностью человѣка“.

Именно здѣсь, въ этой вѣрѣ, что Германія минуетъ долгое мытарство по капиталистическому частилищу, и было соприкосновеніе между Марксомъ 1844 года и „истинными“ соціалистами.

---

[1]) Aus dem literarischen Nachlass von Karl Marx. Bd. I. Стр. 392.
[2]) Ibid. Стр. 398.
[3]) Ib. Стр. 392.

Энгельсъ шелъ дальше и краснорѣчиво доказывалъ, что въ Германіи капитализмъ осужденъ на жалкое прозябаніе.

Въ 1845 г. Энгельсъ произнесъ въ Эльберфельдѣ рѣчь, въ которой доказывалъ безвыходность положенія нѣмецкаго капитализма. „Если мы объявимъ свободу торговли и уничтожимъ таможенныя пошлины,—говорилъ Энгельсъ,—то тогда вся наша промышленность, за исключеніемъ развѣ немногихъ отраслей, будетъ разорена. Тогда уже не можетъ быть никакой рѣчи ни о прядильной, ни о ткацкой, ни о главнѣйшихъ отрасляхъ шелковой промышленности, ни о почти всей желѣзодобывающей и желѣзодѣлательной промышленности. Внезапно оставшіеся безъ хлѣба рабочіе этихъ отраслей промышленности массою хлынутъ въ сельское хозяйство и уцѣлѣвшіе обломки промышленности, повсюду появится пауперизмъ; концентрація имущества въ рукахъ немногихъ вызоветъ такой кризисъ, который, судя по событіямъ въ Силезіи, неизбѣжно приведетъ къ соціальной революціи.

„Но предположимъ, что мы создадимъ для промышленности охранительныя пошлины. Эти охранительныя пошлины въ послѣднее время сдѣлались излюбленнымъ дѣтищемъ нашихъ промышленниковъ, въ виду чего мы остановимся на нихъ нѣсколько подробнѣе. Господинъ Листъ привелъ въ систему вожделѣнія нашихъ капиталистовъ, и я буду опираться на эту систему, признаваемую промышленниками своимъ credo. Господинъ Листъ предлагаетъ постепенно повышать пошлины до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, онѣ не будутъ въ состояніи гарантировать нашимъ фабрикантамъ внутренній рынокъ; тогда эти пошлины, удержавшись нѣкоторое время на достигнутой высотѣ, должны будутъ постепенно понижаться, пока, наконецъ, черезъ рядъ годовъ исчезнетъ всякая таможенная охрана. Предположимъ, что планъ этотъ будетъ осуществленъ и таможенныя пошлины будутъ введены. Промышленность разовьется, свободные капиталы начнутъ приливать къ промышленнымъ предпріятіямъ, спросъ на рабочія руки, а вмѣстѣ съ этимъ и заработная плата повысятся; повидимому, наступитъ цвѣтущее состояніе. Но это будетъ продолжаться лишь до тѣхъ поръ, пока для промышленнаго сбыта будетъ достаточенъ внутренній рынокъ. За предѣлы же послѣдняго промышленность не можетъ развиться, такъ какъ если даже и на внутреннемъ рынкѣ она не можетъ существовать безъ охранительныхъ пошлинъ, то на нейтральныхъ рынкахъ она тѣмъ менѣе сумѣетъ бороться съ иностранной конкурренціей“ [1]).

Какъ только, говоритъ далѣе Энгельсъ, Германія попытается освободиться отъ пошлинъ, англійскіе товары запрудятъ нѣмецкій внутренній рынокъ и погубятъ нѣмецкую промышленность.

---

[1]) Aus dem literarischen Nachlass von Karl Marx. Stuttgart. 1902. Bd. II Стр. 396.

Но даже если пошлины не будутъ отмѣнены или понижены, говоритъ дальше Энгельсъ, то и тогда „англичане, благодаря прогрессу своей промышленности, будутъ въ состояніи конкурировать съ нашей отсталою промышленностью на нашемъ внутреннемъ рынкѣ, несмотря на всѣ охранительныя пошлины. Такъ какъ въ этой конкуренціи, какъ и во всякой другой борьбѣ, побѣда останется за болѣе сильнымъ, то наше пораженіе не подлежитъ никакому сомнѣнію. А тогда наступитъ тотъ же случай, о которомъ мы говорили выше: искусственно созданный пролетаріатъ потребуетъ отъ имущихъ классовъ то, чего, оставаясь имущими классами, они ему дать не могутъ, и тогда наступитъ соціальная революція“ [1]).

„Предположимъ еще одинъ случай, очень, однако, невѣроятный,—предположимъ, что Германіи удастся съ помощью охранительныхъ пошлинъ конкурировать съ англичанами. Предположимъ, что это случится. Каковы же будутъ послѣдствія? Если мы начнемъ конкурировать съ англичанами на внѣшнихъ рынкахъ, то возгорится борьба не на жизнь, а на смерть между нашей и англійской промышленностью. Англичане употребятъ всѣ силы, чтобы вытѣснить насъ съ рынковъ, которыми они прежде владѣли: они вынуждены будутъ такъ поступить, потому что окажется затронутымъ ихъ жизненный источникъ. И при посредствѣ всѣхъ находящихся въ ихъ распоряженіи средствъ, опираясь на всѣ преимущества столѣтней промышленности, они сумѣютъ нанести намъ пораженіе. Они заставятъ нѣмецкую промышленность ограничиться внутреннимъ рынкомъ и, благодаря этому, вызовутъ въ ней застой, и здѣсь такимъ образомъ тоже наступитъ упомянутый случай: мы останемся на мѣстѣ въ то время, какъ англичане будутъ прогрессировать, и наша промышленность, въ силу ея неизбѣжнаго упадка, будетъ не въ состояніи прокормить искусственно созданный ею пролетаріатъ—наступитъ соціальная революція“ [2]).

Достаточно хотя сколько-нибудь внимательно вчитаться въ эту рѣчь Энгельса, чтобы сразу бросилась въ глаза ея чисто-„народническая“ точка зрѣнія. Перебирая всѣ возможные случаи, Энгельсъ доказываетъ безысходность нѣмецкаго капитализма, доказываетъ, что нѣмецкій капитализмъ не можетъ сколько-нибудь прочно и широко развиться и что всякія попытки къ его широкому развитію должны очень скоро завершиться соціальной революціей. Такого взгляда придерживался Энгельсъ въ 1844 году, когда нѣмецкій капитализмъ еще лежалъ въ пеленкахъ протекціонизма и когда только начиналась его блестящая историческая карьера. А Энгельсъ уже пѣлъ ему отходную.

---

[1]) Ibid. Стр. 397.
[2]) Ср. Ibid. Стр. 398.

Эта рѣчь не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ 1844 году Энгельсъ смотрѣлъ на соціальное положеніе Германіи глазами утописта-народника. А та обстановка, въ которой онъ произнесъ эту рѣчь, показываетъ, что и его „коммунизмъ“ былъ тогда сильно окрашенъ въ утопическій цвѣтъ. Нѣмецкіе коммунисты устроили тогда въ Эльберфельдѣ цѣлый рядъ лекцій по соціальнымъ вопросамъ, надѣлавшихъ довольно большого шума. Энгельсъ былъ чрезвычайно доволенъ результатами этихъ лекцій. Онъ писалъ о нихъ Марксу: „Вчера въ самомъ большомъ залѣ, въ лучшемъ отелѣ города происходило наше третье коммунистическое собраніе; на первомъ было 40, на второмъ 130 и на третьемъ по меньшей мѣрѣ 200 человѣкъ. Весь Эльберфельдъ и Барменъ, начиная отъ денежной аристократіи и кончая мелкими торговцами и только исключая пролетаріатъ, были представлены на этомъ собраніи... Успѣхъ необыкновенный. Ни о чемъ, кромѣ коммунизма, не говорятъ, и каждый день приноситъ намъ новыхъ послѣдователей. Вуннертальскій коммунизмъ есть истина, даже уже почти сила. Какая для него здѣсь благопріятная почва, ты и представить себѣ не можешь. Самый тупой, лѣнивый и филистерскій народъ, до сихъ поръ ничѣмъ на свѣтѣ не интересовавшійся, начинаетъ теперь почти восторгаться коммунизмомъ“ [1]).

Это письмо Энгельса къ Марксу показываетъ, что въ самомъ началѣ 1845 года Энгельсъ еще способенъ былъ восторгаться „коммунизмомъ“, которымъ, какъ острой, пряной модой увлекалось тогда нѣмецкое „общество“ [2]). Чрезвычайно характерно, что Энгельсъ въ этомъ письмѣ къ Марксу съ восторгомъ отзывается о результатахъ своихъ коммунистическихъ рѣчей въ собраніяхъ, на которыхъ присутствовали „всѣ“ классы общества, за исключеніемъ „только“ рабочаго класса! И эти условія Энгельсъ считалъ „необычайно благопріятными“ для проповѣди коммунизма.

Приведенныя цитаты и соображенія достаточно показали, что вплоть до начала 1845 года Марксъ и Энгельсъ еще въ зна-

---

[1]) Ср. Ibid. 356 стр.

[2]) Литература тогдашней Германіи переполнена была сообщеніями объ эпидемическомъ увлеченіи нѣмецкаго „общества“ соціалистическими ученіями. „Едва десять лѣтъ тому назадъ,—пишетъ Шейдтманъ,—коммунизмъ былъ пустымъ словомъ,—даже Роттекъ и Велкеръ совершенно не упоминаютъ о немъ въ своемъ „Государственномъ словарѣ“, а теперь мы находимъ статью о немъ во второй семейной библіи Германіи, въ почтенномъ Энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза. Въ немъ говорится о коммунизмѣ, какъ о „фактическомъ протестѣ противъ суевѣрія, долго считавшагося неприкосновеннымъ“ (G. Scheidtmann. Der Communismus und das Proletariat. Leipzig. 1848. 10 стр). „Стало моднымъ,—говоритъ Дронке,—разыгрывать изъ себя друзей народа“ (E. Dronke. „Berlin“. III Band. Frankfurt am Main. 1846. Стр. 3). „Скоро дѣло дойдетъ до того,—пишетъ Гейнценъ,—что нельзя будетъ ни ѣсть, ни пить, не получивъ названія коммуниста. Всякій разумный чоловѣкъ, свободно разсуждающій о какомъ-либо человѣческомъ вопросѣ, получаетъ названіе коммуниста или соціалиста“.

чительной степени стояли на народнически-утопической точкѣ зрѣнія. Правда, они никогда вполнѣ не раздѣляли ученія „истинныхъ“ соціалистовъ. Прежде всего, уже съ 1844 года („Нѣмецко-Французскіе Ежегодники“) у Маркса начинаютъ звучать сильныя реалистическія ноты, рѣзко отдѣляющія его отъ утопистовъ „истиннаго“ соціализма. Кромѣ того, надо еще отмѣтить, что Марксъ никогда на раздѣлялъ одного изъ самыхъ главныхъ предразсудковъ нѣмецкихъ „истинныхъ соціалистовъ“—отрицанія политической дѣятельности. Отрицаніе политики было основнымъ символомъ вѣры „истинныхъ“ соціалистовъ. Это отрицаніе было логически законорожденнымъ продуктомъ того утопически-народническаго воззрѣнія, на точкѣ зрѣнія котораго стояли „истинные“ нѣмецкіе соціалисты сороковыхъ годовъ. Разъ они считали, что все „образованное общество“ Германіи способно беззавѣтно увлечься соціализмомъ, разъ они были убѣждены, что въ Германіи соціализмъ наступитъ не сегодня-завтра путемъ просвѣтлѣнія умовъ и сердецъ, то политическая дѣятельность была, конечно, лишь вредной проволочкой. Но Марксъ никогда не раздѣлялъ всѣхъ иллюзій „истинныхъ“ соціалистовъ и онъ всегда отстаивалъ необходимость политической дѣятельности. Какъ мы увидимъ ниже, своеобразное пониманіе задачъ именно политической дѣятельности уже очень скоро обособило ученіе Маркса отъ всѣхъ другихъ и поставило его во враждебное отношеніе и къ истиннымъ соціалистамъ, и къ радикаламъ.

Мы сейчасъ обратимся къ характеристикѣ политической позиціи, занятой Марксомъ въ 1845—1846 гг., а пока отмѣтимъ, что ни Марксъ, ни Энгельсъ никогда не отрицали, что они лишь постепенно пришли къ „марксизму“, что марксизмъ не былъ у нихъ какой-то чуть ли не врожденною теоріей, какъ это думаютъ иные наивные люди.

Въ предисловіи ко второму изданію своей книги „Положеніе рабочаго класса въ Англіи“, вышедшей впервые въ 1845 г., Энгельсъ писалъ: „Въ 1844 г. не существовало еще современнаго научнаго соціализма, который съ того времени—благодаря прежде всего и почти исключительно трудамъ Маркса — развился въ науку. Моя книга представляетъ лишь одну изъ фазъ его эмбріональнаго развитія. И подобно тому, какъ у человѣческаго зародыша на самыхъ раннихъ ступеняхъ его развитія появляются еще жаберныя дужки нашихъ предковъ—рыбъ, такъ и эта книга обнаруживаетъ вездѣ слѣды происхожденія современнаго соціализма отъ одного изъ своихъ предковъ — нѣмецкой классической философіи“ [1]).

Еще болѣе характерно въ этомъ отношеніи слѣдующее при-

---

[1]) Ср. Ф. Энгельсъ, „Положеніе рабочаго класса въ Англіи“. Пер. съ нѣм. С. Котляра. Спб. 1905. Стр. 7.

знаніе Энгельса, дѣлаемое имъ въ статьѣ „Ein Fragment Fouriers über den Handel": „То, что французы и англичане,—говоритъ здѣсь Энгельсъ, характеризуя нѣмецкій утопическій соціализмъ,—высказали уже десять, двадцать, даже сорокъ лѣтъ тому назадъ и высказали притомъ очень хорошимъ, очень яснымъ, прекраснымъ языкомъ,—съ тѣмъ только теперь ознакомились нѣмцы и лишь придали всему гегельянскую форму или, въ лучшемъ случаѣ, вновь открыли открытое и, выразивъ его въ несравненно болѣе скверной, абстрактной формѣ, стали выдавать за новое открытіе. *Я не дѣлаю въ этомъ отношеніи исключенія и для своихъ собственныхъ работъ*" [1]).

Столь же опредѣленно высказался объ этомъ и Карлъ Марксъ. Въ полемической статьѣ, направленной противъ Криге, онъ писалъ: „Если внимательный читатель замѣтитъ, что отдѣльныя части этой статьи представляютъ собою въ извѣстной степени *самокритику* „Dampfboot'a [2]), то это отнюдь не повергнетъ насъ въ смущеніе. *Мы никогда не считали свое развитіе завершеннымъ*; мы всегда стремились учиться, черпая наблюденія изъ текущей эпохи, изъ фактическихъ условій и изъ дѣятельности живыхъ людей" [3]).

Мы можемъ, такимъ образомъ, считать установленнымъ, что до начала 1845 года Марксъ и Энгельсъ еще раздѣляли иные народническо-утопическіе предразсудки нѣмецкихъ „истинныхъ" соціалистовъ и лишь въ 1845—1846 гг. они окончательно отдѣлались отъ этихъ предразсудковъ и твердо установили свою особую, марксистскую точку зрѣнія. Обрывая въ 1845—1846 г. духовныя узы, нѣкогда связывавшія ихъ съ нѣмецкими утопистами, Марксъ и Энгельсъ, какъ мы уже отмѣтили, подвергли рѣзкой и насмѣшливой критикѣ всѣ виды нѣмецкаго утопизма, въ томъ числѣ и „истинный" соціализмъ. Марксъ написалъ очень пренебрежительную статью о Карлѣ Грюнѣ, одномъ изъ виднѣйшихъ представителей „истиннаго соціализма". Эту статью Марксъ напечаталъ, но онъ не напечаталъ свою большую критическую работу о нѣмецкихъ соціалистахъ. Онъ писалъ эти работы не только для другихъ, но и для самаго себя, чтобы уяснить самому себѣ свое новое міровоззрѣніе и разрывъ со старымъ. Въ предисловіи „Къ критикѣ политической экономіи" Марксъ самъ указываетъ на это. Въ Брюсселѣ, говоритъ Марксъ, весною 1845 г. „мы рѣшили заняться сообща разработкой противорѣчій нашихъ взглядовъ съ идеологическими взглядами нѣмецкой философіи, чтобы на дѣлѣ *покончить счеты съ нашей прежней философской совѣстью* (кур-

---

[1]) Ср. Aus dem literarischen Nachlass von K. Marx. Stuttgart. 1902. Bd. II. Стр. 408. Курсивъ мой.

[2]) „Westfälisches Dampfboot"—органъ, въ которомъ Марксъ и Энгельсъ работали вмѣстѣ съ „истинными" соціалистами.

[3]) Ср. Aus dem literarischen Nachlass etc. 2 Bd. Стр. 428.

сивъ мой). Этотъ планъ былъ выполненъ въ формѣ критики послѣгегелевской философіи. Рукопись, въ видѣ двухъ толстыхъ томовъ in octavo, уже была отправлена въ Вестфалію для изданія, когда мы получили извѣстіе, что перемѣна обстоятельствъ дѣлаетъ невозможнымъ ея печатаніе. Мы предоставили рукопись грызущей критикѣ мышей тѣмъ охотнѣе, что *мы достигли главной цѣли—уясненія вопроса самимъ себѣ*" [1]). (Курсивъ мой).

Нѣсколько позже во время пребыванія въ томъ же Брюсселѣ Марксу пришлось заняться выясненіемъ своего отношенія къ радикальной буржуазіи и политическимъ отмежеваніемъ отъ нея. Мы знаемъ, что Марксъ въ 1843 году редактировалъ органъ крупной буржуазіи „Рейнскую Газету", и въ ту эпоху между нимъ и радикальной буржуазіей еще не происходило политическихъ треній и столкновеній. Объяснялось это, съ одной стороны, тѣмъ, что въ ту эпоху соціально-политическое положеніе и взаимныя отношенія различныхъ группъ нѣмецкаго населенія отличались большою путанностью, чрезвычайною черезполосицею; съ другой же стороны, Марксъ въ то время еще не примкнулъ къ соціализму. Но уже въ слѣдующемъ году, когда Марксъ, переселившись въ Парижъ, перешелъ въ лагерь соціалистовъ, между нимъ и самымъ выдающимся представителемъ нѣмецкаго буржуазнаго радикализма, Арнольдомъ Руге, личнымъ его другомъ и литературнымъ соратникомъ, вспыхнула принципіальная вражда. Марксъ опубликовалъ въ знакомой намъ парижской газетѣ „Впередъ" полемическую статью противъ Руге. Въ этой статьѣ Марксъ даетъ въ двухъ словахъ превосходное опредѣленіе „соціальной" и „политической" революціи, противопоставленіемъ которыхъ тогда очень усердно и охотно занимались нѣмецкіе писатели. „Всякая революція,—говоритъ Марксъ,—разрушаетъ старое общество, и въ этомъ смыслѣ она соціальна. Всякая революція низвергаетъ старую власть, и въ этомъ смыслѣ она носитъ политическій характеръ" [2]).

Въ этой статьѣ Маркса, написанной въ 1844 году, еще звучатъ отголоски соціальнаго утопизма. Марксъ еще продолжаетъ въ ней утверждать, что „Германія обладаетъ столь же классическимъ призваніемъ къ соціальной революціи, насколько она неспособна къ политической революціи" [3]). При этомъ Марксъ еще

---

[1]) Ср. К. Марксъ. „Къ критикѣ политической экономіи". Пер. съ нѣм. П. Румянцева. Спб. 1907. Стр. XII. Статья К. Маркса противъ Грюна не вошла въ собраніе его сочиненій. Она была напечатана Э. Бернштейномъ въ „Neue Zeit" за 1899 и 1900 г. №№ 1 и 2. Толстая рукопись, о которой говорилъ Марксъ, до сихъ поръ не напечатана. Бернштейнъ напечаталъ изъ нея лишь главу о М. Штирнерѣ (Ср. „Dokumente des Socialismus". 1903. №№ 7, 8. 1904 г. № 5.).

[2]) Aus dem literarischen Nachlass. 2 Bb. Стр. 59

[3]) Aus dem literarischen Nachlass. Bd. II. Стр. 55.

сохранилъ вѣру въ особый народолюбивый характеръ нѣмецкой буржуазіи. Онъ отмѣчаетъ у этой буржуазіи и пониманіе, и сочувствіе соціальнымъ вопросамъ, онъ отмѣчаетъ „слабую реакцію нѣмецкой буржуазіи противъ соціализма“ [1]) и т. д.

При такихъ условіяхъ первое теоретическое столкновеніе К. Маркса съ радикальной буржуазіей не могло носить остраго и рѣзкаго характера. Но когда, переселившись изъ Парижа въ Брюссель, Марксъ окончательно отдѣлался отъ всѣхъ пережитковъ народничества, между нимъ и радикальной буржуазіей въ лицѣ Карла Гейнтцена вспыхнула рѣзкая принципіальная полемика, представляющая и по сейчасъ—особенно для Россіи—живѣйшій интересъ.

Карлъ Гейнтценъ началъ свою публицистическую дѣятельность въ роли мирнаго и умѣреннаго либерала, но тупое упорство нѣмецкаго абсолютизма, остававшагося глухимъ ко всѣмъ урокамъ исторіи, очень скоро превратило Гейнтцена въ яростнаго революціонера и республиканца.

Еще въ 1845 году Гейнтценъ упорно боролся съ революціонерами и доказывалъ все превосходство мирной, легальной борьбы съ абсолютизмомъ. „Мы считаемъ, — писалъ онъ, — упованія на революціонную развязку не только вредными, но и мало надежными... Сдѣлать революцію ненужной — для этого необходимо больше мужества и силы, и это представляетъ болѣе достойную задачу, чѣмъ содѣйствовать революціи.

„Сдѣлать революцію ненужной? Да, по нашему убѣжденію, еще существуетъ для этого средство, которое до сихъ поръ крайне рѣдко примѣнялось въ Германіи. Это—мечъ духа въ рукахъ нравственной силы.

„Это очень удобно и не требуетъ притомъ никакой активной дѣятельности—возлагать всѣ свои надежды на революцію. Быть-можетъ, мы бы достигли въ Германіи гораздо большихъ успѣховъ, чѣмъ теперь, если бы многіе не прекратили свою личную дѣятельность въ надеждѣ на скорую помощь со стороны внутренней революціи. Если бы мы обладали извѣстнымъ числомъ тѣхъ республиканскихъ характеровъ, у которыхъ строгое правовое чувство сочеталось бы съ мужественною твердостью, настроенія которыхъ были бы столь же чисты, какъ тверда ихъ воля, то мы бы достигли въ Германіи совсѣмъ иныхъ успѣховъ, чѣмъ теперь... И всего можно достигнуть путемъ мирнаго и легальнаго сопротивленія“ [2]). Гейнтценъ при этомъ былъ убѣжденъ, что нѣмецкій абсолютизмъ можно будетъ взять измором. Для этого абсолютизму надо противопоставить двоякаго рода сопротивле-

---

[1]) Ibid., стр. 55.

[2]) Ср. K. Heintzen. „Ein Wort über erlaubten Widerstand“ въ сборникѣ „Mehr als zwanzig Bogen“. Darmstadt. 1845. Стр. 156, 157, 158.

ніе—активное или положительное и пассивное или отрицательное, причемъ рѣшающее значеніе имѣетъ пассивное сопротивленіе, которое, „будучи послѣдовательно проведено, есть, быть-можетъ, самый могущественный союзникъ свободы. Въ общемъ, это сопротивленіе должно состоять въ томъ, чтобы отказать въ своемъ содѣйствіи всѣмъ планамъ и дѣйствіямъ, которые затѣваются и проводятся въ интересахъ устарѣвшей политики и правительственной реакціи“ [1]).

Но уже черезъ два года, подъ вліяніемъ правительственной реакціи, Гейнтценъ заговорилъ рѣзкимъ языкомъ революціонера.

„Когда я еще жилъ въ Пруссіи,—разсказываетъ Гейнтценъ,—даже еще тогда, когда я уже полгода былъ за границей, я еще придерживался принципа такъ называемой законности. Я при этомъ исходилъ изъ той ошибочной идеи, что, гдѣ существуютъ такъ называемые законы, тамъ существуетъ „законность“. Но теперь,—продолжалъ Гейнтценъ,—я пришелъ къ убѣжденію, что тотъ строй, при которомъ прогрессъ можетъ быть осуществленъ мирнымъ путемъ, не можетъ быть завоеванъ иначе, какъ революціонной силой, ибо насильники добровольно не откажутся отъ своей власти. Въ Германіи подобнаго строя еще не существуетъ, и Германія поэтому еще должна совершить революцію, и она совершитъ ее: никакія силы небесныя не избавятъ ее отъ этого. Я пришелъ къ этому убѣжденію, и къ нему всѣ должны прійти. И послѣ того, какъ я убѣдился въ правомѣрности и необходимости революціи, я столь же открыто проповѣдую теперь революцію, какъ прежде проповѣдывалъ миръ“ [2]). „Тамъ,—продолжаетъ Гейнтценъ,—гдѣ дѣйствительно господствуетъ законность, тамъ было бы преступленіемъ и по отношенію къ праву, и по отношенію къ разуму, да и было бы совершенно безнадежно прибѣгать къ противозаконнымъ средствамъ, но тамъ, гдѣ царитъ насиліе, тамъ всегда насиліе угнетаемыхъ должно сперва уничтожить насиліе господствующихъ для того, чтобы положить начало законности“.

Гейнтценъ призываетъ къ „незаконной“, нелегальной борьбѣ и смѣется надъ либералами, все еще вѣрящими въ возможность „пользоваться для оппозиціонныхъ цѣлей только тѣмъ путемъ, который открытъ и разрѣшенъ имъ самими деспотами“.

Таково было политическое міровоззрѣніе самаго виднаго изъ нѣмецкихъ радикаловъ сороковыхъ годовъ. Когда дѣло шло о томъ, чтобы „отдѣлать“ нѣмецкое правительство, Гейнтценъ былъ на своемъ мѣстѣ. Онъ писалъ очень хлестко, не безъ остроумія, съ сильнымъ полемическимъ задоромъ. За словомъ въ карманъ онъ не лѣзъ и часто запускалъ въ правительство рѣзкія и мѣт-

---

[1]) Ibid., стр. 164.

[2]) Heintzen. Deustche Revolution. Gesammelte Flugschriften. Bern. 1847. Стр. 216.

кія слова. Но за его революціонною, зачастую до грубости рѣзкою фразеологіей почти всегда скрывалось тощее и маловразумительное соціальное содержаніе; сверхъ того, у Гейнтцена поражала безпочвенность: онъ не зналъ,—да и какъ-то не интересовался этимъ, на кого ему опереться. Онъ яростно проповѣдовалъ республику, не давая себѣ труда вдуматься, каковъ будетъ соціальный характеръ этой республики.

Когда въ Германіи стала усиливаться соціалистическая пропаганда и раздался мощный голосъ Карла Маркса, Гейнтценъ былъ до крайности раздраженъ и выступилъ съ рѣзкой критикой коммунизма вообще и Карла Маркса въ частности.

Въ своемъ журналѣ „Оппозиція“ Гейнтценъ выступилъ со статьею „Противъ коммунистовъ“. Здѣсь вождь радикаловъ яростно нападалъ на соціалистовъ за ихъ „культъ пролетаріата“. „Эти господа,—говоритъ онъ,—совершенно влюблены въ пролетаріатъ... Коммунисты говорятъ о пролетаріатѣ такимъ тономъ, какъ будто бы пролетаріатъ самъ по себѣ обладаетъ какимъ-то оправданіемъ, какимъ-то преимуществомъ, какъ будто пролетаріатъ не представляетъ собою чисто отрицательнаго состоянія, по отношенію къ которому возможно лишь одно стремленіе— превратить его въ положительное... Коммунисты говорятъ о пролетаріатѣ такимъ тономъ, какъ будто въ немъ скрыто самое цѣнное ядро человѣчества... Они настолько односторонне и исключительно стали на сторону пролетаріата, что игнорируютъ все остальное человѣчество и его интересы. Можно подумать, что духъ человѣчества ретировался въ пустые карманы, и только тогда можно считать себя человѣкомъ и заявить человѣческія права, когда предварительно одѣнешь продранныя брюки и поголодаешь. А развѣ милліоны нынѣшнихъ буржуа не были прежде пролетаріями? Развѣ ежедневно тысячи пролетаріевъ не обращаются въ буржуа и наоборотъ? Въ чемъ же тогда специфическое различіе между ними? Если удастся достигнуть, чтобы каждый гражданинъ могъ требовать отъ государства защиты отъ нужды, чтобы каждый получалъ одинаковое даровое обученіе и пользовался одинаковыми политическими правами, то я не понимаю, какой тогда можетъ быть разговоръ о соціальномъ различіи между пролетаріатомъ и буржуазіей“ [1]).

Какъ ярко показываютъ эти слова, вождь нѣмецкихъ радикаловъ страдалъ абсолютнымъ непониманіемъ классоваго строенія общества и расхожденія классовыхъ интересовъ. Толки коммунистовъ о классовой борьбѣ приводили Гейнтцена въ негодованіе и вызывали у него развитіе черпильной желчи. Онъ считалъ классовую борьбу злостною выдумкою коммунистовъ и про-

---

[1]) Ср. „Opposition“. Herausg. von Karl Heintzen. Mannheim. 1846. Стр. 56 - 57.

повѣдь этой борьбы рабочимъ находилъ измѣной революціи. „Если мы дадимъ пролетаріату возможность образованія,—говорилъ онъ,—постепенно пріучимъ его къ участію въ политической жизни, покажемъ ему, какіе плоды приноситъ это ученіе, то мы принесемъ ему бо́льшую пользу, чѣмъ если въ прозѣ и стихахъ станемъ ему расписывать его бѣдность, съ которою онъ и безъ насъ хорошо знакомъ или будемъ кокетничать съ нимъ, называя и себя пролетаріями... Пролетаріатъ внутренне перестаетъ быть пролетаріатомъ, какъ только мы внѣдримъ въ его грудь гордость и смѣлость сознанія человѣческихъ правъ. А это можно сдѣлать въ качествѣ политика, а не коммуниста; съ помощью трибуны, а не кухни" [1]).

Классовая точка зрѣнія, проповѣдуемая Марксомъ и его учениками,— запальчиво говоритъ Гейнтценъ, — ведетъ къ нравственной разнузданности и къ оправданію всякаго насилія. Если коммунисты аппелируютъ къ классовымъ интересамъ, то тогда,—говоритъ Гейнтценъ,—и всѣ насильники морально вправѣ ссылаться на свои интересы. Морально это равноцѣнно. По адресу Гесса, перешедшаго отъ „истиннаго соціализма" къ ученію Маркса, Гейнтценъ писалъ: если стать на точку зрѣнія классовыхъ интересовъ, то тогда и „прусскаго короля нельзя обвинять за то, что онъ примѣняетъ цензуру, казни и казематы, ибо и этотъ высочайшій господинъ соблюдаетъ при этомъ свои интересы и, подобно господину Гессу, ни мало не заботится при этомъ о принципахъ права, разума или человѣчества".

Такъ глубокомысленно понялъ классовую доктрину Маркса вождь радикаловъ сороковыхъ годовъ. Между нимъ и Марксомъ вспыхнула острая полемика, и въ своемъ превосходномъ отвѣтѣ Гейнтцену Марксъ исчерпывающе опредѣлилъ свое отношеніе къ политической борьбѣ и радикальной буржуазіи. Полемика между Марксомъ и Гейнтценомъ велась на страницахъ „Нѣмецкой Брюссельской Газеты".

Гейнтценъ запальчиво доказывалъ коммунистамъ, что они слѣпо направляютъ свою борьбу противъ буржуазіи, вмѣсто того, чтобы направить ее противъ монархической власти, которая творитъ насиліе надъ всѣмъ народомъ и своимъ насиліемъ мѣшаетъ и установленію справедливости въ распредѣленіи продуктовъ.

Въ своей отвѣтной статьѣ Марксъ превосходно выясняетъ политическую позицію пролетаріата по отношенію къ политической власти и буржуазіи. „Обусловленная современнымъ раздѣленіемъ труда, современной формой обмѣна, конкурренціей, концентраціей и т. д., несправедливость въ распредѣленіи собственности вовсе не вытекаетъ изъ политическаго господства буржу-

---

[1]) Ср. K. Heintzen. Gegen die Kommunisten, въ „Die Opposition". Mannheim. 1846. Стр. 57—58.

азіи; наоборотъ, политическое господство буржуазіи вытекаетъ изъ нынѣшнихъ, провозглашенныхъ буржуазными экономистами вѣчными и необходимыми, законовъ производства".

„Вы дѣлаете,—писалъ Гейнтценъ по адресу Маркса.—удареніе на соціальномъ вопросѣ и вы не видите, что нѣтъ болѣе важнаго соціальнаго вопроса, чѣмъ вопросъ о монархіи и республикѣ". И Гейнтценъ доказывалъ далѣе, что только „имперія" съ ея „насиліемъ" мѣшаетъ разрѣшенію соціальнаго вопроса. „Насильственная реакціонная роль,—пишетъ въ отвѣтъ Марксъ,—играемая теперь имперіей, лишь доказываетъ, что въ порахъ стараго общества образовалось новое, и послѣднее чувствуетъ и старую политическую оболочку—служившую естественнымъ прикрытіемъ стараго общества—какъ противоестественныя оковы, которыя необходимо разорвать. Чѣмъ менѣе развиты эти новые разлагающіе общественные элементы, тѣмъ консервативнѣе кажется самая яростная реакція стараго общества. Чѣмъ болѣе развиты новые разлагающіе элементы, тѣмъ реакціоннѣе кажутся даже самыя невинныя консервативныя попытки старой политической власти. Реакція монархіи вмѣсто того, чтобы доказать, что она дѣлаетъ жизненнымъ старое общество, наоборотъ, доказываетъ, что это общество умерло, поскольку матеріальныя условія его существованія пережили себя" [1]).

„Почему нѣмецкіе рабочіе,—спрашиваетъ Марксъ,—участвуютъ въ борьбѣ, хотя знаютъ, что сверженіе абсолютной власти приведетъ къ созданію новой власти буржуазіи? Потому что рабочіе отлично знаютъ, что буржуазія не только въ политическомъ отношеніи сдѣлаетъ имъ бо́льшія уступки, чѣмъ абсолютная монархія, но что еще въ силу интересовъ своей торговли и промышленности она противъ воли должна будетъ создать условія для объединенія рабочаго класса, а объединеніе является для рабочихъ первымъ условіемъ ихъ побѣды. Рабочіе знаютъ, что устраненіе буржуазнаго строя не можетъ быть достигнуто сохраненіемъ феодальнаго. Они знаютъ, что революціонная борьба буржуазіи съ феодальными сословіями и абсолютной монархіей будетъ только содѣйствовать революціонному движенію самихъ рабочихъ. Они знаютъ, что ихъ собственная борьба съ буржуазіей начнется лишь тогда, когда буржуазія побѣдитъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ рабочіе нисколько не раздѣляютъ буржуазныхъ иллюзій г. Гейнтцена. Они смотрятъ на буржуазную революцію—и должны такъ смотрѣть на нее—какъ на условіе рабочей революціи. И ни на одно мгновеніе они не считаютъ буржуазную революцію своею конечною цѣлью" [2]).

Боясь пролетаріата, говоритъ Марксъ, нѣмецкая буржуазія

---

[1]) Ср. Aus dem literarischen Nachlass. Bd. Стр. 464.

[1]) Aus dem literarischen Nachlass. 2 Bd. Стр. 470.

стремится мирнымъ путемъ превратить абсолютизмъ въ конституціонное государство. Но въ этотъ мирный исходъ Марксъ не вѣритъ. Помимо всякихъ личныхъ предразсудковъ, говоритъ онъ, у самодержавной монархіи „руки связаны свѣтской, военной и духовной бюрократіей, этими составными частями абсолютной монархіи, которыя отнюдь не обнаруживаютъ желанія перемѣнить свое господствующее положеніе на положеніе лицъ, служащихъ буржуазіи". Такую же реакціонную роль вынуждены играть и сохранившіяся феодальныя сословія.

Полемика между соціалистами и либералами надоумила консервативныя газеты использовать эту полемику съ цѣлью изолированія буржуазной оппозиціи. Консервативные органы начали заигрывать съ соціалистами, въ надеждѣ отвлечь послѣднихъ отъ поддержки либеральной буржуазіи и, ослабивъ ее, тѣмъ легче ее разбить. Нѣмецкіе утописты-соціалисты очень легко могли попасться на эту удочку, такъ какъ они находили, что политическій переворотъ, переходъ отъ абсолютизма къ конституціонализму, полезенъ и нуженъ только для буржуазіи, а рабочему онъ не только не нуженъ, но и вреденъ, какъ миражи, сбивающіе съ правильнаго пути.

Марксъ осудилъ эту близорукую, безтактную тактику нѣмецкихъ соціалистовъ-утопистовъ по отношенію къ либеральной буржуазіи. Онъ противопоставилъ этой народнически-утопической точкѣ зрѣнія „истинныхъ" соціалистовъ свою „коммунистическую" точку зрѣнія.

„Если,—писалъ Марксъ въ „Нѣмецкой Брюссельской Газетѣ",—извѣстная фракція нѣмецкихъ соціалистовъ неустанно гремитъ противъ либеральной буржуазіи и притомъ такимъ способомъ, который приноситъ пользу только нѣмецкимъ правительствамъ, и если теперь правительственные органы, какъ, напримѣръ, „Рейнскій Наблюдатель", ссылаясь на фразы этихъ соціалистовъ, утверждаютъ, что не либеральная буржуазія, а правительство представляетъ интересы пролетаріата, то коммунисты не имѣютъ ничего общаго ни съ тѣми, ни съ другими" [1]).

Мы прекрасно знаемъ, говоритъ Марксъ, что цѣлью либеральной буржуазіи является завоеваніе государственной власти, а не какое-либо „благо народа".

„Но народъ, или, замѣняя это расплывчатое, неопредѣленное выраженіе болѣе яснымъ, пролетаріатъ разсуждаетъ совершенно иначе, чѣмъ это воображаютъ себѣ въ духовномъ вѣдомствѣ. Пролетаріатъ вовсе не задается вопросомъ о томъ, является ли для буржуазіи народное благо главною или второстепенною вещью, стремится она или нѣтъ воспользоваться пролетаріатомъ,

---

[1]) Ср. статью „Der Kommunismus des Rheinischen Beobachters". Aus dem literar. Nachlass. 2 Bd. Стр. 433.

какъ пушечнымъ мясомъ. Пролетаріатъ спрашиваетъ не о томъ, чего буржуазія *хочетъ,* а о томъ, что она *вынуждена* дѣлать. Пролетаріатъ лишь спрашиваетъ, когда онъ лучше можетъ достигнуть своихъ цѣлей, при теперешнемъ ли строѣ съ господствомъ бюрократіи, или при господствѣ буржуазіи, котораго добиваются либералы. Для отвѣта на этотъ вопросъ пролетаріату достаточно сравнить политическое положеніе въ Англіи, Франціи и Америкѣ съ соотвѣтствующимъ положеніемъ въ Германіи. Тогда онъ убѣдится, что господство буржуазіи не только доставляетъ новыя орудія для борьбы *противъ* буржуазіи, но и ставитъ его въ совершенно новое положеніе, положеніе признанной партіи“ [1]).

Такимъ образомъ, въ періодъ 1845—1847 гг. марксизмъ уже вполнѣ сложился въ опредѣленное и обособленное теченіе соціально-политической мысли и дѣятельности. Порвавъ съ утопическимъ соціализмомъ, разоблачивъ его теоретическую несостоятельность и практическую безпомощность, марксизмъ занялся пересмотромъ отношенія соціалистовъ къ буржуазной демократіи и въ этой области сказалъ свое новое и вѣское слово. Марксъ ясно показывалъ, что буржуазія ведетъ политическую борьбу съ абсолютизмомъ, повинуясь своимъ опредѣленнымъ классовымъ интересамъ,—но онъ въ то же время показалъ, что пролетаріатъ, въ силу своихъ классовыхъ интересовъ, долженъ поддержать буржуазію въ ея борьбѣ съ абсолютизмомъ, долженъ помочь буржуазіи возможно скорѣе и возможно полнѣе разбить и похоронить старый самодержавный строй.

---

[1]) Ibid., стр. 436.

IV.

Крушеніе „истиннаго“ соціализма.—Отношеніе Маркса къ соціально-политической дѣятельности буржуазіи.—Взглядъ Маркса и Энгельса на судьбы рабочаго класса въ капиталистическомъ строѣ. — Отношеніе Маркса къ Прудону.—„Нищета философіи“.—Разрывъ съ Вейтлингомъ.

Утопическій, „истинный“ соціализмъ достигъ въ Германіи вершины своего развитія къ серединѣ сороковыхъ годовъ. Съ 1845 года, подъ вліяніемъ суровыхъ уроковъ жизни, онъ начинаетъ быстро клониться къ упадку, и въ то же время начинаетъ быстро возвышаться марксизмъ. Пока нѣмецкіе соціалисты на воздушныхъ шарахъ своихъ метафизическихъ теорій носились въ туманныхъ областяхъ „истиннаго“ соціализма, они еще могли довольствоваться утопическими самообольщеніями; но когда имъ пришлось спуститься на грѣшную землю и попытаться къ жизни примѣнить свои надуманныя теоріи, они начали отрезвляться одинъ за другимъ.

Вся ихъ теорія опиралась на вѣру въ особенные пути соціальнаго развитія Германіи, на увѣренность, что Германія никогда не будетъ знать жестокой классовой борьбы между пролетаріатомъ и буржуазіей и вступитъ въ соціалистическій рай, минуя капиталистическое чистилище. Но нѣмецкая жизнь, не слушаясь заклинаній и пророчествъ „истинныхъ“ соціалистовъ, шла въ своемъ соціально-политическомъ развитіи тѣмъ же путемъ, какимъ шли болѣе передовыя страны: Англія и Франція. Капитализмъ развивался, буржуазія росла численно, объединялась и вела все болѣе дисциплинирующуюся и сознательную борьбу со старымъ феодальнымъ порядкомъ. Обширные слои доселѣ „самостоятельнаго“ населенія пролетаризировались, и въ еще немногочисленной, еще не сознательной массѣ пролетаріата мѣстами уже начинали вспыхивать искры классоваго сознанія. А въ 1844 г. ярко вспыхнуло возстаніе ткачей, раскрывшее такую ужасную картину гнета, нищеты и озлобленности нѣмецкаго пролетаріата, что для многихъ нѣмецкихъ соціалистовъ-утопистовъ это возстаніе сыграло роль могилы, въ которой они похоронили свои иллюзіи насчетъ особенныхъ историческихъ судебъ, уберегшихъ Германію отъ пролетаріата и классовой борьбы.

И параллельно съ этимъ, среди нѣмецкой интеллигенціи, до сихъ поръ довольствовавшейся теоретическими спорами и построеніями, все сильнѣе и настойчивѣе начинаетъ раздаваться при-

зывъ перейти отъ теоріи къ практикѣ, отъ созданія новыхъ теоретическихъ *формулъ* общественной жизни къ практической борьбѣ за новыя *формы* этой жизни.

Примирить теорію съ практикой и привлечь этимъ путемъ къ своей теоріи сочувствіе и содѣйствіе народной массы—таковъ былъ лозунгъ передовой нѣмецкой интеллигенціи второй половины сороковыхъ годовъ.

„Завершеніемъ *теоретическаго* освобожденія, — писалъ Арнольдъ Руге,—должно быть освобожденіе *практическое*. А практика есть не что иное, какъ движеніе массы въ духѣ теоріи“ [1]).

„Различныя партіи, — пишетъ Дронке, — ищутъ своей опоры и поддержки въ общественной жизни и притомъ не столько при посредствѣ теоріи, сколько путемъ воздѣйствія на жизнь. „Практика“ нашего вѣка прибѣгаетъ къ матеріальнымъ средствамъ послѣ того, какъ простое убѣжденіе и отвлеченная теорія уже не помогаютъ“.

„Всякое направленіе, всякая теорія стремится дѣйствовать практически. И коммунистъ, и сторонникъ средневѣковой феодальной деспотіи, всѣ стараются опереться на практическія средства. на самую жизнь, на массы“ [2]).

Но для того, чтобы успѣшно перейти отъ слова къ дѣлу, надо было раньше и прежде всего отказаться отъ старыхъ словъ, пустопорожность которыхъ была доказана жизнью. Чтобы бороться за соціализмъ въ жизни, „истинные“ соціалисты раньше всего должны были распрощаться со своими народнически-утопическими иллюзіями.

И наиболѣе чуткіе и искренніе изъ истинныхъ соціалистовъ сороковыхъ годовъ поняли это. Самый крупный ихъ представитель, Мозесъ Гессъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ, адресованныхъ Марксу. пишетъ (отъ 28 іюля 1846 г.): „Съ твоими взглядами относительно коммунистическихъ статей я вполнѣ согласенъ. Насколько вначалѣ было необходимо связывать коммунистическія стремленія съ нѣмецкой идеологіей, настолько же теперь необходимо обосновать ихъ на историческихъ и экономическихъ предпосылкахъ; иначе мы никогда не покончимъ ни съ „соціалистами“, ни съ другими врагами. Я теперь ушелъ всецѣло въ экономическія науки и съ нетерпѣніемъ жду появленія твоей книги, которую буду изучать въ великимъ усердіемъ“ [3]).

И М. Гессъ съ этихъ поръ въ своихъ статьяхъ отъ точки зрѣнія „истиннаго“ соціализма перешелъ къ точкѣ зрѣнія марксизма, сдѣлавшись ревностнымъ послѣдователемъ Маркса.

---

[1]) Ср. A. Ruge. Zwei Jahre in Paris. Studien und Erinnerungen. Leipzig 1846. Zw. Theil. стр. 134.

[2]) Er. Droncke. «Berlin». Zweiter Band. Frankfurt am Main 1846. 125—126 стр.

[3]) Ср. Aus dem literarischen Nachlass von Karl Marx etc. 2. Bd. 371 стр.

Такимъ образомъ, къ самому началу второй половины сороковыхъ годовъ даже „истинные“ соціалисты распрощались со своими иллюзіями относительно особенныхъ путей соціальнаго развитія Германіи и признали, что и въ Германіи развивается капитализмъ и разгорается классовая борьба.

Что же касается Маркса, то въ 1846 году онъ успѣлъ въ существенныхъ чертахъ выработать свою соціально-политическую доктрину и отдѣлаться отъ всякихъ слѣдовъ утопизма и народничества. Для него не представляло уже никакого сомнѣнія, что Германія, будучи втянута въ водоворотъ капиталистическаго хозяйства, должна въ ближайшее время пережить эпоху ожесточенной борьбы буржуазіи со старымъ порядкомъ во имя конституціоннаго политическаго строя. Весь вопросъ теперь сосредоточивался для Маркса на томъ, чтобы опредѣлить надежнѣйшую, такъ сказать, и кратчайшую линію поведенія для пролетаріата.

Выше мы уже видѣли, что въ чисто политической области Марксъ указывалъ нѣмецкому пролетаріату на необходимость содѣйствовать побѣдѣ буржуазіи надъ абсолютизмомъ; но, указывая на это, онъ имѣлъ, конечно, въ виду интересы пролетаріата, для котораго конституціонный строй представлялъ несравненно болѣе удобныя и благопріятныя условія жизни и борьбы, чѣмъ строй самодержавный.

Таковъ былъ общій лозунгъ, данный Марксомъ нѣмецкому пролетаріату. Но при практическомъ примѣненіи приходилось, конечно, детально выяснить, когда именно и въ чемъ именно буржуазія должна была встрѣтить содѣйствіе со стороны пролетаріата.

Отношенія между нѣмецкой буржуазіей и правительствомъ все обострялись. Ученый идеологъ нѣмецкой бужуазіи, пламенный глашатай исторической миссіи нѣмецкаго капитализма, Фридрихъ Листъ въ своей книгѣ „Das nationale System der politischen Oekonomie“ (Stuttgart 1841) обстоятельно доказывалъ, что нѣмецкому капитализму предстоитъ великая будущность, но для этого съ его пути надо убрать абсолютизмъ, который не соединимъ съ широкимъ развитіемъ производительныхъ силъ страны. У тогдашняго нѣмецкаго общества, однако, еще не было достаточно силъ, чтобы убрать съ исторической дороги Германіи „упрямый трупъ“ абсолютизма, а самъ онъ не только не уходилъ, но былъ чрезвычайно воинственно настроенъ. Нѣмецкая буржуазія сама по себѣ воинственностью не отличалась; кромѣ того, выступленія пролетаріата еще больше умѣрили ея и безъ того не слишкомъ большой пылъ. Но столь обстоятельно доказанная Листомъ невозможность для капитализма широко развиваться при абсолютизмѣ—волей-неволей заставляла буржуазію вести упорную борьбу съ самодержавнымъ правительствомъ Фридриха-Вильгельма IV.

Время отъ времени Фридрихъ-Вильгельмъ IV бросалъ по-

дачки обществу въ видѣ тѣхъ или иныхъ частичныхъ реформъ, ни мало, конечно, не посягающихъ на самодержавіе; но всѣ эти подачки неизмѣнно приводили къ результатамъ, какъ разъ противоположнымъ тѣмъ, ради которыхъ ихъ давало правительство — онѣ раздражали общество и повышали его требовательность и настойчивость. Въ концѣ концовъ, нѣмецкое правительство, стоя передъ призракомъ надвигавшагося финансоваго банкротства, вынуждено было пойти на сдѣлку съ буржуазіей, чтобы этимъ путемъ раздобыть себѣ денегъ. Фридрихъ-Вильгельмъ IV рѣшилъ дать Германіи представительство, но представительство совѣщательное, притомъ ограниченное и по своему составу, и по своимъ полномочіямъ. 3-го февраля 1847 г. появился королевскій указъ о созывѣ „Соединеннаго Ландтага" (нѣчто въ родѣ Земскаго Собора). Соединенный ландтагъ представлялъ собою попытку расширить и объединить земскія собранія. Выборы въ Соединенный ландтагъ были связаны съ высокимъ имущественнымъ цензомъ, функціи его были чисто совѣщательнаго характера, и въ довершеніе всего, правительство опутало депутатовъ мелочнымъ, чисто полицейскимъ регламентомъ веденія дѣлъ.

Такое уродливое и убогое представительство могло удовлетворить только тѣ общественные элементы, которые и безъ того были удовлетворены; недовольныхъ это совѣщательное представительство только раздражило и обозлило. Но какъ бы то ни было, оппозиція рѣшила воспользоваться и тѣми убогими и тѣсными рамками легальнаго политическаго представительства, которыя отвело ей правительство. И событія очень скоро показали, что абсолютизмъ былъ непримиримъ даже и съ такимъ жалкимъ представительствомъ. Оппозиціонная буржуазія использовала Соединенный ландтагъ для упорной борьбы съ правительствомъ.

Правительству Соединенный ландтагъ нуженъ былъ, главнымъ образомъ, для заключенія займовъ, и оппозиція рѣшила направить свои удары въ это слабое мѣсто правительства. Правительство внесло въ ландтагъ проектъ двухъ займовъ: одного — для учрежденія земельныхъ крестьянскихъ банковъ и другого — для постройки желѣзныхъ дорогъ на востокѣ Германіи. Депутаты оппозиціи при обсужденіи перваго займа заявили, что они не считаютъ себя компетентными для утвержденія займа, ибо они не являются истинными народными представителями. Проектъ займа для учрежденія крестьянскаго земельнаго банка былъ отвергнутъ громаднымъ большинствомъ въ 448 голосовъ противъ 101.

Обсужденіе займа для постройки желѣзныхъ дорогъ еще болѣе обострило положеніе. Въ Пруссіи чувствовалась настойчивая необходимость въ проведеніи желѣзныхъ дорогъ, и, конечно, самъ по себѣ проектъ правительства встрѣтилъ бы только сочув-

ствіе. Но оппозиція возстала противъ этихъ займовъ по политическимъ соображеніямъ, принимая во вниманіе, что Соединенный ландтагъ не является конституціоннымъ парламентомъ, а нѣмецкое правительство еще въ 1820 г. торжественно подтвердило обѣщаніе не заключать никакихъ займовъ безъ согласія народныхъ представителей. Депутатъ Кенигсберга Шперлинъ, высказываясь противъ утвержденія займа, говорилъ: „Я знаю, что интересы моей провинціи находятся въ конфликтѣ съ моими убѣжденіями. Но я здѣсь являюсь представителемъ интересовъ не своей провинціи, а всего отечества. Я долженъ поэтому слѣдовать своимъ убѣжденіямъ и отвѣтить отрицательно на предложеніе правительства“.

„Если бы даже,—говорилъ старый полковникъ Тарпутшенъ,—согласіе на заемъ превратило всѣ хижины моей страны въ дворцы, я бы все-таки голосовалъ противъ него, въ увѣренности, что тотъ, кто живетъ въ избѣ и имѣетъ чистую совѣсть, болѣе счастливъ, чѣмъ жители дворцовъ съ нечистою совѣстью“.

Проектъ займа былъ отвергнутъ 360 голосами противъ 179. Это было открытымъ объявленіемъ войны правительству. Фридрихъ-Вильгельмъ IV былъ взбѣшенъ. Онъ писалъ министру Тилю: „Отъ отказа въ утвержденіи займа мнѣ лично ни холодно, ни жарко, но отъ этого станетъ и холодно, и жарко пруссакамъ“ [1]).

Марксъ всецѣло одобрилъ эту тактику нѣмецкой буржуазіи по отношенію къ правительству. Но, одобряя политическое поведеніе нѣмецкой буржуазіи по отношенію къ правительству и доказывая, что пролетаріатъ въ этомъ пунктѣ долженъ содѣйствовать буржуазіи, Марксъ, однако, при этомъ переоцѣнилъ революціонность настроенія тогдашней нѣмецкой буржуазіи и не отдѣлилъ рѣзкою линіею ея еще революціонную политическую роль по отношенію къ тогдашнему правительству отъ ея уже реакціонной роли по отношенію къ соціальнымъ требованіямъ демократіи.

Борясь съ правительствомъ за расширеніе своихъ политическихъ правъ, стремясь перестроить государство на новыхъ правовыхъ началахъ, нѣмецкая буржуазія конца сороковыхъ годовъ въ соціальномъ вопросѣ не собиралась совершать никакихъ крупныхъ реформъ. Въ то время, когда засѣдалъ Соединенный ландтагъ, общее экономическое разореніе страны вызвало сильную голодовку. Въ ландтагъ со всѣхъ концовъ страны доносились вопли о помощи безработному и голодающему населенію. Но ландтагъ недовольно отворачивался отъ обсужденія этихъ острыхъ вопросовъ. Напрасно депутатъ Грунца заклиналъ ландтагъ: „Настанетъ время, когда вы пожалѣете, что во-время не сдѣлали ничего

---

[1]) Ср. Treitschke, Deutsche Geschicte. Bd. V. Стр. 627.

для рабочаго класса". Ландтагъ въ области соціальныхъ вопросовъ не обнаруживалъ никакой наклонности къ реформаторству.

Когда въ ландтагъ былъ внесенъ проектъ отмѣны крайне тяжелаго для рабочаго класса налога, взимавшагося въ городахъ за помолъ зерна и убой скота, большинство депутатовъ высказалось противъ замѣны этого налога подоходнымъ. Марксъ въ „Нѣмецкой Брюссельской Газетѣ" сталъ въ этомъ вопросѣ на сторону буржуазіи и доказывалъ, что буржуазія должна была провалить законопроектъ о подоходномъ налогѣ, провалить какъ изъ тактическихъ политическихъ соображеній (не дать въ распоряженіе правительства новый источникъ доходовъ). такъ и изъ соображеній объ экономическихъ интересахъ рабочаго класса. Что касается тактическихъ политическихъ соображеній, то Марксъ ошибочно принялъ охрану большинствомъ ландтага своихъ узкихъ классовыхъ привилегій за революціонную мѣру противъ правительства. Прежде всего, въ сохраненіи пошлинъ за убой и помолъ была заинтересована не столько буржуазія, сколько помѣстное дворянство. Наиболѣе передовая изъ нѣмецкой буржуазіи—рейнская стояла за отмѣну этихъ пошлинъ и за прогрессивный подоходный налогъ. Пошлины за убой скота и помолъ зерна взимались только въ городахъ и такимъ образомъ, во-первыхъ, перекладывали значительную часть налогового бремени отъ деревенскаго населенія на городское и, во-вторыхъ, вызывали искусственное повышеніе заработной платы. Неудивительно, что наиболѣе передовые слои буржуазіи стояли за прогрессивный походный налогъ. И этотъ налогъ былъ отклоненъ при помощи наиболѣе реакціонныхъ и наименѣе сознательныхъ членовъ ландтага. Но эта ошибочная оцѣнка Маркса, жившаго въ это время за предѣлами Германіи, не имѣла важнаго принципіальнаго значенія для характеристики тогдашней стадіи развитія марксизма. Важное принципіальное значеніе имѣло то обстоятельство, что Марксъ высказался противъ утвержденія подоходнаго налога не только изъ тактическихъ соображеній борьбы съ правительствомъ, но еще и потому, что онъ считалъ, что отмѣна старой налоговой системы и переходъ къ новой, болѣе прогрессивной, для рабочаго класса, какъ таковаго, безразличенъ.

Здѣсь мы подходимъ къ интересному вопросу о тогдашнихъ взглядахъ Маркса на положеніе рабочаго класса въ капиталистическомъ строѣ и на возможность улучшенія его положенія въ рамкахъ этого строя. По поводу замѣны крайне тяжело ложившагося на плечи рабочихъ налога на помолъ хлѣба и убой скота подоходнымъ налогомъ, Марксъ доказывалъ въ „Нѣмецкой Брюссельской Газетѣ", что рабочіе отъ этой замѣны ничего не выиграютъ. „Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ введенія подоходнаго налога,—пишетъ онъ,—заработная плата упадетъ ровно настолько, насколько она раньше фактически повысится вслѣдствіе отмѣны налога на помолъ и убой

и обусловленнаго этимъ пониженія цѣнъ на жизненные продукты. Высота заработной платы, выраженная не въ деньгахъ, а въ жизненныхъ продуктахъ, необходимыхъ для рабочаго,—иначе говоря, высота реальной, а не номинальной заработной платы зависитъ отъ соотношенія между спросомъ и предложеніемъ. Измѣненіе налогового обложенія можетъ на мгновеніе поколебать это соотношеніе, но на долгое время оно ничего измѣнить не можетъ. Единственное экономическое преимущество подоходнаго налога состоитъ въ томъ, что взиманіе его обходится дешевле. Но отъ этого пролетаріатъ ровно ничего не выигрываетъ".

„Къ чему же сводятся всѣ толки о подоходномъ налогѣ? Прежде всего, пролетаріатъ во всемъ этомъ или совсѣмъ не заинтересованъ, или заинтересованъ лишь на мгновеніе. Во-вторыхъ, при взиманіи налога за убой и помолъ правительство постоянно лицомъ къ лицу сталкивается съ пролетаріатомъ, выступаетъ передъ нимъ въ очень непривлекательномъ видѣ; при подоходномъ же налогѣ правительство отодвигается на задній планъ и взваливаетъ на буржуазію непривлекательную дѣятельность давленія на заработную плату, съ цѣлью ея пониженія. Такимъ образомъ, подоходный налогъ приноситъ пользу только правительству" [1]).

Эти слова Маркса ясно обрисовываютъ намъ тогдашнее отношеніе марксизма къ борьбѣ рабочаго класса за улучшеніе своего матеріальнаго положенія въ рамкахъ капиталистическаго строя. Какъ показываютъ выше приведенныя слова, Марксъ считалъ рабочій классъ прикованнымъ къ опредѣленному уровню заработной платы непоколебимо устанавливаемымъ соотношеніемъ между спросомъ и предложеніемъ. Но, какъ мы увидимъ, въ томъ же самомъ 1847 г., когда были написаны приведенныя строки, Марксъ началъ уже склоняться и къ другому мнѣнію, а именно къ тому, что рабочіе могутъ поднять свою заработную плату и вообще улучшить свое матеріальное положеніе и въ рамкахъ капиталистическаго производства, но только относительно, а не абсолютно. Другими словами, матеріальное положеніе рабочаго класса падаетъ, лишь по сравненію съ ростомъ богатства буржуазіи, абсолютно же, т. е. взятое самое по себѣ безотносительно къ буржуазіи, оно можетъ и улучшаться.

Такимъ образомъ, уже въ первыхъ произведеніяхъ Маркса, посвященныхъ рабочему вопросу, мы можемъ наблюдать борьбу между относительнымъ и абсолютнымъ пониманіемъ теоріи обнищанія рабочаго класса въ капиталистическомъ обществѣ.

Остановимся на нѣкоторыхъ изъ этаповъ этой внутренней

---

[1]) Ср. статью „Der Kommunismus des Rheinischen Beobachters", напечатанную въ 1847 г. въ „Deutsche Brusseler Zeitung". Ср. Aus dem literarischen Nachlass. Bd. II. Стр. 436—437.

борьбы между двумя пониманіями судебъ рабочаго класса въ капиталистическомъ обществѣ.

Въ 1845 году вышла знаменитая книга Энгельса „Положеніе рабочаго класса въ Англіи". Книга эта впервые въ нѣмецкой литературѣ давала широко и мастерски набросанную картину жизни и чаяній англійскаго пролетаріата. Въ тогдашней нѣмецкой соціалистической литературѣ, привыкшей къ декламаціямъ на соціалистическія темы и толкамъ о пролетаріатѣ на основаніи философіи Фейербаха, солидная книга Энгельса, основанная на богатѣйшемъ фактическомъ матеріалѣ, была цѣлымъ событіемъ. Передъ глазами нѣмецкой интеллигенціи прошла въ этой книгѣ подлинная, а не раскрашенная жизнь пролетаріата съ его убогою матеріальною жизнью и гордыми идеалистическими чаяніями.

Книга Энгельса вышла въ то время, когда въ Англіи кипѣла ожесточенная борьба за отмѣну хлѣбныхъ пошлинъ, сильно поднимавшихъ цѣны на хлѣбъ, а слѣдовательно, и заработную плату.

„Съ отмѣной хлѣбныхъ пошлинъ падутъ хлѣбныя цѣны, и заработная плата въ Англіи опустится до уровня заработной платы въ другихъ цивилизованныхъ странахъ Европы—это ясно для каждаго на основаніи вышеуказанныхъ принциповъ, которыми регулируется заработная плата. Фабрикантъ получитъ большую возможность конкурировать, спросъ на англійскіе товары будетъ расти, и вмѣстѣ съ этимъ будетъ расти и спросъ на рабочія руки. Послѣдствіемъ такого усиленнаго спроса будетъ, конечно, нѣкоторое повышеніе заработной платы, а безработные рабочіе получатъ работу; но какъ долго это будетъ длиться? „Избытокъ населенія" Англіи и особенно Ирландіи хватитъ на то, чтобы снабжать англійскую промышленность, даже если она удвоится нужнымъ количествомъ рабочихъ рукъ. Въ два, три года маленькая выгода отъ отмѣны хлѣбныхъ пошлинъ для пролетаріата совершенно сгладится, наступитъ новый кризисъ и мы будемъ не дальше, чѣмъ раньше" [1]).

Мы видимъ, что Энгельсъ развивалъ въ 1845 г. относительно борьбы противъ хлѣбныхъ пошлинъ въ Англіи совершенно тѣ же мысли, которыя спустя два года излагалъ Марксъ по поводу движенія въ Германіи, направленнаго на отмѣну пошлинъ за помолъ зерна и убой скота.

Взятыя сами по себѣ эти разсужденія Маркса и Энгельса были совершенно правильны, если при обсужденіи вопроса о высотѣ заработной платы оставить въ сторонѣ вопросъ о вліяніи на нее со стороны соціальнаго законодательства и рабочихъ союзовъ.

---

[1]) Ср. Энгельсъ. Положеніе рабочаго класса въ Англіи. Пер. съ нѣм. Спб. 1905. Стр. 220

Соціальное законодательство, вводя ограниченіе рабочаго времени, содѣйствовало и повышенію заработной платы. Дѣло въ томъ, что тогда въ Англіи преобладала поштучная заработная плата. Вслѣдствіе этого рабочіе стремились недостаточность заработной уплаты возмѣщать путемъ удлиненія рабочаго времени. Это увеличивало конкуренцію между рабочими и этимъ самымъ понижало ихъ заработокъ. Благодаря системѣ поштучной платы при неограниченной закономъ длинѣ рабочаго дня, въ тогдашней Англіи конкуренція между рабочими постоянно низводила заработную плату до самаго жалкаго уровня. Но уже въ 1847 г. былъ проведенъ законъ объ ограниченіи рабочаго времени на фабрикахъ, гдѣ работаютъ малолѣтніе, десятью часами, а такъ какъ малолѣтніе работали на всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ фабрикахъ, то фактически для всѣхъ рабочихъ рабочій день былъ ограниченъ десятью часами. Этотъ законъ воздвигъ преграду не только для эксплоатаціи рабочихъ хозяевами, но и для чрезмѣрной эксплоатаціи рабочими своего организма. Организаціи рабочихъ сдѣлали въ этомъ отношеніи еще больше и могущественно содѣйствовали подъему заработной платы организованныхъ рабочихъ.

Въ 1845 г., когда Энгельсъ писалъ свою книгу о положеніи рабочаго класса Англіи, всѣ эти факторы лишь намѣчались, а законъ, ограничивающій длину рабочаго дня, еще не существовалъ. Неудивительно потому, что Энгельсъ, хотя и предсказывалъ, что десятичасовой билль пройдетъ, все-таки не могъ учесть вліяніе этихъ новыхъ факторовъ на высоту заработной платы и приходилъ къ безотрадному выводу: „Мы изслѣдовали принципы, которыми опредѣляются судьбы, надежды и опасенія пролетаріевъ, и нашли, что нѣтъ никакихъ видовъ на улучшеніе ихъ положенія“ [1]).

Въ „Рѣчи о свободной торговлѣ“, произнесенной К. Марксомъ въ Брюсселѣ въ январѣ 1848 г., но написанной въ концѣ 1847 г., Марксъ еще, повидимому, стоитъ на точкѣ зрѣнія абсолютной теоріи обнищанія рабочаго класса по мѣрѣ роста капиталистическаго хозяйства. Онъ, повидимому, считалъ тогда, что заработная плата рабочихъ по мѣрѣ роста производительности труда будетъ понижаться не только по сравненію съ этимъ ростомъ, но и абсолютно, взятая сама по себѣ. „По мѣрѣ роста производительнаго капитала,—говоритъ онъ,—увеличивается конкуренція между рабочими, притомъ увеличивается, сравнительно, гораздо сильнѣе. Вознагражденіе за трудъ уменьшается для всѣхъ, а бремя труда для нѣкоторыхъ увеличивается“ [2]).

---

[1]) Энгельсъ 1. с., стр. 216.

[2]) К. Марксъ. Рѣчь о свободѣ торговли. Пер. съ фр. С. Алексѣева. Одесса. 1905. Стр. 14.

„Прогрессъ промышленности,—говоритъ Марксъ далѣе,—создаетъ болѣе дешевыя средства существованія. Такъ, пиво вытѣсняется водкой, шерсть и ленъ—хлопкомъ, хлѣбъ—картофелемъ. А такъ какъ всегда найдутся способы содержать трудъ при помощи болѣе дешевыхъ и менѣе удовлетворительныхъ продуктовъ, то минимумъ заработной платы постепенно понижается“ [1]).

Но уже черезъ годъ (въ 1849 г.) въ статьѣ „Наемный трудъ и капиталъ“ Марксъ перенесъ вопросъ о матеріальной участи рабочаго класса въ капиталистическомъ государствѣ на широкую соціалистическую почву борьбы классовъ между собою. Рабочій классъ ведетъ упорную и непримиримую борьбу съ феодальнымъ и буржуазнымъ классами общества. Онъ ведетъ эту борьбу, ставя своею конечною цѣлью низверженіе всего капиталистическаго строя и пользуясь всѣми средствами и возможностями попутно улучшать свое матеріальное положеніе и въ рамкахъ капиталистическаго строя. Эти средства и возможности доставляетъ рабочему мощная профессіональная организація. Но вмѣстѣ съ этимъ сказочно растетъ матеріальное богатство класса капиталистовъ, растетъ производительная сила труда, а поэтому для опредѣленія сравнительной силы рабочаго класса въ капиталистическомъ обществѣ приходится принять во вниманіе вопросъ не о томъ, растетъ или падаетъ заработная плата сама по себѣ, а растетъ или уменьшается относительная доля рабочаго класса въ сказочномъ ростѣ матеріальнаго богатства капиталистическихъ странъ. Вопросъ о ростѣ или упадкѣ заработной платы самой по себѣ имѣетъ огромное значеніе и для теоріи, и для практики рабочаго движенія, но разрѣшеніе этого вопроса въ положительномъ смыслѣ еще оставляетъ открытымъ вопросъ о томъ, не падаетъ ли относительная доля рабочаго класса въ производимомъ національномъ богатствѣ.

На такую широкую соціалистическую почву перенесъ этотъ вопросъ Марксъ въ статьѣ „Наемный трудъ и капиталъ“. Здѣсь онъ уже вполнѣ допускаетъ возможность повышенія заработной платы рабочихъ въ капиталистическомъ обществѣ, но указываетъ, что это повышеніе ничего не измѣняетъ въ *относительномъ* ухудшеніи матеріальнаго положенія рабочаго класса. „Съ ростомъ капитала,—говоритъ Марксъ,—растетъ количество наемнаго труда, значитъ растетъ и число наемныхъ рабочихъ, другими словами, господство капитала распространяется на большее число лицъ. Если мы возьмемъ наиболѣе благопріятный случай, то съ ростомъ производительнаго капитала растетъ и спросъ на трудъ. Тогда повышается и цѣна труда, повышается заработная плата.

„Домъ—будь онъ маленькій или большой—отвѣчаетъ общественнымъ требованіямъ, предъявляемымъ къ жилищу, пока окру-

[1]) Ibid., стр. 19.

жающіе его дома малы. Но какъ только рядомъ съ маленькимъ домомъ выростаетъ дворецъ, маленькій домъ оказывается хижиной. Онъ свидѣтельствуетъ о томъ, что его владѣлецъ не можетъ имѣть притязаній на нѣчто лучшее, и, какъ бы онъ съ теченіемъ времени ни вытянулся въ вышину, обитатель его все-таки будетъ чувствовать себя неудовлетвореннымъ и приниженнымъ, если сосѣдній дворецъ выросъ въ такой же или еще большей степени.

„Замѣтное увеличеніе заработной платы предполагаетъ быстрый ростъ производительнаго капитала. А быстрый ростъ производительнаго капитала вызываетъ такой же быстрый ростъ богатства, роскоши, общественныхъ потребностей и наслажденій жизнью. Хотя жизненныя удобства рабочаго возросли, но удовлетвореніе, которое они доставляютъ, ничтожно въ сравненіи съ образомъ жизни капиталиста, вообще недоступной рабочему, и съ культурнымъ состояніемъ всего общества. Наши потребности наслажденія жизнью—общественнаго происхожденія. Поэтому мы измѣряемъ ихъ состояніемъ общества. Ихъ общественный характеръ дѣлаетъ ихъ относительными“ [1]).

Марксъ, такимъ образомъ, поставилъ этотъ вопросъ на широкую соціалистическую почву борьбы классовъ. Съ этой же точки зрѣнія подошелъ Марксъ къ одному изъ важнѣйшихъ вопросовъ тогдашней экономической жизни Германіи, вопросу: „свобода торговли или протекціонизмъ?“ Нѣмецкая промышленность отстала въ своемъ развитіи по сравненію съ англійской и французской, и вопросъ о протекціонизмѣ имѣлъ для нея огромный жизненный интересъ, и изъ-за него велась словесная битва между двумя лагерями.

Уже и у „истинныхъ“ соціалистовъ начиналъ подниматься вопросъ о необходимости предварительной „выварки въ фабричномъ котлѣ“. Въ этомъ отношеніи любопытна статья Фр. Шнаке „Промышленность и покровительственныя пошлины“, напечатанная въ 1847 г. въ журналѣ „Das Westfälische Dampfboot“, который редактировался однимъ изъ „истинныхъ“ соціалистовъ, Отто Люнингомъ.

„Конечно,—говоритъ Шнаке,—радикальныя реформы возможны только тамъ, гдѣ существуютъ радикальныя потребности, а эти послѣднія могутъ быть развиты только подъ вліяніемъ промышленности. Промышленность разовьетъ ихъ лучше, чѣмъ всѣ теоріи и вся философія, изъ которыхъ народу не испечешь хлѣба. Промышленность превращаетъ дѣвственный еще пролетаріатъ въ измѣняющійся и, подъ вліяніемъ растущаго вокругъ него богатства, подъ давленіемъ эксплоатаціи его эгоистическимъ классомъ, вырабатывающій сознаніе своего человѣческаго достоинства. Про-

---

[1]) Ср. К. Марксъ. Наемный трудъ и капиталъ. Пер. съ нѣм. Спб. 1905 г. Стр. 17—18.

мышленность служитъ единственнымъ истиннымъ рычагомъ прогресса, единственнымъ средствомъ привести въ движеніе народную массу и осуществить на дѣлѣ то, о чемъ едва дерзала мечтать чуждая народу головная теорія. Въ виду этого мы не отказываемся отъ „благодѣяній“ промышленности, не боимся упрека въ томъ, что мы „буржуа“ („fürchten den Vorwurf nicht, das wir Bourgeois seien“). Мы не хотимъ, чтобы нѣмецкій рабочій остался на самой низкой ступени матеріальной культуры, якобы для того, чтобы онъ былъ избавленъ отъ „мукъ неудовлетворенныхъ потребностей“: если онъ будетъ испытывать эти муки, то онъ уже самъ позаботится объ ихъ уничтоженіи“ [1]).

Воззрѣніе, выраженное въ этихъ словахъ, знаменовало собою цѣлую новую эпоху въ умонастроеніи нѣмецкой интеллигенціи, полный разрывъ со старымъ идиллическимъ утопизмомъ. Шнаке открыто призналъ необходимость и неизбѣжность для нѣмецкаго народа пройти черезъ капиталистическую выварку и указалъ на относительное преимущество капиталистическаго строя передъ старымъ патріархальнымъ.

Примѣняя эту точку зрѣнія къ вопросу о таможенныхъ пошлинахъ, которыхъ добивалась нѣмецкая буржуазія, соціалистамъ приходилось отказаться отъ чисто догматическаго и схоластическаго спора о преимуществѣ протекціонизма и свободной торговли и перенести его на почву конкретнаго обсужденія тѣхъ экономическихъ условій, въ которыхъ находилась хозяйственная жизнь Германіи второй половины сороковыхъ годовъ. Такъ и взглянули на этотъ вопросъ Марксъ и Энгельсъ. Они считали, что въ интересахъ рабочаго класса, чтобы нѣмецкая промышленность широко развилась, чтобы буржуазія одержала побѣду надъ абсолютизмомъ, а такъ какъ при этомъ они были убѣждены, что безъ покровительственныхъ пошлинъ нѣмецкая промышленность развиться не можетъ, то они и подали свой голосъ за эти пошлины.

Въ „Нѣмецкой Брюссельской Газетѣ“ Марксъ напечаталъ въ 1847 г. статью „Покровительственная пошлина и свобода торговли“, въ которой выяснилъ отношеніе соціалистовъ къ обсуждавшемуся въ Германіи вопросу о таможенномъ покровительствѣ. Экономически, говоритъ Марксъ, рабочіе нисколько не выигриваютъ, будетъ ли свобода торговли или покровительственная система.

Но надо стать на широкую классовую точку зрѣнія. „Нѣмецкая буржуазія нуждается въ покровительственныхъ пошлинахъ для того, чтобы покончить съ средневѣковыми остатками феодаль-

---

[1]) Ср. Fr. Schnake „Industrie und Schutzzölle“ въ „Das Westjälische Dampfboot“. Eine Monatsschrift redigirt von Dr. Otto Lüning. Dritter Iahrgang Paderborn 1847. Стр. 68.

ной аристократіи и нынѣшней... „Божьей милостію“ и вмѣстѣ съ тѣмъ до чиста и вполнѣ развить свою собственную, внутреннюю сущность. Вслѣдствіе этого и рабочій классъ заинтересованъ въ томъ, чтобы содѣйствовать неограниченному господству буржуазіи. Лишь послѣ того, какъ только *одинъ* классъ — буржуазія — будетъ существовать, какъ эксплоатирующая и давящая сила, лишь послѣ того какъ нищета и нужда будутъ сосредоточены на опредѣленномъ слоѣ населенія и уже не будутъ ставиться въ вину неограниченной монархіи и ея бюрократіи, лишь послѣ этого вспыхнетъ послѣдняя рѣшительная битва, битва между имущими и обездоленными, между буржуазіей и пролетаріатомъ. Тогда поле битвы будетъ очищено отъ всякихъ излишнихъ загражденій, отъ всякихъ вводящихъ въ заблужденіе подробностей, тогда положеніе обоихъ воюющихъ лагерей станетъ яснымъ и опредѣленнымъ.

„Съ побѣдой буржуазіи и рабочіе, толкаемые самими условіями, сдѣлаютъ огромный шагъ впередъ, такъ такъ теперь уже они не будутъ выступать противъ существующаго порядка какъ единичныя лица и въ лучшемъ случаѣ какъ немногія сотни или тысячи, теперь они возстанутъ съ соединенными силами и по сообща принятому плану въ качествѣ *единаго* класса съ обособленными интересами и принципами, возстанутъ уже противъ своего послѣдняго и злѣйшаго врага—буржуазіи“ [1]).

Въ томъ же 1847 году, когда Марксъ на страницахъ „Нѣмецкой Брюссельской Газеты“ высказался по отношенію къ Германіи за таможенное покровительство промышленности, въ Брюсселѣ собрался международный конгрессъ для обсужденія вопроса о свободѣ торговли и протекціонизмѣ. На конгрессъ со всѣхъ концовъ Европы съѣхались ученые и практики, долго и обстоятельно разсматривавшіе этотъ вопросъ. Когда конгрессъ подходилъ уже къ концу, Марксъ рѣшилъ принять въ немъ участіе и произнести рѣчь о свободѣ торговли. Но списокъ ораторовъ былъ уже закрытъ, и Марксу не удалось принять участія въ этомъ конгрессѣ. Приготовленную для него рѣчь онъ впослѣдствіи прочелъ 9-го января 1848 года въ брюссельской „Демократической Ассоціаціи“.

Въ этой рѣчи Марксъ обсуждалъ вопросъ о свободѣ торговли уже не въ примѣненіи его къ нѣмецкимъ условіямъ, а съ общей принципіальной точки зрѣнія и рѣшительно высказался при этомъ въ интересахъ рабочаго класса за свободу торговли.

Съ перваго взгляда можетъ показаться,— и многимъ критикамъ Маркса дѣйствительно показалось, — что между статьею

---

[1]) K. Marx. Schutzzoll oder Freihandelsystem. Aus dem literarischen Nachlass 2. Bd. 431—432.

Маркса въ „Нѣмецкой Газетѣ“, въ которой онъ, исходя изъ интересовъ рабочаго класса, высказывался за протекціонизмъ, и его „Рѣчью о свободѣ торговли“, гдѣ онъ высказывался за свободу торговли, что между этими двумя статьями существуетъ самое рѣзкое противорѣчіе. Но, на самомъ дѣлѣ, это противорѣчіе лишь кажущееся. Если мы внимательнѣе вдумаемся въ аргументацію Маркса, то легко замѣтимъ, что Марксъ ни въ той, ни въ другой статьѣ ни малѣйше не противорѣчилъ: онъ въ обѣихъ статьяхъ оставался вѣренъ своей діалектической точкѣ зрѣнія, дѣлавшей недоступнымъ разсмотрѣніе вопроса о свободѣ торговли съ догматической точки зрѣнія.

Вредна свобода торговли или полезна? Долженъ ли рабочій классъ бороться противъ таможеннаго покровительства или не долженъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ зависитъ отъ того, о какомъ рабочемъ классѣ идетъ рѣчь, на какой стадіи развитія находится страна, какихъ успѣховъ достигла ея промышленность. Именно на такую относительную, діалектическую точку зрѣнія ставилъ этотъ вопросъ Карлъ Марксъ. Когда ему пришлось рѣшать этотъ вопросъ по отношенію къ Германіи, то онъ рѣшилъ его не абстрактно, не догматически, а принимая во вниманіе весь чрезвычайно сложный и пестрый переплетъ соціально-экономическихъ условій тогдашней Германіи. Марксъ пришелъ къ убѣжденію, что нѣмецкая промышленность не можетъ широко развиться безъ покровительственныхъ пошлинъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ убѣжденъ, что широкое развитіе нѣмецкой промышленности лежитъ въ интересахъ нѣмецкаго рабочаго класса. И Марксъ безъ колебанія высказался за таможенныя пошлины, не „вообще“, а лишь по отношенію къ Германіи 1847-го года. На международномъ же конгрессѣ о свободѣ торговли вопросъ этотъ обсуждался съ общей принципіальной точки зрѣнія и притомъ по отношенію къ странамъ, въ которыхъ крупная буржуазія уже побѣдила старый феодально-бюрократическій строй. Вопросъ, такимъ образомъ, былъ перенесенъ на совершенно иную почву, поставленъ въ совершенно иныя условія, и Марксъ, принимая это во вниманіе, далъ на него и иной отвѣтъ. Здѣсь онъ уже имѣлъ въ виду не Германію, въ которой капиталистическая промышленность была еще очень слабо развита и въ которой господствовала не буржуазія, а абсолютизмъ и феодальные классы. Онъ имѣлъ въ виду развитыя въ капиталистическомъ отношеніи страны, въ которыхъ буржуазія уже заняла господствующее положеніе.

По отношенію къ этимъ странамъ Марксъ высказался за свободу торговли, принимая во вниманіе, что режимъ свободной торговли проясняетъ классовую противоположность между буржуазіей и пролетаріатомъ и тѣмъ самымъ содѣйствуетъ развитію классового сознанія послѣдняго.

„Допустимъ на минуту,—говоритъ здѣсь Марксъ,—что нѣтъ

болѣе ни хлѣбныхъ законовъ, ни устарѣлыхъ формъ пошлинъ и налоговъ, что вполнѣ устранены всѣ подобныя обстоятельства, которымъ рабочій могъ еще приписать свое жалкое положеніе— этимъ только будутъ разорваны лишнія завѣсы, скрывающія отъ его глазъ истиннаго врага. Онъ увидитъ, что освобожденный капиталъ не въ меньшей степени превращаетъ его въ раба, чѣмъ капиталъ, отягощенный покровительственными пошлинами" [1]).

И Марксъ закончилъ свою рѣчь о свободѣ торговли словами: „Вообще, въ наши дни протекціонизмъ является консервативной силой, между тѣмъ какъ свобода торговли дѣйствуетъ разрушительно. Она разрушаетъ старыя національныя границы и доводитъ до крайности контрастъ между буржуазіей и пролетаріатомъ. Словомъ, система свободы ускоряетъ соціальное преобразованіе. И только въ этомъ преобразовательномъ смыслѣ я подаю голосъ за свободу торговли" [2]).

Статьи о свободѣ торговли показываютъ, съ одной стороны, что уже въ то время Марксъ не подходилъ къ обсужденію вопросовъ соціально-политической жизни съ точки зрѣнія застывшаго догмата, а всегда ставилъ его въ зависимость отъ всѣхъ пестрыхъ и мѣняющихся обстоятельствъ времени и мѣста. Высказываясь съ общей принципіальной точки зрѣнія за свободу торговли, Марксъ по отношенію къ Германіи, гдѣ буржуазія еще не достигла господства, высказался за протекціонизмъ.

Но въ то же время эти статьи показываютъ, что Марксъ въ 1847 г. еще до чрезвычайности упрощенно смотрѣлъ на ближайшія судьбы капиталистическаго строя. Какъ показываютъ приведенныя нами цитаты, Марксъ считалъ, что въ развитомъ капиталистическомъ обществѣ,—а таковымъ онъ считалъ Англію 1847 г.—всѣ промежуточныя ступени соціальной лѣстницы рухнутъ, и на полѣ битвы другъ противъ друга будутъ стоять только два врага — буржуазія и пролетаріатъ. Онъ склоненъ былъ думать, что уже въ 1847 г. передовыя страны Европы стояли на порогѣ полнаго исчезновенія всѣхъ промежуточныхъ звеньевъ и ступеней между пролетаріатомъ и буржуазіей. Уже въ 1845 г. Энгельсъ писалъ объ англійской крупной буржуазіи, что его поражаетъ „беззаботная жизнерадостность, съ которой этотъ классъ живетъ на почвѣ, которая уже колеблется подъ его ногами и можетъ провалиться каждый день, и скорое крушеніе которой такъ же вѣрно, какъ какой-либо математическій или механическій законъ" [3]). Уже по отношенію къ Англіи въ 1845 г. Энгельсъ утверждалъ, что „здѣсь существуетъ только классъ богачей и

---

[1]) Карлъ Марксъ. Рѣчь о свободѣ торговли. Одесса. 1905. Стр. 20.
[2]) Ср. Ibid. Стр. 23.
[3]) Ср. Энгельсъ. Положеніе рабочаго класса въ Англіи. Спб. 1905. Стр. 32.

классъ бѣдняковъ, такъ какъ мелкая буржуазія съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе исчезаетъ“ [1]). Этотъ оптимизмъ относительно ближайшаго будущаго, опиравшійся на представленіе хода капиталистическаго развитія въ сильно упрощенномъ и сокращенномъ видѣ, какъ мы увидимъ ниже, лишь постепенно отмиралъ въ произведеніяхъ Маркса. Въ періодъ же своей жизни въ Брюсселѣ Марксъ еще всецѣло раздѣлялъ этотъ оптимизмъ, нисколько впрочемъ не мѣшавшій выработкѣ общихъ теоретическихъ положеній. Брюссельскій періодъ въ жизни Маркса былъ вообще чрезвычайно богатъ крупными интеллектуальными завоеваніями и переживаніями. Именно въ этотъ періодъ Марксъ окончательно порвалъ съ нѣмецкими утопистами всѣхъ видовъ и разновидностей и подвергъ ихъ жестокой и разрушительной критикѣ. Рука объ руку съ этой разрушительной, критической работой шла у Маркса созидательная, положительная. Съ одной стороны, въ Брюсселѣ онъ впервые принялъ широкое практическое участіе въ коммунистическомъ движеніи, а во-вторыхъ, вчернѣ уже закончилъ грандіозный планъ воздвигаемой имъ научной системы. Наиболѣе крупнымъ и важнымъ произведеніемъ брюссельскаго періода его жизни является, конечно, „Нищета философіи“ (1847), въ которой Марксъ впервые изложилъ свою экономическую систему и подвергъ, въ лицѣ Прудона, рѣзкой критикѣ мелкобуржуазный соціализмъ.

Несомнѣнно, было время, когда Марксъ былъ горячимъ поклонникомъ Прудона. Когда въ 1843 году Марксъ работалъ въ „Рейнской Газетѣ“, и одна нѣмецкая газета стала приставать къ нему съ обвиненіями въ коммунизмѣ, то Марксъ, какъ мы уже знаемъ, отвѣтилъ, что насчетъ коммунизма у него еще нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ убѣжденій, ибо онъ съ нимъ недостаточно знакомъ, но однако уже и тогда онъ выдѣлялъ Прудона, какъ писателя, достойнаго серьезнаго вниманія [2]). Очевидно Марксъ уже тогда былъ знакомъ съ Прудономъ.

Вплоть до 1845 г. Марксъ считалъ главное сочиненіе Прудона „научнымъ манифестомъ пролетаріата“. Глубокимъ уваженіемъ къ Прудону проникнута еще вся книга Маркса „Святое Семейство“, появившаяся въ 1845 году.

„Прудонъ,—говоритъ здѣсь Марксъ, — подвергаетъ критическому изслѣдованію основу политической экономіи, частную собственность; при этомъ Прудонъ впервые даетъ рѣшительную, безпощадную и вмѣстѣ съ тѣмъ научную ея критику. Таковъ совершенный имъ великій научный прогрессъ, революціонизировав-

---

[1]) Ibid. Стр. 35.

[2]) Среди достойныхъ вниманія соціалистическихъ произведеній Марксъ отмѣчаетъ „прежде всего глубокое произведеніе Прудона“. Ср. „Ueber Kommunismus“. Aus dem liter. Nachlass Bd. II. стр. 278.

щій политическую экономію и впервые сдѣлавшій возможной истинную науку о народномъ хозяйствѣ. Сочиненіе Прудона „Что такое собственность“ имѣетъ такое же значеніе для современной политической экономіи, какъ сочиненіе Сійеса „Что такое третье сословіе?“ для современной политики“ [1]. „Прудонъ,—говоритъ далѣе Марксъ,—вполнѣ послѣдовательно выяснилъ, что политико-экономическія условія искажаются не тѣмъ или инымъ видомъ частной собственности, — какъ это утверждаютъ другіе экономисты, не идущіе дальше частностей,—а собственностью вообще. Прудонъ сдѣлалъ все, что только можетъ сдѣлать политико-экономическая критика, стоя на своей экономической точкѣ зрѣнія“ [2].

„Прудонъ,—говоритъ здѣсь же Марксъ,—не только пишетъ въ интересахъ пролетаріата, но онъ и самъ пролетарій, ouvrier. Его сочиненіе есть научный манифестъ французскаго пролетаріата“ [3].

Такое восторженное отношеніе Маркса къ Прудону было продиктовано не только тѣмъ, что въ то время истинный, мелкобуржуазный характеръ прудоновскаго соціализма еще не достаточно ярко опредѣлился и проявился, но и тѣмъ еще, что въ эту эпоху еще недостаточно установилось и опредѣлилось міровоззрѣніе самого Маркса. По мѣрѣ того, какъ развивалось и уяснялось міровоззрѣніе двухъ этихъ замѣчательныхъ представителей соціальнаго движенія, для нихъ обоихъ все яснѣе становились противоположность и враждебность ихъ теорій. Отношеніе Маркса къ Прудону быстро и рѣзко измѣнялось.

Уже во время своей жизни въ Парижѣ (въ 1844 г.) Марксъ лично познакомился съ Прудономъ, и они зачастую ночи напролетъ проводили въ горячихъ спорахъ, показывавшихъ, что уже тогда между ними существовали пункты рѣзкаго расхожденія взглядовъ,—но тогда это еще не нарушало общей ихъ идейной близости. Но когда Марксъ переселился въ Брюссель и здѣсь выяснилъ и развилъ свое опредѣленное „марксистское“ міровоззрѣніе, то между нимъ и Прудономъ образовалась глубокая пропасть. И пропасть эта образовалась не только благодаря тому, что рѣзко столкнулись и направились въ противоположныя стороны ихъ теоретическія воззрѣнія, но еще и потому, что ихъ практическая дѣятельность среди рабочаго класса носила рѣзко различный характеръ и преслѣдовала различныя цѣли.

Въ то время, когда Марксъ жилъ въ Брюсселѣ, въ Парижъ переселился Карлъ Грюнъ, нѣмецкій переводчикъ Прудона и одинъ изъ главныхъ представителей „истиннаго“ соціализма. Въ

---

1) Ср. Ibid 127 стр.
2) Ср. Ibid. 129 стр.
3) Ср. Ibid. 138 стр.

Парижѣ К. Грюнъ близко сошелся съ Прудономъ и сталъ усердно насаждать прудонизмъ среди нѣмецкихъ рабочихъ, жившихъ въ Парижѣ. Марксъ обратился къ Прудону съ предложеніемъ принять участіе въ проектированномъ Марксомъ новомъ органѣ и при этомъ Марксъ счелъ нужнымъ предостеречь Прудона отъ К. Грюна, какъ человѣка весьма легкомысленнаго, съ очень путанной головой. Въ отвѣтномъ письмѣ Прудона уже явно сквозитъ холодное отчужденіе, наступившее между нимъ и Марксомъ. Прудонъ протестуетъ противъ „фанатическаго догматизма". „Будемъ,—пишетъ онъ Марксу,—вмѣстѣ отыскивать общественные законы, способы, которыми эти законы могутъ быть осуществлены, пути, которые ведутъ къ ихъ открытію, но, ради Бога, не будемъ начинять народы доктринами, послѣ того какъ мы a priori покончили со всякимъ догматизмомъ. Не будемъ впадать въ противорѣчіе вашего земляка, Мартина Лютера, который, разрушивъ католическую теологію, тотчасъ же сталъ широко практиковать отлученія и анаѳемы и насаждать протестанскую теологію... Не будемъ доставлять человѣческому роду новую работу путемъ созданія новой путаницы. Будемъ вести добрую и лояльную полемику, покажемъ свѣту примѣръ мудрой и дальновидной терпимости, но, стоя во главѣ движенія, мы не должны превращаться въ вожаковъ новой нетерпимости, мы не должны играть роли апостоловъ новой религіи, хотя бы это и была религія логики и разума".

Переходя къ изложенію своихъ взглядомъ, Прудонъ прежде всего подчеркиваетъ, что онъ противъ революціоннаго переворота, который онъ считаетъ уже пережитымъ и отвергнутымъ спобобомъ борьбы. Со своимъ обычнымъ наивнымъ самообольщеніемъ онъ пишетъ Марксу: „Я ставлю себѣ такую проблему: путемъ экономической комбинаціи вернуть обществу тѣ богатства, которыя оно потеряло благодаря другой экономической комбинаціи, другими словами—превратить въ политическую экономію теорію частной собственности, обративъ ее противъ собственности. Этимъ путемъ будетъ достигнуто то, что́ вы, нѣмецкіе соціалисты, называете общностью благъ, а я въ данное время называю свободой и равенствомъ. Я надѣюсь, что нашелъ средство въ теченіе короткаго срока разрѣшить эту проблему; я предпочитаю сжечь частную собственность на медленномъ огнѣ, вмѣсто того, чтобы, устроивъ ей варфоломеевскую ночь, придать этимъ новую силу всѣмъ собственникамъ".

Это письмо Прудона къ Марксу раскрываетъ во всей широтѣ ту пропасть, которая образовалась уже въ 1846 году между ихъ теоретическими взглядами. Дѣло тутъ не въ догматизмѣ и не въ терпимости, о которыхъ Прудонъ пишетъ, какъ о чисто личныхъ или, пожалуй, сектантскихъ недостаткахъ Маркса и его послѣдователей. Дѣло, въ дѣйствительности, въ томъ, что у Прудона

подъ отсутствіемъ догматизма скрывалось отсутствіе твердаго и яснаго сознанія цѣли, къ которой онъ стремился, и средствъ, которыя къ ней ведутъ, а терпимость его вытекала все изъ того же источника неустойчивости, промежуточности, а отсюда теоретической расплывчивости взглядовъ.

Въ то же самое время теоретическая безпомощность прудонизма сводилась на практикѣ къ проповѣди неимущимъ классамъ экономической самопомощи. Послѣдователи Прудона,—а среди нихъ были и нѣмецкіе рабочіе,—усердно проповѣдовали, между прочимъ, сбереженія для покупки акцій, съ помощью которыхъ можно было по грошамъ скупить весь капиталистическій міръ и этимъ положить ему конецъ. Эта практика прудонистовъ вызывала со стороны Маркса самый рѣзкій протестъ. Разрывъ между бывшими друзьями, такъ сказать, висѣлъ въ воздухѣ и нуждался только въ поводѣ для того, чтобы сдѣлать его офиціальнымъ. Въ 1846 году вышло самое цѣнное изъ научныхъ произведеній Прудона: „Система экономическихъ противорѣчій или философія нищеты". Въ этомъ своемъ основномъ произведеніи Прудонъ остался вѣренъ своему утопизму и попрежнему полагалъ, что для того, чтобы разрѣшить соціальный вопросъ, надо только найти и въ точности установить соотвѣтствующую научную формулу. Въ данномъ случаѣ таковою формулою являлась формула установленной цѣнности, цѣнности, каковой она должна быть для того, чтобы устранить капиталическую эксплоатацію.

Прудонъ отослалъ свою книгу Марксу и въ сопроводительномъ письмѣ говорилъ: „жду вашу строгую критику". Строгая критика не заставила себя долго ждать. Въ 1847 г. появилась „Нищета Философіи" Маркса, въ которой былъ вскрытъ и подвергнутъ безпощадной критикѣ мелко-буржуазный и утопическій характеръ прудоновскихъ теорій.

Но „Нищета Философіи" представляетъ очень большой интересъ не только, какъ критика прудонизма, но и какъ первое произведеніе, въ которомъ систематически были изложены политико-экономическія воззрѣнія Маркса. До сихъ поръ Марксъ писалъ статьи публицистическаго, философскаго и соціологическаго характера. „Нищета Философіи" была первымъ политико-экономическимъ произведеніемъ Маркса.

Что касается матеріалистическаго пониманія исторіи, то въ „Нищетѣ Философіи" мы встрѣчаемся съ нимъ уже въ вполнѣ развитой формѣ. „Общественныя отношенія,—говоритъ здѣсь Марксъ,—тѣсно связаны съ производительными силами. Пріобрѣтая новыя производительныя силы, люди измѣняютъ свои способы производства, и измѣняя свои способы производства, способы обезпеченія своей жизни, они измѣняютъ всѣ свои общественныя отношенія. Ручная мельница даетъ вамъ общество съ сюзереномъ во главѣ; паровая мельница—промышленно-капиталистическое общество.

„Тѣ же самые люди, которые строятъ соціальныя отношенія соотвѣтственно своему способу матеріальнаго производства, производятъ также принципы, идеи и категоріи соотвѣтственно своимъ общественнымъ отношеніямъ“ [1]).

Какъ мы увидимъ ниже, въ „Нищетѣ Философіи“ обще-соціологическая теорія Маркса и ея двигающій нервъ—борьба классовъ—нашли уже себѣ блестящее выраженіе, но чисто экономическая теорія была тамъ еще далека отъ своего завершенія.

Какъ извѣстно, одно изъ главныхъ противорѣчій въ теоріи цѣнности классиковъ-экономистовъ состояло въ томъ, что они не различали цѣнности труда и цѣнности заработной платы. Если цѣнность товара создается „трудомъ“ и выражаетъ собою цѣнность послѣдняго, то тогда между цѣнностью труда, употребленнаго на производство, и цѣнностью полученнаго продукта должно было бы быть полное равенство. Но откуда же тогда берется прибыль? Постоянное отождествленіе труда съ рабочей силой не позволило экономистамъ-классикамъ выяснить особенныя свойства „труда-товара“, который въ своемъ процессѣ потребленія создаетъ прибыль капиталиста.

Марксъ впервые выяснилъ вполнѣ это противорѣчіе. Онъ показалъ, что рабочій продаетъ, а капиталистъ покупаетъ не трудъ, а рабочую силу.

Выяснивъ всю разницу между трудомъ и рабочей силой, Марксъ сдѣлалъ въ теоріи цѣнности громадный шагъ впередъ по сравненію съ классиками-экономистами. Но въ „Нищетѣ Философіи“ Марксъ этого шага еще не сдѣлалъ. „Естественная цѣна *труда*,—пишетъ здѣсь Марксъ,—есть не что иное, какъ минимумъ заработной платы“ [2]).

„Поскольку трудъ продается и покупается, онъ есть такой же товаръ, какъ и всѣ другіе“ [3]).

Такія выраженія часто попадаются въ „Нищетѣ Философіи“, свидѣтельствуя о томъ, что въ 1847 году теорія цѣнности Маркса еще не была вполнѣ выработана, но соціологическая его теорія уже была блестяще развита въ „Нищетѣ Философіи“. Мы уже видѣли, какъ Марксъ сжато и ярко выразилъ здѣсь основную идею матеріалистическаго пониманія исторіи. Такъ же сжато, такъ же ярко и широко набросалъ онъ здѣсь и свою теорію борьбы классовъ. Онъ мастерски обрисовалъ здѣсь процессъ рожденія и роста крупныхъ соціальныхъ классовъ, онъ показалъ, какъ сѣрая и безформенная масса населенія подъ вліяніемъ усложняющейся экономической культуры начинаетъ кристализоваться въ группы и классы, какъ эти классы постепенно обособляются

---

[1]) Ср. Марксъ „Нищета Философіи“. Пер. В. Засуличъ, Спб. 1906. Стр. 79.

[2]) Ср. Карлъ Марксъ „Нищета Философіи“. Перев. В. Засуличъ. Спб. 1906 Стр. 22.

[3]) Ibid Стр. 28.

и отмежевываются, и каждый вокругъ себя вырабатываетъ свою особую духовную атмосферу классового сознанія.

„Нищета Философіи“ была первымъ произведеніемъ, въ которомъ Марксъ общими чертами набросалъ свою грандіозную соціологическую теорію. Марксъ мастерски показалъ здѣсь, какъ различные фазисы въ развитіи производительныхъ силъ выращиваютъ цѣлый богатый міръ новыхъ соціальныхъ отношеній и идей, какъ производительныя силы раскалываютъ общество на враждующіе классы. Эта непрестанная борьба различныхъ общественныхъ классовъ и различныхъ экономическихъ укладовъ не составляетъ случайнаго и потому устранимаго явленія капиталистическаго общества. Глубокій классовый антогонизмъ составляетъ условіе существованія экономически развивающагося общества, онъ представляетъ движущую силу этого общества. Порождаемые условіями производства враждебные общественные классы, преслѣдуя каждый свою цѣль, стремятся преобразовать сообразно съ этимъ условія производства, которыя повелительно диктуютъ опредѣленныя отношенія обмѣна и распредѣленія. Нельзя устранить борьбу общественныхъ силъ, удерживая въ то же самое время тѣ самыя условія производства, которыя эту борьбу порождаютъ.

Такую точку зрѣнія развиваетъ Марксъ въ „Нищетѣ Философіи“. Какъ полюсъ отъ полюса была удалена руководящая соціологическая точка зрѣнія Маркса отъ соціологической точки зрѣнія Прудона. И Прудонъ въ своей „Философіи Нищеты“, и Марксъ въ своей „Нищетѣ Философіи“—оба являются гегельянцами, но въ то время какъ Марксъ усвоилъ діалектически-матеріалистическую сторону ученія Гегеля и въ его рукахъ послѣднее явилось настоящей „алгеброй революціи“ (выраженіе Герцена о философіи Гегеля), въ это самое время Прудонъ увлекся лишь метафизической стороной гегелевской философіи, надѣвающей на борющіяся революціонныя силы общественнаго развитія смирительныя рубахи вѣчныхъ, застывшихъ „категорій“. Для Маркса экономическія явленія являлись лишь продуктами живой и организованной борьбы соціальныхъ группъ,—борьбы, форма и характеръ которой предопредѣляются развитіемъ производительныхъ силъ. Для Прудона же экономическія отношенія не находятся другъ съ другомъ въ необходимой и, при данныхъ условіяхъ производства, нерасторжимой связи. Наоборотъ, Прудонъ искренне былъ убѣжденъ въ томъ, что разъ „общество“ убѣдится, что та или иная сторона нынѣшняго экономическаго строя вредна, то достаточно придумать соотвѣтствующій теоретическій рецептъ для исцѣленія,—и все устроится ко всеобщему удовольствію.

„Философія Нищеты“ Прудона и „Нищета Философіи“ Маркса знаменуютъ собою столкновеніе двухъ міровъ соціалистическаго движенія и соціалистической мысли—утопическаго мелко-буржу-

азнаго и научнаго пролетарскаго. Въ ходѣ историческаго развитія обоимъ этимъ движеніямъ приходится часто итти рука объ руку, сливаться въ дружномъ сотрудничествѣ, но антагонизмъ между ними никогда вполнѣ не исчезаетъ и порою вспыхиваетъ рѣзкой враждой. Въ концѣ сороковыхъ годовъ соціалистическое движеніе Франціи и Германіи въ своей идеологіи носило чрезвычайно сильный мелко-буржуазный отпечатокъ. И выступая противъ Прудона, Марксъ выступалъ противъ господствовавшаго тогда мелко-буржуазнаго утопизма. Прудонъ явился для Маркса лишь яркимъ, талантливымъ выразителемъ идеи мелкой буржуазіи, и на критикѣ его сочиненія Марксъ блестяще показалъ, что „экономическія противорѣчія, открытыя Прудономъ въ нынѣшнемъ капиталистическомъ строѣ, выражаютъ на самомъ дѣлѣ лишь экономическія противорѣчія", присущія мелкой буржуазіи, какъ промежуточному, междуумочному классу.

Въ письмѣ къ русскому публицисту Анненкову, написанному Марксомъ подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ „Философіи Нищеты" Прудона, мелко-буржуазной характеръ прудонизма охарактеризованъ очень ярко.

„Самъ Прудонъ,—пишетъ въ этомъ письмѣ Марксъ,—съ головы до ногъ есть фаворитъ и экономистъ мелкой буржуазіи. Въ развитомъ обществѣ онъ, вслѣдствіе своего положенія, неизбѣжно дѣлается съ одной стороны экономистомъ, а съ другой—соціалистомъ: онъ въ одно время и ослѣпленъ великолѣпіемъ знатной буржуазіи, и сочувствуетъ страданіямъ народа. Онъ мѣщанинъ и вмѣстѣ—народъ. Въ глубинѣ своей совѣсти онъ восхваляетъ себя за безпристрастіе, за то, что нашелъ тайну равновѣсія, которое будто бы не походитъ на juste milieu, золотую середину. Такой буржуа вѣруетъ въ противорѣчіе, потому что онъ самъ есть не что иное, какъ соціальное противорѣчіе въ дѣйствіи" [1]).

Рѣзкая полемика „Нищеты Философіи" съ мелко-буржуазнымъ соціализмомъ въ лицѣ Прудона, къ сожалѣнію, то и дѣло переходитъ у Маркса въ рѣзкую личную полемику съ Прудономъ, причемъ Марксъ не далъ себѣ труда посчитаться съ Прудономъ, духовнымъ родствомъ. А это духовное родство, какъ мы видѣли, нѣкогда существовало, и въ теченіе извѣстнаго періода Марксъ самъ увлекался Прудономъ. Кромѣ того, нельзя отрицать, что, поставивъ въ центръ экономической теоріи теорію цѣнности и вопросъ о прибавочной цѣнности, Прудонъ оказалъ этимъ сильное вліяніе на развитіе экономическихъ воззрѣній Маркса.

Но всѣ эти вопросы совершенно не интересовали Маркса въ „Нищетѣ Философіи". Его цѣлью было, по возможности, болѣе рѣзко и непримиримо противопоставить міръ пролетарскаго дви-

---

[1]) Ср. П. Анненковъ. Замѣчательное десятилѣтіе. „Вѣст. Европы" 1880. Апр. Стр. 501.

женія и пролетарскихъ идей міру мелко-буржуазнаго прожектерства и утопизма. И съ этой задачей Марксъ блестяще справился. Непосредственнаго сколько-нибудь широкаго вліянія „Нищета Философіи“ не имѣла ни въ Германіи, ни во Франціи. И тамъ, и здѣсь она прошла почти незамѣченной; авторитетъ Прудона она на первыхъ порахъ не подорвала ни на волосъ, а самаго Прудона заставила только обидѣться и порвать всякія сношенія съ Марксомъ.

Но непосредственный неуспѣхъ мало смущалъ Маркса. Онъ видѣлъ далеко впередъ и зналъ, что придетъ время, когда и рабочіе массы отвернутся отъ знахарей и утопистовъ и проложатъ себѣ свой историческій путь. Онъ зналъ, что тогда его идеи станутъ знаменемъ и оружіемъ борьбы. И онъ съ увѣренностью ждалъ этого времени, ждалъ не пассивно, а активно, борясь за его болѣе скорое наступленіе. Въ этой борьбѣ онъ ставилъ себѣ цѣлью прежде всего расчистить годами скопившійся мусоръ предразсудковъ и разогнать туманы и миражи утопистовъ, чтобы передъ рабочими раскрылся міръ соціальныхъ отношеній такимъ, каковъ онъ есть въ дѣйствительности. Надо было взглянуть на этотъ міръ зоркими и незатуманенными утопизмомъ глазами, надо было изучить его и, изучивъ, научиться измѣнить. Вотъ почему Марксъ придавалъ такое важное значеніе борьбѣ съ соціалистическимъ утопизмомъ во всѣхъ его видахъ и разновидностяхъ, и во время своей жизни въ Брюсселѣ подвергъ жестокой и обстоятельной критикѣ въ лицѣ Бруно-Бауера индивидуалистически-субъективистское теченіе; въ лицѣ Карла Грюна—народнически-утопическое направленіе; въ лицѣ Прудона—мелко-буржуазно соціалистическое. Но на этомъ „низверженіе кумировъ“, предпринятое тогда Марксомъ, еще не было закончено. Ему необходимо было еще уяснить свое отношеніе къ страстной соціалистической проповѣди-пропагандѣ, которую велъ тогда—пользуясь довольно значительнымъ успѣхомъ—Вильгельмъ Вейтлингъ. Вейтлингъ, подобно Прудону, вышелъ изъ низовъ народа и своимъ появленіемъ, опять-таки, подобно Прудону, привелъ въ восторгъ Маркса.

„Гдѣ,—писалъ Марксъ въ 1844 г.,—философы и писатели буржуазіи въ области положительной эмансипаціи создали произведеніе, могущее итти въ сравненіе съ „Гарантіями гармоніи и свободы“ Вейтлинга? Сравните жалкую, мелкую посредственность нѣмецкой литературы съ этимъ не знающимъ удержа, блестящимъ литературнымъ дебютомъ нѣмецкаго рабочаго, сравните эти гигантскіе дѣтскіе сапоги пролетаріата съ карликовыми политическими сапожками буржуазіи, и вы должны будете признать, что пролетарская сандрильона обѣщаетъ быть атлетомъ“.

Но по мѣрѣ того, какъ Марксъ все яснѣе и опредѣленнѣе вырабатывалъ теорію научнаго пролетарскаго соціализма, по

мѣрѣ этого все расширялась пропасть между нимъ и Вейтлингомъ. Вейтлингъ, самъ бывшій къ тому же портнымъ подмастерьемъ, отразилъ въ своей теоріи тотъ періодъ хозяйственнаго развитія Германіи, когда ремесленно-цеховой строй, разлагаясь, вызывалъ соціальныя броженія среди ремесленниковъ. Давно уже миновало для Германіи сороковыхъ годовъ то время, когда мелкое ремесло было „золотымъ дномъ“ и когда цеховая организація до извѣстной степени превращала—внутри цеха—классовыя различія въ различія *возрастныхъ* группировокъ, въ различіе между старшими и младшими, причемъ и послѣднимъ была открыта лѣстница постепеннаго соціальнаго подъема. Къ сороковымъ годамъ цехово-ремесленный строй уже въ значительной степени разложился и внутри его уже шла глухая классовая вражда. Изъ своего полнаго оскорбленій, невзгодъ и лишеній пребыванія въ мастерской портного Вейтлингъ вынесъ жгучую ненависть къ эксплоатаціи и гнету, но эта убогая мастерская не могла ему дать то, что большая фабрика давала рабочему: дружное сотрудничество рабочихъ, рѣзкое противопоставленіе массы рабочихъ капиталисту, дисциплинированность и сплоченность этой массы. Вейтлингъ вслѣдствіе всего этого стоялъ на грани, на переходѣ между мелко-буржуазнымъ и пролетарскимъ соціализмомъ. Неустойчивое соціальное равновѣсіе, въ которомъ находилась тогда нѣмецкая ремесленная промышленность, мѣшала Вейтлингу прійти къ устойчивой и неколеблющейся точкѣ зрѣнія. Онъ порою горячо говорилъ рѣчи, проникнутыя пролетарскимъ соціализмомъ, а въ слѣдующей же рѣчи поражалъ умѣренностью и узостью своего кругозора, чтобы затѣмъ вновь увлечься анархистскими проектами выпустить изъ тюремъ всѣхъ преступниковъ и съ ихъ помощью низвергнуть существующій строй.

Вейтлингъ пользовался въ Германіи большимъ успѣхомъ, и когда Марксъ занялся въ Брюсселѣ уясненіемъ своего критическаго отношенія къ тогдашнему соціалистическому движенію Франціи и Германіи, онъ, конечно, не могъ обойти такого крупнаго представителя нѣмецкаго соціализма, какимъ былъ Вильгельмъ Вейтлингъ.

Въ мартѣ 1846 года Вейтлингъ пріѣхалъ въ Брюссель, гдѣ въ то время жилъ и Марксъ. 30-го марта 1846 г. на квартирѣ у Маркса произошло ихъ свиданіе. Бесѣда между ними очень скоро приняла чрезвычайно острый и страстный характеръ. Марксъ, между прочимъ, пригласилъ на этотъ диспутъ русскаго публициста П. Анненкова, который въ своихъ воспоминаніяхъ разсказалъ чрезвычайно поучительную сцену полнаго разрыва, происшедшаго между Вейтлингомъ и Марксомъ. Марксъ рѣзко и запальчиво обвинялъ Вейтлинга въ отсутствіи всякихъ принципіальныхъ руководящихъ началъ, въ отсутствіи всякой проду-

манной и выдержанной теоріи. Вейтлингъ съ раздраженіемъ ссылался на многочисленныя признанія, которыя онъ получалъ отъ нѣмецкихъ рабочихъ, и ядовито прибавлялъ, что еще вопросъ, кто приноситъ бо̀льшую пользу рабочимъ, онъ или господа, сидящіе за границей и придумывающіе теоріи.

Марксъ съ бѣшенствомъ, ударяя по столу кулакомъ, кричалъ Вейтлингу: „Невѣжество никогда и никому не помогало и пользы не приносило".

„Возбужденіе фантастическихъ надеждъ,—говорилъ Вейтлингу Марксъ,—ведетъ только къ конечной гибели, а не къ спасенію страдающихъ. Особенно въ Германіи обращаться къ работнику безъ строго-научной идеи и положительнаго ученія равносильно пустой и безучастной игрѣ въ проповѣдники, при которой, съ одной стороны, полагается вдохновенный пророкъ, а съ другой допускаются только ослы, слушающіе его, разинувъ ротъ. Вотъ,—прибавилъ онъ, указывая на меня (т. е. на П. Анненкова. П. Б.) рѣзкимъ жестомъ,—между нами есть одинъ русскій. Въ его странѣ, Вейтлингъ, ваша роль могла бы быть у мѣста, тамъ дѣйствительно только и могутъ удачно составляться и работать союзы между нелѣпыми вождями и нелѣпыми послѣдователями. Въ цивилизованной землѣ, какъ Германія, люди безъ положительныхъ доктринъ ничего не могутъ сдѣлать, да и ничего не сдѣлали до сихъ поръ, кромѣ шума, вредныхъ вспышекъ и гибели самаго дѣла, за которое принялись" [1]).

Въ свою очередь Вейтлингъ писалъ объ этомъ разрывѣ Мозесу Гессу:

„Вчера вечеромъ мы снова собрались всѣ вмѣстѣ. Марксъ представилъ мнѣ какого-то русскаго, въ теченіе всего вечера не сказавшаго ни единаго слова. Вопросъ у насъ шелъ о томъ, какъ лучше вести въ Германіи пропаганду... Мы пришли къ заключенію, что объ осуществленіи коммунизма въ настоящее время не можетъ быть и рѣчи, что раньше должна завладѣть властью буржуазія. По этому вопросу Марксъ и Энгельсъ очень рѣзко спорили со мною... Я былъ очень рѣзокъ. Марксъ нападалъ на меня; всѣ мы пришли въ крайнее возбужденіе и бѣгали по комнатѣ... Въ Марксѣ я вижу лишь хорошую энциклопедію, но отнюдь не генія" [2]).

Такимъ образомъ, между двумя крупнѣйшими представителями нѣмецкаго соціализма произошелъ полный разрывъ.

---

[1]) Ср. П. Анненковъ. Тамъ же. Стр. 499.

[2]) Ср. E. Kaler. W. Weitling. Seine Agitation und Lehre. Zürich 1887. Стр. 73.

V.

От „Союза гонимыхъ“ къ „Союзу коммунистовъ“; отъ девиза—„всѣ люди братья“ къ девизу—„пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь“. — Появленіе Коммун. Манифеста. — Соціально-политическая жизнь передовыхъ европейскихъ странъ сороковыхъ годовъ и ея отраженіе въ Манифестѣ.—Омертвѣвшія и живыя части Манифеста.—Первое впечатлѣніе, произведенное имъ.

До переселенія изъ Парижа въ Брюссель Марксъ стоялъ въ сторонѣ отъ всякаго участія въ соціалистическомъ движеніи. Онъ весь ушелъ въ выработку своего соціалистическаго міровоззрѣнія и отстаивалъ его только перомъ въ рукахъ. Въ Брюсселѣ Марксъ, какъ мы видѣли, уже закончилъ черновой набросокъ своей соціалистической теоріи. И это, въ связи съ расширеніемъ и углубленіемъ нѣмецкаго соціалистическаго движенія, побудило его выступить не только въ качествѣ теоретика, но и практическаго дѣятеля соціализма. Живя въ Брюсселѣ, Марксъ поддерживалъ постоянныя сношенія и съ англійскими чартистами, и съ французскими соціалистами, и съ мѣстнымъ брюссельскимъ движеніемъ, и, наконецъ, энергичнѣе всего съ нѣмецкимъ движеніемъ. Въ маленькой, скромной квартиркѣ Маркса перебывали за два года почти всѣ крупные представители тогдашняго нѣмецкаго соціалистическаго движенія и многіе иностранцы. Не довольствуясь этимъ, Марксъ содѣйствовалъ въ Брюсселѣ основанію нѣмецкаго рабочаго союза, записался членомъ брюссельскаго „Демократическаго Общества“ и впослѣдствіи сталъ дѣятельнѣйшимъ членомъ „Союза Коммунистовъ“, отъ имени и по порученію котораго онъ выпустилъ свой знаменитый „Коммунистическій Манифестъ“.

По мѣрѣ того, какъ разрасталось соціальное движеніе въ Германіи, и обострялась борьба между правительствомъ и народомъ, все растущій потокъ политическихъ эмигрантовъ устремлялся въ Швейцарію, Францію, Бельгію и Англію. Общественный составъ этихъ эмигрантовъ былъ очень пестръ,—тутъ были студенты, литераторы, общественные дѣятели, ремесленники и рабочіе. На первыхъ порахъ тонъ задавала интеллигенція, но постепенно ее начинали вытѣснять рабочіе и, въ особенности, ремесленники. Нѣмецкіе эмигранты устраивали за границей свои безчисленныя общества, преслѣдовавшія цѣли политическаго освобожденія Германіи самыми различными способами и путями. Здѣсь не мѣсто описывать всѣ эти организаціи нѣмецкихъ поли-

тическихъ эмигрантовъ. Мы остановимся лишь на тѣхъ изъ нихъ, которыя находятся въ прямомъ духовномъ родствѣ въ „Союзомъ Коммунистовъ", отъ имени котораго появился „Коммунистическій Манифестъ", и устанавливаютъ, такимъ образомъ, духовную родословную послѣдняго.

Уже въ самомъ началѣ тридцатыхъ годовъ (въ 1833 г.) нѣмецкіе эмигранты основали въ Парижѣ „Нѣмецкій союзъ гонимыхъ" („Deutscher Bund der Geächteten"). Общество это, въ виду тогдашнихъ политическихъ условій, было, конечно, тайнымъ. „Цѣлью союза гонимыхъ,—гласилъ статутъ этого общества,—является освобожденіе Германіи отъ ярма позорнаго рабства и установленіе такого строя, который бы, насколько это можно предвидѣть, устранилъ всякую возможность возвращенія къ рабству. Достиженіе этой главной цѣли возможно только при условіи прочнаго установленія соціальнаго и политическаго равенства, свободы, гражданской доблести и единства народовъ, сперва въ предѣлахъ странъ нѣмецкаго языка, а потомъ и среди остальныхъ народовъ Европы".

„Союзъ гонимыхъ" насчитывалъ нѣсколько сотъ членовъ, среди которыхъ преобладали ремесленники; онъ обзавелся своимъ собственнымъ органомъ „Гонимымъ" („Der Geächtete"), выходившимъ подъ редакціей нѣмецкихъ эмигрантовъ—Венедея, Шустера и Маурера.

Уже съ самаго начала въ „Гонимомъ" обнаружилось два враждебныхъ теченія. Венедей былъ представителемъ политическаго радикализма, отличавшагося чрезвычайной революціонностью фразеологіи и столь же чрезвычайною спутанностью и расплывчатостью соціальнаго міровоззрѣнія. Венедей на первый планъ выдвигалъ политическій вопросъ, считая, что въ свободномъ государствѣ соціальный вопросъ разрѣшится самъ собою.

Совершенно иныхъ воззрѣній придерживался другой редакторъ „Гонимаго"—Теодоръ Шустеръ. Шустеръ среди нѣмецкихъ соціалистовъ былъ однимъ изъ первыхъ, ставшихъ на пролетарски-реалистическую точку зрѣнія. Въ противоположность Венедею, Шустеръ доказывалъ необходимость соціальнаго переворота и недостаточность политическаго равноправія для наступленія соціальнаго равенства. „Мы убѣждаемся,—говоритъ Шустеръ,—что мирное сожительство подъ сѣнью демократической конституціи двухъ классовъ, враждебныхъ другъ другу по своимъ интересамъ и по своимъ политическимъ цѣлямъ, совершенно невозможно, и неизбѣжнымъ исходомъ борьбы между ними будетъ или уничтоженіе самой конституціи по формѣ или по духу, или же полнѣйшее уничтоженіе привилегированаго класса путемъ соціальной революціи".

Въ анонимной статьѣ о свободѣ, принадлежащей, очевидно, перу Шустера, „Гонимый" писалъ: „Да! передъ друзьями и вра-

гами мы открыто заявляемъ: мы не хотимъ довольствоваться ролью тѣхъ театральныхъ героевъ, которые на счеть народа ковали свое счастіе, измѣняя въ новѣйшей исторіи конституціи: наша цѣль лежитъ дальше, и такъ какъ не въ нашемъ характерѣ обманывать кого либо въ плохомъ и хорошемъ, то мы открыто называемъ цѣль: радикально-соціальная и политическая эмансипація трудящихся классовъ".

Въ одной изъ своихъ статей Шустеръ доказываетъ, что только съ помощью революціи можно добиться соціальной справедливости, но, однако, „революція сама по себѣ еще не представляетъ никакого прогресса. Она является прогрессомъ только въ томъ случаѣ, если она предпринята при *всестороннемъ знаніи* (курсивъ Шустера) конечной цѣли или же если она будетъ все время вестись при наличности подобнаго знанія" [1]).

Въ другомъ сочиненіи Шустеръ подробно и обстоятельно доказываетъ неизбѣжность вытѣсненія мелкаго производства крупнымъ и связаннаго съ этимъ обѣднѣнія растущей массы населенія. „Можно предвидѣть, что рано или поздно громадное большинство рабочихъ или будетъ охвачено революціоннымъ возмущеніемъ, или опустится до печальнаго существованія фабричныхъ рабочихъ, если, впрочемъ, какія-либо радикальнѣйшія реформы не положатъ конца неравенству".

„Короли биржи и фабрики,—говоритъ далѣе Шустеръ,— властвуютъ надъ сотнями тысячъ служащихъ, которые влачатъ въ конторахъ жалкое существованіе—надъ милліонами голодныхъ, изнуренныхъ рабочихъ, которые погибаютъ въ ихъ грязныхъ мастерскихъ". „Съ каждымъ днемъ все больше выясняется противоположность *двухъ классовъ:* класса богатыхъ, которые потребляютъ, но ничего не производятъ, и класса бѣдныхъ, которые создаютъ все и лишены всего" [2]). Шустеръ хорошо понялъ классовыя противорѣчія между „богатыми" и „бѣдными", но онъ, какъ всѣ тогдашніе соціалисты, не понялъ значенія въ классовой борьбѣ *политическаго* элемента. Онъ горячо доказывалъ безразличность политическихъ формъ для классовой борьбы трудящихся и этимъ онъ уплачивалъ дань общепринятому тогда у соціалистовъ отрицательному отношенію къ политической борьбѣ. Это утопическое пониманіе взаимоотношеній между политической и классовой борьбой, это непониманіе той истины, что всякая классовая борьба есть борьба политическая, мѣшали Шустеру понять и истинный характеръ соціальной природы государства и правительства.

[1]) Der Geächtete in Verbindung mehreren Volksfreunden, herausgegeben von Venedey. Paris. 1835. Стр. 208. Полнаго экземпляра „Гонимаго" намъ нигдѣ не удалось найти. Мы могли воспользоваться лишь разрозненными номерами его; имѣющимися въ Парижской Національной библіотекѣ.

[2]) Ср. Ш. Андлеръ. Коммунистическій Манифестъ. Историческое введеніе и комментарій къ нему. Спб. 1906. Изд. г. Львовича. Стр. 69.

Шустеръ требовалъ, чтобы государство на свои средства устраивало производительныя рабочія товарищества, и надѣялся, что подобныя соціальныя реформы способны предотвратить соціальную революцію и привести къ мирному разрѣшенію соціальнаго вопроса.

„Союзъ Гонимыхъ“ не довольствовался эмигрантской дѣятельностью, онъ дѣлалъ энергичныя, но малоуспѣшныя попытки проникнуть въ самую Германію и черезъ посредство нѣмецкихъ ремесленниковъ, странствовавшихъ изъ города въ городъ, повести коммунистическую пропаганду въ самой Германіи. Но очень скоро наиболѣе сознательные члены „Союза Гонимыхъ“ во главѣ съ Шустеромъ убѣдились въ томъ, что заговорщическая тайная организація не можетъ разсчитывать на массовый успѣхъ, и въ 1836 году они покинули „Союзъ Гонимыхъ“, основавъ новое коммунистическое общество уже на болѣе широкихъ демократическихъ началахъ. Новое общество получило названіе „Союза справедливыхъ“. И этотъ союзъ, по условіямъ тогдашняго времени, могъ быть только тайнымъ, но по своей организаціи онъ носилъ значительно болѣе пролетарскій характеръ, чѣмъ „Союзъ Гонимыхъ“. Союзъ насчитывалъ уже до тысячи членовъ, онъ разбивался въ организаціи на небольшія группы, „коммуны“, въ которыя входило десять человѣкъ; десять коммунъ образовывали вмѣстѣ одинъ „округъ“. Округи избирали своихъ представителей, составлявшихъ „палату“. Палата въ свою очередь выбирала „правленіе“ и „исполнительный комитетъ“.

Ставя своею цѣлью соціалистическій переворотъ, „Союзъ справедливыхъ“ въ политической области добивался учрежденія республиканскаго строя. Какимъ путемъ долженъ быть произведенъ соціалистическій переворотъ,—на этотъ счетъ воззрѣнія членовъ „Союза справедливыхъ“ отличались и большою расплывчивостью, и большими разнорѣчіями. Иные члены готовы были довольствоваться демократической республикой, будучи увѣрены, что она сама по себѣ создастъ соціальное равенство, другіе же относились скептически къ формамъ правленія и требовали учрежденія коммунистическаго строя. Свои общіе лозунги и принципы „Союзъ справедливыхъ“ заимствовалъ у французскаго революціоннаго „Общества временъ года“, во главѣ котораго стояли Барбесъ и знаменитый Ог. Бланки. Исходя изъ того соображенія, что „такъ какъ соціальный организмъ зараженъ, то впредь до его исцѣленія и именно для этого исцѣленія народу въ теченіе нѣкотораго времени необходимо обладать революціонной властью“, „Общество временъ года“ ставило своею цѣлью завладѣніе этою властью при первомъ благопріятномъ случаѣ. Въ маѣ 1839 г, „Общество временъ года“ сочло, что такой благопріятный моментъ наступилъ. 12-го мая вспыхнуло въ Парижѣ подъ руководствомъ этого общества возстаніе. Весь кварталъ, примыкающій къ париж-

ской думѣ, былъ покрытъ баррикадами. „Союзъ справедливыхъ", тѣсно связанный съ французскимъ „Обществомъ временъ года", былъ втянутъ въ это возстаніе. Возстаніе было быстро подавлено, и руководители „Союза справедливыхъ" должны были бѣжать изъ Парижа.

Вейтлингъ, бывшій ревностнымъ членомъ „Союза справедливыхъ", послѣ подавленія возстанія бѣжалъ въ Швейцарію, гдѣ основалъ аналогичный новый союзъ. Другая же часть руководителей, во главѣ съ Шапперомъ, Моллемъ и Эккаріусомъ, скрылась въ Лондонъ, гдѣ возстановила распавшійся союзъ.

Пораженіе парижскаго возстанія и та совершенно новая соціальная среда, въ которую попали въ Лондонѣ нѣмецкіе коммунисты, придали ихъ союзу новый характеръ. Прежде всего, попавъ въ Лондонъ, нѣмецкіе коммунисты столкнулись здѣсь съ могущественнымъ чартистскимъ движеніемъ. Чартистское движеніе имѣло огромное значеніе для воспитанія соціалистической мысли, съ одной стороны, какъ массовое пролетарское движеніе, сбросившее съ себя ту скорлупу заговорщичества и конспирацій, съ которыми не могло разстаться французское движеніе,—во-вторыхъ же, здѣсь классовая борьба тѣсно, неотрывно сплелась съ политической борьбой, носила сознательный политическій характеръ. Благодаря этому, англійскій чартизмъ могущественно содѣйствовалъ отрезвленію нѣмецкихъ коммунистовъ отъ увлеченія заговорщическими организаціями, безсиліе которыхъ они, впрочемъ, изучили на своей спинѣ во время упомянутаго возстанія 1839 г.

Дѣятели парижскаго „Союза справедливыхъ" все болѣе и болѣе эволюціонировали въ сторону реалистическаго соціализма, и рука объ руку съ этимъ уменьшались идейная пропасть, отдѣлявшая ихъ отъ Маркса. Въ 1843 г. былъ арестованъ въ Швейцаріи Вейтлингъ, руководитель швейцарскаго отдѣленія „Союза справедливыхъ". Швейцарскій союзъ вслѣдствіе этого распался, и вся дѣятельность сосредоточилась въ лондонской организаціи.

Марксъ и Энгельсъ съ большимъ интересомъ и вниманіемъ слѣдили за развитіемъ нѣмецкаго „Союза справедливыхъ", но они относились къ нему отрицательно и сторонились его до тѣхъ поръ, пока въ его основѣ не лежало никакой ясной и выдержанной соціалистической теоріи, и пока въ своей организаціи онъ носилъ явственной отпечатокъ сектанства и заговорщичества. Съ 1843 года, когда „Союзъ справедливыхъ" уже сдѣлалъ весьма важные шаги въ сторону пролетарскаго реализма, между лондонскими руководителями этого союза и Марксомъ устанавливаются письменныя сношенія. Союзъ впослѣдствіи приглашалъ Маркса и Энгельса вступить въ свой составъ, но основатели научнаго соціализма отказывались отъ этого въ виду того, что „Союзъ" еще не совсѣмъ освободился отъ элементовъ бабувизма и якобинскаго бланкизма. Марксъ, выработавшій тогда въ основ-

ныхъ чертахъ свое ученіе, рѣшилъ объявить безжалостную войну утопизму и якобинству. Онъ считалъ, что теперь настала пора вывести соціалистическое движеніе изъ мрака заговоровъ и конспирацій на широкую дорогу политически-организованной массовой классовой борьбы, и въ виду этого Марксъ рѣшительно отказывался вступить въ тѣ организаціи, которыя продолжали итти старой тропинкой заговоровъ, уже отслужившей свою нѣкогда необходимую историческую роль. Впослѣдствіи въ „Новомъ Рейнскомъ Обозрѣніи“ Марксъ съ удивительною ясностью и сжатостью установилъ причину своего тогдашняго отрицательнаго отношенія къ революціонерамъ-заговорщикамъ. „Дѣло заговорщиковъ,—писалъ Марксъ,—заключалось въ томъ, чтобы предвосхитить революціонный процессъ развитія, чтобы искусственно привести его къ кризису, чтобы съимпровизировать революцію при отсутствіи ея предпосылокъ. Единственнымъ условіемъ революціи для нихъ была достаточная организація заговоровъ. Они были алхимиками революціи и раздѣляли ограниченность застывшихъ взглядовъ прежнихъ алхимиковъ. Они изощрялись въ изобрѣтеніяхъ, которыя должны были породить революціонныя чудеса... Занятыя подобнымъ прожектерствомъ, они не ставили себѣ другой цѣли, кромѣ ближайшей—низверженія существующаго правительства—и глубочайшимъ образомъ презирали теоретическое просвѣщеніе рабочихъ относительно ихъ классовыхъ интересовъ. Отсюда ихъ не пролетарская, а плебейская злоба противъ habits noirs“.

Какъ мы уже замѣтили, „Союзъ справедливыхъ“, переселившись въ Лондонъ, все болѣе и болѣе сталъ склоняться къ реализму и благодаря этому обнаруживалъ все большую готовность воспринять ученіе Маркса. Къ 1847 году разногласія между Марксомъ и руководителями „Союза“ настолько уже стерлись, что весною 1847 г. Молль, игравшій видную роль въ „Союзѣ справедливыхъ“, отправился къ Марксу въ Брюсселль и къ Энгельсу въ Парижъ для того, чтобы пригласить ихъ войти членами въ „Союзъ“. При этомъ Молль открыто заявилъ, что большинство членовъ „Союза“ вполнѣ раздѣляетъ воззрѣнія Маркса, и на ближайшемъ конгрессѣ Марксу дана будетъ возможность подробно развить свои воззрѣнія и реорганизовать „Союзъ“ сообразно со своей теоріей. Марксъ и Энгельсъ, уже давно находившеіеся въ письменныхъ сношеніяхъ съ „Союзомъ“ и считавшіе, что въ немъ вполнѣ подготовлена почва для воспріятія ихъ идей, приняли на этотъ разъ предложеніе. Въ Брюсселѣ подъ руководствомъ Маркса было основано отдѣленіе союза. Первый конгрессъ „Союза справедливыхъ“ собрался въ Лондонѣ лѣтомъ 1847 года, на немъ присутствовалъ Энгельсъ, какъ делагатъ отъ парижскаго отдѣленія. Союзъ былъ основательно реорганизованъ и даже измѣнилъ свое названіе—изъ „Союза справедливыхъ“ онъ превратился въ

„Союзъ коммунистовъ“. Цѣль этого реорганизованнаго „Союза“, какъ ее опредѣлялъ первый параграфъ устава, была: „низверженіе буржуазіи, господство пролетаріата, уничтоженіе стараго, основаннаго на классовыхъ противорѣчіяхъ буржуазнаго общества и основаніе новаго общества безъ классовъ и безъ частной собственности“. Союзъ былъ реорганизованъ на демократической основѣ—всѣ партійные посты были выборными и подлежащими смѣнѣ.

На второй съѣздъ „Союза коммунистовъ“, происходившій въ ноябрѣ—декабрѣ 1847 г., пріѣхалъ изъ Брюсселя Карлъ Марксъ, который обстоятельно изложилъ свою соціалистическую теорію, склонивъ на свою сторону всѣхъ участниковъ съѣзда. Съѣздъ поручилъ Марксу выработать манифестъ, и въ февралѣ 1848 года появился отъ имени „Союза коммунистовъ“ знаменитый „Коммунистическій Манифестъ“.

Марксъ написалъ „Коммунистическій Манифестъ“ въ концѣ 1847 года, т. е. послѣ того, какъ онъ внимательно и глубоко изучилъ философскія ученія Германіи, соціалистическое движеніе и соціалистическія ученія Франціи, экономическую литературу и экономическое развитіе Англіи. „Коммунистическій Манифестъ“ послужилъ геніальнымъ обобщеніемъ тѣхъ результатовъ и итоговъ, къ которымъ пришелъ Марксъ на основаніи изученія современной ему дѣйствительности и идеологіи передовыхъ европейскихъ странъ. Съ классической ясностью и яркостью Марксъ раскрылъ основные элементы и силы историческаго развитія, обнаживъ движущій нервъ общественнаго развитія, указавъ при этомъ на величественныя перспективы, которыя раскрываетъ пролетаріату „грядущаго волнуемое море.“ Какъ мы увидимъ ниже, Марксъ въ „Коммунистическомъ Манифестѣ“ значительно опередилъ свое время и своимъ духовнымъ взоромъ предвидѣлъ въ совершенно развитомъ и сложившемся видѣ тѣ общественныя формы, которыя въ сороковыхъ годахъ едва только были зачаты. Мы увидимъ, что благодаря этому общее значеніе „Коммунистическаго Манифеста“, въ полную противоположность безчисленному множеству соціалистическихъ произведеній того времени, не только не падало, но росло по мѣрѣ дальнѣйшаго развитія общественныхъ отношеній; съ другой же стороны, Марксъ такъ ясно видѣлъ въ исторической дали, что онъ невольно переносилъ въ „Коммуническомъ Манифестѣ“ многія черты грядущаго уже въ настоящее. Ниже мы остановимся и на удивительномъ дарѣ пророчества, сказавшемся въ Манифестѣ, и на только что упомянутомъ „уповаемыхъ извѣщеніи, вещей обличеніи невидимыхъ“, а теперь мы должны въ общихъ чертахъ изучить тѣ обстоятельства времени и мѣста, подъ могущественнымъ воздѣйствіемъ которыхъ создавался „Коммунистическій Манифестъ“.

Какою геніальною исторической дальнозоркостью ни обла-

далъ Марксъ, какъ далеко ни предвидѣлъ онъ измѣненія, которыя несетъ съ собою „рѣка временъ въ своемъ теченіи“, но, конечно, и онъ былъ подверженъ всѣмъ законамъ историческаго давленія и притяженія и онъ не могъ отрѣшиться отъ вліянія атмосферы и обстановки своего времени. Для пониманія „Коммунистическаго Манифеста“ необходимо, въ виду этого, прежде всего ознакомиться съ общими соціальными условіями передовыхъ европейскихъ государствъ второй половины сороковыхъ годовъ.

Начнемъ съ Англіи. Въ Англіи сороковыхъ годовъ крупное капиталистическое производство уже могущественно развивалось, но оно еще далеко не закончило своей исторической тяжбы съ поземельной аристократіей и вообще еще не успѣло выработать соотвѣтствующей своимъ экономическимъ нуждамъ политической атмосферы и обстановки. Англійскій капиталистъ тогда только, такъ сказать, выходилъ въ люди, и старыя историческія власти еще относились свысока къ его молодымъ силамъ. Дорожа интересами поземельной ренты, англійское дворянство крѣпко держалось за пошлины на ввозимый въ Англію хлѣбъ, что, конечно, повышало на англійскомъ рынкѣ цѣны на хлѣбъ, а отсюда и поземельную ренту. Но эти пошлины на хлѣбъ, въ то же время поднимая цѣны, повышали минимумъ физическаго существованія, необходимый для рабочихъ, т.-е. повышали заработную плату и этимъ уменьшали прибыль капиталистовъ. Понятно, что капиталисты вели ожесточенную кампанію за отмѣну хлѣбныхъ пошлинъ и старались втянуть рабочихъ въ борьбу съ ненавистнымъ земельнымъ дворянствомъ.

Борьба со старою властью во имя новыхъ производительныхъ силъ создавала точки политическаго соприкосновенія между англійскою буржуазіей и англійскимъ рабочимъ классомъ сороковыхъ годовъ. Но это, конечно, ни мало не мѣшало существованію ужасающей экономической эксплоатаціи рабочихъ капиталистами. Развитіе капитализма на первыхъ порахъ сопровождалось въ Англіи массовымъ разореніемъ населенія. Капитализмъ выбивалъ населенія изъ старой, вѣками наѣзженной, экономической колеи, разорялъ старые мелкіе промыслы. Огромныя и голодныя массы народа искали себѣ занятія на фабрикахъ и заводахъ, но емкость тогдашняго капиталистическаго развитія Англіи была невелика и все росла и росла армія „избыточныхъ“ людей, голодныхъ, оборванныхъ и не находившихъ себѣ никакой работы.

„Англія“,—говоритъ объ этомъ времени Карлейль,—лежала въ болѣзненномъ недовольствѣ, безсильно корчась въ лихорадкѣ на своемъ одрѣ, мрачная, исполненная глубокаго отчаянія“. Производительныя силы Англіи быстро росли, но растущее разореніе ея населенія суживало ея внутренній рынокъ, а запретительныя таможенныя пошлины иностранныхъ государствъ закрывали для

нея внѣшній рынокъ. Вслѣдствіе этого спросъ на англійскіе товары на внутреннемъ и внѣшнемъ рынкахъ возрасталъ крайне медленно, и крупная промышленность задыхалась отъ буйнаго прилива производительныхъ силъ. При этихъ условіяхъ капиталистамъ волей-неволей приходилось прибѣгать къ пониженію цѣнъ на всѣ товары, чтобы хотя этимъ путемъ найти имъ сбытъ. Понижая цѣны на товары, капиталисты старались вознаградить себя пониженіемъ размѣра заработной платы, благо свободныхъ рукъ было болѣе, чѣмъ достаточно, и рабочіе были не организованы.

За исключеніемъ совершенно ничтожной по численности группы привилегированныхъ рабочихъ, матеріальное положеніе рабочаго класса Англіи въ сороковыхъ годахъ было ужасающе. „При нормальномъ положеніи торговли, — говоритъ Туккеръ, — около трети населенія погружено въ самую ужасную нищету и находится на краю голодной смерти". По словамъ Симмондса и Миллера, въ сороковыхъ годахъ большая часть городского населенія въ Глазго не располагала никакими видимыми средствами существованія, кромѣ воровства и проституціи. То же самое сообщаетъ о Манчестерѣ д-ръ Кей.

Исключая привилегированной категоріи рабочихъ, ужасающе низкая заработная плата остальныхъ рабочихъ продолжала падать. И въ то же самое время продукты первой необходимости повышались въ цѣнѣ [1]).

Особенно ужасно было положеніе чернорабочихъ, рабочихъ въ мелкихъ производствахъ и ручныхъ ткачей. Они массами умирали съ голоду. Толпы голодныхъ, оборванныхъ и страшно обозленныхъ людей переполняли всѣ города. Государство увеличило налоги на содержаніе бѣдныхъ, но это была капля въ безбрежномъ морѣ народной нищеты, капля, къ тому же переполнившая чашу терпѣнія... богатыхъ классовъ. Чтобы успокоить волнующіяся массы голоднаго и озлобленнаго люда, правительство бросало ему нищенскія подачки, но оно въ то же время стремилось обставить эти подачки столь унизительными и тяжкими условіями, чтобы отбить даже у голодныхъ желаніе пользоваться ими. Правительство выступило съ новымъ проектомъ устройства рабочихъ домовъ, который долженъ былъ превратить эти дома въ каторгу для „осужденныхъ" на бѣдность рабочихъ.

На этой почвѣ возникло могущественное чартиское движеніе. Горючаго матеріалу накопилось достаточно, и это движеніе запылало яркимъ пламенемъ. Какъ мы уже замѣтили, англійскіе капиталисты сороковыхъ годовъ сами еще будировали противъ тогдашняго правительства, и они поспѣшили использовать это

---

[1]). См. подробнѣе М. Туганъ-Барановскій. Промышленные кризисы. 2 изд. Спб. 1900. Стр. 247—249.

движеніе въ свою пользу, и часть буржуазіи замѣшалась въ движеніе чартистовъ. Въ движеніи этомъ, главнымъ образомъ, участвовалъ пролетаріатъ, но принимая во вниманіе, съ одной стороны, отсталость тогдашняго англійскаго пролетаріата, а съ другой,— общность и распространенность недовольства и неудовлетворенности, охватившихъ тогда самые различные слои англійскаго общества, надо признать вполнѣ естественнымъ, что чартизмъ не носилъ ясно и твердо выдержаннаго классового характера. Въ своей идеологіи онъ представлялъ довольно пеструю смѣсь изъ фронды капиталистовъ противъ правительства и поземельнаго дворянства и изъ нечленораздѣльнаго недовольства разоряемой мелкой буржуазіи, и классовой вражды пролетаріата. Эта расплывчатость идеологіи шла рука объ руку съ невыдержанной и колеблющейся тактикой и туманностью цѣли. Въ своей первой національной петиціи 1838 г. чартисты писали: „Мы изнемогаемъ подъ бременемъ налоговъ, которые все же признаются недостаточными нашими повелителями. Наши торговцы и промышленники находятся на краю разоренія. Наши рабочіе голодаютъ. Капиталъ не даетъ прибыли, трудъ не вознаграждается. Домъ ремесленника опустѣлъ, а складъ ростовщика наполнился. Въ рабочемъ домѣ нѣтъ мѣста, а фабрика стоитъ безъ работы. Мы смотрѣли повсюду и внимательно искали причины нужды, столь тяжелой и столь продолжительной. Мы не можемъ найти этой причины ни въ природѣ, ни въ Провидѣніи... Мы съ полнымъ почтеніемъ заявляемъ палатѣ общинъ, что нельзя допустить продолженія такого порядка дѣлъ. Мы говоримъ палатѣ, что капиталъ хозяина не долженъ быть лишенъ надлежащей прибыли, что трудъ рабочаго не долженъ быть лишенъ надлежащаго вознагражденія“.

Какъ показываетъ эта петиція, на первыхъ порахъ агитація чартистовъ не носила сколько-нибудь ясно выраженнаго пролетарскаго классоваго характера; мы находимъ въ ней интересы пролетаріата и капиталистовъ еще въ слитой, не распаянной формѣ. И лишь по мѣрѣ дальнѣйшаго развитія и обостренія отношеній, чартизмъ принялъ болѣе ясно и рѣзко выраженный классовой и соціалистическій характеръ.

Вторая петиція чартистовъ, составленная въ 1842 г., заговорила несравненно болѣе рѣзкимъ и яснымъ языкомъ проснувшагося классового сознанія, чѣмъ первая: „Тысячи народа умираютъ отъ нужды... Податели петиціи обращаютъ вниманіе парламента на нищенскую заработную плату земледѣльческаго рабочаго и испытываютъ чувство негодованія и ужаса при видѣ ничтожнаго заработка тѣхъ, труды которыхъ изготовляютъ пищу для всего населенія. Податели петиціи глубоко сожалѣютъ о существованіи монополіи всякаго рода въ этой странѣ и, категорически осуждая налоги на предметы необходимости, потребляемые,

главнымъ образомъ, рабочимъ классомъ, они думаютъ въ то же время, что уничтоженіе одной монополіи не подымаетъ трудъ изъ его нищенскаго положенія, пока народъ не пріобрѣтетъ власть, при которой всѣ монополіи и формы притѣсненія должны исчезнуть; податели петиціи указываютъ на существующія монополіи избирательнаго права, бумажныхъ денегъ, владѣнія машинами, землей, монополіи прессы, религіозныхъ привилегій, средствъ сообщеній и множества другихъ, слишкомъ многочисленныхъ, чтобы ихъ можно было перечислить; всѣ эти монополіи создаются классовымъ законодательствомъ" [1]).

Какъ бы тамъ ни было, чартизмъ былъ первымъ широкимъ пролетарскимъ движеніемъ, поставившимъ своею цѣлью овладѣніе политическою властью, и онъ оказалъ этимъ сильное воздѣйствіе на соціалистическую мысль сороковыхъ годовъ и въ частности на Маркса.

Рожденный экономическимъ разореніемъ и промышленнымъ застоемъ, чартизмъ быстро пошелъ на убыль, какъ только въ Англіи начался сильный экономическій подъемъ. Въ 1842 году заключенъ былъ миръ между Англіей и Китаемъ, что открыло для англійской промышленности огромный китайскій рынокъ. Промышленность сразу ожила. Началась усиленная постройка фабрикъ, заводовъ, желѣзныхъ дорогъ. Вывозъ англійскихъ фабрикатовъ сильно возросъ, армія безработныхъ сократилась и экономическое положеніе пролетаріата улучшилось. Чартизмъ на время сходитъ со сцены.

Но не долго длилось это благоденствіе. Съ 1846 года вновь появляются симптомы надвигающагося промышленнаго кризиса. Годъ былъ неурожайный, картофель почти совсѣмъ не взошелъ, въ Ирландіи нависъ форменный голодъ. Въ 1847 году положеніе еще болѣе ухудшилось, цѣна пшеницы поднялась на 40%, въ то же самое время насталъ и хлопковый голодъ—цѣна хлопка увеличилась съ 1846 г. по 1847 г. на 65%. Къ концу 1847 года разразился опустошительный кризисъ. Одно банкротство слѣдовало за другимъ, фабрики частью совсѣмъ закрывались, частью сильно сокращали производсто. Вновь стали расти огромныя толпы безработнаго и озлобленнаго люда, вновь вспыхнула полоса стачекъ и стычекъ. А кризисъ все углублялся. Въ Вигани изъ 20 фабрикъ всего одна работала полное время. Въ Глазго изъ 56 хлопчатобумажныхъ фабрикъ работали всего четыре полное время, а 16 совсѣмъ закрылись. Толпы безработныхъ ходили здѣсь по улицамъ съ криками: „хлѣба или революціи!"

Даже такой консервативный органъ, какъ „Times", описывалъ самыми мрачными красками положеніе рабочихъ. Священ-

---

[1]) Ср. М. Туганъ-Барановскій. Промышленные кризисы въ Англіи. Спб. 1900. 254—255 стр.

никъ изъ Ноттингама заявлялъ въ этой газетѣ: „Я думаю, что значительная часть населенія города находится въ состояніи почти голоданія... Значительная часть мебели и вещей рабочихъ заложена или продана, и когда я справился, отчего многихъ дѣтей въ школѣ не хватаетъ, то оказалось, что у нихъ нѣтъ одежды, чтобы ходить въ школу“. Другой священникъ писалъ: „Я думаю, что въ теченіе послѣднихъ 18 мѣсяцевъ даже у половины рабочихъ не было больше заработка, чѣмъ сколько требуется для того, чтобы не голодать въ буквальномъ смыслѣ слова.“ „Нѣтъ словъ,—говоритъ третій священникъ,—чтобы выразить лишенія и нищету въ настоящій моментъ. Множество буквально голодаетъ“ [1]).

Чартизмъ вспыхнулъ съ новой, гораздо большей силой.

Таково было положеніе Англіи въ эпоху составленія „Коммунистическаго Манифеста“. Ниже мы увидимъ, въ чемъ и какъ отразилось это на „Манифестѣ“, а теперь обрисуемъ въ общихъ чертахъ соціальное положеніе Франціи и Германіи сороковыхъ годовъ.

Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ соціально-политическое положеніе Франціи во многомъ существенно отличалось отъ соотвѣтственнаго положенія Англіи. И во Франціи разореніе народной массы приняло въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ очень широкіе размѣры, но все же въ ней мелкая буржуазія была относительно многочисленнѣе, зажиточнѣе и болѣе живуча, чѣмъ въ Англіи. Но основное различіе заключалось въ характерѣ политической жизни. Въ Англіи, какъ мы видѣли, буржуазія находилась въ политической фрондѣ и старалась использовать и даже инсценировать рабочіе стачки и безпорядки; во Франціи же революція 1830 года возвела крупную, главнымъ образомъ, финансовую буржуазію на тронъ и сдѣлала ее довольной, торжествующей и правящей. Такое положеніе буржуазія заняла благодаря революціи, купленной кровью рабочихъ. Буржуазія, опьяненная побѣдой и вознесенная на головокружительную высоту, на первыхъ порахъ умилилась и обѣщала всяческихъ благъ „героямъ-рабочимъ“. „Когда случается,—говорилъ одинъ изъ министровъ Луи Филиппа,—что династія возникаетъ вслѣдствіе героизма рабочихъ, то эта династія обязана сдѣлать что-нибудь для этихъ работниковъ-героевъ“. Но фейерверкъ фразъ и словъ потухъ, и настала будничная дѣйствительность, оказавшаяся очень невеселой и голодной для „работниковъ-героевъ“. Непосредственно послѣ іюльской революціи 1830 г. начался во Франціи промышленный застой. Безработица росла. Повсюду появлялись толпы безработныхъ и безпокойныхъ людей. Мѣры общественной благотворительности были жалкимъ палліативомъ. Недовольство рос-

[1]) Ibid. 264.

ло и принимало особенно острыя формы въ рабочемъ классѣ, который такъ много ждалъ и такъ мало получилъ отъ происшедшаго переворота. Быстро накоплявшееся озлобленіе вспыхнуло 21-го ноября 1831 года новымъ возстаніемъ въ Ліонѣ. Послѣ упорной битвы войска вынуждены были отступить, и Ліонъ оказался во власти возставшихъ рабочихъ. Въ теченіе десяти дней Ліонъ былъ въ рукахъ рабочихъ, но 3-го декабря 1831 г. правительственныя войска вновь заняли его.

Ліонское возстаніе было самымъ крупнымъ, но въ болѣе мелкой формѣ „безпорядковъ“ рабочія возстанія происходили въ очень многихъ мѣстахъ и, подавленныя или сами потухшія въ одномъ мѣстѣ, они внезапно вспыхивали въ другомъ.

Понемногу французская промышленность оправлялась отъ кризиса и начала вновь широко развиваться. При этомъ мы замѣчаемъ здѣсь явленіе, уже отмѣченное нами относительно Англіи,—имѣя дѣло со сравнительно небольшимъ и медленно возраставшимъ рынкомъ, промышленность ради сбыта вынуждена была сильно понизить цѣны на товары. Она сосредоточилась на производствѣ дешевыхъ, низкопробныхъ товаровъ. Рынокъ заваливался всяческими дешевыми поддѣлками подъ другіе товары, и мелкое мѣщанство охотно покупало всякую дрянь, поддѣланную подъ шелкъ, кружева, бархатъ, золото и драгоцѣнные камни. И безъ того низкая заработная плата благодаря этому понижалась еще ниже. На тюлевыхъ фабрикахъ рабочіе получали $1\frac{1}{2}$—3 франка въ день, тогда какъ прежде здѣсь работа вознаграждалась втрое лучше.

Въ Лиллѣ шестая часть всѣхъ рабочихъ была вынуждена прибѣгать къ общественной благотворительности. Смертность среди рабочихъ и въ особенности ихъ дѣтей была ужасающа. У капиталистовъ средняя продолжительность жизни равнялась 28 годамъ, тогда какъ у фабричныхъ рабочихъ—одному году и тремъ мѣсяцамъ! Это показываетъ, какъ велика была смертность среди новорожденныхъ дѣтей рабочихъ.

Въ то время, какъ „герои-рабочіе“ умирали отъ голода, буржуазія, возведенная ими въ лицѣ Луи-Филиппа на тронъ, предавалась финансовымъ вакханаліямъ. Вся буржуазія была охвачена лихорадочной погоней за наживой. Дутыя промышленныя предпріятія росли, какъ грибы послѣ дождя. Вся изобрѣтательность человѣческаго ума была сосредоточена на искусствѣ быстраго обогащенія. Продавалось съ публичнаго торга среди крупной буржуазіи рѣшительно все и вся—красота, талантъ, убѣжденія; все это жадно пускалось въ оборотъ и разсматривалось, какъ доходная статья. Луи-Филиппъ не только не боролся съ этой вакханаліей вокругъ золотого тельца, но благословлялъ ее обѣими руками и не только благословлялъ ее, но неистовствовалъ усерднѣе всѣхъ, получивъ насмѣшливое прозвище

„императора пяти процентовъ, короля трехъ процентовъ, покровителя банкировъ и начальника биржевыхъ агентовъ“. Луи-Филиппъ не стѣснялся безъ конца клянчить у парламента прибавки себѣ содержанія,—онъ клянчитъ до того назойливо и безстыдно, что даже тогдашняя палата въ концѣ концовъ отказываетъ ему. Онъ жадно занимается спекуляціями на биржѣ, продажею выгодныхъ мѣстъ и синекуръ.

Къ 1847 году этотъ биржевой канканъ достигаетъ грандіозныхъ размѣровъ. Правительство открыто призываетъ буржуазію: „Обогащайтесь!“ и само первое жадно обѣими руками загребаетъ золото, гдѣ оно плохо лежитъ. Открывается эра колоссальныхъ хищеній и казнокрадствъ. Точно чуя надвигающуюся революцію, буржуазія, обезумѣвъ отъ жадности, старалась набить трясущимися руками полные карманы и урвать деньги, пока еще возможно. Въ своихъ лекціяхъ въ „College de France“ въ 1847 г. Мишле справедливо говорилъ, что Франція переживаетъ „нравственное Ватерлоо“.

Въ 1847 году и во Франціи, подобно Англіи, наступилъ промышленный кризисъ, который сразу сильно увеличилъ и безъ того густые ряды безработнаго и озлобленнаго люда.

Германія сороковыхъ годовъ и по политическому, и по экономическому положенію была крайне отсталой страной по сравненію съ Англіей и Франціей. Капитализмъ въ ней только начиналъ развиваться и носилъ хищническій характеръ. Онъ воздвигалъ свое царство, безжалостно вытягивая всѣ жилы и соки у отупѣвшихъ отъ голодухи деревенскихъ ткачей и ихъ женъ и дочерей, у малютокъ, едва научившихся держаться на ногахъ.

Нищета среди нѣмецкихъ ткачей сороковыхъ годовъ достигала ужасающихъ размѣровъ. Въ 1845 году пасторъ Генхе, полицейскій надзиратель Кобельтъ и судебный протоколистъ Обстъ подали докладную записку о положеніи ткачей.

„Какъ бы иногда ни казалось,—читаемъ мы въ этой запискѣ,—легко то физическое напряженіе, котораго требуетъ ткацкій станокъ, но все-таки, если даже сидѣть до глубокой ночи, то раньше чѣмъ въ 6 дней, невозможно окончить ткань въ 140 локтей длиною, а за такую ткань фабрикантъ уплачиваетъ нищенское вознагражденіе въ 14 зильбергрошей (т. е. приблизительно 65 коп. *П. Б.*). Положеніе какого-нибудь арестанта или солдата въ исправительной ротѣ является несравненно болѣе привлекательнымъ по отсутствію заботъ, по царящему тамъ порядку и человѣчности, чѣмъ жизнь ткача. Съ неотразимой силой проникаетъ нужда во всѣ избы, несмотря на то, что отцы семейства отдаютъ всѣ свои силы, силы всѣхъ своихъ дѣтей, чтобы поддержать свое хозяйство, чтобы избѣжать голода и нищеты, чтобы устранить ужасъ постепеннаго обнищанія“ [1]).

---

[1]) Ср. Wolff. Das Elend und der Aufruhr in Schlesien. „Deutsches Burgerbuch für 1845“. Herausg. von H. Püttmann. Darmstadt. 1845. Стр. 185.

Въ Германіи образованъ былъ „Комитетъ помощи нуждающимся ткачамъ“, по порученію котораго нѣкій Александръ Шееръ изучилъ лично положеніе силезскихъ ткачей. Въ своемъ отчетѣ онъ писалъ: „Объ ужасающей нищетѣ, царящей среди ткачей, выдѣлывающихъ наиболѣе грубые сорта пряжи, самая живая фантазія не можетъ составить себѣ никакого представленія... Для сотенъ, для тысячъ семействъ этихъ несчастныхъ ткачей ежедневный заработокъ колеблется между 9 пфеннигами (т. е. 4-мя коп.) и однимъ зильбергрошеномъ и 3 пф. (т. е. 11 коп.). И на эту сумму сплошь и рядомъ должна жить семья изъ шести членовъ“.

Даже по отзывамъ мѣстной полиціи ужасающая нищета только потому не толкнула ткачей на путь преступленія, „что долгое господство нищеты настолько подорвало ихъ физическую и *моральную* энергію (körperlich und *moralisch* deprimirt hat), что у нихъ не хватаетъ мужества, необходимаго для того, чтобы рѣшиться на преступленіе“ [1]).

Такимъ образомъ, даже полиція недоумѣвала, какимъ образомъ люди, находящіеся въ такомъ положеніи, могутъ не прибѣгать къ воровству, и объясняла это только моральною подавленностью ихъ!

Въ довершеніе всего, въ 1846 г. разразился среди ткачей обостренный голодъ, а за нимъ слѣдомъ явился его обычный спутникъ—голодный тифъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вымерла двѣнадцатая часть всего населенія.

Нищета и безработица свирѣпствовали повсюду. Газеты и журналы того времени переполнены извѣстіями о голодѣ и нищетѣ.

Положеніе рабочихъ на фабрикахъ было нѣсколько лучше, но фабрикъ было тогда еще очень немного, и попавшіе на нихъ считались счастливцами, ибо они имѣли возможность меньше голодать и мерзнуть, чѣмъ ткачи и безработные.

Въ 1847 году и въ Германіи, подобно тому, какъ въ Англіи и Франціи, разразился промышленный кризисъ, обострившій и безъ того острую народную нужду и создавшій новые ряды недовольныхъ и безработныхъ людей. На протяженіи всего 1847 г., подавляясь въ одномъ, вспыхивали въ другомъ мѣстѣ безпорядки и стачки. Народное разореніе, а съ нимъ вмѣстѣ общее недовольство и броженіе охватывало всю страну.

Мы обрисовали въ общихъ чертахъ соціально-экономическое положеніе передовыхъ европейскихъ государствъ эпохи появленія „Коммунистическаго Манифеста“; мы видѣли, что по степени своего развитія и въ особенности по характеру окружавшей его политической атмосферы англійскій капитализмъ сороковыхъ го-

[1]) Ibid., стр. 45.

довъ сильно отличался отъ французскаго и оба они еще сильнѣе отличались отъ нѣмецкаго. Германія переживала еще муки родовъ крупнаго капитализма, мучительный процессъ прорѣзыванія новыхъ формъ экономической жизни; при этомъ нѣмецкое правительство отнюдь не играло роли акушера нарождающагося капитализма. Оно тѣсно слило свои кровные интересы съ интересами феодальныхъ классовъ и медленной, скрипучей работой бюрократической машины на каждомъ шагу тормозило живое развитіе производительныхъ силъ.

Въ Англіи, какъ мы видѣли, абсолютизмъ, въ противоположность Германіи, былъ уже свергнутъ, буржуазія уже сдѣлала крупныя политическія завоеванія, но однако и здѣсь она еще не заняла господствующаго политическаго положенія. и здѣсь ея экономическая сила значительно превышала ея политическую власть, и здѣсь еще ей приходилось бороться и съ земельнымъ дворянствомъ, и съ правительствомъ.

Наибольшаго политическаго господства къ сороковымъ годамъ достигла французская буржуазія; извѣстная часть ея, финансовая буржуазія, какъ мы видѣли, съ полнымъ основаніемъ могла сказать: „Государство—это я". Но и здѣсь буржуазія, за исключеніемъ финансистовъ и спекулянтовъ, фрондировала противъ правительства и не считала еще законченнымъ свой періодъ натиска на старый порядокъ.

Въ довершеніе всего, какъ мы видѣли, 1847 годъ, годъ составленія „Коммунистическаго Манифеста", принесъ всѣмъ странамъ опустошительный промышленный кризисъ.

Если мы теперь, такъ сказать, вынесемъ за скобки всѣ индивидуальныя и мѣстныя отличія въ соціально-политическомъ положеніи передовыхъ европейскихъ странъ, то въ качествѣ общихъ, типическихъ чертъ мы установимъ: растущее обнищаніе народной массы, быстро возроставшія производительныя силы, задыхавшіяся въ тѣсныхъ рамкахъ узкаго тогда и медленно расширявшагося рынка; революціонное „настроеніе", охватившее всѣ классы населенія, не исключая и извѣстныхъ слоевъ крупной буржуазіи. Капитализмъ сороковыхъ годовъ быстро разлагалъ докапиталистическія формы производства, лишая собственности и заработка широкіе слои населенія, но самъ еще располагалъ и дурной организаціей, и тѣснымъ рынкомъ. Быстро нищавшее населеніе представляло, конечно, недостаточный внутренній рынокъ для расширившагося капиталистическаго производства.

Этотъ рынокъ постепенно создавался и расширялся, но въ сороковыхъ годахъ процессъ разложенія старыхъ формъ хозяйства носилъ особенно скоротечный, болѣзненный характеръ, тогда какъ процессъ созданія новыхъ условій массоваго потребленія, массоваго капиталистическаго производства шелъ медленно и съ перерывами. Находясь въ такомъ положеніи, капитализмъ былъ

лишенъ объективной возможности уменьшить бѣдствіе, хотя бы тѣхъ лицъ, которыя были непосредственно втянуты въ его водоворотъ, онъ долженъ былъ „экономить“ на всемъ, вынужденъ былъ низводить заработную плату до голоднаго минимума и наводнять рынки дешевыми и гнилыми товарами.

Если бы тѣ черты, которыя присущи были капитализму сороковыхъ годовъ, составляли дѣйствительно, какъ думали многіе тогдашніе писатели, неустранимую, внутреннюю его сущность, то Европа уже тогда находилась бы въ послѣднихъ градусахъ капитализма, и крахъ послѣдняго былъ бы неминуемъ. Тогдашній капитализмъ съ чрезвычайною быстротою и широтою разрушалъ старыя формы хозяйства и выгонялъ на рынокъ труда пеструю массу людей, рѣдко находившую тамъ занятіе и кусокъ хлѣба. Все растущая масса этихъ людей оставалась непоглощенной ростомъ крупнаго производства и вливалась въ густые ряды безработныхъ и озлобленныхъ людей.

Если бы развитіе капитализма и дальше шло бы такимъ же темпомъ и влекло бы за собою такія же послѣдствія, то неминуемо настала бы страшная катастрофа. На самомъ же дѣлѣ, всѣ перечисленныя явленія, сопутствовавшія развитію капитализма въ сороковыхъ годахъ, знаменовали собою не наступавшую уже дряхлость капиталистическаго производства, а, наоборотъ болѣзнь его роста, болѣзнь дѣтства.

Могли ли эти преходящія явленія капитализма сороковыхъ годовъ не наложить историческаго отпечатка на „Коммунистическомъ Манифестѣ“? Конечно, не могли. „Коммунистическій Манифестъ“ ясно говорилъ: „Теоретическія положенія коммунистовъ ни въ какомъ случаѣ не основываются на идеяхъ или принципахъ, придуманныхъ или открытыхъ какимъ-нибудь изобрѣтателемъ мірового обновленія. Они являются только общимъ выраженіемъ реальныхъ условій происходящей въ дѣйствительности классовой борьбы, совершающагося передъ нашими глазами историческаго движенія“ [1]).

Понятно, что „Коммунистическій Манифестъ“ не могъ не отразить тѣхъ „реальныхъ условій происходящей въ дѣйствительности классовой борьбы“ и капиталистическаго развитія, среди которыхъ онъ создавался. Мы видѣли, въ чемъ заключались основныя черты капитализма сороковыхъ годовъ, теперь остановимся на ихъ отраженіи въ „Коммунистическомъ Манифестѣ“.

Наблюдая быстрый ростъ капиталистическаго производства въ передовыхъ европейскихъ странахъ, его разрушительное вліяніе на мелкія формы предпринимательства, его побѣдное шествіе по трупамъ самостоятельнаго производителя, соціалисты сороковыхъ годовъ, и въ ихъ числѣ и Марксъ, склонны были сильно

---

[1]) Ср. „Коммунистическій Манифестъ“. Съ комментаріями и историческимъ введеніемъ Ш. Андлера. Спб. 1906. Стр. 37.

преувеличивать темпъ развитія капиталистическихъ отношеній и темпъ гибели всѣхъ мелкихъ формъ производства. Казалось, что крупному производству стóитъ сдѣлать еще нѣсколько шаговъ впередъ—и всѣ промежуточныя ступени соціальной лѣстницы, ведущей отъ пролетарія къ крупному капиталисту, рухнутъ и подъ своими обломками погребутъ всѣ мелкія формы самостоятельнаго хозяйства, и тогда на полѣ соціальной битвы грудь съ грудью встрѣтятся капиталисты съ огромной арміей пролетаріевъ.

Въ борьбѣ съ мелкими формами производства, по воззрѣнію Маркса сороковыхъ годовъ, крупное хозяйство должно было уже въ самомъ ближайшемъ будущемъ выйти полнымъ побѣдителемъ; но и помимо борьбы съ пролетаріатомъ, буржуазія не могла чувствовать себя торжествующей побѣдительницей, ибо создаваемая ею народная нищета должна была, въ концѣ концовъ, придушить ее подъ своею тяжестью. Положеніе рабочаго класса, говоритъ „Комм. Маниф.", не только не улучшается съ развитіемъ промышленности, а, напротивъ, оно все болѣе ухудшается, и рабочій опускается ниже обычнаго уровня существованія своего собственнаго класса. Рабочій превращается въ нищаго, а нищета растетъ еще быстрѣе, чѣмъ населеніе и богатство. Изъ этого ясно, что буржуазія неспособна дольше играть роль господствующаго класса въ современномъ обществѣ и не можетъ навязывать ему въ качествѣ принципа, регулирующаго всѣ общественныя отношенія, условія существованія своего класса. Она неспособна господствовать, потому что она не въ состояніи обезпечить своему рабу возможность влачить хоть какую-нибудь жизнь даже въ то время, когда этотъ рабъ служитъ ей, потому что буржуазія вынуждена допустить пролетарія до такого положенія, при которомъ ей приходится поддерживать его существованіе вмѣсто того, чтобы самой существовать на его счетъ. Общество не можетъ дольше жить подъ ея владычествомъ, то есть существованіе буржуазіи уже несовмѣстимо съ условіями развитія общества" [1]).

Какъ показываютъ эти слова, „Комм. Ман." ждалъ, что капиталистическій строй рухнетъ подъ страшно и быстро растущею тяжестью рождаемой имъ нищеты, причемъ капитализмъ *не въ состояніи* избавить отъ самой ужасной нищеты даже своихъ рабочихъ, не говоря уже о голодающей арміи безработныхъ. Въ „Коммун. Маниф.", вполнѣ отражая особенности тогдашняго капиталистическаго развитія, Марксъ ждалъ гибели капитализма отъ растущей бѣдности широкой народной массы, что, по его мнѣнію, закончится тѣмъ, что буржуазіи придется „поддерживать

1) Ibid., стр. 35—36.

его (пролетаріата) существованіе вмѣсто того, чтобы самой существовать на его счетъ!“

Капитализмъ сороковыхъ годовъ быстро разрушалъ мелкія формы производства, и Марксъ склоненъ былъ думать, что мелкая буржуазія исчезнетъ въ самомъ близкомъ будущемъ, и между пролетаріатомъ и буржуазіей разверзнется глубокая пропасть. Соотвѣтственно съ этимъ взглядомъ, „Ком. Ман.“ совершенно сбросилъ съ политическихъ счетовъ мелкую буржуазію, — это одна ихъ характернѣйшихъ чертъ „Ком. Ман.“

Считая, что въ ближайшемъ будущемъ мелкая буржуазія должна погибнуть, находя необходимымъ опирать интересы пролетаріата на широкое развитіе капиталистическаго хозяйства, Марксъ въ эпоху „Коммун. Ман.“, очевидно, склоненъ былъ приписывать мелкой буржуазіи только реакціонную роль. Крупная буржуазія, еще боровшаяся съ абсолютизмомъ и феодализмомъ, своимъ развитіемъ создавшая экономическія и политическія предпосылки для соціалистической революціи, играла въ сороковыхъ годахъ крупную революціонную роль, и Марксъ находилъ для партіи пролетаріата необходимымъ поддерживать эту буржуазію поскольку, постольку она была революціонна. Иное дѣло — мелкая буржуазія. Марксъ въ „Ком. Ман.“, очевидно, не считаетъ ее способной играть революціонную роль даже въ абсолютистской Германіи.

„Въ Германіи коммунистическая партія,—говоритъ онъ,—борется вмѣстѣ съ буржуазіей, поскольку сама буржуазія ведетъ революціонную борьбу противъ абсолютной монархіи, феодальной земельной собственности *и мелкаго мѣщанства*“ [1]). (Курсивъ нашъ).

Въ сороковыхъ годахъ мелкая буржуазія повсюду играла еще крупную политическую роль и очень часто выступала съ очень радикальными требованіями. Въ Англіи мелкобуржуазный элементъ былъ въ очень сильной дозѣ примѣшанъ къ чартистскому движенію, въ особенности въ первой стадіи его развитія; во Франціи мелкая буржуазія была чрезвычайно многочисленна и играла крупную политическую роль, часть ея шла въ первыхъ рядахъ революціоннаго движенія. Такимъ образомъ, „Коммунист. Манифестъ“ лишь мелькомъ останавливался на мелкой буржуазіи не потому, что она не играла тогда радикальной политической роли—именно тогда она выступала на радикальныхъ роляхъ,—а потому, что Марксъ считалъ ее въ ближайшемъ будущемъ обреченной на полную гибель, считалъ, что не сегодня—завтра она будетъ сброшена въ ряды пролетаріата. Во Франціи мелкая буржуазія была особенно многочисленна и живуча, но вотъ что писалъ о ней „Коммун. Ман.“: „Члены ея постоянно сбрасываются

---

[1]) Ibid. стр. 58.

конкурренціей въ ряды пролетаріата, и сами замѣчаютъ уже приближеніе, благодаря развитію крупной промышленности, такого момента, когда прекратится ихъ существованіе, какъ самостоятельной части современнаго общества, и когда они будутъ замѣнены въ торговлѣ, промышленности и земледѣліи надсмотрщиками и слугами".

Какъ мы увидимъ въ слѣдующей главѣ, исходъ революціоннаго движенія 1848 года заставилъ Маркса измѣнить свой взглядъ на соотношеніе общественныхъ силъ или, точнѣе говоря, на оцѣнку ихъ долговѣчности, но какъ бы тамъ ни было, „Коммун. Ман." приписывалъ революціонную роль пролетаріату и крупной буржуазіи. Крупная буржуазія сороковыхъ годовъ еще не закончила свою историческую тяжбу со старымъ феодальнымъ порядкомъ и еще не была глубоко проникнута боязнью пролетарскаго движенія. У передовой части крупной буржуазіи сороковыхъ годовъ еще не облетѣли всѣ цвѣты и не догорѣли всѣ огни увлеченія „общенародными" идеалами. Марксъ, конечно, не ждалъ отъ этой буржуазіи, что она осчастливитъ пролетаріатъ, но онъ былъ увѣренъ, что она до конца доведетъ свою борьбу съ абсолютизмомъ и феодализмомъ, что она снесетъ всѣ пережитки средневѣковья, что она разрушитъ всѣ обломки и пережитки стараго порядка. И въ этой ея революціонной роли Марксъ призывалъ пролетаріатъ поддержать буржуазію. „Коммун. Ман." былъ твердо убѣжденъ въ томъ, что революціонная буржуазія въ самомъ ближайшемъ будущемъ нанесетъ послѣдній смертельный ударъ патріархально-феодальному строю, что втянутый въ эту общую революціонную борьбу противъ стараго порядка пролетаріатъ быстро созрѣетъ политически, обособитъ и закалитъ свое классовое сознаніе, и тогда революціонный союзъ между пролетаріатомъ и буржуазіей, сдѣлавъ свое дѣло, убивъ и устранивъ общаго имъ врага, распадется самъ на два воюющихъ лагеря. Устраненіе феодально-сословныхъ и мелкобуржуазныхъ элементовъ чрезвычайно упроститъ классовую борьбу между пролетаріатомъ и буржуазіей, она разорветъ всѣ завѣсы и разсѣетъ всѣ туманы, скрывавшіе отъ пролетаріата его непримиримаго врага.

И „Коммун. Ман." былъ увѣренъ, что предстоящая Германіи „буржуазная революція можетъ быть только непосредственной прелюдіей пролетарской революціи" [1]).

Однако, „Коммун. Ман." нигдѣ не придавалъ своимъ тактическимъ положеніямъ того или иного абсолютнаго, на всѣ времена и для всякой обстановки, предустановленнаго значенія. Онъ не говорилъ просто пролетаріату: „надо поддерживать буржуазію", а точно опредѣлялъ тѣ условія времени и мѣста, когда и въ какомъ смыслѣ буржуазія должна быть поддержана пролетаріатомъ.

---

[1]) „Коммун. Ман." стр. 59.

Взаимоотношеніе между различными классами и отсюда вытекающую для пролетаріата тактику „Коммун. Ман.“ формулировалъ не дидактически, а діалектически, ставилъ ее въ зависимость отъ окружающихъ обстоятельствъ исторической обстановки. „Коммун. Ман.“ мастерски, классически-ясными чертами рисуетъ діалектическій процессъ временнаго сплетенія политическихъ интересовъ пролетаріата и буржуазіи, ведущаго впослѣдствіи не къ ихъ примиренію, а, наоборотъ, къ болѣе ожесточенной взаимной борьбѣ.

На первыхъ порахъ, говоритъ „Коммун. Ман.“, „массовыя выступленія ихъ (рабочихъ) являются не результатомъ ихъ собственнаго единства, а слѣдствіемъ объединенныхъ дѣйствій буржуазіи, которая для достиженія своихъ политическихъ цѣлей должна, пока еще въ состояніи, приводить въ движеніе весь классъ пролетаріевъ. На этой ступени рабочіе борются, поэтому, не со своими врагами, а съ врагами своихъ враговъ,—съ пережитками абсолютной монархіи, съ земельными собственниками, съ непромышленной буржуазіей, съ мелкимъ мѣщанствомъ. Такимъ образомъ, всѣ нити историческаго движенія концентрируются въ рукахъ буржуазіи; каждая одержанная при такихъ условіяхъ побѣда оказывается побѣдой буржуазіи“ [1]).

„Существованіе буржуазіи,-говоритъ далѣе „Коммун. Ман.“,—проходитъ въ непрерывной борьбѣ: сперва съ аристократіей, затѣмъ съ той частью самой буржуазіи, интересы которой находятся въ противорѣчіи съ развитіемъ промышленности,—всегда съ буржуазіей всѣхъ другихъ странъ. Во всѣ моменты этой борьбы буржуазія оказывается вынужденной аппелировать къ пролетаріату, обращаться къ нему за помощью и, такимъ образомъ, вовлекать его въ водоворотъ политическихъ движеній. Слѣдовательно, она сама передаетъ пролетаріату элементы собственнаго политическаго и соціальнаго воспитанія, т.-е. даетъ ему оружіе противъ самой себя“.

Формулируя въ заключительныхъ словахъ „положеніе, занимаемое коммунистами по отношенію къ различнымъ оппозиціоннымъ партіямъ“, „Коммун. Ман.“ [2]) говоритъ о необходимости для коммунистовъ поддерживать буржуазію, но не буржуазію внѣ времени и пространства, а буржуазію Германіи сороковыхъ годовъ лишь *постольку*, „*поскольку* сама буржуазія ведетъ революціонную борьбу противъ абсолютной монархіи, феодальной земельной собственности и мелкаго мѣщанства“. Такимъ образомъ, вопросъ о тактикѣ пролетаріата ставился „Коммун. Ман.“ въ конкретныя условія времени и мѣста и рѣшался въ зависимости отъ пестраго переплета послѣднихъ. И благодаря этому отсутствію

---

[1]) Ibid., стр. 31.
[2]) Ibid., стр. 33.

догматизма въ постановкѣ вопросовъ, „Коммун. Ман.“ оказался способнымъ вмѣстить въ рамки своихъ общихъ положеній текучее и измѣнчивое содержаніе дальнѣйшаго соціальнаго развитія, несмотря на то, что очень многія частности этого „Манифеста“ совершенно устарѣли.

Выпуская въ 1872 году, т.-е. черезъ 24 года послѣ его появленія, новое изданіе „Манифеста“, Марксъ съ полнымъ основаніемъ могъ писать въ предисловіи къ нему: „Несмотря на крупныя измѣненія, происшедшія въ теченіе послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ, общіе принципы, изложенные въ этомъ Манифестѣ, остаются и до нынѣ, въ общемъ и цѣломъ, совершенно правильными. Кое-гдѣ слѣдовало бы исправить нѣкоторыя частности. Но Манифестъ самъ поясняетъ, *что практическое примѣненіе изложенныхъ въ немъ принциповъ всегда и вездѣ зависитъ отъ имѣющейся на-лицо исторической обстановки*“ (Курсивъ нашъ).

Марксъ далѣе указываетъ на то, что со времени выхода „Коммун. Ман.“ имѣющаяся на-лицо историческая обстановка значительно измѣнилась, а посему и вся тактика, указываемая Манифестомъ пролетаріату, должна быть значительно измѣнена.

Вскорѣ послѣ выхода Манифеста полъ-Европы было охвачено революціоннымъ пожаромъ, и при яркомъ заревѣ этого пожара и при наступившей затѣмъ глухой тьмѣ реакціи взаимоотношенія общественныхъ силъ сложились иначе, чѣмъ это предполагалъ Манифестъ.

Что касается взаимоотношенія основныхъ соціальныхъ классовъ, то буржуазія прежде всего ни малѣйше не обнаружила стремленія итти до конца въ своей борьбѣ съ остатками и пережитками сословно-феодальнаго строя. Революціонный пылъ остылъ у нея отъ того холода, который пробѣгалъ по ея спинѣ каждый разъ, какъ она слышала за собою „желѣзную поступь“ пролетаріата. Она предпочла вступить со старымъ порядкомъ въ сдѣлку, въ соглашеніе. Союзъ пролетаріата съ буржуазіей съ цѣлью добить и похоронить феодально-приказный строй не выдержалъ слишкомъ высокой температуры революціоннаго племени и распался. Буржуазія „ему измѣнила и продала шпагу свою“. „Коммун. Ман.“ склоненъ былъ очень сильно преувеличивать революціонность крупной буржуазіи по отношенію къ старому порядку. Мы уже видѣли, что эта преувеличенная оцѣнка вытекала изъ увѣренности Маркса, что крупное капиталическое производство въ самомъ близкомъ будущемъ должно уничтожить всѣ промежуточныя между пролетаріатомъ и крупной буржуазіей соціальныя звенья. На самомъ же дѣлѣ, капиталистическая эволюція обнаруживала несравненно большую живучесть и даже плодовитость мелкихъ формъ производства, чѣмъ это предполагалъ Манифестъ. Весь ходъ капиталистическаго развитія принялъ иное направленіе. Въ сороковыхъ годахъ, какъ мы видѣли, бы-

стро растущее обнищаніе широкой народной массы чрезвычайно суживало внутренній рынокъ для сбыта продуктовъ капиталистической промышленности,— капитализмъ вынужденъ былъ производить по преимуществу предметы роскоши и прихоти. Но съ тѣхъ поръ, какъ создался огромный рынокъ массоваго запроса, емкость капиталистическаго рынка необычайно возросла, общій уровень народнаго благосостоянія повысился.

Съ другой стороны, пролетаріатъ сороковыхъ годовъ оказался слишкомъ и малочисленнымъ, и несознательнымъ, чтобы сыграть рѣшающую роль. Когда потухла революція, Марксъ и Энгельсъ тотчасъ же увидѣли, что насколько они преуменьшали дѣйствительныя силы капитализма, мелкихъ формъ производства и стараго порядка, настолько же они преувеличили дѣйствительныя силы пролетаріата.

Въ предисловіи къ „Классовой борьбѣ во Франціи" Энгельсъ писалъ объ этомъ:

„Исторія обнаружила нашу ошибку. Она выяснила, что уровень экономическаго развитія на континентѣ тогда еще далеко не созрѣлъ для уничтоженія капиталистическаго производства. Она доказала это тѣмъ, что экономическая революція съ 1848 года охватила весь континентъ и впервые водворила крупную промышленность во Франціи, Австріи, Венгріи, Польшѣ и въ новѣйшее время и въ Россіи, а изъ Германіи сдѣлала первостепенную промышленную страну, и все это на капиталистической основѣ, что доказывало, что она еще не завершила своего развитія въ 1848 году" [1]).

Время наложило свою печать на „Коммун. Ман.", и мѣста, отмѣченныя этою печатью, представляютъ въ настоящее время омертвѣвшія части одного изъ величайшихъ историческихъ документовъ. Но устарѣли только эти части Манифеста, вся же его грандіозная соціологическая концепція, весь съ удивительнымъ, неподражаемымъ мастерствомъ нарисованный процессъ зарожденія и развитія классовъ, сначала какъ экономически обособленныхъ группъ, а потомъ какъ соціальныхъ классовъ, въ которыхъ уже зажглось политическое сознаніе,—и понынѣ сохранили свою свѣжесть и силу. Точно нѣсколькими ударами рѣзца геніальнаго скульптора, Марксъ показываетъ, какъ промышленное развитіе приводитъ въ движеніе тяжелую и безформенную глыбу населенія, какъ медленно восходящее классовое сознаніе вдыхаетъ политическую жизнь въ пришедшія въ броженіе различныя части населенія, какъ оно постепенно обособляетъ ихъ въ живые организмы. Процессъ борьбы классовъ, наполняющей всю человѣческую исторію, и процессъ образованія изъ безформенной массы населенія отграненныхъ экономическихъ классовъ и превращенія

[1]) Marx. Die Klassenkämpfe in Frankreich. Berlin. 1895. Предисловіе Энгельса.

этихъ послѣднихъ въ соціальные классы, а затѣмъ и въ политическую партію,— обрисованъ въ Манифестѣ съ геніальною образностью, сжатостью и силой, составляя неумирающія части пролетарскаго евангелія [1]).

Какъ мы уже замѣтили, во многихъ отношеніяхъ „Коммун. Ман.“, далеко глядя въ будущее, часто приписывалъ настоящему черты желаемаго грядущаго (напр., относительно могущества капитализма, съ одной стороны, и могущества пролетаріата—съ другой) и такимъ образомъ, въ нѣкоторыхъ частяхъ онъ опередилъ настоящее, но именно благодаря этому эти его части представляютъ въ настоящее время несравненно большее жизненное значеніе, чѣмъ въ эпоху его появленія.

А затѣмъ остается въ этомъ Манифестѣ какая-то неуловимая или, точнѣе, невыразимая магнетическая сила, заставляющая его вотъ уже шестьдесятъ лѣтъ волновать, „какъ своенравный чародѣй“, сердца все новыхъ и новыхъ милліоновъ людей. Шестьдесятъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ появился на свѣтъ этотъ Манифестъ; современныя ему соціалистическія произведенія покоятся мирнымъ сномъ на пыльныхъ полкахъ библіотекъ, рѣдко тревожимыя какимъ - нибудь ученымъ, а онъ, не зная старости, обходя моря и земли, попрежнему волнуетъ массы и прочитывается съ жаднымъ интересомъ. Какое неотразимое впечатлѣніе производитъ онъ и теперь даже на ученыхъ изъ буржуазной среды, показываютъ слова В. Зомбарта: „Коммунистическій Манифестъ“, — говоритъ В. Зомбартъ, — представляетъ собою самое удивительное произведеніе, которое только знаетъ міровая литература. Онъ полонъ ошибокъ, незрѣлыхъ идей, но, несмотря на это, является неподражаемымъ мастерскимъ произведеніемъ. Богатство идей, которое мы въ немъ находимъ, достигаетъ почти сказочныхъ размѣровъ... Нѣкоторыя изъ его идей обнаруживаютъ прямо пророческую мудрость. Говорятъ, что въ „Коммун. Ман.“ уже заключено все, что мы знаемъ о сущности современнаго общества. До извѣстной степени это вѣрно,—только въ немъ все намѣчено лишь афористически, бѣгло. Но даже и тотъ, который усердно въ теченіе десятилѣтій занимался изученіемъ соціальнаго вопроса, будетъ постоянно находить въ „Коммун. Ман.“ новыя, неожиданныя истины. Я читалъ его сотни и сотни разъ, и все-таки каждый разъ, какъ я беру его въ руки, онъ вновь меня захватываетъ“ [2]).

---

[1]) Уже въ „Нищетѣ философіи“, вышедшій за годъ до Ман., мы находимъ общія положенія замѣчательной теоріи классовъ К. Маркса, имѣющей центральное значеніе для всей его теоріи. Къ сожалѣнію, мы не можемъ здѣсь останавливаться на этомъ. Ср. первыя главы нашей книги: „Политическія партіи“. Спб. 1907.

[2]) Ср. W. Sombart. Socialismus und Sociale Bewegung. Jena. 1905. 5 Aufl. Стр. 53.

Если „Ком. Маниф.“ и нынѣ еще оказываетъ подобное вліяніе на буржуазнаго ученаго, то какъ же онъ долженъ дѣйствовать на пролетарскую массу!

Какъ бы ни устарѣли отдѣльныя части „Манифеста“, явившіяся выраженіемъ фактическихъ условій соціально-экономической жизни сороковыхъ годовъ, въ своей общей принципіальной части „Маниф.“ не только не устарѣлъ, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сталъ болѣе своевременнымъ, чѣмъ былъ въ эпоху своего появленія. Поэтому тѣ люди, которые спѣшатъ перевести „Ком. Маниф.“ изъ арсенала соціалистическаго движенія въ его архивъ, обнаруживаютъ легкомысленную торопливость. Можно съ увѣренностью сказать, что „Ком. Ман.“ не устарѣетъ (оставляя въ сторонѣ его фактическую сторону) и будетъ „глаголомъ жечь сердца людей“, доколь въ подлунномъ мірѣ живъ будетъ капитализмъ и имъ рождаемый пролетаріатъ.

Научный соціализмъ подготовлялся въ теченіе долгой эволюціи соціалистической мысли, и раньше чѣмъ въ сочиненіяхъ Маркса онъ загорѣлся яркимъ и сильнымъ свѣточемъ, онъ нерѣдко вспыхивалъ геніальными проблесками въ головахъ различныхъ соціалистовъ, въ особенности французскихъ. Въ этой главѣ мы уже видѣли, что „Союзъ Коммунистовъ“, отъ имени котораго появился „Ком. Ман.“, былъ порожденъ „Союзомъ Справедливыхъ“, а послѣдній въ свою очередь — „Союзомъ Гонимыхъ“. Между всѣми этими союзами существовала тѣсная и непосредственная идейная связь, всѣ они были связаны узами непрерывной идейной преемственности. Но эти нѣмецкіе союзы въ свою очередь явились идейными наслѣдниками соотвѣтствующихъ французскихъ организацій, благодаря чему мы получаемъ длинное родословное древо „Ком. Манифеста“, и его истинными родоначальниками являются, конечно, французы. Оригинальность и геніальность „Ком. Ман.“ заключается въ томъ, что въ немъ Марксъ обобщилъ и претворилъ въ единое недѣлимое міросозерцаніе тѣ разрозненныя идеи, которыя, подготовляемыя всѣмъ ходомъ соціальнаго развитія, уже въ смутной и путаной формѣ бродили въ головахъ многихъ мыслителей.

„Ком. Маниф.“ появился въ февралѣ 1848 года. Какъ мы уже замѣтили, онъ по многимъ своимъ основнымъ выводамъ обогналъ тогдашній уровень соціально-экономическаго развитія,— эти выводы предполагали болѣе высокій уровень и капиталистическаго развитія, и политическаго сознанія пролетаріата, чѣмъ это имѣло мѣсто въ 1848 году. Къ тому же „Ком. Ман.“ предназначался для наиболѣе отсталой по соціально-экономическому развитію страны З. Европы — для Германіи. Неудивительно по-

этому, что „Маниф.“ непосредственно послѣ своего появленія не сыгралъ сколько-нибудь замѣтной роли; его даже мало знали.

„Лишь нѣсколько голосовъ отвѣтило намъ,—пишетъ Энгельсъ въ 1890 г.,—когда мы 42 года тому назадъ бросили въ міръ этотъ призывъ наканунѣ парижской революціи“.

То же самое говорилъ и Либкнехтъ: „Хотя „Ком. Ман.“ и появился уже въ началѣ февраля 1848 г., но тогда (въ апрѣлѣ 1848 г. *П. Б.*) въ Германіи не было, пожалуй, и трехъ-четырехъ десятковъ человѣкъ, которые имѣли бы о немъ представленіе“ [1]).

Насколько идеи, развитыя въ „Ком. Маниф.“, были еще чужды многимъ даже передовымъ революціонерамъ Германіи сороковыхъ годовъ, показываетъ то впечатлѣніе, которое онъ произвелъ на „краснаго Беккера“. Беккеръ игралъ довольно видную роль въ нѣмецкомъ революціонномъ движеніи и находился въ личныхъ сношеніяхъ съ Карломъ Марксомъ. Въ концѣ іюня 1848 г. Беккеръ встрѣтился съ Марксомъ въ Кельнѣ. Здѣсь онъ впервые познакомился съ „Ком. Маниф.“. Манифестъ не произвелъ на него сильнаго впечатлѣнія. „Міровоззрѣніе, изъ котораго исходитъ Манифестъ,—говоритъ Беккеръ,—ошибочно, поскольку оно касается Германіи. Авторъ Манифеста исходитъ изъ англійскихъ условій и забываетъ при этомъ, что Германіи незнакомо все то величественное развитіе, которое совершила Англія съ эпохи Вильгельма Оранскаго и до нашихъ дней. Говоря другими словами, авторъ перескакиваетъ черезъ тотъ крайне важный фазисъ въ развитіи нѣмецкихъ отношеній, который намъ еще надлежитъ пережить и пройти, и который не можетъ быть устраненъ съ помощью теоріи. Пролетаріатъ, который имѣетъ въ виду авторъ Манифеста, такъ рѣдко встрѣчается въ Германіи, существуя въ незначительной массѣ лишь въ нѣкоторыхъ саксонскихъ, силезскихъ и франконскихъ областяхъ, что если бы даже этотъ пролетаріатъ и смотрѣлъ на свое классовое положеніе глазами Манифеста, то и тогда бы его коммунистическія требованія были бы совершенно тщетны... То, что въ большей части мѣстностей Германіи называется пролетаріатомъ, ждетъ своей помощи еще отъ такъ называемыхъ филантропическихъ мѣръ; и такъ какъ при этомъ Германія теперь прежде всего должна упрочить свое настоящее положеніе, то этотъ филантропическій соціализмъ вполнѣ достаточенъ, въ качествѣ средства, удовлетворяющаго самые насущныя требованія и задачи“ [2]).

Мы видимъ такимъ образомъ, что при своемъ появленіи „Ком. Маниф.“ былъ очень мало и очень немногими понятъ, и во всякомъ случаѣ его непосредственное вліяніе было на первыхъ порахъ ничтожно. Но это лишь доказываетъ, насколько геніальны

[1]) В. Либкнехтъ. Изъ исторіи Германіи XIX в. Москва. 1906. Стр. 92.

[2]) Ср. Hackenberg. Der rote Becker. Leipzig (годъ изд. не помѣченъ) Стр. 54—55

и необычны для тогдашняго времени были основныя идеи, положенныя въ основу „Ком. Маниф.“ При своемъ появленіи замѣченный и оцѣненный лишь кучкою единомышленниковъ, „Ком. Ман.“ сумѣлъ впослѣдствіи совершить кругосвѣтное путешествіе и найти повсюду милліоны послѣдователей. Разница между „Ком. Ман.“ и другими замѣчательными соціалистическими произведеніями той эпохи заключалась въ томъ, что эти послѣднія произведенія при своемъ появленіи возбуждали всеобщее вниманіе и производили шумную сенсацію, тогда какъ Манифестъ Маркса мало кто замѣтилъ. Но сразу приковавшія къ себѣ произведенія соціалистическихъ современниковъ Маркса скоро забывались, тогда какъ вліяніе и значеніе „Ком. Ман.“ не падало, а, наоборотъ, непрерывно и быстро росло. „Ком. Ман.“ обязанъ этимъ тому, что онъ разсматривалъ общественныя отношенія въ процессѣ ихъ развитія, „im Werden“, „въ становленіи“, выражаясь языкомъ Гегеля. Вслѣдствіе этого „Ком. Ман.“ нѣкоторыми своими выводами сильно опередилъ свое время, принявъ едва зародившіяся отношенія за уже сложившіяся, но благодаря этому же, когда развитіе общественныхъ отношеній подвинулось дальше, вліяніе „Ком. Ман.“ возросло, и по своей основной идеѣ, оставляя въ сторонѣ омертвѣвшія частности и подробности, Манифестъ останется безсмертнымъ, въ предѣлахъ жизни капиталистическаго строя, произведеніемъ.

VI.

Февральская революція 1848 г. въ Парижѣ.—Мартовская революція въ Берлинѣ и возвращеніе Маркса въ Германію.—„Новая Рейнская Газета“ и сотрудничество въ ней Маркса.—Къ характеристикѣ политической позиціи Маркса въ 1848—1849 гг.—Разочарованіе въ революціонности буржуазіи.—Высылка Маркса изъ Пруссіи и закрытіе „Новой Рейнской Газеты“.

Марксъ жилъ въ Брюсселѣ, когда въ февралѣ 1848 г. вспыхнула въ Парижѣ революція.

Ко второй половинѣ сороковыхъ годовъ политическія событія Франціи запутались въ мертвый узелъ, который могла разрубить лишь революція. Съ другой же стороны, въ Германіи и Австріи отъ постояннаго столкновенія и тренія между правительствомъ и народомъ скопилось столько горючаго матеріала, что пожаръ революціоннаго возстанія въ Парижѣ неизбѣжно долженъ былъ переброситься и въ эти страны. Все это было ясно передовымъ элементамъ нѣмецкой эмиграціи, и всѣ они съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидали наступленія надвигавшагося событія. Со средины февраля 1848 г. брюссельская колонія нѣмецкихъ эмигрантовъ въ нервномъ напряженіи со дня на день ждала революціи въ Парижѣ и каждое утро жадно набрасывалась на телеграммы изъ Парижа. Утромъ 24-го февраля 1848 г. обычные поѣзда и съ ними почта не пришли изъ Парижа. Ихъ ждали цѣлый день, но тщетно—никакихъ вѣстей изъ Парижа не приходило, онъ былъ точно отрѣзанъ отъ всего міра. Къ вечеру на брюссельскомъ вокзалѣ собралась группа нѣмецкихъ эмигрантовъ, съ невыносимымъ долѣе нетерпѣніемъ ждавшая вѣстей изъ Парижа, здѣсь же въ томительномъ ожиданіи, блѣдный и растерянный, стоялъ французскій посолъ при брюссельскомъ дворѣ. Наконецъ, донесся издали глухой гудокъ паровоза и всѣ устремили вдаль горящіе нетерпѣніемъ глаза. Не успѣлъ еще поѣздъ вполнѣ остановиться, какъ кондукторъ соскочилъ, громко крича: „Le drapeau rouge flotte sur la tour de Valenciennes, la republique est proclamée“.

Нѣмецкіе эмигранты отвѣтили радостнымъ крикомъ: „Да здравствуетъ республика!“ Въ Бельгіи парижская революція отозвалась лишь слабымъ народнымъ волненіемъ въ Брюсселѣ, тотчасъ же подавленнымъ. Но встревоженное бельгійское правительство усердно принялось изводить крамолу и обрушилось пре-

слѣдованіями на иностранцевъ, являющихся, по убѣжденію всѣхъ правительствъ, подстрекателями и зачинщиками мятежей. 25-го февраля 1845 г. по приказу бельгійскаго правительства былъ арестованъ Карлъ Марксъ, какъ глава нѣмецкой эмиграціи. Марксъ отнесся къ этому первому своему аресту очень хладнокровно, но зато жена его страшно растерялась, воображая всяческие ужасы. Сначала она бѣгала взадъ и впередъ по комнатѣ, ломая руки, а затѣмъ, накинувъ платокъ, бросилась на улицу и столкнулась здѣсь съ тѣмъ самымъ полицейскимъ, который присутствовалъ при арестѣ ея мужа. Почти въ истерикѣ, она неотвязно требовала у полицейскаго, чтобы онъ отвелъ ее къ мужу. Полицейскій повелъ ее къ старому, мрачному зданію и, впихнувъ въ какую-то полутемную, вонючую комнату, заперъ за нею тяжелую дверь. Она оказалась запертой въ арестномъ домѣ для пропойцъ и проститутокъ, среди которыхъ провела цѣлыя сутки.

Марксъ былъ высланъ изъ Бельгіи; по счастью, новое революціонное правительство Франціи отмѣнило постановленіе прежняго правительства о запрещеніи Марксу въѣзда во французскую территорію и одинъ изъ членовъ правительства прислалъ Марксу любезное приглашеніе пріѣхать въ Парижъ. Марксъ, конечно, поспѣшилъ воспользоваться этимъ приглашеніемъ. Когда Марксъ покинулъ Парижъ, высланный оттуда министерствомъ Гизо, во Франціи царила и правила крупная финансовая буржуазія. Іюльская революція 1830 года свелась къ восшествію на престолъ финансовой буржуазіи и открыла эру колоссальныхъ спекуляцій и хищеній при пособничествѣ и участіи всего правительства, въ томъ числѣ и короля. Промышленная буржуазія, производившая товары для широкаго массоваго сбыта, а не для казны, и не занимавшаяся спекуляціями и казенными подрядами, чувствовала себя обойденной и настраивалась по отношенію къ іюльской монархіи все болѣе и болѣе оппозиціонно. Милліонныя спекуляціи, непрерывные государственные займы и ежегодные дефициты, колебанія курса и устройство дутыхъ предпріятій образовывали тѣ потоки мутной воды, въ которыхъ крупная финансовая буржуазія ловила жирную золотую рыбу.

Но эта нездоровая лихорадочная атмосфера дутыхъ спекуляцій, обогащая крупную финансовую буржуазію и королевскій дворъ, въ то же время разнуздывала всѣ ихъ страсти и разоряла промышленную и мелкую буржуазію.

„Іюльская монархія была акціонерной компаніей,—писалъ К. Марксъ,—основанной для эксплоатаціи національныхъ богатствъ Франціи. Министры, палаты, 240,000 избирателей, ихъ близкие дѣлили между собою дивиденды. Луи-Филиппъ былъ директоромъ этой компаніи. Торговля, промышленность, мореплаваніе, земледѣліе, интересы промышленной буржуазіи,—все подверглось опасности разрушенія, благодаря господствовашей системѣ. Эта бур-

жуазія и начертала на своемъ знамени лозунгъ: „дешевое правительство".

„Финансовая аристократія издавала законы, занимала важнѣйшіе административные посты въ государствѣ и господствовала надъ общественнымъ мнѣніемъ благодаря прессѣ и случаю. Во всѣхъ сферахъ, начиная со двора и кончая послѣднимъ кабачкомъ, царила продажность, наглая ложь, жажда нажиться не путемъ производства, а путемъ присвоенія чужого богатства. Верхами буржуазнаго общества руководили самыя разнузданныя и нездоровыя вожделѣнія (удовлетвореніе которыхъ непрестанно попираетъ даже буржуазные законы), въ которыхъ богатство, пріобрѣтенное игрою, естественно ищетъ себѣ удовлетворенія, превращая наслажденіе въ развратъ, сливая въ одинъ потокъ кровь, грязь и деньги. Всякій темный, грязный и разнузданный сбродъ переносится въ высшія сферы буржуазнаго общества и полнаго своего расцвѣта достигаетъ въ финансовой аристократіи, въ ея способахъ наживы и ея формахъ наслажденія" [1]).

Дефициты сдѣлались хроническимъ явленіемъ французскаго бюджета, для лѣченія котораго употреблялись все растущіе займы, въ свою очередь вызывавшіе повышеніе налоговъ. Государственные расходы росли съ неослабѣвающей быстротой, точно гигантскій насосъ вытягивая съ населенія послѣдніе соки и крохи. Въ 1835 году государственные расходы достигали 1047 мил.; въ 1840 году—1363 мил.; въ 1844 году—1428 мил., и въ 1847 году—1629 мил. Государственные долги и дефициты росли изъ года въ годъ; ежегодный дефицитъ въ 150—200 мил. сталъ самымъ обычнымъ явленіемъ; государственный долгъ съ 326 мил. руб. въ 1835 году поднялся до 369 мил. въ 1845 году.

Финансовой буржуазіи подобная расточительность и задолженность государства была какъ нельзя болѣе на руку, такъ какъ они продолжали многомилліонныя спекуляціи, доставлявшія колосальные барыши. Тогдашняя же система налоговъ позаботилась о томъ, чтобы налоги ложились на плечи широкой массы народа. Прямые налоги возрастали медленно, увеличившись съ 1835 по 1845 г. лишь на 21 мил., тогда какъ косвенные назоги на предметы необходимости съ 560 мил. въ 2835 г. возросли до 808 мил. въ 1845 году и до 892 мил. въ 1847 г.

Государственное хищничество іюльской монархіи, быстро обогащая финансовую буржуазію, разоряло мелкую буржуазію и трудящіеся классы и тормазило широкое развитіе капитализма. Неудивительно, что трудящіеся классы слились съ буржуазіей въ требованіи положить конецъ финансовой олигархіи и создать „дешевое правительство".

Мы уже знаемъ, что тогдашнее правительство, во главѣ съ

---

[1]) К. Марксъ. Классовая борьба во Франціи. Пер. съ фр. М 1906. Стр. 7.

Луи-Филиппомъ, само принимало самое энергичное участіе въ спекуляціяхъ, дутыхъ аферахъ и безумномъ мотовствѣ, заразившемъ весь верхній слой французскаго общества. Вотъ почему требованіе „дешеваго правительства" сдѣлалось столь популярнымъ въ самыхъ различныхъ слояхъ французскаго общества. А такъ какъ при этомъ правительство іюльской монархіи было правительство не феодальное, не дворянское, а буржуазное, и такъ какъ самъ Луи-Филиппъ былъ лишь вѣрнымъ слугою буржуазіи, то теперь уже въ глазахъ мелкой буржуазіи была дискредитирована не только династія или личность Луи-Филиппъ, но и монархія вообще. Іюльская революція была поднята противъ феодальной знати, противъ аристократической монархіи, которую она и свергла, создавъ буржуазную монархію; но когда и буржуазная монархія оказалась враждебной кровнымъ интересамъ мелкаго люда, тогда въ средѣ послѣдняго широко разлилось отрицательное отношеніе къ монархіи вообще и стала крѣпнуть симпатія къ республикѣ.

И революція 1848-го года уничтожила буржуазную монархію, положила начало буржуазной республикѣ.

Когда Марксъ, высланный изъ Брюсселя, вернулся въ Парижъ, республика уже была провозглашена, и сформировано временное правительство. Долгая борьба за политическую государственную форму была разрѣшена, и промышленной буржуазіи въ союзѣ съ мелкой буржуазіей и пролетаріатомъ удалось добиться наиболѣе „дешеваго" правительства и установить политическую организацію, дававшую наибольшій просторъ развитію капиталистическаго хозяйства. Но теперь стала быстро наростать болѣе грозная тяжба между пролетаріатомъ и буржуазіей. Когда Марксъ вернулся въ Парижъ, эта борьба уже ярко разгоралась. Временное правительство, составленное изъ разнородныхъ въ соціальномъ отношеніи элементовъ, напрягало всѣ усилія, чтобы помѣшать разразиться быстро надвигавшемуся острому столкновенію между буржуазіей и пролетаріатомъ. Среди рабочихъ происходили сильнѣйшія волненія, они устраивали постоянныя манифестаціи и громко требовали вмѣшательства правительства въ область разрѣшенія соціальнаго вопроса.

Среди французскихъ рабочихъ этой эпохи были чрезвычайно сильно распространены предразсудки относительно всемогущества правительства въ дѣлѣ разрѣшенія соціальнаго вопроса и устраненія нищеты. Когда среди нѣкоторой части парижскихъ рабочихъ обнаружилось стремленіе къ разрушенію машинъ, то группа сознательныхъ парижскихъ рабочихъ опубликовала слѣдующее обращеніе къ товарищамъ-рабочимъ: „Братья, мы узнали, что среди радостей побѣды нѣкоторые изъ насъ, увлеченные предательскими совѣтами, хотятъ омрачить славу нашей революціи крайностями, они хотятъ изломать скоропечатныя машины.

Братья, мы порицаемъ ихъ со всею нашей энергiей; они правы: мы терпимъ, какъ и они, разстройство, внесенное введенiемъ машинъ въ промышленность; но вмѣсто нападенiя на изобрѣтенiя, сокращающiя трудъ и умножающiя производство, *мы обвиняемъ эгоистическiя и непредусмотрительныя правительства. Ихъ не будетъ существовать въ будущемъ*" (курсивъ нашъ).

Среди парижскихъ рабочихъ, повторяемъ, была очень сильно распространена вѣра въ то, что правительство, переставъ быть „эгоистичнымъ" и сдѣлавшись „предусмотрительнымъ", сумѣетъ разрѣшить соцiальный вопросъ. Радикальная буржуазiя до революцiоннаго переворота усердно поддерживала въ рабочихъ эту иллюзiю, такъ какъ эта иллюзiя, на ряду съ реальными побудительными причинами, служила однимъ изъ стимуловъ, заставившихъ рабочихъ пойти въ бой съ „эгоистическимъ и непредусмотрительнымъ" правительствомъ Луи-Филиппа во имя „дешеваго" и „соцiальнаго" правительства республики.

И только послѣ того, какъ рабочiй классъ пошелъ въ огонь революцiи, а затѣмъ и въ воду реакцiи, настала эпоха отрезвленiя отъ черезчуръ оптимистическихъ надеждъ относительно новаго „соцiальнаго" правительства республики. Это правительство, съ одной стороны, не обнаруживало особенно энергичнаго желанiя смягчить нужду и нищету пролетарiата, а съ другой стороны, оно было, конечно, безсильно уничтожить тяжелыя горы нужды и нищеты, которыя успѣли образоваться во Францiи и давили, раздавливали своею страшною тяжестью пролетарiатъ.

Но когда Марксъ переѣхалъ въ Парижъ, отношенiя между рабочимъ классомъ и передовою буржуазiею хотя уже и обострились, но, такъ сказать, дипломатическiя сношенiя между радикальною буржуазiей и революцiоннымъ пролетарiатомъ еще не были прерваны, и многiе еще питали надежду, что тяжба кончится соцiальнымъ примиренiемъ.

Въ Парижѣ Марксъ не оставался простымъ зрителемъ французскихъ событiй: соединивъ въ своихъ рукахъ всѣ руководящiя нити уже знакомаго намъ „Союза коммунистовъ", онъ старался воздѣйствовать на нѣмецкiя событiя. Центральный комитетъ „Союза коммунистовъ" былъ перенесенъ въ Парижъ, и его вдохновителемъ и непосредственнымъ руководителемъ сдѣлался Марксъ.

Въ началѣ марта 1848 г. центральный комитетъ „Союза коммунистовъ" составилъ и выпустилъ слѣдующее воззванiе, излагающее „Требованiя коммунистической партiи Германiи".

Его главные пункты гласили:

1) Вся Германiя объявляется единой и нераздѣльной республикой.

3) Народные представители получаютъ плату, чтобы въ парламентѣ германскаго народа могли засѣдать и рабочiе.

4) Всеобщее вооруженіе народа.

7) Княжескія и другія феодальныя помѣстья, всѣ рудники шахты и т. п. становятся государственной собственностью. Въ этихъ помѣстьяхъ устанавливается крупное земледѣльческое производство при помощи самыхъ современныхъ средствъ науки на пользу всего общества.

8) Ипотеки на крестьянскія имѣнія объявляются государственной собственностью, проценты по этимъ ипотекамъ уплачиваются крестьянами государству.

9) Въ мѣстностяхъ, гдѣ развита аренда, земельная рента или арендный взносъ уплачивается, какъ налогъ государству.

11) Всѣ перевозочныя средства: желѣзныя дороги, каналы, пароходы, пути сообщенія, почту и т. д. государство беретъ въ свои руки. Они превращаются въ государственную собственность и предоставляются въ распоряженіе неимущаго класса.

14) Ограниченіе права наслѣдованія.

15) Введеніе прогрессивныхъ налоговъ и уничтоженіе налоговъ на предметы потребленія.

16) Устройство національныхъ мастерскихъ. Государство гарантируетъ всѣмъ рабочимъ существованіе и призрѣваетъ неспособныхъ къ труду.

17) Всеобщее безплатное народное образованіе.

„Въ интересахъ германскаго пролетаріата, мелкой буржуазіи и крестьянскаго сословія—со всей энергіей приняться за работу для проведенія въ жизнь вышеуказанныхъ мѣръ, такъ какъ только осуществленіе ихъ можетъ дать милліонамъ, которые до сихъ поръ эксплоатируются въ Германіи небольшой кучкой лицъ и которыхъ стараются и дольше держать въ угнетеніи, возможность добиваться своихъ правъ и достичь той власти, которая подобаетъ имъ, какъ производителямъ всего богатства“.

Если мы сравнимъ эти „требованія коммунистической партіи въ Германіи“, составленныя въ началѣ марта 1848 года, съ тѣми требованіями, которыя намѣчалъ „Коммунистическій Манифестъ“, написанный нѣсколькими мѣсяцами раньше, то мы увидимъ, что „требованія коммунистической партіи“ значительно умѣреннѣе требованій Манифеста—очевидно, что Марксъ убѣдился, что Германія еще не дозрѣла до того уровня соціально-экономическаго развитія, который имѣлъ въ виду Коммунистическій Манифестъ.

Характерно также, что тогда какъ въ Манифестѣ Марксъ заявилъ, что „въ Германіи коммунистическая партія борется вмѣстѣ съ буржуазіей, поскольку сама буржуазія ведетъ революціонную борьбу противъ абсолютной монархіи, феодальной земельной собственности и *мелкаго мѣщанства*“ (курсивъ нашъ), въ „требованіяхъ коммунистической партіи“ уже говорится объ общихъ интересахъ „нѣмецкаго пролетаріата, *мелкаго мѣщанства* и крестьянскаго сословія“.

Центральный комитетъ „Союза коммунистовъ“ умѣлъ сформировать штатъ эммисаровъ, отправившихся въ Германію, чтобы служить ферментами, вызывающими броженіе въ массѣ.

Сколько-нибудь широкой дѣятельности парижскій центральный комитетъ „Союза коммунистовъ“ развить не успѣлъ, такъ какъ 18-го марта революціонное движеніе уже перебросилось изъ Парижа въ Берлинъ, и нѣмецкій абсолютизмъ, оказавъ ему краткосрочное и растерянное сопротивленіе, капитулировалъ.

Паденіе абсолютизма открыло нѣмецкимъ коммунистамъ возможность выйти изъ душнаго подполья на широкій просторъ политической дѣятельности среди широкой массы населенія.

Марксъ съ радостью покинулъ Парижъ и уѣхалъ въ Германію, пробывъ пять лѣтъ въ политическомъ изгнаніи.

Марксъ возвращался въ Германію полный оптимистическихъ надеждъ. Онъ былъ слишкомъ реалистически настроенъ, чтобы надѣяться, что революція 18-го марта 1848 г. непосредственно приведетъ Германію къ коммунистической республикѣ, но онъ былъ убѣжденъ, что эта революція втянетъ Германію въ длительный революціонный періодъ, и событія, постепенно развертываясь, приведутъ черезъ паденіе феодализма и абсолютизма къ господству буржуазіи, которое, въ свою очередь, силами того же самаго непрерывающагося революціоннаго періода будетъ замѣнено коммунизмомъ. Ближайшимъ этапомъ этого непрерывнаго революціоннаго періода должна была быть полная и безусловная побѣда буржуазіи надъ всѣми устоями и обломками феодально-аристократическаго строя. „Коммунистическій Манифестъ“ вполнѣ ясно формулировалъ ту общую принципіальную позицію, которую должны были занять коммунисты по отношенію къ буржуазіи, переживающей еще свой періодъ революціонной бури и натиска. Съ классической сжатостью и вмѣстѣ съ тѣмъ ясностью „Коммунистическій Манифестъ“ гласилъ: „Коммунистическая партія борется въ мѣстѣ съ буржуазіей, поскольку сама буржуазія ведетъ революціонную борьбу“.

Въ 1848 году, возвращаясь на родину изъ политическаго изгнанія, Марксъ былъ склоненъ сильно переувеличивать революціонность нѣмецкой буржуазіи. Онъ былъ убѣжденъ, что въ борьбѣ со старымъ феодально сословнымъ порядкомъ нѣмецкая буржуазія способна пойти до конца. Въ виду этого выше приведенная отвлеченная и условная формула „Коммунистическаго Манифеста“, выражавшая соотношеніе между пролетаріатомъ и радикальной буржуазіей, получила теперь конкретный и утвердительный видъ: „Такъ какъ нѣмецкая буржуазія ведетъ революціонную борьбу, то коммунисты должны ее поддерживать“.

И эта совмѣстная политическая компанія буржуазіи и пролетаріата противъ стараго порядка на первыхъ порахъ поглотила все вниманіе и всѣ силы Карла Маркса, когда послѣ революціи

18-го марта онъ вернулся изъ Парижа въ освобожденную Германію. Карлъ Марксъ поѣхалъ не въ Берлинъ, а въ Кельнъ. Побудительнымъ мотивомъ къ этому служило то, что Рейнская провинція была наиболѣе передовою областью Германіи, какъ по степени своего экономическаго развитія, такъ и по политической зрѣлости своей богатой и вліятельной буржуазіи. Кромѣ того, какъ мы уже знаемъ, положеніе печати въ Кельнѣ было болѣе свободно, чѣмъ вь Пруссіи. Здѣсь дѣйствовалъ Наполеоновскій Кодексъ, и всѣ проступки печати подлежали суду присяжныхъ, а не коронному суду, какъ въ Пруссіи.

Въ Кельнѣ Марксъ примкнулъ къ радикальному крылу буржуазіи и рѣшилъ создать ежедневный органъ радикальной демократіи. Радикальная буржуазія, сама въ это время стремившаяся обзавестись подобнымъ органомъ, предоставила въ полное распоряженіе Карла Маркса всю редакторскую часть газеты, выговоривъ себѣ лишь условіе, чтобы въ составъ редакціи вошелъ отъ нея Генрихъ Бюргеръ, игравшій, впрочемъ, чисто-декоративную роль. Такъ возникла знаменитая „Новая Рейнская Газета“, первый номеръ который вышелъ 1-го іюня 1848 года. Марксъ надѣялся, что въ высокой температурѣ революціоннаго движенія классовое сознаніе нѣмецкаго пролетаріата быстро созрѣетъ,— но во всякомъ случаѣ это было дѣломъ будущаго, а въ настоящемъ, въ виду очень отсталаго положенія нѣмецкаго пролетаріата, было совершенно безнадежнымъ дѣломъ для коммунистовъ вести сомнительную политическую компанію, рѣзко отмежевавшись отъ буржуазной демократіи. Если бы мы тогда не захотѣли, писалъ впослѣдствіи Энгельсъ, признать отсталость соціальныхъ отношеній и стремиться лишь къ ихъ развитію, то „намъ бы оставалось доктринерствовать насчетъ коммунизма въ какой-нибудь жалкой газеткѣ и вмѣсто крупной дѣйствующей партіи основать маленькую секту. Но мы были слишкомъ испорчены, слишкомъ знакомы съ утопистами, чтобы взяться за проповѣдываніе въ пустынѣ“.

При тогдашнихъ соціально-политическихъ условіяхъ Германіи, севершенно обособившаяся отъ радикальной буржуазіи коммунистическая партія была осуждена на прозябаніе въ качествѣ маленькой секты. Капиталистическое развитіе въ Германіи было сильно отставшимъ по сравненію съ Франціей и Англіей; нѣмецкій пролетаріатъ былъ еще малочисленъ, мало сознателенъ во многихъ мѣстахъ и еще не оборвалъ той пуповины, которая связывала его съ мелкою собственностью и мелкимъ ремесломъ. Изъ предшествующей главы мы уже познакомились въ общихъ чертахъ съ положеніемъ нѣмецкаго пролетаріата наканунѣ революціи 1848 года, и потому, не возвращаясь къ характеристикѣ этого положенія, отмѣтимъ лишь, что оно съ принудительною силою диктовало для всякой партіи, которая не хотѣла быть сек-

той, ту линію политическаго поведенія, которую избрали Марксъ и Энгельсъ. Одинъ изъ крупнѣйшихъ дѣятелей нѣмецкаго рабочаго движенія сороковыхъ годовъ, Стефанъ Борнъ, вспоминая объ этомъ времени, пишетъ: „Въ Германіи, очень отставшей въ своемъ экономическомъ развитіи и въ которой крупная промышленность едва пустила первые нѣжные ростки, полвѣка тому назадъ господствовали еще патріархальныя отношенія. Работодатель чувствовалъ себя обыкновенно благодѣтелемъ рабочаго, которому онъ даетъ хлѣбъ... И сами рабочіе до извѣстной степени считали себя вѣрноподданными своихъ хозяевъ“ [1]).

Политическое положеніе Германіи въ эпоху революціи было таково, что общая различнымъ классамъ ненависть и вражда къ абсолютизму на первыхъ порахъ задерживала рѣзкое соціальное обособленіе.

Наиболѣе радикальные слои нѣмецкой буржуазіи въ началѣ революціоннаго періода были убѣждены, что „крайности“ соціальнаго вопроса поражаются лишь отсталостью политическаго строя, и установленіе конституціоннаго порядка создастъ добрый миръ и дружное сотрудничество.

Такія условія времени какъ нельзя больше способствовали увѣренности въ томъ, что общая военная компанія пролетаріата и буржуазіи будетъ вполнѣ солидарна и закончится полной побѣдой надъ старымъ порядкомъ, и уже послѣ этого займутся подведеніемъ своихъ классовыхъ счетовъ оба главныхъ участника этой союзной компаніи—пролетаріатъ и буржуазія.

Что касается вожаковъ рабочаго движенія, они остались вѣрными тому паролю, который далъ „Коммунистическій Манифестъ“ и усердно поддерживали буржуазію, поскольку она и играла революціонную роль.

Уже знакомый намъ Стефанъ Борнъ, самъ вышедшій изъ рабочей среды и очень много сдѣлавшій для ея организаціи, писалъ въ редактируемомъ имъ „Народѣ“: „Наше время еще совершенно не созрѣло, нашъ строй жизни еще не сложился, наша революція еще не есть *соціальная* (курсивъ Борна), она еще всецѣло носитъ политическій характеръ и она не можетъ быть иной, такъ какъ еще не существуютъ условія, необходимыя для общественнаго переворота. Наслаждайтесь же вы, политики! Теперь ваше время... И то обстоятельство, что мы не отказываемся отъ участія и въ нынѣшнемъ движеніи, не сулящемъ намъ никакой побѣды, ибо мы не вѣримъ ни въ Мессію, ни въ возможность успѣшной пролетарской революціи, ни въ возможность теперѣш-

---

[1]) Stephan Born. Erinnerungen eines Achtundvierzigers Leipzig. 1898. Стр. 124.

няго господства рабочихъ,—это обстоятельство, быть-можетъ, заставитъ васъ признать, что и мы не лишены сердца“ [1]).

„Работая надъ организаціей четвертаго сословія, я не упускалъ изъ виду того факта, что всему должна предшествовать побѣда третьяго сословія, либеральная программа котораго впервые откроетъ дорогу четвертому сословію. Въ виду этого я по возможности избѣгалъ всякихъ рѣзкихъ нападокъ на буржуазію“ [2]).

Карлъ Марксъ, какъ мы знаемъ, возвратившись изъ изгнанія на родину, очень увлекался идеей совмѣстной борьбы пролетаріата и буржуазіи противъ стараго порядка.

Такимъ образомъ, и объективныя экономическія и политическія условія, и тактика руководящихъ лицъ рабочаго движенія давали радикальной буржуазіи полную возможность широкой, рѣшительной „общенародной“ борьбы съ разбитымъ, но еще далеко не добитымъ абсолютизмомъ.

Но вся бѣда была въ томъ, что нѣмецкая буржуазія утратила всякій революціонный пылъ, какъ только абсолютизмъ капитулировалъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше стала обнаруживать стремленіе заключить съ абсолютизмомъ соглашеніе на самыхъ почетныхъ для послѣдняго условіяхъ.

Первый номеръ редактированной Марксомъ „Новой Рейнской Газеты“ вышелъ 1-го іюня 1848 года. Къ этому времени антиреволюціонныя стремленія радикальной нѣмецкой буржуазіи и ея угодливость къ старому порядку уже успѣли проявиться,—вотъ почему уже въ самыхъ первыхъ статьяхъ Марксу пришлось рѣзко высказаться о политическомъ поведеніи радикальной буржуазіи.

Марксъ предполагалъ, что конфликтъ между правительствомъ и буржуазіей будетъ быстро надвигаться и обостряться и закончится жестокимъ столкновеніемъ, въ которомъ безслѣдно погибнетъ весь старый порядокъ. А между тѣмъ радикальная буржуазія предпочла пойти по иному пути, по пути соглашенія со старою властью, по пути взаимныхъ уступокъ.

Послѣ революціоннаго удара 18-го марта 1848 г. старая правительственная власть была охвачена политическимъ параличомъ, и только усердныя ухаживанія за нею со стороны буржуазіи помогли ей оправиться и понемногу вновь почувствовать себя госпожей положенія.

Началось прежде всего съ требованія тишины и порядка. Революціонный взрывъ 18-го марта сразу заставилъ старую патріархальную власть ретироваться, но народная масса превос-

---

[1]) Эти статьи С. Борна были напечатаны въ журналѣ „Dokumente des Socialismus“. 1901. № 12 Стр. 78.

[2]) Ср. St. Born. Erinnerungen eines Achtundvierzigers. Dresden. 1898. Стр. 135—136.

ходно чувствовала, что историческіе перевороты такъ быстро не совершаются, и потому она обнаруживала настойчивое стремленіе укрѣпить и защитить отвоеванныя позиціи. Совершенно иначе была настроена буржуазія,—она считала, что день 18-го марта завершилъ революцію, и теперь народъ, сдѣлавъ свое дѣло, долженъ удалиться, передавъ всю политическую сцѣну въ распоряженіе „высшихъ классовъ". Революціонное настроеніе народа пугало послѣ революціи буржуазію больше, чѣмъ реакціонное настроеніе правительства.

29-го марта 1848 года два вождя прирейнской буржуазіи, Кампгаузенъ и Ганземанъ, получили министерскіе портфели. Кампгаузенъ, въ восторгѣ отъ оказанной ему чести, старался по возможности меньше пугать и раздражать феодальное правительство, раскрывая ему объятія взаимнаго соглашенія. Непреклонный сторонникъ „тишины и порядка", Кампгаузенъ постепенно соглашался на контръ-революціонныя затѣи быстро оправлявшейся старой власти. Но какъ человѣкъ образованный и конституціоналистъ, онъ противился слишкомъ рѣзкимъ и безцеремоннымъ мѣрамъ реакціи и, въ концѣ концовъ, долженъ былъ уступить мѣсто болѣе рѣшительному и безцеремонному въ выборѣ средствъ Ганземану. Это отлично показало, что, начавъ съ уступокъ реакціонному правительству, радикальная буржуазія должна была постепенно дойти до соучастія въ подготовкѣ контръ-революціи. Марксъ въ „Новой Рейнской Газетѣ" удивительно мѣтко писалъ по поводу выхода въ отставку министерства Кампгаузена: „Министерство Кампгаузена пытается собрать гроши популярности, вызвать къ себѣ общественное состраданіе указаніемъ на то, что оно вынужденно было уйти, такъ какъ его обманули. И дѣйствительно, министерство Кампгаузена является обманутымъ обманщикомъ. Въ угоду крупной буржуазіи оно должно было лишить революцію ея демократическихъ плодовъ; въ борьбѣ съ демократіей оно вынуждено было заключить союзъ съ аристократической партіей и сдѣлаться орудіемъ ея контръ-революціонныхъ происковъ... Кампгаузенъ сѣялъ реакцію въ духѣ крупной буржуазіи, онъ пожалъ ее въ духѣ феодальной партіи. Таковы были его добрыя намѣренія и таковой оказалась его злая судьба" [1]).

Въ этихъ словахъ Маркса черезвычайно ярко охарактеризована curriculum vitae нѣмецкой буржуазіи сороковыхъ годовъ. Она была охвачена революціоннымъ пыломъ лишь на историческое мгновеніе, когда народъ пошелъ на штурмъ стараго порядка, но какъ только старый порядокъ капитулировалъ, она всѣ свои усилія направила на то, чтобы сдержать народъ, чтобы не до-

---

[1]) Aus dem literarischen Nachlass von Karl Marx etc. Stuttgart. 1902 Стр. 105. Bd. III.

пустить „безпорядковъ“, чтобы не обозлить правительство. Пятясь отъ революціонно-настроеннаго народа, она попадала въ объятія реакціоннаго правительства. Въ то время, какъ народная демократія продолжала вести борьбу съ капитулировавшею, но не обезоруженною старою властью; въ то время, какъ эта власть собирала свои силы и вновь укрѣпляла свои позиціи,—въ это же самое время нѣмецкая буржуазія занималась въ парламентѣ очень обстоятельными и совершенно нескончаемыми преніями, любезно предоставивъ всю реальную власть въ руки реакціоннаго правительства и жестоко осуждая всякіе „безпорядки“ народа, который стремился къ тому, чтобы революція дала свои демократическіе плоды.

Въ итогѣ, общая схема взаимоотношеній между буржуазной и соціалистической демократіей получилась совершенно иная, чѣмъ та, которую рисовалъ себѣ Марксъ, когда онъ, полный энтузіазма, возвращался изъ политическаго изгнанія на раскрѣпощенную родину.

Планъ общей компаніи буржуазіи и пролетаріата противъ феодализма все болѣе и болѣе становился иллюзорнымъ, такъ какъ буржуазія *соглашеніе* со старымъ порядкомъ предпочла борьбѣ съ нимъ, а боевой союзъ съ пролетаріатомъ замѣнила борьбой съ пролетаріатомъ.

Чѣмъ шире развертывались событія, тѣмъ больше отодвигались они отъ 18-го марта, тѣмъ все больше росла рознь между революціонно-настроенными группами народа и „соглашательно“ настроенной буржуазіей. При боязни, которую буржуазія питала къ народу, и при ея готовности предоставить всю реальную власть правительству, первый нѣмецкій парламентъ, въ концѣ концовъ, оказался совершенно безсильнымъ. Его отучилась уважать народная масса и пріучилось третировать реакціонное правительство.

Буржуазія устами берлинскаго магистрата заклинала пролетаріатъ не вмѣшиваться въ политику и въ особенности воздерживаться отъ всякой открытой борьбы, ибо „въ борьбѣ гибнетъ свобода“. Но, замѣчаетъ историкъ современникъ этого времени, „въ то время, какъ спокойные бюргеры считали борьбу гибелью свободы, а всякое насиліе — преступленіемъ, въ это же самое время реакціонеры, подсмѣиваясь надъ бюргерами, начинали эксплоатировать революцію въ свою пользу и прибирать къ своимъ рукамъ всю силу“ [1]).

Въ то время; какъ органъ реакціонеровъ, Новая Прусская Газета“ (alias „Kreuzzeitung“), яростно проповѣдовала энергичную

[1]) Ср. B. Bauer. Der Untergang des Frankfurter Parlaments. Berlin. 1849. Стр. 202.

борьбу съ „революціонерами и либералами“, органъ либеральной буржуазіи, „Національная Газета“, заявляла: „Мы не хотимъ продолженія революціи, мы враги всякой анархіи, всякаго насилія и произвола, мы хотимъ законности, порядка и спокойствія“.

„Но подъ анархіей,—справедливо замѣчаетъ Бауеръ,—нѣмецкіе бюргеры понимали дѣйствительное уничтоженіе устарѣвшаго, сгнившаго строя; насиліемъ называли они активное низверженіе стараго порядка и дѣйствительное созданіе новаго; они хотѣли закончить революцію прежде, чѣмъ она достигла своей цѣли“ [1]).

Положеніе прусскаго національнаго собранія и франкфуртскаго парламента со дня на день оказывалось все болѣе и болѣе трагическимъ. Они очутились межъ двухъ огней—революціоннаго и контръ-революціоннаго. Революціонно-настроенные слои народа открыто и рѣзко выражали свое недовѣріе парламенту и вновь переходили къ уличной, открытой борьбѣ.

Талантливый поэтъ той эпохи, Гервегъ, хорошо выразилъ это враждебное отношеніе къ франкфуртскому парламенту въ стихахъ, пользовавшихся громадной популярностью:

Во Франкфуртѣ-на-Майнѣ
Дѣлишки грязны крайне.
Ихъ моютъ, чистятъ, трутъ...
Увы, напрасный трудъ...
Тамъ все, какъ и вчера:
Цари опять царями,
Рабы, какъ встарь, рабами.
Хоть господа профессора
Болтаютъ съ ночи до утра,
Хоть парла-парла-парламентъ
Не умолкнетъ па моментъ.
Во Франкфуртѣ-па-Майнѣ—
Его клянутъ всѣ въ тайнѣ—
Конца нѣтъ болтовнѣ,
Хоть вся страна въ огнѣ!
Когда жъ конецъ придетъ?
Когда жъ разгонитъ ихъ народъ?

Открытая революціонная борьба оказалась не по силамъ нѣмецкимъ революціонерамъ, лишеннымъ поддержки со стороны организованной и вліятельной буржуазіи. Старый порядокъ скоро убѣдился, что въ открытомъ бою онъ въ силахъ подавить революціонное возстаніе и что „легальная“ оппозиція буржуазіи лишена реальной силы. Либеральная буржуазія упорно держалась почвы „права“ и „соглашенія“, а реакція мало безпокоилась о невѣсомыхъ вещахъ и открыто пустила въ ходъ противъ буржуазіи силу и насиліе. Въ концѣ концовъ, какъ извѣстно, кончилось тѣмъ, что реакція, почувствовавъ себя достаточно окрѣпшей, а либеральную буржуазію достаточно дискредитированной въ народномъ сознаніи, перестала стѣсняться, разгоняла парламентъ и назначила реакціонное министерство.

К. Марксъ въ „Новой Рейнской Газетѣ“ употребилъ всѣ силы своего краснорѣчія, всю ѣдкость своего сарказма, чтобы удержать

---

[1]) Ibid. Стр. 258. См. объ этомъ подробнѣе въ нашей брошюрѣ „Первый нѣмецкій парламентъ“. Спб. 1906. Изд. О. Поповой.

буржуазію отъ поддержки контръ-революціонеровъ. Тщетно онъ стремился убѣдить радикальную буржуазію въ томъ, что борьба идетъ между двумя „суверенными" властями—парламентомъ и королемъ—и послѣдній не имѣетъ права на роспускъ парламента, ибо парламентъ былъ созданъ революціоннымъ путемъ, а не октроированъ.

„Такъ какъ,—писалъ Марксъ въ „Новой Рейнской Газетѣ",—національное собраніе равноправно съ короной, то корона не имѣетъ никакого права на роспускъ національнаго собранія. Въ противномъ случаѣ, и національное собраніе имѣло бы право смѣстить короля. Роспускъ парламента означаетъ государственный переворотъ. А какъ отвѣчаютъ на государственный переворотъ, это показалъ день 29-го іюля 1830 года и 24-го февраля 1848 г." [1]).

Въ „Новой Рейнской Газетѣ" отъ 12-го сентября 1848 г. К. Марксъ предостерегалъ буржуазію:

„Не будемъ предаваться иллюзіямъ. Если побѣдитъ національное собраніе, если оно назначитъ лѣвое министерство, то тогда будетъ сломлена власть короны, противостоящая власти національнаго собранія, то тогда король сдѣлается лишь получающимъ жалованіе слугою народа, то тогда мы вновь переживемъ день 19-го марта, если намъ не измѣнитъ министерство Вальдека, какъ это случалось не разъ. Если же побѣдитъ министерство принца Прусскаго, то національное собраніе будетъ роспущено, право собраній подавлено, пресса порабощена, будетъ объявлено избирательное право, опирающееся на имущественный цензъ, — все это произойдетъ подъ охраной военной диктатуры, пушекъ и штыковъ. Побѣда той или другой стороны будетъ зависѣть отъ поведенія демократической партіи. Пусть демократы рѣшатъ, какъ имъ поступить" [2]).

Подъ „демократами" Марксъ подразумѣвалъ всю пеструю сборную массу изъ радикальной—крупной и мелкой—буржуазіи и сознательнаго пролетаріата. Но надежды на радикальность и боевую готовность крупной буржуазіи приходилось сбрасывать со счетовъ.

Въ статьѣ по поводу вѣнскихъ событій Марксъ уже сравниваетъ рѣшительность и послѣдовательность французской буржуазіи съ трусостью и колебаніями нѣмецкой.

„Во Франціи,—говоритъ онъ,—буржуазія пошла во главѣ контръ-революціи послѣ того, какъ она низвергла всѣ препятствія, мѣшавшія ея классовому господству. Въ Германіи же она уже понуро слѣдуетъ въ свитѣ абсолютной монархіи и феодализма, прежде чѣмъ она обезпечила первыя жизненныя условія своей собственной буржуазной свободы и господства. Во Франціи

---

[1]) Aus dem lit. Nachlass. Bd. III 193. стр.
[2]) Aus dem literarischen Nachlass. Bd. III, стр. 193—194.

она выступаетъ въ роли деспота и продѣлываетъ собственную контръ-революцію. Въ Германіи же она выступаетъ въ роли рабыни и продѣлываетъ контръ-революцію своихъ собственныхъ деспотовъ. Во Франціи она побѣдила для того, чтобы побѣдить народъ; въ Германіи она сама себя подавила для того, чтобы народъ не побѣдилъ“ [1]).

Между тѣмъ правительство почувствовало себя достаточно сильнымъ, чтобы совершить государственный переворотъ. Не обращая никакого вниманія на права національнаго собранія, совершенно игнорируя его, правительство черезъ его голову и наперекоръ ему назначило реакціоннѣйшее министерство.

Этимъ шагомъ правительство окончательно покинуло ту „почву права“, которую съ такимъ паѳосомъ отстаивала либеральная буржуазія, увѣренная, что на этой почвѣ произойдетъ полное „соглашеніе“ между старымъ и новымъ порядкомъ. Война была открыто объявлена, и національному собранію оставалось только поднять брошенную перчатку и готовиться къ войнѣ. Извѣстный демократъ Якоби горячо доказывалъ, что иного исхода у національнаго собранія нѣтъ. Но все-таки рѣшено было прибѣгнуть къ высочайшей аудіенціи.

Король принялъ депутацію, но когда депутаты торжественно стали читать свой адресъ, Фридрихъ-Вильгельмъ IV безцеремонно повернулся къ нимъ спиной, а по прочтеніи адреса спокойно направился къ выходу. Якоби бывшій во главѣ депутатовъ, спросилъ, желаетъ ли онъ, король, выслушать депутацію, и получилъ рѣзкій отвѣтъ: „Нѣтъ!“ Тогда взбѣшенный Якоби произнесъ свою знаменитую фразу: „Въ томъ-то и несчастье королей, что они не хотятъ слушать правды“. Правительство продолжало вести наступательную политику и реставрировать изъ стараго режима все, что только можно было; парламентъ былъ обреченъ на призрачное существованіе, а потомъ лишенъ и призрачнаго существованія.

Нѣмецкіе рабочіе горячо призывали къ революціонной борьбѣ, и, несмотря на всѣ измѣны парламента, на все его низкое поведеніе по отношенію къ пролетаріату, тогдашняя организація нѣмецкихъ рабочихъ—„Рабочее Братство“,—обратилась къ національному собранію со слѣдующимъ посланіемъ: „Берлинскіе рабочіе готовы съ оружіемъ въ рукахъ откликнуться на нашъ призывъ, если кто-нибудь осмѣлится нарушить права народа въ лицѣ его представителей; они предлагаютъ вамъ свои руки и свою кровь противъ всякаго врага, который захотѣлъ бы совершить государственную измѣну по отношенію къ вамъ и къ народной свободѣ“.

---

[1]) Ibid., стр. 193.

Но эта мужественная и при тогдашнихъ обстоятельствахъ единственно разумная тактика, которую рекомендовало „Рабочее Братство“, пришлась совсѣмъ не по заячьей душѣ нѣмецкихъ либераловъ, и они, конечно, отвергли всякую „насильственную“ борьбу и даже обратились къ народу съ воззваніемъ, требуя, чтобы въ эту тяжелую минуту, когда законное представительство народа разгоняется штыками, онъ ни на одно мгновеніе не покидалъ почвы закона.

Когда правительство стало разгонять засѣданіе національнаго собранія, то послѣднее рѣшило объявить „пассивное сопротивленіе“ въ формѣ отказа отъ уплаты налоговъ. Это рѣшеніе было поддержано К. Марксомъ въ „Новой Рейнской Газетѣ“.

„Правительство короля, — писалъ Марксъ, — задѣваетъ не только народную массу, но и буржуазію. Ее поэтому надо побѣдить буржуазнымъ способомъ. А какъ же можно побѣдить ее на буржуазной почвѣ? Тѣмъ, что извести ее голодомъ. А какъ ее извести голодомъ? Тѣмъ, что отказаться отъ платежа налоговъ“ [1]).

Изъ этого отказа въ платежѣ налоговъ ровно ничего не вышло. Но одобряя это рѣшеніе, Марксъ, конечно ни на минуту не видѣлъ въ отказѣ отъ платежа налоговъ единое и достаточное средство борьбы.

„Мы никогда не скрывали,—пишетъ К. Марксъ 9-го декабря 1848 г.,—что наша почва есть не правовая, а революціонная почва. Само правительство отказалось отъ всѣхъ стѣсненій правовой почвы. Оно стало на революціонную почву, ибо и контръ революціонная почва революціонна“ [2]).

Но нѣмецкая буржуазія ни мало не собиралась стать на революціонную почву и предпочитала лучше отказаться отъ главныхъ завоеваній революціи,—и тогда изъ-подъ пера Маркса вылилась превосходная, яркая и злая характеристика нѣмецкой буржуазіи, характеристика, которая показала, что Марксъ разстался окончательно съ идеей о возможности въ Германіи общей военной компаніи буржуазіи и пролетаріата противъ феодализма и абсолютизма.

„Нѣмецкая буржуазія,—писалъ Марксъ 11-го декабря 1849 г.,—развивалась такъ лѣниво, вяло и медленно, что въ ту минуту, когда она грозно выступила противъ феодализма и абсолютизма, она сама столкнулась съ грозно выступившимъ противъ нея пролетаріатомъ и со всѣми тѣми частями общества, интересы и идеи которыхъ совпадали съ интересами пролетаріата. И не только стоявшій за нею классъ смотрѣлъ на нее враждебно,—вся Европа встрѣтила ее недружелюбно. Прусская буржуазія не была, какъ Французская въ 1789 г., классомъ, который является заступ-

---

[1]) Aus dem lit. Nachlass. Bd. III, стр. 205.

[2]) Ibid., стр. 206.

никомъ интересовъ современнаго ему общества передъ представителями стараго общества, предъ королевскою властью и дворянствомъ. Буржуазія опустилась до положенія сословія, съ ясно опредѣлившейся позиціей какъ противъ короны, такъ и противъ народа. Она была оппозиціонно настроена противъ обоихъ своихъ противниковъ и нерѣшительна по отношенію къ каждому изъ нихъ въ отдѣльности, потому что она всегда видѣла и того и другого предъ собою. Это было сословіе, съ самаго начала готовое измѣнить народу и пойти на компромиссъ съ коронованными представителями прежняго общественнаго строя".

Буржуазія „землетрясеніемъ была выброшена на поверхность новаго общества. Безъ вѣры въ себя самое, безъ вѣры въ народъ, она брюзжала на то, что было выше нея, дрожала предъ тѣмъ, что стояло за ней, и была полна эгоистическихъ помысловъ. И съ яснымъ сознаніемъ своего эгоизма буржуазія консерваторамъ рисовалась, какъ революціонеръ, и была консервативна съ революціонерами. Она потеряла вѣру въ собственные лозунги и у нея вмѣсто идей остались фразы. Напуганная міровой бурей, она вмѣстѣ съ тѣмъ эксплоатировала ее. Безъ энергіи въ какомъ бы то ни было направленіи и съ заимствованіями по всѣмъ направленіямъ, она было пошла потому, что не была оригинальна. Она барышничала даже собственными своими желаніями. Безъ иниціативы, безъ вѣры въ себя самое, безъ вѣры въ народъ, безъ всемірно-исторической миссіи—она походила на проклятаго старика, осужденнаго на то, чтобы въ собственныхъ старческихъ интересахъ руководить первыми порывами молодости мощнаго народа. Слѣпой, глухой, беззубой и дряхлой,—вотъ какой оказалась прусская буржуазія у кормила прусскаго государства послѣ мартовской революціи" [1]).

Въ виду такого настроенія нѣмецкой буржуазіи, довольствовавшейся половинчатостью и частичными уступками, Марксъ въ концѣ концовъ пришелъ къ заключенію, что въ Германіи невозможенъ переходъ отъ абсолютизма къ конституціонной монархіи, въ которой правящимъ классомъ явилась бы буржуазія.

„Исторія прусской, какъ и вообще нѣмецкой буржуазіи,—писалъ К. Марксъ въ „Новой Рейнской Газетѣ,"—показываетъ, что въ Германіи немыслима чисто-буржуазная революція и основаніе господства буржуазіи въ формѣ конституціонной монархіи, что возможна только феодальная абсолютистская контръ-революція или революція соціально-республиканская."

Дальнѣйшая исторія Германіи подтвердила это предсказаніе Маркса: революція соціально-республиканская была подавлена и раздавлена, но восторжествовала не буржуазія, а феодальная контръ-революція, предоставившая, правда, буржуазіи значитель-

[1]) Ср. Карлъ Марксъ. Итоги 48-го г. Пер. съ нѣм. Спб. 1905. Стр. 13—14.

ную долю вліянія на правительственную власть, но сохранившая самую власть въ рукахъ феодальной партіи.

Когда реакція окрѣпла, она не замедлила приняться за Маркса и „Новую Рейнскую Газету". Марксъ и его ближайшіе товарищи были прежде всего привлечены къ отвѣтственности за призывъ къ вооруженному сопротивленію. Какъ мы уже знаемъ, Марксъ на страницахъ „Новой Рейнской Газеты" горячо поддерживалъ постановленіе національнаго собранія о неуплатѣ правительству налоговъ; не довольствуясь газетной кампаніей, Марксъ, Шапперъ и Шнейдеръ издали отъ имени „Демократическаго Комитета", членами котораго они были, воззваніе, въ которомъ призывали населеніе не останавливаться ни передъ какими мѣрами отпора всѣмъ попыткамъ правительства взыскать налоги. Воззваніе призывало къ организаціи народнаго ополченія, раздачѣ оружія, образованію комитетовъ общественной безопасности и т. д.

Правительство привлекло авторовъ этого воззванія къ отвѣтственности, и 9-го февраля 1849 г. они предстали передъ кельнскимъ судомъ присяжныхъ. Обвиненіе противъ нихъ было построено очень казуистически, но вмѣстѣ съ тѣмъ и очень безпомощно. Ихъ обвиняли на основаніи соотвѣтствующихъ параграфовъ, выработанныхъ тотчасъ же послѣ революціи, т. е. обвиненія противъ Маркса строились на основаніяхъ тѣхъ же законоположеній революціонной эпохи, которыя теперь такъ презрительно игнорировались самимъ же правительствомъ. Обвиняя Маркса за воззваніе, правительство ссылалось на то, что отказъ отъ уплаты налоговъ не былъ проведенъ въ національномъ собраніи со всѣми требуемыми въ такихъ случаяхъ формальностями. И это говорилось въ то самое время, когда правительство безцеремонно разгоняло національное собраніе и не обращало никакого вниманія на его постановленія.

Марксъ въ своей защитительной рѣчи блестяще распуталъ всю противорѣчивую казуистику обвиненія. Кто успѣшно совершилъ революцію или контръ-революцію, говорилъ Марксъ, быть можетъ, конечно, повѣсить своихъ враговъ, но нелѣпо судить ихъ на основаніи отвергнутыхъ законовъ. „Примѣнить послѣ завершенія революціи или контръ-революціи отмѣненные законы противъ защитниковъ этихъ самыхъ законовъ, это значитъ—прибѣгать къ трусливо-лицемѣрной законности".

Парируя ссылку прокурора на то, что при постановленіи отказа въ уплатѣ налога не были соблюдены всѣ формальности, К. Марксъ мѣтко говорилъ: „Съ одной стороны, пренебрегаютъ существенными формами, которыя обязаны соблюдать по отношенію къ національному собранію, а съ другой—отъ національнаго собранія требуютъ соблюденія самыхъ ничтожныхъ формальностей. Правительство совершаетъ одно насиліе за другимъ. Оно, ни съ чѣмъ не считаясь, нарушаетъ самые важные законы. Оно

произвольно вводитъ самый неограниченный военный деспотизмъ подъ вывѣской осаднаго положенія. Оно разгоняетъ самихъ народныхъ представителей. И безстыдно нарушая всѣ законы, оно требуетъ на ряду съ этимъ самаго щепетильнаго соблюденія даже какого-то регламента“.

„Отказъ отъ уплаты налога,—говорилъ Марксъ,—не колеблетъ основъ общества, какъ комично утверждалъ прокуроръ, а представляетъ собою необходимую самооборону общества противъ правительства, которое угрожаетъ обществу въ его основахъ; онъ не вызываетъ конфликта, а служитъ лишь показателемъ того, что конфликтъ существуетъ“.

„Разъ взысканіе налоговъ, — говорилъ Марксъ,—признано незаконнымъ, то развѣ я не долженъ силой противиться насильственному совершенію беззаконія? Если господа, постановившіе отказъ отъ уплаты налоговъ, отвергли революціонный путь, не желая рисковать своими головами, то народъ вынужденъ былъ въ осуществленіи отказа отъ уплаты налоговъ стать на революціонную почву. Поведеніе національнаго собранія отнюдь не было обязательно для народа. Національное собраніе само по себѣ не обладаетъ никакими правами: народъ передалъ ему только защиту народныхъ правъ. Если оно не выполняетъ даннаго ему порученія, то порученіе теряетъ силу. Народъ самолично выступаетъ тогда на сцену и дѣйствуетъ на основаніи своего суверенитета. Если корона совершаетъ контръ-революцію, то народъ съ полнымъ правомъ отвѣчаетъ на это революціей. Онъ не нуждается для этого въ разрѣшеніи какого бы то не было національнаго собранія“.

Марксъ и его друзья были оправданы присяжными, но дни „Новой Рейнской Газеты“ были уже сочтены.

Въ маѣ 1849 г. въ различныхъ частяхъ Германіи возникло революціонное возстаніе, нашедшее пламенную защиту въ „Новой Рейнской Газетѣ“. Стефанъ Борнъ, руководившій мирнымъ „Братствомъ рабочихъ“, бросаетъ перо, берется за мечъ и становится во главѣ дрезденскихъ революціонеровъ. Послѣ форменной упорной битвы возстаніе было подавлено и началась оргія реакціи. Часть редакторовъ „Новой Рейнской Газеты“ была выслана, другая арестована. Марксъ, вышедшій изъ прусскаго подданства еще въ 1845 г., получилъ извѣщеніе о высылкѣ. 16-го мая 1849 г. имъ была получена оффиціальная бумага, гласившая: „Въ своихъ новѣйшихъ статьяхъ „Новая Рейнская Газета“ все рѣшительнѣе стала выступать съ возбужденіемъ къ отрицанію существующаго строя, къ насильственному перевороту и введенію соціальной республики. Въ виду этого, ея главный редакторъ, докторъ Карлъ Марксъ, лишается того права на гостепріимство, которымъ онъ столь недостойно злоупотребилъ, и такъ какъ разрѣшеніе на дальнѣйшее пребываніе въ нѣмецкихъ государ-

ствахъ имъ получено не было, то ему предписывается покинуть эти государства въ теченіе 24-хъ часовъ. Если онъ добровольно не исполнитъ это предписаніе, то будетъ насильственно высланъ за границу".

„Новая Рейнская Газета" должна была прекратиться. 19-го мая 1849 г. вышелъ ея послѣдній номеръ, напечатанный красными буквами. Марксъ и его сотрудники прощались въ этомъ номерѣ съ кельнскими рабочими и предостерегали послѣднихъ отъ всякаго вооруженнаго выступленія въ настоящее время. Это краткое обращеніе къ кельнскимъ рабочимъ гласило:

Мы предостерегаемъ васъ отъ устройства какихъ бы то ни было возстаній въ Кельнѣ. Въ виду военнаго положенія Кельна подобное возстаніе осуждено на неизбѣжную погибель. На примѣрѣ Эльберфельда вы видѣли, какъ буржуазія посылаетъ рабочихъ въ огонь и за ихъ спиною измѣняетъ имъ самымъ низкимъ образомъ. Осадное положеніе въ Кельнѣ деморализируетъ всю рейнскую провинцію, а въ настоящее время всякое ваше возстаніе непремѣнно должно повести къ объявленію осаднаго положенія. Пруссаки придутъ въ отчаяніе отъ вашего спокойствія.

„Редакторы „Новой Рейнской Газеты" благодарятъ васъ на прощаніе за оказанное вами участіе. Ихъ послѣднимъ словомъ всегда и вездѣ будутъ: „Освобожденіе рабочаго класса" [1]).

Въ статьѣ послѣдняго номера „Нов. Рейн. Газеты" Марксъ рѣзко писалъ по адресу правительства: „Мы безпощадны и не требуемъ пощады отъ васъ. Когда дойдетъ до насъ чередъ, и мы не станемъ извиняться за свой терроризмъ. Но роялистическіе террористы, террористы Божьей милостью и милостью права, на практикѣ столь же жестоки, предательски пошлы, насколько въ теоріи трусливы, скрытны, двуязычны, будучи и въ теоріи, и на практикѣ безчестными".

Самый талантливый „тенденціозный" поэтъ этой эпохи, Фрейлигратъ, помѣстилъ въ послѣднемъ номерѣ „Новой Рейнской Газеты" прощальное стихотвореніе, „пахнувшее кровью", какъ возмущенно писала реакціонная „Новая Прусская Газета":

Kein offner Hieb in offner Schlacht—
Es fällen die Nücken und Tücken,
Es fällt mich die schleichende Niedertracht
Der schmutzigen Westkalmücken!
Aus dem Dunkel flog der tötende Schaft,
Aus dem Hinterhalt fielen die Streiche—
Und so lieg' ich nun da in meiner Kraft,
Eine stolze Rebellenleiche!

---

1) Ср. Aus dem literarisch. Nachlass. Bd. III. Стр. 265.

Заключительныя строфы этого прекраснаго стихотворенія были полны горячаго призванія къ борьбѣ и горячей вѣры въ побѣду:

Nun ade, nun ade, du kämpfende Welt,
Nun ade, ihr ringenden Heere,
Nun ade, du pulvergeschwärztes Feld,
Nnn ade, ihr Shwerter und Speere,
Nun ade—doch nicht für immer ade;
Denn sie töten Geist nicht, ihr Brüder,
Bald richt' ich mich rasselnd in die Höh,
Bald kehr' ich reisiger wieder!

* *
*

Wenn die letzte Krone wie Glas zerbricht
In des Kampfes Wettern und Flammen,
Wenn das Volk sein letztes „schuldig“ spricht,
Dann stehen wir wieder zusammen!
Mit dem Wort, mit dem Schwert, an der Donau, am Rhein—
Eine allzeit treue Gesellin
Wird dem Throne zerschmetternden Volke sein
Die Geächtete, die Rebellin!

Высланный изъ Пруссіи, Марксъ уѣхалъ сначала въ Баденъ, затѣмъ въ Пфальцъ, а оттуда въ Парижъ, съ твердой надеждой, что въ самомъ ближайшемъ будущемъ Парижу предстоитъ еще пережить девятый валъ революціоннаго движенія, который на этотъ разъ завершится полной соціалистической революціей.

Но долго ждать въ Парижѣ девятаго вала революціи Марксу не пришлось—онъ былъ высланъ и изъ Парижа и уѣхалъ въ Лондонъ, гдѣ ему пришлось прежде всего заняться подведеніемъ итоговъ всему пережитому и передуманному въ теченіе „безумнаго“ 1848-го года, такого богатаго огромными историческими событіями и глубокими переживаніями.

Въ слѣдующей главѣ мы остановимся на этихъ итогахъ и посмотримъ, какіе уроки для теоріи и стратегіи соціальнаго движенія извлекъ Марксъ изъ событій 1848—1849 годовъ. А теперь охарактеризуемъ въ общихъ словахъ политическую позицію, которую занялъ въ эти годы Марксъ.

И въ предшествующей, и въ этой главѣ намъ уже приходилось указывать на то, что передъ революціей 1848-го года Марксъ очень сильно преуменьшалъ живучесть и силу сопротивленія всѣхъ промежуточныхъ политическихъ и экономическихъ формъ между абсолютизмомъ и феодализмомъ, съ одной стороны, и нераздѣльнымъ господствомъ буржуазной республики и крупнаго капиталистическаго хозяйства—съ другой; между пролетаріатомъ и буржуазіей.

Марксу рисовалась такая схема: крупная буржуазія борется въ настоящее время за свое нераздѣльное экономическое и политическое господство. Въ этой борьбѣ буржуазія непримиримо ре-

волюціонна по отношенію ко всѣмъ старымъ формамъ хозяйства и политической власти. Двигаясь къ побѣдѣ, она будетъ разрушать всѣ остатки и пережитки абсолютизма и докапиталистическихъ формъ хозяйства. Старая политическая власть изчезнетъ. рухнутъ всѣ мелкія формы предпринимательства и производства: буржуазія будетъ праздновать свое восшествіе на престолъ. Но по пятамъ ея побѣдоноснаго движенія будетъ итти и все расти армія пролетаріата; разрушая мелкія формы хозяйства, буржуазія будетъ широко вливать въ ряды пролетаріата все новые и новые элементы. Численность, сознательность, силы пролетаріата будутъ быстро расти. Пока буржуазія будетъ вести войну со старымъ порядкомъ, до тѣхъ поръ она сама будетъ стараться вовлекать пролетаріатъ въ политическую борьбу, до тѣхъ поръ она будетъ революціонна, до тѣхъ поръ она будетъ бороться плечомъ къ плечу съ рабочимъ классомъ и со стороны послѣдняго встрѣтитъ энергичную поддержку.

Но когда будутъ низвергнуты абсолютистски-феодальный строй и докапиталистическія формы хозяйства, тогда поле битвы очистится для двухъ враговъ—пролетаріата и буржуазіи.

Марксу казалось въ 1848 г., что вся эта схема будетъ продѣлана въ теченіе одного непрерывнаго періода, и что революція 18-го марта 1848 г. есть лишь первый актъ этой революціонной трагедіи, актъ, въ которомъ первую роль должна играть буржуазія.

Изъ главы о „Коммун. Манифестѣ“ мы уже познакомились съ тѣми условіями времени и мѣста, которыя заставили Маркса такъ оптимистически смотрѣть въ сороковыхъ годахъ на возможность близкаго соціалистическаго переворота. Въ той же главѣ мы видѣли, что по мѣрѣ того, какъ развивались событія нѣмецкой и французской революціонной эпохи, быстро убывали оптимистическія надежды Маркса, поскольку онѣ питались увѣренностью, что буржуазія до конца сыграетъ *свою* революціонную роль. Нѣмецкая буржуазія вмѣсто военнаго революціоннаго союза съ пролетаріатомъ противъ стараго порядка предпочла соглашеніе со старымъ порядкомъ и борьбу съ революціоннымъ пролетаріатомъ.

Сообразно съ этимъ, въ публицистической дѣятельности Маркса въ 1848—1849 гг. можно отмѣтить два періода: первый періодъ, когда онъ твердо надѣялся на революціонность буржуазіи и ея полную и близкую побѣду надъ старымъ порядкомъ, и второй періодъ, когда подъ вліяніемъ событій онъ эту надежду утратилъ и въ удивительно-яркихъ и злыхъ словахъ заговорилъ о политической импотенціи нѣмецкой буржуазіи, о ея неспособности завершить *свою, буржуазную* революцію.

Въ первый періодъ Марксъ всю свою публицистическую энергію употреблялъ на то, чтобы поддерживать въ буржуазіи ея

революціонный пылъ, чтобы толкать ее влѣво, чтобы изобличать ея ложные и измѣническіе шаги. О рабочемъ движеніи, о классовой борьбѣ въ Германіи между пролетаріатомъ и буржуазіей „Новая Рейнская Газета“ почти совсѣмъ не говорила. Нѣкоторые тогдашніе соціалисты даже упрекали за это Маркса, но Марксъ и не отвѣчалъ на эти упреки; лишь впослѣдствіи лаконически замѣтилъ, что о классовой борьбѣ нѣмецкихъ рабочихъ „Новая Рейнская Газета“ говорила лишь постольку, поскольку эта борьба проявлялась въ дѣйствительности. А какъ слабо проявлялась она въ дѣйствительности, мы видѣли выше.

Но въ послѣднее время своей жизни въ Кельнѣ Марксъ, разочаровавшись въ революціонной роли нѣмецкой буржуазіи, сталъ возлагать всѣ свои надежды на пролетаріатъ, перенося въ его среду свою дѣятельность. Этотъ періодъ въ дѣятельности Маркса не успѣлъ достаточно опредѣлиться и развиться, такъ какъ въ самомъ началѣ онъ былъ насильственно прерванъ закрытіемъ „Новой Рейнской Газеты“ и высылкой Маркса изъ Пруссіи.

Въ Кельнѣ Марксъ состоялъ однимъ изъ представителей „Демократическаго Общества“ со смѣшаннымъ соціальнымъ составомъ своихъ членовъ. Когда достаточно опредѣлился реакціонный характеръ нѣмецкой буржуазіи, Марксъ и его ближайшіе товарищи вышли изъ числа членовъ „Демократическаго общества“. Въ заявленіи о своемъ выходѣ, опубликованномъ 15-го апрѣля 1849 г. въ „Новой Рейнской Газетѣ“, Марксъ указывалъ, что къ выходу изъ членовъ общества его побудило то, что слишкомъ разнородный составъ соціальныхъ элементовъ, входившихъ въ демократическую организацію, лишалъ послѣднюю возможности планомѣрной и цѣлесообразной дѣятельности, что необходимо создать тѣсную общую организацію рабочихъ союзовъ, состоящихъ изъ однородныхъ соціальныхъ элементовъ, и что въ областныхъ комитетахъ коммунисты должны отдѣлиться отъ демократовъ.

Очевидно, этотъ выходъ Маркса изъ состава членовъ „Демократическаго Общества“ былъ координированъ съ тактикой рабочихъ союзовъ. По крайней мѣрѣ, кельнскій рабочій союзъ вслѣдъ за выходомъ Маркса изъ „Демократическаго Общества“ тоже оборвалъ свою связь съ этимъ обществомъ. Рабочій союзъ Кельна избралъ временный комитетъ, на который была возложена задача подготовить объединеніе всѣхъ рабочихъ союзовъ Рейнской провинціи и Вестфаліи. Въ этотъ комитетъ были выбраны Марксъ, Вольфъ, Шапперъ, Эссеръ и Карлъ Отто; изъ нихъ первые трое были сотрудниками „Новой Рейнской Газеты“ и членами кельнскаго „Демократическаго Общества“.

Рабочій комитетъ разослалъ всѣмъ рабочимъ союзамъ Рейнской провинціи и Вестфаліи приглашеніе прислать депутатовъ на предстоящій областной съѣздъ, задачей котораго ставилось

объединеніе всѣхъ мѣстныхъ рабочихъ союзовъ и выборы представителей на обще-нѣмецкій рабочій съѣздъ, который долженъ былъ состояться въ іюнѣ 1849 г. въ Лейпцигѣ.

Однако, закрытіе „Новой Рейнской Газеты", арестъ и высылка Маркса и его ближайшихъ сотрудниковъ насильственно прервали въ самомъ его началѣ этотъ новый періодъ въ дѣятельности Маркса въ 1848—1849 годахъ, когда Марксъ, разочаровавшись въ революціонной буржуазіи, началъ сосредоточивать свою дѣятельность на организаціи рабочаго класса.

Въ революціонныхъ событіяхъ 1848—1849 годовъ Карлъ Марксъ принималъ участіе почти исключительно въ качествѣ публициста. Почти все его время и силы были поглощены редактированіемъ „Новой Рейнской Газеты" и сотрудничествомъ въ ней. Этотъ періодъ въ жизни Маркса подробно обрисовываетъ передъ нами великаго мыслителя въ роли вліятельнаго журналиста и редактора. Съ этою ролью Марксъ блестяще справился. „Новая Рейнская Газета" представляетъ одинъ изъ самыхъ блестящихъ соціалистическихъ органовъ не только своей, но и последующей эпохи, и этотъ органъ былъ духовнымъ дѣтищемъ Карла Маркса. Конечно, если бы вокругъ газеты не сплотился кругъ блестящихъ публицистовъ, то Марксъ не сумѣлъ бы придать ей тотъ блескъ и ту идейную силу, которые быстро превратили ее въ самый вліятельный политическій органъ. Но душою всей газеты, ея дирижеромъ былъ Карлъ Марксъ.

Ф. Энгельсъ разсказываетъ объ этомъ: „Организація редакціи была простою *диктатурою* Маркса. Крупный ежедневный органъ, который всегда долженъ былъ быть готовъ въ опредѣленный часъ, могъ успѣшно работать только при такой организаціи. Къ тому же диктатура Маркса считалась какъ бы сама собою понятной, не оспариваемой, признаваемой всѣми нами" [1]).

Самымъ главнымъ достоинствомъ „Новой Рейнской Газеты" надо признать то, что она была, съ одной стороны, чужда всякаго догматизма, а съ другой стороны, никогда не упускала изъ виду принципіальной стороны вопроса; благодаря этому счастливому сочетанію „Новая Рейнская Газета" была живымъ органомъ, умѣвшимъ всегда ярко освѣтить текущія событія съ принципіальной точки зрѣнія и поставить ихъ въ неразрывную связь со всѣмъ ходомъ общественнаго развитія. „Новая Рейнская Газета" не демонстрировала передъ читателями свои застывшіе догматы и не кормила ихъ консервами изъ этихъ догматовъ,— она освѣщала и осмысливала текущую жизнь, учила понимать ее, учиться ей, учиться не въ анатомическомъ театрѣ исторіи на уже застывшихъ и разлагающихся трупахъ событій, а на живыхъ и развивающихся событіяхъ, путемъ ихъ вивисекціи.

---

[1]) Cp. Engels. „Marx und die Neue Rheinische Zeitung". „Socialdemokrat". Zürich. 1884. № 11.

Свои газетныя статьи Марксъ писалъ образнымъ, очень своеобразнымъ и сильнымъ языкомъ. По всему тону своего мышленія, очень точнаго, очень вдумчиваго и постоянно обнажающаго глубокіе корни событій, Марксъ не могъ обладать тою „легкостью пера", которая присуща „врожденнымъ журналистамъ". Повидимому, статьи требовали отъ Маркса очень много труда и времени.

По крайней мѣрѣ, извѣстный нѣмецкій дѣятель сороковыхъ годовъ, Стефанъ Борнъ, находившійся въ близкихъ отношеніяхъ съ Марксомъ и Энгельсомъ, разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что Энгельсъ раздраженно жаловался ему на Маркса: „Онъ совсѣмъ не журналистъ и никогда не сдѣлается журналистомъ. Надъ передовой статьей, которую другой пишетъ въ два часа, Марксъ возится цѣлый день, точно дѣло идетъ о разрѣшеніи глубокой философской проблемы, онъ постоянно измѣняетъ и исправляетъ написанное и снова исправляетъ и, стремясь къ основательности, никогда не поспѣваетъ во-время" [1]).

Но если это стремленіе къ основательности и добросовѣстное отношеніе къ газетному писанію доставляло Марксу много волненій и громадную затрату усилій, то зато это же придавало газетнымъ статьямъ Маркса такую большую цѣнность и повело къ тому, что и теперь, черезъ шестьдесять лѣтъ послѣ ихъ напечатанія, статьи Маркса изъ „Новой Рейнской Газеты" читаются съ глубокимъ интересомъ.

Какое же громадное значеніе должны были имѣть глубоко продуманныя статьи Маркса въ эпоху сороковыхъ годовъ, когда пороховой дымъ бурныхъ революціонныхъ событій застилалъ вершины теорій и историческія дали! „Новая Рейнская Газета" не покидала этихъ теоретическихъ вершинъ, но она пользовалась ими не для горделиваго презрѣнія къ кипѣвшей внизу непросвѣщенной жизни, а для того, чтобы освѣщать и расчищать путь, которымъ шли событія, и вносить свѣтъ сознанія въ головы тѣхъ, „чьи работаютъ грубыя руки".

---

[1]) Ср. St. Born. Erinnerungen eines Achtundvierzigers. Leipzig. 1898. Стр. 199.

VII.

Конецъ революціонной эпохи.—Ея переживанія въ идеологіяхъ революціонеровъ.—Колебанія Маркса между гаснущей вѣрой въ близость революціи и отвердѣвающей увѣренностью, что революціонный періодъ исчерпалъ всѣ свои силы.—Новыя точки зрѣнія.

Когда, будучи высланъ изъ Бельгіи, Пруссіи и Франціи. Карлъ Марксъ покинулъ негостепріимный европейскій континентъ и уѣхалъ въ Англію, революціонный ураганъ 1848-го года уже улегся и надъ всей Европой нависла тяжелая и угрюмая реакція. Въ Германіи революціонное движеніе было окончательно подавлено и по всей линіи торжествовала реакція; во Франціи еще продолжалось сильное броженіе, но и здѣсь прочно установилась реакція и геройская армія революціоннаго пролетаріата была раздавлена.

Со всѣхъ концовъ Западной Европы, еще недавно ярко освѣщенной революціоннымъ заревомъ, а теперь окутанной реакціонной мглой, потянулась въ Англію пестрая вереница политическихъ эмигрантовъ. Они еще не остыли отъ проиграннаго горячаго боя и всецѣло жили надеждами, иллюзіями и планами революціонной эпохи. Чтобы противодѣйствовать безпрерывнымъ холоднымъ душамъ, которыми окачивала ихъ дѣйствительность, революціонеры искусственно подогрѣвали самихъ себя съ помощью революціонной фразеологіи и не хотѣли слышать о томъ, что революціонный подъемъ 1848-го года истощилъ всѣ свои силы и никакими искусственными мѣрами его не воскресить къ новой жизни.

И у Маркса еще держалась надежда на близкую и могучую вспышку новой всемірной революціи. Но, какъ мы увидимъ ниже, горячая вѣра въ непосредственную близость всеобщей соціальной революціи очень скоро смѣнилась у Маркса холодною увѣренностью въ невозможности въ ближайшемъ будущемъ сильнаго революціоннаго движенія.

Марксъ былъ слишкомъ большимъ реалистомъ, чтобы не замѣтить, что соціальное движеніе конца сороковыхъ годовъ пошло по иному руслу, чѣмъ ожидали въ 1848 г. передовые революціонеры, не только вслѣдствіе вѣроломства либеральной буржуазіи, но еще и потому, что воззрѣнія передовыхъ революціонеровъ были тогда еще сильно пропитаны утопизмомъ.

Иными словами говоря, революціонное движеніе 1848-го года не добилось тѣхъ широкихъ и прочныхъ демократическихъ завоеваній, какихъ ожидали Марксъ и другіе революціонеры, не

только потому, что либеральная буржуазія, не доведя до конца своей революціи, измѣнила ей и пошла на примиреніе со старымъ порядкомъ, тѣмъ самымъ совершенно спутавъ разсчеты революціонеровъ, но еще и потому, что самые эти разсчеты были до извѣстной степени утопическими. Приходилось поэтому не только приспособиться къ новому положенію вещей и сбросить со счетовъ революціонный пылъ буржуазіи, очень скоро потухнувшій и остывшій, но и отказаться отъ многихъ собственныхъ революціонныхъ иллюзій.

Карлъ Марксъ очень скоро понялъ это и отмѣтилъ, что однимъ изъ положительныхъ завоеваній революціоннаго движенія 1848-го года явилась необходимость для революціонеровъ отказаться отъ многихъ революціонныхъ иллюзій. Марксу и его единомышленникамъ пришлось прежде всего отказаться отъ иллюзіи относительно непримиримой революціонности буржуазіи по отношенію къ старому порядку. Іюньскіе дни 1848-го года, когда буржуазія Франціи съ каннибальскою жестокостью раздавила революціонный пролетаріатъ, окончательно похоронили вѣру революціонеровъ въ готовность буржуазіи объединиться съ пролетаріатомъ въ одну революціонную армію, объявившую истребительную войну старому порядку.

Но жестокій ударъ, нанесенный іюньскою рѣзнею на улицахъ Парижа, вызвавъ у Маркса глубокое негодованіе и яркій гнѣвъ, заставивъ его понять, что политическая позиція измѣнилась,—ни на минуту, однако, не заставилъ его опустить руки и отчаяться въ сплахъ пролетаріата. Марксъ ни на минуту не забывалъ необходимости для пролетаріата вести самую энергичную борьбу за свободный демократическій строй.

Въ статьѣ, помѣщенной въ „Новой Рейнской Газетѣ" по поводу іюньской бойни въ Парижѣ, Марксъ писалъ:

„Можетъ ли это породить въ насъ убѣжденіе въ томъ, что борьба за государственную форму является безсмысленной, иллюзорной, ненужной?

Лишь слабыя и трусливыя души могутъ такъ ставить вопросъ. Столкновенія, вытекающія изъ условій самаго буржуазнаго общества, должны быть на дѣлѣ пережиты, они не могутъ быть устранены съ помощью фантазій. Лучшей государственной формой является та, при которой общественныя противорѣчія не затушевываются, не подавляются насильственно, т.-е. не подавляются искусственно, лишь для видимости. Лучшей государственной формой является та, при которой общественныя противорѣчія находятся въ открытой борьбѣ и благодаря этому могутъ быть разрѣшены" [1]).

---

[1]) Aus dem literarischen Nachlass von Karl Marx. Dritter Band. Stuttgart 1902. Стр. 118.

Въ предшествующемъ очеркѣ мы уже остановились на той эволюціи взглядовъ Маркса на революціонность буржуазіи, которая шла рука объ руку съ переходомъ буржуазіи отъ революціонной къ контръ-революціонной роли. Мы видѣли, что, начавъ съ глубокой вѣры въ готовность буржуазіи довести до конца свою буржуазно-демократическую революцію, Марксъ постепенно пришелъ къ убѣжденію, что буржуазія неспособна выполнить и этой революціонной роли и союзъ съ феодализмомъ противъ пролетаріата она предпочтетъ союзу съ пролетаріатомъ противъ феодализма.

Но революціонныя иллюзіи Маркса и его единомышленниковъ заключались не только въ переоцѣнкѣ революціонности буржуазіи, но и въ переоцѣнкѣ силъ и сознательности пролетаріата конца сороковыхъ годовъ. Избавившись отъ переоцѣнки революціонности буржуазіи, Марксъ еще питалъ иллюзіи относительно численности, зрѣлости и силы тогдашняго пролетаріата. И чѣмъ сильнѣе разочаровывался Марксъ въ революціонности крупной и мелкой буржуазіи, тѣмъ все больше переносилъ онъ всѣ свои надежды и разсчеты на революціонныя силы пролетаріата. Въ началѣ 1848-го года Марксъ ожидалъ, что крупная буржуазія не прекратитъ своей революціонной борьбы до тѣхъ поръ, пока не будетъ создана демократическая республика, но, какъ мы уже видѣли, Марксъ скоро убѣдился, что революціонность буржуазіи очень скоро испарилась. Когда контръ-революція свирѣпствовала при попустительствѣ, а отчасти и прямомъ содѣйствіи либеральной буржуазіи, когда она праздновала каннибальскими оргіями свою побѣду надъ пролетаріатомъ, Марксъ рѣзко и гнѣвно писалъ: „Каннибализмъ контръ-революціи долженъ убѣдить народъ, что существуетъ лишь одно средство сократить, упростить и концентрировать предсмертныя судороги стараго общества и кровавыя муки родовъ новаго общества, это средство— революціонный терроризмъ“ [1]).

Привѣтствуя новый, 1849 г., Марксъ развертывалъ на страницахъ „Новой Рейнской Газеты“ грандіозную картину быстро прогрессирующей соціальной революціи, которая охватитъ могучимъ заревомъ всю Европу, не исключая и Англіи! Марксъ доказываетъ въ этой статьѣ, что соціальная революція возможна теперь только при условіи, если она сдѣлается міровой, точнѣе говоря, если она охватитъ не только западно-европейскій континентъ, но и Англію. Схема этой соціальной революціи рисовалась Марксу такъ: возстанетъ прежде всего рабочій классъ Франціи, онъ первый подниметъ знамя соціальной революціи. Организованная рабочая партія Англіи, чартисты, возстанетъ и объявитъ непрерывную войну англійской буржуазіи. Это возстаніе въ Англіи, Фран-

[1]) Ibid, 199 стр.

ціи и другихъ странахъ неизбѣжно вызоветъ международныя столкновенія и поведетъ къ войнѣ, которая приметъ міровой характеръ. „Европейская война будетъ первымъ слѣдствіемъ побѣдоносной рабочей революціи во Франціи. Англія, какъ въ эпоху Наполеона, станетъ во главѣ контръ-революціонныхъ армій, но ходъ самой же войны заставитъ ее стать во главѣ революціоннаго движенія и искупить свой грѣхъ по отношенію къ революціи восемнадцатаго вѣка.

Революціонное возстаніе французскаго рабочаго класса, міровая война—таково оглавленіе 1849 года“ [1]).

Но, увы, „оглавленіе“ 1849 года оказалось совершенно инымъ и могло быть кратко выражено въ словахъ: торжествующая и свирѣпствующая контръ-революція. Французскій пролетаріатъ послѣ страшныхъ кровопусканій оказался въ силахъ сопротивляться реакціи лишь конвульсивными и слабѣющими порывами. Но Марксъ еще долго лелѣялъ надежду, что революціонное движеніе 1848-го года не сегодня—завтра могуче вновь подымется девятымъ, непобѣдимымъ валомъ.

„Ближайшая міровая война,—пишетъ Марксъ въ январѣ 1849 г.,—сотретъ съ лица земли не только реакціонные классы и династіи, но и цѣлые реакціонные народы“ [2]).

И послѣдній номеръ „Новой Рейнской Газеты“ считаетъ нужнымъ въ маѣ 1849 г. „напомнить своимъ читателямъ“ слова своего новогодняго номера: „Революціонное возстаніе французскаго рабочаго класса, міровая война—таково оглавленіе 1849 г.“

И этотъ послѣдній номеръ заканчивается указаніемъ на надвигающуюся міровую войну между контръ-революціонными и революціонными силами и народами и на „красную республику“, грядущую изъ Парижа,

Какъ показываетъ одно изъ писемъ Лассаля къ Марксу, Марксъ въ 1849 г. былъ глубоко убѣжденъ, что весной 1850 года во Франціи неизбѣжно вспыхнетъ пролетарская революція подъ соціалистическимъ знаменемъ. Лассаль вполнѣ раздѣлялъ эту надежду. На счетъ же Германіи, очевидно, надежды на близкое непосредственное возстаніе были оставлены.

24-го октября 1849 года Лассаль пишетъ Марксу: „Я извлекъ тотъ непоколебимый урокъ, что никакая борьба въ Европѣ не можетъ быть успѣшна, если только съ самого начала она не будетъ провозглашена *чисто-соціалистической*; что не можетъ больше удаться никакая борьба, въ которую соціальные вопросы входятъ лишь какъ туманный элементъ и стоятъ на заднемъ планѣ и которая съ внѣшней стороны ведется подъ знаменемъ національнаго возрожденія или буржуазнаго республиканизма; что никакая

[1]) Ibid., 232 стр.
[2]) Ibid., 245 стр.

борьба не можетъ имѣть успѣха, если она, какъ въ іюнѣ 1848 г., заранѣе не объявитъ своимъ паролемъ безъ всякихъ прибавленій— „трудъ или смерть". Съ одной стороны, это, правда, очень пріятное убѣжденіе, что мы тѣмъ самымъ избѣгаемъ гнусности буржуазнаго господства. Но, съ другой стороны, напрашивается вопросъ, будетъ ли *Германія* обладать въ скоромъ времени такой силой, чтобы побѣдоносно поднять *чисто* красное знамя? Достаточной ли силой уже обладаетъ соціализмъ въ Германіи, чтобы быть въ состояніи въ скоромъ времени для себя самого и не драпируясь въ чисто-республиканскій энтузіазмъ, сорвать со стѣны мечъ? Если имѣть въ виду одну лишь Германію, то пришлось бы на этотъ вопросъ отвѣтить печально и отрицательно. На счастье у насъ есть Франція! Ты пишешь, что ждешь съ увѣренностью будущей весной возстанія въ Парижѣ. Источникомъ при этомъ служатъ тебѣ французскіе refugiés. Но изъ письма Дронке, которое я только что получилъ и которое согласуется со многимъ другимъ, я вижу, что французскіе рабочіе очень abattus (чего я не думаю) и что рабочіе, чему я очень вѣрю, потеряли всякое довѣріе къ Montagne, вслѣдствіе ея ужаснаго и чисто-нѣмецкаго поведенія 13 іюня. Какъ бы они ни были правы, но это во всякомъ случаѣ *тормазило бы* поднятіе знамени, такъ какъ и вожди тайныхъ обществъ пока находятся на попеченіи въ тюрьмѣ Mont St. Michel. И очень возможно, что французскіе refugiés въ Лондонѣ, Ледрю и др. тѣшатъ себя иллюзіями относительно настроенія рабочихъ по отношенію къ нимъ и недостаточно освѣдомлены на этотъ счетъ" [1]).

Въ этомъ письмѣ Лассаля явственно сквозитъ нѣкій скептицизмъ по отношенію къ близости новой революціи, хотя Лассаль, высказавъ скептическую мысль, тотчасъ же спѣшитъ высказать твердую увѣренность въ революціонной подготовленности и готовности французскаго пролетаріата. Франція сдѣлалась духовнымъ прибѣжищемъ и надеждою революціонеровъ конца сороковыхъ годовъ.

Упомянутое письмо Лассаля къ Марксу, помимо того интереса, который оно представляетъ, какъ характеристика воззрѣній передовыхъ нѣмецкихъ революціонеровъ конца сороковыхъ годовъ, весьма важно и въ томъ отношеніи, что оно ясно указываетъ на два различныхъ источника, питавшихъ увѣренность Маркса въ близость соціальной революціи во Франціи. Двумя этими источниками были: съ одной стороны, настроеніе французской политической эмиграціи, собравшейся въ Лондонѣ, тѣхъ refugiés, о которыхъ говоритъ Лассаль, а съ другой—увѣренность Маркса въ существованіи въ тогдашней Европѣ затяжнаго промышлен-

---

[1]) Ср. Письма Ф. Лассаля къ К. Марксу и Ф. Энгельсу. Пер. съ нѣм. Спб. 1905. Стр. 7—8.

наго кризиса. Если первый источникъ—французская эмиграція—поддерживала у Маркса иллюзію относительно близости „соціальной“ революціи, относительно силы и боевой подготовленности французскаго пролетаріата, то второй источникъ—экономическое положеніе тогдашней Европы—заставило Маркса въ 1850 г. отказаться отъ этой иллюзіи.

Въ упомянутомъ письмѣ Лассаль пишетъ Марксу:

„Я привѣтствую съ радостью торговый кризисъ въ Англіи, о которомъ ты извѣщаешь въ газетѣ. Хорошо, если бы его наступленіе было, дѣйствительно, вполнѣ обезпечено и близко“.

Какъ мы увидимъ ниже, на самомъ дѣлѣ, во всей Европѣ наступилъ не кризисъ, а сильный экономическій подъемъ. Это и заставило Маркса отказаться отъ надежды на близость соціальной революціи. Но пока Марксъ близко соприкасался съ французскими эмигрантами и вѣрилъ ихъ разсказамъ о готовности Франціи немедленно возстать, и пока, что еще важнѣе, Марксъ считалъ, что Европа переживаетъ тяжелый экономическій кризисъ, до тѣхъ поръ онъ еще питалъ вѣру въ близость коренной соціальной революціи. Когда Марксъ вернулся въ Лондонъ, онъ энергично принялся за возобновленіе «Союза Коммунистовъ“, большинство ближайшихъ членовъ котораго постепенно стекалось въ Лондонъ. Въ мартѣ 1850 г. лондонскій комитетъ „Союза Коммунистовъ“ разослалъ своимъ членамъ „Обращеніе“, составленное или во всякомъ случаѣ редактированное Марксомъ. Это „Обращеніе“ еще всецѣло отражало увѣренность Маркса въ близость обще-европейской соціальной революціи, возвѣщенной возстаніемъ французскаго пролетаріата.

„Мы говорили вамъ, братья,—гласило, между прочимъ, это обращеніе,—уже въ 1848 г., что нѣмецкіе либеральные буржуа скоро достигнутъ господства и свою новую добытую власть сейчасъ же обратятъ противъ рабочихъ. Вы видѣли, какъ это исполнилось. Въ самомъ дѣлѣ, кто, какъ не буржуа, которые послѣ мартовскаго движенія 1848 г. сейчасъ же захватили въ свое обладаніе государственную власть, воспользовался этою властью для того, чтобы немедленно снова ввергнуть рабочихъ, ихъ товарищей и союзниковъ по борьбѣ, въ прежнее угнетенное положеніе?.. Буржуазіи не нужно было бы даже дѣлаться ненавистной народу за насильственныя мѣры, принимаемыя для обезпеченія ея господства, такъ какъ всѣ эти насильственныя дѣйствія уже произведены были феодальной контръ-революціей. Но развитіе не пойдетъ по этому мирному пути. Напротивъ, революція, которая ускоритъ его, близка,—будетъ ли она вызвана самостоятельнымъ возстаніемъ французскаго пролетаріата или вторженіемъ Священнаго Союза въ революціонный Вавилонъ“ [1]).

[1]) Ср. Марксъ. Кельнскій процессъ коммунистовъ. Пер. съ нѣм. Спб. 1906 107 стр.

Центральною задачей Марксъ считалъ выясненіе отношенія партіи пролетаріата къ демократическому мелко-буржуазному движенію.

„Отношеніе революціонной рабочей партіи къ мелко-буржуазной демократіи,—гласитъ „Обращеніе Союза Коммунистовъ“,—таково: она идетъ вмѣстѣ съ нею противъ фракціи, низверженіе которой является ея цѣлью; она выступаетъ противъ нея во всемъ, чѣмъ она рѣшила бы укрѣпить себя самое.

„Демократическіе мелкіе буржуа, далекіе отъ того, чтобы стремиться къ перевороту всего общества для революціонныхъ пролетаріевъ, добиваются такого измѣненія общественныхъ условій, которое бы сдѣлало для нихъ возможно болѣе сноснымъ и удобнымъ современное общество. Они требуютъ поэтому прежде всего уменьшенія государственныхъ расходовъ путемъ ограниченія бюрократіи и переложенія главной массы налоговъ на крупныхъ землевладѣльцевъ и буржуа. Они требуютъ, далѣе, устраненія давленія крупнаго капитала на мелкій путемъ общественныхъ кредитныхъ учрежденій и законовъ противъ ростовщиковъ, благодаря чему для нихъ и для крестьянъ станетъ возможнымъ получать ссуды отъ государства, вмѣсто капиталистовъ, на выгодныхъ условіяхъ; далѣе—введенія буржуазныхъ отношеній собственности въ деревнѣ путемъ полнаго уничтоженія феодализма.

„Въ то время, какъ демократическіе мелкіе буржуа хотѣли бы довести революцію до конца возможно скорѣе и при проведеніи максимума указанныхъ выше пожеланій,—наши интересы и наша задача въ томъ, чтобы сдѣлать революцію непрерывной (permanente) на все время, пока всѣ болѣе или менѣе имущіе классы не будутъ вытѣснены изъ своего господствующаго положенія, государственная власть—завоевана пролетаріатомъ, и ассоціація пролетаріевъ—не только въ одной странѣ, но и во всѣхъ господствующихъ странахъ всего міра—подвинется настолько далеко, что въ этихъ странахъ исчезнетъ конкуренція пролетаріевъ и, по меньшей мѣрѣ, главнѣйшія производительныя силы будутъ сконцентрированы въ рукахъ пролетаріевъ.

„На случай борьбы противъ общаго врага не нужно никакого особаго объединенія. Какъ только является необходимость прямой борьбы съ такимъ противникомъ, интересы обѣихъ партій на этотъ моментъ совпадаютъ, и какъ до сихъ поръ, такъ и на будущее время, это на данное мгновеніе разсчитанное объединеніе будетъ устанавливаться само собой. Понятно, что при предстоящихъ кровавыхъ столкновеніяхъ, какъ и при всѣхъ прежнихъ, побѣда будетъ одерживаться, главнымъ образомъ, рабочими благодаря ихъ мужеству, рѣшимости и самоотверженію. Какъ до сихъ поръ, такъ и въ этой борьбѣ, мелкіе буржуа въ массѣ будутъ держаться какъ можно долѣе медлительно, нерѣшительно и пассивно, чтобы затѣмъ, когда побѣда будетъ рѣшена, захватить

ее въ свои руки, призвать рабочихъ къ спокойствію и къ возвращенію къ своему труду, предупредить такъ называемые эксцессы и лишить пролетаріатъ плодовъ побѣды".

Указывая на это, Марксъ требуетъ, чтобы пролетарская партія усиленно и неустанно углубляла и расширяла революціонное движеніе и вымогала у буржуазныхъ классовъ самыя широкія соціальныя реформы, которыя только возможны въ буржуазномъ государствѣ. „Обращеніе" коммунистовъ требуетъ, чтобы рабочіе повсюду были хорошо вооружены и находились въ боевой готовности.

„Рабочіе, разумѣется, — говоритъ въ заключеніе „Обращеніе", — въ началѣ движенія не могутъ еще предлагать никакихъ коммунистическихъ мѣръ, но они могутъ:

„1) Принуждать демократовъ возможно всестороннѣе вторгаться въ существующій общественный порядокъ, нарушать его правильный ходъ и этимъ компрометировать себя, а также сконцентрировать возможно больше производительныхъ силъ, перевозочныхъ средствъ, фабрикъ, желѣзныхъ дорогъ и т. д. въ рукахъ государства.

„2) Они должны предложенія демократовъ, которые, во всякомъ случаѣ, будутъ выступать не революціонно, а только реформаторски, доводить до крайнихъ предѣловъ и превращать ихъ въ прямыя нападенія на частную собственность, такъ, напр., если мелкія буржуа предлагаютъ выкупить желѣзныя дороги и фабрики, рабочіе требуютъ, чтобы все это, какъ собственность реакціонеровъ, просто и безъ вознагражденія было конфисковано государствомъ. Если демократы предлагаютъ пропорціональный налогъ, рабочіе требуютъ прогрессивнаго; если демократы сами вносятъ предложеніе умѣреннаго прогрессивнаго налога, рабочіе настаиваютъ на такомъ налогѣ, ставки котораго возрастаютъ такъ быстро, что крупный капиталъ при этомъ гибнетъ; если демократы хотятъ регулированія государственныхъ долговъ, рабочіе хотятъ государственнаго банкротства. Требованія рабочихъ, слѣдовательно, должны повсюду сообразоваться съ уступками и мѣрами демократовъ". „Обращеніе" заканчивается призывомъ къ рабочимъ, чтобы они „какъ можно скорѣе" заняли „свою самостоятельную партійную позицію и ни на одно мгновеніе не давали отвлечь себя отъ независимой организаціи партіи пролетаріата лицемѣрными фразами демократическихъ мелкихъ буржуа. Ихъ боевымъ кличемъ должно быть: непрерывная революція (Revolution in Permanenz)".

Это „Обращеніе" коммунистическаго союза, составленное въ мартѣ 1850 года, проповѣдуетъ рабочей партіи политическую тактику, самымъ рѣзкимъ образомъ расходящуюся съ той, которой придерживался Марксъ въ 1848 — 1849 гг. и которую онъ такъ блестяще развивалъ на страницахъ „Новой Рейнской Газеты".

Въ революціонный періодъ 1848 — 1849 гг. Марксъ работалъ въ органѣ демократіи и отстаивалъ общую политическую военную кампанію пролетаріата и буржуазіи противъ стараго порядка. Самымъ характернымъ политическимъ признакомъ взаимоотношенія различныхъ классовъ той эпохи служило то обстоятельство, что тогда и въ Англіи, и во Франціи, и въ Германіи либеральная и демократическая буржуазія стремилась по возможности сильнѣе *вовлечь* рабочій классъ въ борьбу съ феодальными классами, раскачать его, какъ могучій таранъ, для разрушенія стараго порядка. Но послѣ перваго революціоннаго штурма, послѣ того, какъ феодализму и абсолютизму (въ Германіи) были нанесены непоправимые уроны, и послѣ того, какъ выросла „красная“ опасность, политическое взаимоотношеніе между буржуазіей и пролетаріатомъ кореннымъ образомъ видоизмѣнилось—буржуазія вмѣсто того, чтобы вовлекать пролетаріатъ въ политическую борьбу, какъ она дѣлала до 1849 г., стала жестоко его преслѣдовать за эту самую политическую борьбу.

При такихъ условіяхъ приходилось, конечно, покинуть всякую надежду на возможность общей политической кампаніи буржуазіи и пролетаріата для *революціонной* войны со старымъ порядкомъ. Но перейти отсюда къ заключенію о необходимости поднять самостоятельное революціонное возстаніе пролетаріата можно было только при наличности у тогдашняго пролетаріата достаточныхъ для этого силъ, сознательности и боевой готовности.

Какъ это показываетъ знакомое намъ „Обращеніе Союза Коммунистовъ“, Марксъ въ началѣ 1850 года подпалъ подъ вліяніе тѣхъ иллюзій, за которыя судорожно держались многочисленные политическіе эмигранты, бѣжавшіе изъ Франціи въ Лондонъ. Революціонное движеніе 1848 — 1849 года создало обширный штатъ профессіональныхъ революціонеровъ, чувствовавшихъ себя внѣ революціонной стихіи, какъ рыба, выброшенная на сушу. А между тѣмъ свирѣпая контръ-революція выбросила этихъ революціонеровъ на мель и осудила ихъ на политическую безработицу. И чѣмъ тяжелѣе была безработица, тѣмъ судорожнѣе хватались безработные революціонеры за фразы и иллюзіи, тѣмъ безпробуднѣе отдавались они „чародѣйству *красныхъ* вымысловъ“.

Марксъ, очевидно, нѣкоторое время склоненъ былъ вѣрить этимъ иллюзіямъ эмигрантовъ, разсматривавшихъ революціонныя силы тогдашняго времени въ страшно увеличивающее стекло своего воображенія.

Но въ томъ же самомъ 1850 г., когда появилось редактированное Марксомъ и переполненное иллюзіями „Обращеніе Союза Коммунистовъ“, Марксъ пришелъ къ заключенію, что революціонный подъемъ 1848—1849 г. исчерпалъ всѣ свои силы и въ бли-

жайшемъ будущемъ никакого общаго революціоннаго возстанія ждать нельзя.

Въ статьяхъ „Новаго Рейнскаго Обозрѣнія“, которое издавалъ Марксъ въ Лондонѣ, этотъ новый реалистическій взглядъ на политическое положеніе нашелъ свое полное выраженіе, вызвавъ взрывъ негодованія среди профессіональныхъ революціонеровъ. Въ рецензіи на книгу Chenu „Les conspirateurs“, напечатанной въ „Новомъ Рейнскомъ Обозрѣніи“, Марксъ далъ блестящую характеристику профессіональнаго революціонера и революціоннаго авантюризма.

„Дѣло заговорщиковъ,—пишетъ въ этой рецензіи Марксъ,—заключается въ томъ, чтобы предвосхитить революціонный процессъ, искусственно привести его къ кризису, вызвать революцію раньше, чѣмъ будутъ созданы ея предпосылки. Единственнымъ условіемъ революціи является для нихъ соотвѣтствующая организація ихъ заговора. Они представляютъ изъ себя алхимиковъ революціи и вполнѣ раздѣляютъ путаницу идей и ограниченное застывшими представленіями мышленіе, характерное для старыхъ алхимиковъ. Они изощряются въ изобрѣтеніяхъ, которыя призваны совершить революціонныя чудеса: бомбы, адскія машины, обладающія магическимъ дѣйствіемъ, бунты, которые должны оказать тѣмъ болѣе чудесное и неожиданное вліяніе, чѣмъ менѣе раціональныхъ причинъ они имѣютъ за собою. Занятые подобнымъ прожектерствомъ, они имѣютъ въ виду лишь ближайшую цѣль, низверженіе существующаго правительства и при этомъ самымъ глубочайшимъ образомъ презираютъ теоретическое просвѣщеніе рабочихъ относительно ихъ классовыхъ интересовъ. Отсюда ихъ не пролетарская, а плебейская злоба къ habits noirs, т.-е. къ болѣе или менѣе образованнымъ людямъ, имѣющимъ въ виду эту сторону движенія“ [1].

Однимъ изъ главнѣйшихъ факторовъ, заставившихъ Маркса отказаться отъ иллюзій относительно возможности въ ближайшемъ будущемъ соціальной революціи, послужила его увѣренность, что промышленный кризисъ закончился и теперь наступаетъ періодъ сильнаго экономическаго подъема.

Уже въ письмѣ къ Марксу, которое намъ приходилось цитировать, Лассаль отмѣчаетъ наличность экономическаго подъема. Въ письмѣ отъ 24-го октября 1849 года Лассаль пишетъ Марксу: „Въ Бергскомъ округѣ наступило хорошее время для фабрикъ, фабриканты едва-едва успѣваютъ выполнять заказы; на Рейнѣ происходитъ то же самое, точно такъ же и въ Парижѣ, какъ я слышалъ“ [2]. Когда Лассаль писалъ эти строки, то и онъ, и— еще въ большей степени — Марксъ были убѣждены, что дѣло тутъ

---

1) Aus dem lit. Nachlass. Bd. III. 430 стр.
2) Ср. Письма Ф. Лассаля къ К. Марксу. Спб. 1905. Стр. 8.

идетъ о случайномъ и скоропреходящемъ явленіи, и что неминуемо и быстро разразится, или даже, точнѣе говоря, рѣзко обострится — ибо онъ уже существовалъ — промышленный кризисъ. Но уже въ политическомъ обзорѣ, помѣщенномъ въ „Новомъ Рейнскомъ Обозрѣніи", Марксъ отмѣчаетъ, что „во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что торговый кризисъ несравненно больше содѣйствовалъ революціямъ 1848 года, чѣмъ революція— торговому кризису. Въ періодъ между мартомъ и маемъ Англія уже извлекала непосредственную выгоду отъ революціи, привлекшей къ ней значительное количество континентальнаго капитала. Съ этого момента надо считать промышленный кризисъ здѣсь закончившимся; во всѣхъ отрасляхъ промышленности замѣчается улучшеніе, и новый промышленный циклъ обнаруживаетъ рѣшительную наклонность къ подъему".

И Марксъ далѣе доказываетъ, что этотъ промышленный подъемъ охватилъ всю Европу и, приводя въ доказательство цифрами засвидѣтельствованные факты, Марксъ дѣлаетъ общій выводъ:

„При такомъ общемъ подъемѣ, когда производительныя силы буржуазнаго общества такъ широко развиваются, какъ это только возможно при буржуазномъ строѣ, не можетъ быть рѣчи о дѣйствительной революціи. Подобная революція возможна только въ періоды, когда оба эти факторы, т. е. современныя производительныя силы и буржуазныя формы производства, вступятъ другъ съ другомъ въ противорѣчіе" [1]).

Реализмъ Маркса уже давно возстанавливалъ противъ него тѣхъ профессіональныхъ революціонеровъ - заговорщиковъ, которыхъ Марксъ такъ мѣтко охарактеризовалъ на страницахъ „Новаго Рейнскаго Обозрѣнія". Уже въ 1847 году революціонеры этого типа рѣзко обвиняли Маркса и его послѣдователей въ томъ, что они „портятъ" рабочихъ и „измѣняютъ революціи".

Въ концѣ 1847-го года, когда Марксъ жилъ въ Брюсселѣ, Бакунинъ писалъ о немъ Анненкову:

„Жизнь только тамъ, гдѣ есть строгій, безграничный и потому и нѣсколько неопредѣленный мистическій горизонтъ: право, мы всѣ почти ничего не знаемъ, живемъ въ живой сферѣ, окруженные чудесами, силами жизни, и каждый шагъ можетъ ихъ вызвать наружу безъ нашего вѣдома, и часто даже независимо отъ нашей воли... Марксъ treibt hier dieselbe eitle Wirtschaft wie vorher, портитъ работниковъ, дѣлая изъ нихъ резонеровъ. То же самое теоретическое сумасшествіе и неудовлетворенное, недовольное собою самодовольствіе" [2]).

---

[1]) Ibid., 467.

[2]) Ср. П. В. Анненковъ и его друзья. Литературныя воспоминанія и переписка. Спб. 1892. Стр. 620—622.

Когда Марксъ въ 1850 г. усвоилъ себѣ вполнѣ реалистическій взглядъ на политическое положеніе всей Европы, придя къ заключенію, что революціи ждать неоткуда, то его слова въ разгоряченной атмосферѣ политической эмиграціи дѣйствовали, какъ ледяная струя. Революціонеры, всѣ помыслы и упованія которыхъ держались и падали въ зависимости отъ того, будетъ или не будетъ въ самомъ ближайшемъ будущемъ революція, жестоко ополчились на Маркса, и между Марксомъ и его единомышленниками, съ одной стороны, и остальною эмиграціей—съ другой, очень скоро установились въ Лондонѣ крайне обостренныя отношенія. Борьба между реалистическими и утопическими элементами проникла и въ „Союзъ Коммунистовъ". Часть членовъ этого союза подъ главенствомъ Виллиха и Шапера повела жестокую войну съ Марксомъ и его единомышленниками. Шаперъ и Виллихъ рѣзко обвиняли Маркса въ томъ, что онъ измѣнилъ революціи и сталъ постепеновцемъ, что онъ стремится къ собственной диктатурѣ и глядитъ на рабочихъ, какъ на нулей, получающихъ значеніе лишь тогда, когда впереди становится единица—вожакъ. Борьба эта въ затхлой атмосферѣ эмиграціи быстро разрослась и приняла уродливыя формы личныхъ дрязгъ и даже подтасовокъ, но эти дрязги, конечно, не исчерпывали ея сущности. Въ междуфракціонной борьбѣ „Союза Коммунистовъ" рѣзко столкнулись другъ съ другомъ два совершенно различныхъ типа революціонеровъ. Марксъ олицетворялъ тотъ типъ революціонеровъ-реалистовъ, которые опирали всю свою дѣятельность и всѣ свои разсчеты на ростъ сознательности и организованности широкой рабочей массы, ставя революціонное возстаніе въ зависимость отъ сложнаго переплета соціально-экономическихъ условій текущей дѣйствительности.

Виллихъ же олицетворялъ собою типъ революціонеровъ-утопистовъ, разсчитывавшихъ на силы и мужество группы революціонеровъ и убѣжденныхъ, что при хорошей организаціи храбрыхъ революціонеровъ-заговорщиковъ можно всегда поднять революціонное возстаніе.

На засѣданіи центральнаго комитета „Союза Коммунистовъ", происходившемъ 15 сентября 1850 г., Марксъ очень мѣтко охарактеризовалъ антагонизмъ двухъ теченій: „На мѣсто критическаго воззрѣнія,—говорилъ Марксъ,—меньшинство ставитъ догматическое, на мѣсто матеріалистическаго—идеалистическое. Вмѣсто дѣйствительныхъ отношеній двигателемъ революціи является для него одна воля. Мы говоримъ рабочимъ: вы должны 15, 20, 50 лѣтъ вести междоусобныя и международныя войны не только для того, чтобы измѣнить внѣшнія условія, но и для того, чтобы измѣнить самихъ себя и сдѣлать себя способными къ политическому господству; вы, наоборотъ, говорите: мы должны сейчасъ же достигнуть власти, иначе мы можемъ ложиться спать. Въ то

время, какъ мы указываемъ спеціально нѣмецкимъ рабочимъ на неразвитое состояніе нѣмецкаго пролетаріата, вы самымъ грубымъ образомъ льстите національному чувству и сословнымъ предразсудкамъ нѣмецкихъ ремесленниковъ, что, конечно, популярнѣе. Подобно тому, какъ демократы превратили слово *народъ* въ какое-то священное существо, такъ вы дѣлаете имъ слово *пролетаріатъ*. Подобно демократіи, вы подсовываете на мѣсто революціоннаго развитія революціонную фразу"[1]).

Эти два типа революціонеровъ были слишкомъ противоположны для того, чтобы возможна была ихъ совмѣстная дружная дѣятельность въ рамкахъ одной и той же организаціи. „Союзъ Коммунистовъ" неизбѣжно долженъ былъ распасться на двѣ обособленныя и враждующія фракціи. Такъ оно и случилось, и очень скоро вмѣсто единаго „Союза Коммунистовъ" появились двѣ фракціи—Маркса и Энгельса, съ одной стороны, Виллиха и Шапера—съ другой [2]).

Центральный комитетъ „Союза Коммунистовъ" большинствомъ голосовъ примкнулъ къ фракціи Маркса и Энгельса, но Виллихъ и Шаперъ созвали собраніе членовъ лондонскаго союза въ количествѣ 40 своихъ сторонниковъ и постановили считать всю „клику Маркса—Энгельса" исключенной изъ партіи. Была принята слѣдующая резолюція:

„Принимая во вниманіе, что необходимы энергичныя мѣропріятія;

принимая во вниманіе, что необходимо возстановить прочную организацію союза для того, чтобы при ближайшей пролетарской революціи во Франціи и Германіи не только устраивать оппозицію и издавать газеты, но чтобы нѣмецкій пролетаріатъ забралъ дѣло въ свои руки и достигъ господства,—если же этого не случится, то вина должна пасть на насъ;

принимая во вниманіе, что Марксъ и Энгельсъ избрали группу полу-литераторовъ, чтобы превратить ее въ своихъ личныхъ сторонниковъ и фанатизировать мечтаніями о ихъ будущей политической власти;

принимая во вниманіе, что Марксъ и Энгельсъ стремятся такимъ путемъ превратить союзъ въ орудіе личной власти, совершенно игнорируя его, поскольку онъ не можетъ быть имъ непосредственно полезенъ.—Доказательствомъ можетъ служить 1848 г., когда Марксъ и Энгельсъ въ Кельнѣ свое званіе членовъ центральнаго комитета промѣняли на мѣсто редакторовъ „Новой Рейнской Газеты" и т. д. и т. д.

Собраніе союза постановило исключить Маркса, Энгельса и

---

[1]) Ср. Ф. Мерингъ. Исторія нѣмецкой соціалъ-демократіи. Т. II-ой. Москва. 1906. Стр. 190.

[2]) Объ этихъ двухъ фракціяхъ и ихъ борьбѣ см. подробнѣе—Georg Adler.

ихъ единомышленниковъ изъ числа членовъ „Союза Коммунистовъ“. Но въ то время, какъ заграничная организація „Союза Коммунистовъ“ большинствомъ голосовъ исключила изъ числа своихъ членовъ Маркса и Энгельса, кельнская центральная организація, наоборотъ, стала въ этомъ конфликтѣ на сторону Маркса и имъ руководимой фракціи и исключила изъ числа членовъ союза Виллиха, Шапера и ихъ друзей.

Каждая фракція считала себя представительницей законнаго большинства, а другую фракцію — представительницей насильственнаго меньшинства.

Эти нескончаемые дрязги и расколы въ средѣ политической эмиграціи Лондона очень скоро надоѣли Марксу, и онъ все болѣе и болѣе сторонился отъ участія въ эмигрантской жизни, отгораживаясь какъ отъ „непримиримыхъ революціонеровъ“, воображавшихъ, что не сегодня-завтра они вызовутъ всеобщую соціальную революцію, такъ и отъ буржуазной эмиграціи, не хотѣвшей слышать ни о какой классовой борьбѣ и сурово осуждавшей „вредныхъ доктринеровъ“, вносящихъ классовую рознь во единую армію „обще-человѣческаго“ освободительнаго движенія.

Марксъ поддерживалъ постоянную связь съ нѣмецкимъ рабочимъ движеніемъ какъ черезъ посредство „Союза Коммунистовъ“, такъ и путемъ переписки съ вождями тогдашняго нѣмецкаго движенія и въ частности съ Лассалемъ.

Германія переживала тогда время гнетущей реакціи. Мрачная и тяжелая сама по себѣ, она казалась еще мрачнѣй и переносилась еще тяжелѣй, какъ контрастъ съ только что минувшими днями могучаго революціоннаго подъема. Какъ сильна, однако, ни была реакція, какъ презрительно ни третировала она всю послѣреволюціонную эпоху, какъ безцеремонно ни отбирала она ея завоеванія, все же возвратъ абсолютизма былъ уже невозможенъ. И сила реакціи заключалась въ томъ, что нѣмецкое правительство, несмотря на всѣ свои абсолютистскія поползновенія, примирилось, однако, съ фактомъ своего конституціоннаго грѣхопаденія и тѣмъ самымъ примирило съ собою значительную часть буржуазіи. Матеріальныя дѣла буржуазіи шли отлично, во всѣхъ отрасляхъ торговли и промышленности замѣчался сильный подъемъ; крупная буржуазія хлопотливо тянулась за аристократіей и старалась не отстать отъ послѣдней по роскоши и блеску жизни. Буржуазія охотно сорила деньгами на „представительство“ для того, чтобы сблизиться съ аристократіей, стать съ ней на одну ногу, быть ею принятой. Если въ предреволюціонную эпоху значительная часть богатой буржуазіи будировала противъ аристократіи и охотно на показъ браталась съ „народомъ“ и въ частности съ пролетаріатомъ, то теперь она опасливо и надменно сторонилась отъ послѣдняго и съ заискивающей улыбкой шла навстрѣчу аристократіи.

Въ эту эпоху сильнаго экономическаго подъема и политическаго упадка соціальное движеніе Германіи все болѣе становилось подъ знакъ экономики. Блестящія дѣла, которыя она дѣлала въ настоящемъ, и неиріятнѣйшія восиоминанія о недавнихъ „экцессахъ“ революціоннаго движенія заставляли буржуазію сторониться политической работы и сосредоточивать свою дѣятельность на расширеніи хозяйственныхъ предпріятій.

То же стремленіе перейти къ экономической организаціи стало все сильнѣе замѣчаться и въ средѣ нѣмецкихъ рабочихъ и ремесленниковъ. Товарищескія организаціи для учрежденія мелкаго кредита и закупки сырья стали широко распространяться, найдя неутомимаго и наивнаго проповѣдника въ лицѣ Шульце-Делича. Носясь съ утопической цѣлью „излѣчить“ нынѣшній соціальный строй съ помощью устройства кредитныхъ товариществъ и товариществъ для закупки сырья, Шульце-Деличъ сумѣлъ, однако, вызвать сильное движеніе среди нѣмецкихъ ремесленниковъ и рабочихъ. И онъ, дѣйствительно, оказалъ имъ очень большую услугу, побудивъ ихъ сорганизоваться и добиться кое-какихъ реальныхъ улучшеній своего быта. Марксъ, жившій въ изгнаніи, не падалъ духомъ, хотя, какъ мы увидимъ, у него было достаточно и субъективныхъ, и объективныхъ причинъ для тяжелаго унынія. За какіе-нибудь полтора-два года общая физіономія соціальнаго движенія Европы рѣзко измѣнилась. Приходилось не только похоронить надежды на близость общей соціальной революціи,—приходилось съ тяжелымъ сердцемъ признать, что въ настоящее время неоткуда ждать широкой поддержки своимъ идеямъ, приходилось уповать лишь на будущее.

Тяжело себя чувствовали не только Марксъ и его единомышленники, заброшенные въ изгнаніе и отрѣзанные отъ родины, въ которой творились невеселыя вещи: тяжело и тоскливо жилось и такимъ единомышленникамъ Маркса, какъ геніальный Лассаль, съ его кипучей дѣятельностью, неугасаемой вѣрой въ неминуемое торжество своего идеала, гордымъ и несгибаемымъ соціальнымъ идеализмомъ.

Въ письмахъ Лассаля къ Марксу, относящихся къ пятидесятымъ годамъ, годамъ не только правительственной, но и общественной реакціи, несмотря на всю ихъ гордую и растущую вѣру въ конечное торжество его идей, однако, то и дѣло звучатъ грустныя и тоскливыя ноты. Дѣятельность Лассаля была сильно отравлена сворой шпіоновъ-ищеекъ, окружена атмосферой дрязгъ и подсиживаній. Но его угнетало не это и не *правительственный* гнетъ, а тяжелая *общественная* реакція.

„Ахъ, не вы изгнаны,—пишетъ Марксу Лассаль,—изгнанъ я! Ибо васъ, старыхъ товарищей по борьбѣ и убѣжденіямъ, собралось все-таки много въ одномъ городѣ! Между тѣмъ я живу въ эти годы такъ одиноко, столь оторваннымъ отъ прежнихъ братьевъ

по оружію, послѣднимъ могиканомъ, какъ я назвалъ себя въ припадкѣ сентиментальности. Это, дѣйствительно, очень тяжело. Если оставить въ сторонѣ рабочій классъ, который не только сохранилъ здоровымъ и свѣжимъ свой умъ и свое сердце, но даже очень развился съ тѣхъ поръ, то между такъ называемыми „образованными“ людьми все еще—и даже больше, чѣмъ когда-либо—господствуетъ та же трусость, тотъ же страхъ, та же привычка прятаться, что и раньше“.

Только вѣра въ непоколебимый и непобѣдимый идеализмъ сознательныхъ рабочихъ спасала Маркса и Лассаля отъ отчаянія и апатіи. Годы реакціи не только не задушили въ передовыхъ рядахъ нѣмецкаго пролетаріата стремленія къ развитію своего классоваго самосознанія, но до нѣкоторой степени даже усилили его

Въ одномъ изъ своихъ писемъ отъ 24-го іюня 1852 года Лассаль пишетъ объ этомъ: „Что касается пролетаріата, то здѣсь, повидимому, въ широкихъ кругахъ происходитъ движеніе, которое Гегель назвалъ бы „самоуглубленіемъ“. Рабочій классъ, очевидно, намѣренъ въ большомъ масштабѣ и въ широкихъ размѣрахъ, пользуясь политическимъ затишьемъ, сжиться со своимъ внутреннимъ содержаніемъ, проникнуться сознаніемъ его и такимъ образомъ укрѣпиться. Современныя политическія обстоятельства приводятъ рабочихъ гораздо меньше въ уныніе, гораздо меньше давятъ на нихъ, чѣмъ на буржуа; они теряютъ отъ этого меньше мужества, потому что они и безъ того знаютъ, что не могутъ въ самомъ ближайшемъ времени предъявить никакихъ претензій, а съ другой стороны, они инстинктивно чувствуютъ, что чѣмъ дольше продолжится абсолютизмъ, тѣмъ болѣе сократится непосредственно классовое господство буржуазіи. Такимъ образомъ, рабочіе употребляютъ этотъ промежутокъ времени на то, чтобы съ своей стороны насколько возможно живо проникнуться своимъ классовымъ самосознаніемъ, выяснить себѣ всесторонне понятіе рабочаго класса и развить теоретически вытекающія изъ него слѣдствія... Если не ошибаюсь, настоящая нѣмецкая рабочая партія родится какъ разъ во время этой кажущейся мертвой тишины“.

Тому „самоуглубленію“ рабочаго класса, тому проясненію его классоваго сознанія, о которыхъ говоритъ въ своемъ письмѣ Лассаль, было посвящено почти все время Маркса въ эпоху реакціи. Отрѣзанный отъ возможности участія въ практической жизни своей родной страны, Марксъ ушелъ въ теоретическую разработку основныхъ проблемъ, связанныхъ съ рабочимъ движеніемъ. Онъ погрузился въ богатства Британскаго Музея, и въ ту эпоху, когда реакція мрачно торжествовала свою побѣду, когда она считала рабочій классъ окончательно разбитымъ и обезсиленнымъ, въ эту эпоху могучими взмахами геніальной мысли выковывались сильнѣйшія, надежнѣйшія оружія пролетарскаго движенія.

„Новое Рейнское Обозрѣніе“, которое Марксъ издавалъ въ Лондонѣ, начало выходить тогда, когда иллюзіи Маркса относительно неизбѣжности въ ближайшемъ будущемъ общей соціальной революціи находились въ зенитѣ, но послѣдній выпускъ этого обозрѣнія уже ликвидировалъ періодъ иллюзій и народился подъ знакомъ политическаго реализма.

Что касается общихъ соціально-политическихъ идей, которыя развивали на страницахъ „Новаго Рейнскаго Обозрѣнія“ Марксъ и Энгельсъ, то для сужденія о нихъ мы имѣемъ лишь интересную въ этомъ отношеніи статью Энгельса о десятичасовомъ рабочемъ днѣ. Эта статья Энгельса еще пропитана утопизмомъ, заставившимъ его съ отрицаніемъ относиться къ возможности широкихъ соціальныхъ реформъ и утверждать, что соціальная реформа возможна только при помощи соціальной революціи. Это рѣзкое противопоставленіе соціальной реформы и соціальной революціи, это пониманіе соціальныхъ реформъ, какъ слѣдствія, вытекающаго изъ соціальной революціи, вмѣсто разсмотрѣнія ихъ, какъ знаменія совершающейся соціальной революціи, составляетъ отличительный признакъ утопизма и всецѣло проникаетъ статью Энгельса, заканчивающуюся характерными словами: „Единственное разрѣшеніе вопроса о десятичасовомъ рабочемъ днѣ, какъ и вообще всѣхъ вопросовъ, касающихся противорѣчія между капиталомъ и наемнымъ трудомъ, заключается въ пролетарской революціи“ [1]).

Статья Энгельса о десятичасовомъ рабочемъ днѣ, обсуждавшемся тогда въ англійскомъ парламентѣ, еще всецѣло проникнута тѣмъ воззрѣніемъ, что капиталистическое развитіе не можетъ вмѣстить въ себя соціальныя реформы, и что проведеніе этихъ реформъ въ рамкахъ капиталистическаго хозяйства неизбѣжно должно тормазить, замедлять ходъ экономическаго развитія страны и тѣмъ самымъ отдалять наступленіе соціалистическаго строя.

Билль о десятичасовомъ рабочемъ днѣ, говоритъ Ф. Энгельсъ, „въ значительной степени тормазитъ быстрый ростъ богатства, вліятельности, общественной и политической власти фабрикантовъ, и въ то же самое время рабочему классу этотъ билль сулитъ лишь матеріальныя и даже исключительно физическія выгоды. Онъ охраняетъ здоровье рабочихъ отъ слишкомъ быстраго разрушенія. Но онъ не даетъ имъ въ руки ничего такого, что дѣлало бы ихъ опасными для ихъ реакціонныхъ союзниковъ (т. е. земельной аристократіи, отстаивавшей десятичасовой билль въ пику фабрикантамъ. *П. Б.)*. Этотъ билль не даетъ рабочимъ политической власти и не улучшаетъ ихъ положенія въ качествѣ наемныхъ рабочихъ“ [2]).

---

[1]) Aus den literar. Nachlass. Band. III, стр. 395.

[2]) Ibid. Стр. 386.

Десятичасовой рабочій день, говоритъ далѣе Энгельсъ, „накладываетъ невыносимыя оковы на промышленность, нуждающуюся теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, въ полной независимости, въ неограниченнѣйшемъ распоряженіи всѣми своими рессурсами. Что сдѣлается съ промышленностью въ ближайшій же кризисъ, если ей не дадутъ возможности во-всю использовать кратковременный періодъ подъема? Десятичасовой рабочій день долженъ быть отмѣненъ, и если не удастся отмѣнить его съ помощью парламентскаго постановленія, то должны будутъ постараться обойти его на дѣлѣ" [1]).

„Возстановленіе этого билля имѣло бы смыслъ,—говоритъ далѣе Энгельсъ,—лишь при господствѣ всеобщаго избирательнаго права, а всеобщее избирательное право въ такой странѣ, какъ Англія, на двѣ трети населенной промышленнымъ пролетаріатомъ, означаетъ исключительное политическое господство рабочаго класса, со всѣми неразрывно связанными съ этимъ революціонными измѣненіями общественнаго строя" [2]).

Статья Энгельса даетъ цѣнный матеріалъ для духовной автобіографіи марксизма. Она показываетъ, что въ эту эпоху (1850 г.) Энгельсъ еще былъ убѣжденъ, что задача рабочаго класса по отношенію къ экономической организаціи и по отношенію къ изученію ихъ матеріальнаго быта, по отношенію къ капитализму вообще—должна держаться лишь пассивнаго пароля: „что дѣлаешь—дѣлай скорѣй". Энгельсъ былъ убѣжденъ, что безпрепятственное развитіе капиталистическаго развитія быстро разложитъ все современное общество на его простѣйшіе соціальные элементы—необъятную массу пролетаріата и пролетаризированнаго мелкаго собственника, съ одной стороны, и ничтожную по численности группу богатой и зажиточной буржуазіи—съ другой. Дѣло рабочей партіи должно было заключаться въ томъ, чтобы политически организовывать все растущую массу пролетаріата и зажигать въ его сердцахъ и головахъ идею - силу классоваго сознанія. Рабочая партія должна была при этомъ вести неустанную борьбу за демократизацію политическаго строя страны, за завоеваніе рабочими широкихъ политическихъ правъ. Разъ ходъ экономическаго развитія превратитъ большинство населенія въ пролетаріевъ, разъ, съ другой стороны, пролетаріи добьются политическаго равноправія и въ томъ числѣ всеобщаго избирательнаго права, тогда вся государственная машина неизбѣжно окажется въ рукахъ пролетаріата, и съ ея помощью совершится политическій переворотъ.

Энгельсъ, какъ показываютъ приведенныя нами выше его слова, былъ глубоко убѣжденъ, что въ Англіи 1850 г. введеніе

---

[1]) Ibid. Стр. 391.
[2]) Ibid. Стр. 393.

всеобщаго избирательнаго права отдало бы государственную власть въ руки пролетаріевъ, а это неизбѣжно вызвало бы полный соціалистическій переворотъ.

Въ предшествующихъ очеркахъ мы уже достаточно выяснили какъ источникъ, такъ и характеръ сильной переоцѣнки Марксомъ и Энгельсомъ быстроты развитія крупно-капиталистическаго строя и гибели мелкихъ формъ хозяйства,—здѣсь же мы отмѣтимъ, что,—какъ это ясно показываютъ приведенныя слова,— Энгельсъ сильно увлекался въ ту эпоху бланкизмомъ. Что и Марксъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ Бланки, показываютъ, помимо общаго характера многихъ статей Маркса, относящихся къ изучаемой эпохѣ, его слова въ „Восемнадцатомъ Брюмера" (1852 г.): „День 15 мая, какъ извѣстно, привелъ лишь къ устраненію съ общественной арены, на все время борьбы Бланки и его единомышленниковъ, т. е. истинныхъ вождей пролетаріата" [1].

Послѣ прекращенія „Новаго Рейнскаго Обозрѣнія" Марксъ горячо отдался литературной дѣятельности и научнымъ работамъ. Имъ была написана блестящая историческая монографія „18-е Брюмера Луи-Бонапарта", появившаяся во второмъ номерѣ журнала „Die Revolution", издававшагося въ Бостонѣ въ 1852 г. однимъ изъ друзей Маркса, Вейдемейеромъ.

Въ этой монографіи Марксъ, идя по горячимъ еще слѣдамъ событій французской современности, мастерски вскрылъ скрытыя движущія пружины этихъ событій и примѣнилъ историческій матеріализмъ къ объясненію одного изъ самыхъ интересныхъ періодовъ въ исторіи Франціи.

Въ самомъ началѣ своей монографіи Марксъ писалъ: „Люди дѣлаютъ свою собственную исторію, но они ее дѣлаютъ не самопроизвольно,—имъ приходится дѣйствовать не при обстоятельствахъ, выбранныхъ ими самими, а при обстоятельствахъ, независящихъ отъ ихъ выбора, непосредственно ихъ окружающихъ и унаслѣдованныхъ" [2].

Эти слова Маркса должны были оказать глубокое вліяніе въ въ ту эпоху, когда революціонеры 1848—1849 годовъ никакъ не могли освоиться съ тѣмъ фактомъ, что имъ приходится дѣйствовать „при обстоятельствахъ, независящихъ отъ ихъ выбора".

Въ „Восемнадцатомъ Брюмера" Марксъ далъ превосходный образецъ примѣненія метода историческаго матеріализма къ объясненію историческихъ событій. Изучая чрезвычайно запутанную и сложную борьбу направленій, партій и классовъ въ эпоху революціи 1848 г. и послѣдовавшей затѣмъ контръ-революціи, Марксъ мастерски распутываетъ всю пеструю ткань событій и обнажаетъ

---

[1]) Ср. Карлъ Марксъ. „Восемнадцатое Брюмера Луи-Бонапарта". Пер. съ нѣм. Спб. 1906. Изд. Львовича. Стр. 15.

[2]) Ibid. Стр. 6.

передъ нами ту соціальную основу, на которой фразеологія партій вышивала такіе пестрые и подчасъ неожиданные узоры.

Сущность своей методологической точки зрѣнія Марксъ сжато излагаетъ при этомъ въ слѣдующихъ блестящихъ словахъ:

„На различныхъ формахъ собственности, на соціальныхъ условіяхъ существованія возвышается цѣлая надстройка различныхъ и своеобразныхъ чувствъ, иллюзій, понятій и міровоззрѣній. Весь классъ творитъ и формируетъ все это на почвѣ своихъ матеріальныхъ условій и соотвѣтственныхъ общественныхъ отношеній. Отдѣльный индивидуумъ, получая свои чувства и взгляды путемъ традиціи и воспитанія, можетъ воображать, будто они-то и образуютъ дѣйствительные мотивы и исходную точку его дѣятельности... Если въ обыденной жизни различаютъ между тѣмъ, что человѣкъ думаетъ и говоритъ о себѣ, и тѣмъ, что онъ есть и дѣлаетъ на самомъ дѣлѣ, то еще болѣе слѣдуетъ различать въ исторической борьбѣ между фразами и иллюзіями партій и ихъ дѣйствительными интересами, между ихъ представленіемъ о себѣ и ихъ реальной природой".

При этомъ Марксъ нисколько не игнорируетъ значенія этихъ „фразъ и иллюзій". Разоблачая эти фразы и иллюзіи, вскрывая ту основную ткань историческаго процесса, которую они покрывали своими причудливыми узорами, Марксъ при этомъ всегда показываетъ, что все это не мѣшало этимъ фразамъ и иллюзіямъ играть важную историческую роль.

„Преданія всѣхъ мертвыхъ поколѣній,—говорилъ Марксъ,—тяготѣютъ кошмаромъ на умахъ живыхъ. Какъ разъ тогда, когда люди, повидимому, только тѣмъ и заняты, что передѣлываютъ себя и окружающее, создаютъ нѣчто совершенно небывалое,—какъ разъ въ такія эпохи революціонныхъ кризисовъ они заботливо вызываютъ къ себѣ на помощь духовъ прошедшаго, заимствуютъ у нихъ имена, боевые лозунги, костюмъ, и въ освященномъ древностью нарядѣ, на чуждомъ языкѣ разыгрываютъ новую сцену всемірной исторіи".

И Марксъ затѣмъ горячо призываетъ пролетаріатъ сбросить съ себя иго прошлаго, сбросить съ себя ветхаго человѣка, „кошмаръ мертвыхъ поколѣній". И Марксъ противопоставляетъ въ этомъ отношеніи буржуазную революцію пролетарской.

„Соціальная революція девятнадцатаго столѣтія,—говоритъ Марксъ,—не можетъ черпать свою поэзію изъ прошлаго: она должна черпать ее изъ будущаго. Она не можетъ стать самой собой, не отказавшись отъ всякаго суевѣрнаго почитанія старины. Прежнимъ революціямъ необходимы были всемірно-историческія воспоминанія о прошедшемъ, чтобы заглушить въ себѣ мысль о собственномъ содержаніи. Революція девятнадцатаго столѣтія должна предоставить мертвымъ хоронить своихъ мертвыхъ, чтобы уяснить себѣ собственное содержаніе. Тамъ фраза преобладала

надъ содержаніемъ, здѣсь содержаніе преобладаетъ надъ фразой".

Годы реакціи позволили Марксу вновь вернуться къ усерднымъ занятіямъ политической экономіей. Плодомъ этихъ занятій явилось (въ 1859 г.) сочиненіе „Къ критикѣ политической экономіи".

Марксъ предпослалъ этой книгѣ замѣчательное предисловіе, дающее очень цѣнный матеріалъ для уясненія хода развитія идей К. Маркса и содержащее классическую формулировку основныхъ идей историческаго матеріализма.

„Въ общественномъ отправленіи своей жизни,—пишетъ К. Марксъ въ предисловіи,—люди вступаютъ въ опредѣленныя, отъ ихъ воли независящія отношенія—производственныя отношенія, которыя соотвѣтствуютъ опредѣленной ступени развитія ихъ матеріальныхъ производительныхъ силъ. Совокупность этихъ производственныхъ отношеній образуетъ экономическую структуру общества, реальное основаніе, на которомъ возвышается правовая и политическая надстройка и которому соотвѣтствуютъ опредѣленныя формы общественнаго сознанія.

„Способъ производства матеріальной жизни обусловливаетъ собою процессъ жизни соціальной, политической и духовной вообще. Не сознаніе людей опредѣляетъ ихъ бытіе, но, напротивъ, общественное бытіе опредѣляетъ ихъ сознаніе. На извѣстной ступени своего развитія матеріальныя производительныя силы общества впадаютъ въ противорѣчіе съ существующими производственными отношеніями или, употребляя юридическое выраженіе, съ имущественными отношеніями, внутри которыхъ онѣ до сихъ поръ дѣйствовали. Изъ формъ развитія производительныхъ силъ эти отношенія становятся ихъ оковами. Тогда наступаетъ эпоха соціальной революціи. Съ измѣненіемъ экономическаго основанія болѣе или менѣе быстро преобразуется и вся громадная надстройка надъ нимъ" [1]).

Уже въ „Нищетѣ философіи" Марксъ изложилъ основныя воззрѣнія своей экономической теоріи, но, какъ мы уже указывали, здѣсь при изложеніи своей теоріи трудовой цѣнности Марксъ еще не освободился отъ унаслѣдованнаго отъ классиковъ-экономистовъ нечленораздѣльнаго воззрѣнія на „трудъ", т. е. отъ нерасчлененія его на „трудъ" и „рабочую силу". Въ „Критикѣ политической экономіи" мы находимъ уже вполнѣ обоснованными и точно формулированными всѣ основныя экономическія идеи Маркса.

Центральное мѣсто удѣлено анализу денегъ и денежнаго обращенія, т. е. тѣмъ экономическимъ понятіямъ, которыя вызывали и вызываютъ наибольшую путаницу въ головахъ ученыхъ и неученыхъ людей. Въ „Критикѣ политической экономіи"

---

[1]) К. Марксъ. „Къ критикѣ политической экономіи". Спб. 1907. Стр. 33.

Марксъ разсѣялъ тотъ мистическій туманъ, который, казалось, тѣмъ болѣе сгущался вокругъ вопроса о деньгахъ, чѣмъ больше объ этомъ вопросѣ писали.

Разсѣять этотъ туманъ Марксъ могъ только съ помощью своего основнаго метода — разсматриванія экономическихъ категорій, какъ формулировки того взаимоотношенія, въ которое становятся люди въ процессѣ развитія производительныхъ силъ.

Смѣясь надъ экономистами, разсматривавшими хозяйственныя явленія не какъ отношенія людей, а какъ внутреннія свойства вещей, Марксъ ясно и разъ навсегда показалъ, что этотъ фетишизмъ порождается товарнымъ производствомъ и что только его ниспроверженіе открываетъ возможность научнаго анализа основныхъ экономическихъ явленій.

Марксъ въ этомъ сочиненіи окончательно вступилъ въ наслѣдство классической политической экономіи и довелъ до ихъ логическаго заключенія основныя посылки Рикардо. Эти громадныя научныя заслуги книги Маркса находились въ обратно-пропорціональномъ отношеніи къ успѣху, который имѣла его книга. Можно смѣло сказать, что книга Маркса не только не имѣла успѣха, но и почти не была замѣчена; лишь кучка близкихъ друзей прочла и поняла ее.

Если въ рабочемъ классѣ Германіи въ пятидесятые годы мощно просыпалось стремленіе къ самосознанію, къ разработкѣ и уясненію теоріи, освѣщающей и освящающей практику, то въ средѣ нѣмецкой буржуазіи пятидесятыхъ годовъ, наоборотъ, рѣзко преобладало „трезвенное“, прѣсно-практическое направленіе, съ насмѣшливою и лѣнивою улыбкою смотрѣвшее на всѣ „теоріи“ соціальныхъ „мечтателей“.

Въ настроеніи нѣмецкаго „образованнаго“ общества революція 1848-го года произвела рѣзкій переломъ. Если до этой революціи буржуазная интеллигенція Германіи обнаруживала живой и ростущій интересъ ко всѣмъ новымъ словамъ и вѣяніямъ въ области соціальныхъ вопросовъ, если она съ интересомъ слѣдила за соціалистической литературой и даже очень охотно причисляла себя къ числу соціалистовъ, то послѣ революціи и съ наступленіемъ реакціи она рѣшительно отвернулась отъ всякихъ соціалистическихъ увлеченій. Путемъ строгаго воздержанія отъ всякихъ мудрствованій на соціальныя темы, путемъ придерживанія „правильнаго“ образа мысли, ни въ чемъ не нарушающаго требованія буржуазнаго режима, нѣмецкая интеллигенція покрывала „соціалистическіе“ грѣхи своей молодости.

Въ офиціальной политической наукѣ Германіи воцарилась историческая школа съ Рошеромъ во главѣ, очень основательно отбивавшая у юнаго поколѣнія всякій вкусъ къ теоретическимъ построеніямъ и успѣшно привившая ему стремленіе къ научному коллекціонерству.

Такое настроеніе интеллигентной Германіи весьма мало благопріятствовало успѣху книги Маркса или хотя бы внимательному къ ней отношенію. Къ тому же книга вѣдь была написана *Марксомъ*, т.-е. человѣкомъ, къ которому нѣмецкая буржуазія питала неподдѣльную и неутолимую ненависть и которато она усердно травила на страницахъ „Національной Газеты" и другихъ своихъ лейбъ-органовъ.

Съ другой же стороны, сколько-нибудь широкая аудиторія изъ пролетарской среды для такихъ серьезныхъ и трудныхъ сочиненій, какъ „Къ критикѣ политической экономіи" въ пятидесятые годы еще не народилась въ Германіи.

Положеніе Маркса было до крайности тяжелое. Вынужденный добывать средства къ существованію, онъ занимался сотрудничествомъ въ американскихъ и англійскихъ газетахъ. Но это сотрудничество не давало ему, конечно, ни моральнаго, ни матеріальнаго удовлетворенія. Матеріальный вопросъ всегда остро стоялъ передъ нимъ и непрестанно отвлекалъ его мысль въ сторону изысканія средствъ существованія.

Германскій литературный рынокъ былъ почти закрытъ для Маркса, былъ закрытъ не только для публицистическихъ работъ, но и для серьезныхъ научныхъ. Соціалистическихъ издательствъ тогда еще почти что не было, а буржуазныя фирмы и слышать не хотѣли объ изданіи сочиненій такого неисправимаго революціонера, какъ Марксъ.

Уже въ 1852 году Марксъ пишетъ: „Въ Германіи теперь ни одно книгоиздательство не рѣшится печатать что-нибудь, написанное мною. Такимъ образомъ,остается только издать на свой счетъ, что для меня при моихъ теперешнихъ обстоятельствахъ является невозможнымъ".

Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Марксу Лассаль съ негодованіемъ говоритъ объ интеллектуальномъ упадкѣ нѣмецкой буржуазной прессы послѣ революціи:

„О, наша полиція, что тамъ не говори, и та гораздо болѣе либеральное учрежденіе, чѣмъ наша пресса! Это — я дѣйствительно не знаю другого выраженія для нея—это настоящая...

„Какъ выступить противъ этого своекорыстнаго молчанія, противъ этого молчаливаго заговора всѣхъ? Pas possible! У нихъ не осталось больше ни совѣсти, ни стыда! Все, что не подходитъ къ дорогой ихъ интересамъ мелочной торговлѣ,—обо всемъ этомъ memento mori. Траппистъ не можетъ быть безмолвнымъ. О, когда у насъ еще была цензура и все было еще въ наивномъ состояніи, тогда было золотое время! Теперь полицейскій духъ и общій сервилизмъ перешелъ въ самую прессу, и, конечно, нѣтъ надобности ни въ какой полиціи противъ нихъ; это они и называютъ „свободой прессы". Если же кому-нибудь придетъ въ голову сдѣлать все-таки какую-нибудь замѣтку по поводу изложеннаго

тобою, то это будетъ еще хуже, чѣмъ если бы этого не было. Вѣдь тогда тебя заставятъ говорить нѣчто такое, чего ты *совсѣмъ не говорилъ*".

Травля буржуазной прессы, матеріальныя невзгоды, тяжелыя семейныя несчастья и отсутствіе возможности примѣнять свои литературныя силы такъ и тамъ, какъ и гдѣ хотѣлось, не мало крови испортили Марксу и не разъ нагоняли на него тяжелое настроеніе. Но это тяжелое настроеніе разсѣивалось, какъ ночь на разсвѣтѣ дня, когда передъ духовнымъ взоромъ Маркса разстилалась грандіозная перспектива „идеи четвертаго сословія".

Тогда разсѣивалось мрачное настроеніе, и Марксъ вновь чувствовалъ необычайный приливъ энергіи и бодрости. Въ декабрѣ 1857 г. жена Маркса пишетъ объ одномъ изъ такихъ періодовъ прилива энергіи и бодрости: „Хотя мы очень ощущаемъ на своемъ кошелькѣ американскій кризисъ, такъ какъ Карлъ вмѣсто двухъ разъ въ недѣлю пишетъ только одинъ разъ въ „Tribune", которая отказала всѣмъ европейскимъ корреспондентамъ, кромѣ Байарда, Тэйлора и Карла, но вы все-таки можете представить, какъ high up находится Мавръ. Вся его прежняя работоспособность и легкость въ работѣ вернулась къ нему, точно также бодрость и веселость его духа, которая нѣсколько лѣтъ была подавлена со времени большого горя, потери нашего любимаго ребенка, которая будетъ вѣчнымъ трауромъ для моего сердца. Днемъ Карлъ работаетъ ради насущнаго хлѣба, по ночамъ же— чтобы закончить свою политическую экономію. Теперь, когда этотъ трудъ сталъ потребностью и необходимостью, найдется же какой-нибудь жалкій книгопродавецъ".

Несмотря на всѣ невзгоды, несмотря на тяжелыя личныя несчастья и мелочныя поиски хлѣба насущнаго, К. Марксъ никогда не терялъ увѣренности въ грядущемъ торжествѣ своихъ идей. Передъ его духовнымъ взоромъ всегда стояла величавая „идея четвертаго сословія" и сквозь пестрый громъ и шумъ текущихъ событій Марксъ всегда умѣлъ прощупать пульсъ исторической жизни, умѣлъ услышать тяжелую желѣзную поступь все новыхъ и новыхъ батальоновъ, шедшихъ осуществить „идею четвертаго сословія".

Въ своемъ политическомъ изгнаніи Марксъ ковалъ для этихъ рабочихъ батальоновъ тяжелыя и смертоносныя оружія. Онъ сторонился отъ эмигрантской жизни, выносившей всю игру личныхъ самолюбій, дрязги и свирѣпую фразеологію на общественный форумъ. Марксъ тихій Британскій Музей предпочиталъ шумнымъ эмигрантскимъ обществамъ и собраніямъ, и его занятія въ Британскомъ Музеѣ, конечно, принесли болѣе плодотворные результаты для революціи, чѣмъ словесная война многочисленныхъ революціонныхъ витій всѣхъ толковъ и безтолковостей, переполнявшихъ тогда Лондонъ.

Затянувшаяся реакція не приводила Маркса въ отчаяніе, хотя, отрѣзавъ его отъ родины и живого дѣла, она, конечно, доставила ему не мало тяжелыхъ минутъ. Марксъ зналъ, что въ ея мрачной тиши растутъ и объединяются новыя силы, да и къ тому же у него время отъ времени неизмѣнно вспыхивала увѣренность, что революція не за горами, и изъ нависшихъ тучъ реакціи грянетъ революціонный громъ, и окутавшая всю Европу удушливая атмосфера реакція будетъ разсѣяна всеосвѣжающею грозою революціи.

Кромѣ того, эпоха реакціи далеко не была для соціалистическаго движенія Германіи эпохой полнаго безвременья и безлюдья. Не говоря уже о томъ „собираніи силъ" и просвѣтлѣніи сознанія, которое происходило тогда въ кругахъ нѣмецкаго рабочаго движенія, надо замѣтить, что нѣмецкіе соціалисты отнюдь не складывали тогда рукъ на терзаемой отчаяніемъ груди.

Не говоря уже о старыхъ испытанныхъ въ бояхъ революціонерахъ, продолжавшихъ свою прежнюю борьбу, въ эпоху реакціи, кромѣ того, быстро поднималась яркая звѣзда Лассаля и—„чѣмъ ночь мрачнѣй, тѣмъ ярче звѣзды"—сама по себѣ яркая личность Лассаля еще рѣзче и ярче выдѣлялась на мрачномъ фонѣ реакціи.

Марксъ, конечно, не могъ не оцѣнить то громадное значеніе, которое призванъ былъ сыграть Лассаль въ нѣмецкомъ рабочемъ движеніи.

Мы уже видѣли выше, что промышленный подъемъ, начавшійся съ 1849 года, заставилъ Маркса прійти къ заключенію, что новаго революціоннаго возстанія въ настоящую историческую минуту ждать неоткуда. Но при этомъ Марксъ все время напряженно ловилъ симптомы новаго промышленнаго кризиса и былъ твердо убѣжденъ, что экономическій подъемъ на долго не затянется, что ему на смѣну скоро придетъ новый промышленный застой и достаточно будетъ какихъ-либо европейскихъ осложненій, и прежде всего войны, для того, чтобы вновь ярко вспыхнуло пламя обще-европейской революціи.

Будучи увѣренъ, что наступившая реакція есть лишь жуткое затишье передъ въ тиши надвигающеюся революціонною бурей, страстно ожидая эту бурю, Марксъ то и дѣло принималъ за буревѣстниковъ различныя событія политической и экономической исторіи десятилѣтія 1850—1860 г.

Въ 1862 году Марксъ пишетъ своему пріятелю Кугельману:

„Мы, очевидно, идемъ навстрѣчу революціи, въ чемъ я, начиная съ 1850 г., никогда не сомнѣвался" [1]).

Но заслугою Маркса было то, что въ противоположность дру-

---

[1]) Ср. Письма К. Маркса къ члену „Интернаціонала" Кугельману. Пер. съ нѣм. Спб. 1907. Стр. 13.

гимъ революціонерамъ ожиданіе близкой революціи никогда не заставляло его позабывать о великихъ основныхъ идеяхъ всего историческаго движенія и уходить въ вызываніе великаго духа революціи съ помощью магическихъ революціонныхъ формулъ.

Марксъ раздѣлялъ увѣренность революціонеровъ-эмигрантовъ пятидесятыхъ годовъ, что революція не за горами. Но въ то время, какъ эти революціонеры въ ожиданіи настоящей революціи занимались игрою въ революцію, заранѣе репетировали свои революціонныя роли и были увѣрены, что „или теперь, или никогда",—въ это самое время Марксъ стремился заложить основные, несдвигаемые камни идеологіи пролетаріата и былъ убѣжденъ, что переворотъ наступитъ не теперь, такъ позже, и чѣмъ позже, тѣмъ болѣе организованъ и сознателенъ будетъ рабочій классъ, который вынесетъ его на своихъ плечахъ.

Марксъ видѣлъ, конечно, что теоретическія работы, которыми онъ усердно занимался въ годы реакціи, приводили его къ идеямъ, очень медленно и туго просачивавшимся въ головы даже его близкихъ друзей-современниковъ. Марксу часто приходилось выслушивать отъ своихъ друзей жалобы на недостаточную популярность его идей или ихъ изложенія. Отвѣчая на эти упреки въ непопулярности, Марксъ пишетъ Кугельману: „Дѣйствительно, *популярными научныя* попытки революціонированія науки никогда не могутъ быть. Но какъ только научныя основы положены, популяризированіе становится легкимъ. Если время станетъ нѣсколько болѣе бурнымъ, то опять найдутся тѣ краски и тѣ чернила, которыя дадутъ намъ популярное изложеніе и этихъ предметовъ".

Основныя теоретическія идеи, которыя развивалъ Марксъ, казались его друзьямъ пятидесятыхъ годовъ столь „непопулярными" благодаря своей необычности, новизнѣ. Для своего усвоенія онѣ требовали отказа отъ традиціонныхъ взглядовъ, фразъ, съ которыми уже умѣли сродниться и сжиться, замѣняя ими самостоятельное мышленіе. Оторвать отъ себя эти уже сросшіяся со всѣмъ естествомъ идеи было нелегко, а отсюда и нелегко было усвоить идеи Маркса, казавшіяся такими „непопулярными", такими „трудными".

Но Марксъ, какъ мы видѣли, не отчаивался, онъ зналъ, что популяризированіе его идей станетъ легкимъ, какъ только будутъ заложены научныя основы революціонизированія буржуазной науки, онъ зналъ, что дѣло не станетъ за „чернилами и красками", которыми ярко и общедоступно изложатъ разъ добытыя научныя истины. И въ этой твердой увѣренности онъ продолжалъ добывать эти истины, стоически перенося и рѣзкія нападки революціонеровъ, и травлю буржуазной прессы, и замалчиваніе буржуазной науки, и тяжелыя матеріальныя и семейныя невзгоды.

Послѣ краткихъ и яркихъ годовъ революціоннаго движенія потянулась полоса тяжелой и темной реакціи, окутавшей всю Европу; реакція шла не только отъ правительства, но и отъ значительныхъ слоевъ общества, и именно это послѣднее обстоятельство дѣлало реакцію столь длительной и прочной.

Революціонное половодье, одно время затопившее всю общественную пирамиду и даже во многихъ европейскихъ государствахъ затопившее тонкую правительственную вершину этой пирамиды, теперь быстро шло на убыль. Обнажилась вновь не только правительственная вершина, но и нижележащіе довольно широкіе общественные слои, а къ пятидесятому году и съ широкаго „народнаго" основанія общественной пирамиды успѣли исчезнуть уже слѣды еще недавняго революціоннаго половодья.

Но вожди и сознательные борцы этихъ низовъ не сложили своего оружія и не покинули надежды на новый походъ. Начался періодъ созрѣванія и собиранія новыхъ силъ, и въ то же самое время начался періодъ усиленной разработки „алгебры революціи", выражаясь языкомъ Герцена, призванной совершить революцію въ революціи, т.-е. прежде всего революціонизировать тѣ техническіе и теоретическіе навыки, съ помощью которыхъ хотѣли революціонизировать старый строй.

Этой работѣ въ долгіе и хмурые дни реакціи весь отдался Карлъ Марксъ. Въ тиши Британскаго Музея, среди его несчетныхъ духовныхъ богатствъ, Марксъ ковалъ новый духовный арсеналъ революціи, тогда какъ революціонные доспѣхи и оружіе революціонеровъ-заговорщиковъ были уже сданы въ кладовую исторіи, въ архивъ революціи.

VIII

Новый общественный подъемъ.—„Интернаціоналъ“ и дѣятельность въ немъ Маркса.—Борьба между марксистами и бакунистами.—Появленіе перваго тома „Капитала“.

Послѣ бурнаго 1848 года Марксъ и Лассаль ясно видѣли, что тьма реакціи лишь скрыла съ глазъ, но не пріостановила процесса объективнаго созрѣванія общественныхъ противорѣчій, роста субъективнаго сознанія ихъ и организаціи силъ для борьбы за лучшій строй человѣческихъ отношеній.

Тишь и гладь реакціи скрывала подъ своимъ саваномъ живой и непрестанный ростъ организаціи и сознательности различныхъ общественныхъ группъ. Сильный промышенный подъемъ, начавшійся послѣ революціи 1848 года, если и содѣйствовалъ, съ одной стороны, отвлеченію общественныхъ силъ отъ политики и сильному отливу оппозиціоннаго и революціоннаго движенія, то съ другой стороны—этотъ же промышленный подъемъ, ведя къ расширенію промышленности, создавалъ болѣе обширные кадры рабочаго класса и крѣпче организовывалъ ихъ въ единое цѣлое.

Марксъ пристально всматривался въ историческую даль и, хотя зачастую ошибочно принималъ за революціонныхъ буревѣстниковъ случайныя и быстролетныя явленія, которыя не въ силахъ были сколько-нибудь длительно разсѣять тьму реакціи, но сама по себѣ увѣренность Маркса и Лассаля въ неизбѣжности наступленія крупныхъ событій нашла себѣ, наконецъ, подтвержденіе въ шестидесятыхъ годахъ.

Шестидесятые годы были отмѣчены сильнымъ общественнымъ подъемомъ и, въ частности, очень сильнымъ ростомъ рабочаго движенія какъ во всей Европѣ, такъ и въ Германіи. Ниже мы очертимъ общія условія, въ которыхъ развивалось рабочее нѣмецкое движеніе послѣ революціи 1848 года, тѣ формы, въ которыя оно вылилось, и ту идейную роль, которую сыгралъ въ ней Марксъ, а пока мы коснемся интернаціональнаго рабочаго движенія и роли въ немъ Карла Маркса.

Въ октябрѣ 1849 года Лассаль пишетъ Марксу:

„Если мое послѣднее письмо произвело на тебя такое впечатлѣніе, будто я оглушенъ успѣхами контръ-революціи, то или ты невѣрно понялъ его, или я, быть-можетъ, написалъ его въ слишкомъ страстномъ тонѣ. Ни одной секунды я не думалъ о *дѣй-*

ствительномъ успѣхѣ контръ-революціи. Со всемірно-исторической точки зрѣнія очень легко видѣть, что эта сильная вспышка контръ-революціоннаго пламени истребляетъ только свои собственныя послѣднія жизненныя силы и оказываетъ намъ въ то же время неоцѣнимую услугу, очищая нашу собственную партію отъ всякаго рода наносныхъ воззрѣній и предразсудковъ. Но какъ бы вѣрно это ни было, гдѣ же тотъ всесильный счетчикъ, который могъ бы высчитать, что эта система не можетъ продержаться еще два быстролетныхъ года. Столѣтіе, по псалмопѣвцу Давиду, для Бога лишь одно мгновеніе. Также и два года для всемірной исторіи, конечно, только всего одинъ день. Но для передового отряда, попавшаго въ самый жаркій бой и отрѣзаннаго врагами, ждать въ такомъ положеніи цѣлый день, пока надвигающаяся сзади главная армія не вырветъ его изъ кровожадныхъ рукъ врага—для него такой двухгодовой день убійственно долгъ" [1])!

На самомъ-то дѣлѣ, однако, Марксу пришлось ждать значительно дольше, чѣмъ „убійственно-долгій двухгодовой день". Болѣе десятка лѣтъ медленно протекло прежде, чѣмъ рабочее движеніе Европы вновь разлилось по широкому простору и позволило Марксу изъ тихаго кабинета перейти на шумъ и просторъ практической борьбы.

За годы реакціи, бывшіе вмѣстѣ съ тѣмъ годами сильнаго промышленнаго подъема, *экономическія* организаціи и рабочихъ, и капиталистовъ значительно разрослись и окрѣпли.

Въ Англіи профессіональные союзы находились въ періодѣ сильнаго роста, и имъ въ первую голову приходилось выдвигать вопросъ о рабочей массѣ, не охваченной профессіональной организаціей и поставляющей изъ своей среды штрейкбрехеровъ въ періоды крупныхъ стачекъ. Волей-неволей вопросъ этотъ становился на интернаціональную почву, такъ какъ въ Англію стекались рабочіе всѣхъ странъ, и эти иностранные рабочіе зачастую являлись въ рукахъ англійскихъ капиталистовъ надежнымъ и послушнымъ орудіемъ борьбы съ англійскими организованными рабочими. Борьба англійскихъ организованныхъ рабочихъ со штейкбрехерами и понижателями заработной платы могла поэтому сулить успѣхъ только при условіи привлеченія на свою сторону и иностранныхъ рабочихъ. Въ то же самое время обширная политическая эмиграція, со всѣхъ странъ стянувшаяся тогда въ Лондонѣ, въ свою очередь употребляла всѣ усилія, чтобы связать тѣсными братскими узами лондонскій рабочій міръ съ континентальнымъ.

Всемірная выставка, устроенная въ Лондонѣ въ 1862 году,

---

[1]) Ср. Письмо Ф. Лассаля къ К. Марксу и Ф. Энгельсу. Спб. 1905 г. Стр 6.

послужила превосходнымъ средствомъ объединить и организовать эти стремленія рабочихъ къ международному объединенію. Со всѣхъ концовъ Европы на эту выставку стянулись для промышленнаго смотра крупнѣйшіе представители всѣхъ европейскихъ фабрикъ и заводовъ. Въ частности, богато представлена была Франція, причемъ „маленькій“ Наполеонъ послалъ на выставку не только экспонаты, но и группу рабочихъ. Французское правительство разсчитывало, что делегація французскихъ рабочихъ научится на всемірной выставкѣ болѣе утонченнымъ пріемамъ капиталистическаго хозяйства, и правительство, конечно, уже никакъ не ожидало, что командировкой рабочей депутаціи оно будетъ содѣйствовать образованію международнаго общества рабочихъ.

Французскіе рабочіе встрѣтили въ Англіи радушный пріемъ со стороны англійскихъ, нѣмецкихъ и польскихъ рабочихъ и эмигрантовъ, и они сразу попали въ ту разгоряченную атмосферу политическихъ страстей, которой отличался Лондонъ шестидесятыхъ годовъ. Безпрерывно происходили международныя братанія рабочихъ всѣхъ передовыхъ европейскихъ странъ, и уже тогда же на митингахъ выражалась увѣренность, что теперь будутъ заложены прочныя начала международному братству рабочихъ. Въ 1864 году Толенъ, въ качествѣ представителя французскихъ рабочихъ, въ отвѣтъ на привѣтственныя слова англичанъ, на собраніи 28 сентября 1864 года, отвѣтилъ, что капитализмъ представляетъ собою международное бѣдствіе и для борьбы съ нимъ необходима международная организація рабочихъ.

Собраніе послѣ горячихъ рѣчей французскихъ и англійскихъ рабочихъ депутатовъ приняло слѣдующую резолюцію:

„Собраніе выслушало отвѣтъ нашихъ французскихъ братьевъ на нашъ адресъ. Мы снова привѣтствуемъ ихъ, и такъ какъ ихъ программа должна способствовать единенію рабочихъ, то мы принимаемъ ее, какъ основу международнаго объединенія. Въ то же время мы назначаемъ комитетъ, которому даемъ полномочіе увеличивать число своихъ членовъ и вырабатывать статуты для такого объединенія“.

Эта резолюція была принята единогласно, послѣ чего собраніе выбрало комитетъ, въ которой вошло больше всего представителей англійскаго профессіональнаго движенія, а затѣмъ нѣсколько эмигрантовъ и въ ихъ числѣ Карлъ Марксъ.

Такъ возникло „Международное Товарищество Рабочихъ“, „Интернаціоналъ“.

Марксъ, въ теченіе цѣлаго десятка лѣтъ стоявшій въ сторонѣ отъ практической дѣятельности, тщательно сторонившійся дутыхъ революціонныхъ затѣй эмигрантовъ, съ основаніемъ „Интернаціонала“ вновь почувствовалъ подъ своими ногами революціонную стихію и съ наслажденіемъ отдался широкой организаціонной работѣ.

Марксъ разработалъ прежде всего генеральный адресъ и временные статуты „Интернаціонала". Одинъ изъ вождей тогдашней лондонской политической эмиграціи, знаменитый итальянецъ Мадзини, въ свою очередь разработалъ генеральный адресъ. Оба адреса были подвергнуты долгимъ и страстнымъ обсужденіямъ. Въ пламенныхъ и немного напыщенныхъ выраженіяхъ Мадзини въ своемъ проектѣ адреса расплывался въ общей соціалистической фразеологіи, и международное товарищество рабочихъ сливалось здѣсь съ „общенароднымъ" стремленіемъ къ великой свободѣ и т. д. Въ противоположность этому, Марксъ въ своемъ адресѣ сжатыми и рельефными чертами мѣтко описывалъ и тѣмъ самымъ жестоко бичевалъ существующій экономическій строй, быстрое нагроможденіе богатства, создаваемое имъ, и задавленность, приниженность рабочаго человѣка, изнывающаго подъ этой колоссально-растущей грудой богатствъ.

Большинствомъ голосовъ былъ принятъ адресъ, составленный Марксомъ, и въ основу дѣятельности „Интернаціонала" были положены временные статуты, выработанные Марксомъ и приложенные имъ къ генеральному адресу.

Главнѣйшія положенія этихъ временныхъ статутовъ гласили:

„Принимая во вниманіе:

что освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ рукъ самихъ рабочихъ, что стремленія рабочихъ къ освобожденію преслѣдуютъ установленіе не новыхъ привилегій, а одинаковыхъ правъ и одинаковыхъ обязанностей для всѣхъ и уничтоженіе классоваго господства;

что экономическое порабощеніе рабочихъ собственниками орудій труда есть основная причина политическаго, матеріальнаго и моральнаго рабства;

что, слѣдовательно, экономическая эмансипація рабочаго есть великая цѣль, которой должно быть подчинено въ качествѣ средства всякое политическое движеніе;

что до сихъ поръ всѣ рабочія движенія терпѣли неудачу вслѣдствіе того, что рабочіе различныхъ отраслей производства и различныхъ странъ были лишены духа солидарности и братскаго единенія;

что освобожденіе труда, представляя собою не мѣстную національную, а международную проблему, должно охватить всѣ страны, въ которыхъ существуютъ условія современной жизни, и что для разрѣшенія этой проблемы необходимо теоретическое и практическое взаимодѣйствіе всѣхъ странъ;

что броженіе, вновь замѣчаемое нынѣ среди рабочихъ промышленныхъ государствъ Европы и возбуждающее новыя надежды, нуждается въ серьезномъ предупрежденіи не впасть въ прежнія ошибки, и для этого необходимо установить непосредственную связь между доселѣ обособленными стремленіями ра-

бочихъ,—нижепоименованныя лица, входящія въ комитетъ, избранный 28-го сентября 1864 г., сдѣлали всѣ необходимыя шаги для основанія „*Международнаго союза рабочихъ*“.

Какъ мы уже замѣтили выше, „Генеральный адресъ“ Интернаціонала былъ составленъ Карломъ Марксомъ. По своей основной идеѣ адресъ опирается на знаменитый пароль, данный рабочему движенію еще „Коммунистическимъ Манифестомъ“: „Пролетаріи *всѣхъ* странъ, соединяйтесь!“ Но по своему характеру, своей аргументаціи, „Генеральный адресъ“ во многихъ очень существенныхъ и очень характерныхъ отношеніяхъ отличается отъ „Коммунистическаго Манифеста“, и это различіе весьма цѣнно для установленія той эволюціи соціально-политическихъ идей, которую пережилъ Марксъ въ богатый крупными историческими событіями промежутокъ 1848—1864 года.

„Коммунистическій Манифестъ“, написанный въ 1847 году по порученію „Союза Коммунистовъ“, возникъ въ ту эпоху, когда Марксъ уже началъ бороться съ революціоннымъ сектантствомъ, революціоннымъ заговорщичествомъ. Марксъ уже и тогда употреблялъ всѣ усилія, чтобы вывести соціалистическое движеніе изъ тѣснаго подполья на широкую дорогу открытой организаціи рабочихъ массъ. Уже и тогда Марксъ сдѣлалъ въ этой области очень много, но по неустранимымъ обстоятельствамъ времени и мѣста тогда самое движеніе еще не могло принять открытаго массоваго характера, не могло еще вполнѣ сбросить съ себя скорлупу сектанства, а вслѣдствіе этого и доктрина этого движенія продолжала отражать черты сектантства, съ его рѣзкою нетерпимостью и затворничествомъ. Тогда доктрина имѣла въ виду людей, проникнутыхъ совершенно опредѣленнымъ и выдержаннымъ міросозерцаніемъ. Такихъ людей была всего горсть, и мы уже знаемъ, что въ эпоху своего появленія „Коммунистическій Манифестъ“ нашелъ откликъ лишь въ жидкихъ рядахъ кучки единомышленниковъ.

А теперь, въ 1864 году, картина такъ рѣзко и такъ отрадно измѣнилась по сравненію съ 1848 г. Теперь уже приходилось обращаться не въ кучкѣ единомышленниковъ, а къ полчищамъ рабочихъ всѣхъ странъ. Марксъ превосходно понялъ, что широкому массовому движенію международнаго пролетаріата нельзя предписывать тѣ строгія и нетерпимыя правила мышленія и поведенія, которыя можно было требовать отъ кучки единомышленниковъ. И изученіе дѣятельности Маркса въ „Интернаціоналѣ“ весьма цѣнно, между прочимъ, тѣмъ, что оно раскрываетъ передъ нами упорную и безпощадную борьбу Маркса съ ортодоксальною нетерпимостью и революціоннымъ сектантствомъ.

Свой анонимный памфлетъ, направленный противъ Бакунинскаго „Союза соціалистической демократіи“, К. Марксъ начинаетъ словами: „Международная ассоціація рабочихъ, ставя своею цѣлью

собрать въ одно русло раздробленныя силы пролетаріата и такимъ образомъ сдѣлаться живой носительницей объединяющей рабочихъ солидарности интересовъ, по необходимости должна была раскрыть двери соціалистамъ всѣхъ направленій" [1]).

Мы еще вернемся ниже къ той борьбѣ съ доктринерскою нетерпимостью и сектантствомъ, которую велъ Марксъ въ „Интернаціоналѣ", а теперь мы должны остановиться въ общихъ чертахъ и на „Генеральномъ адресѣ", составленномъ Карломъ Марксомъ.

Въ полную противоположность „Коммунистическому Манифесту", въ которомъ яркими и общими штрихами рисовалась „идея четвертаго сословія" и величавый историческій процессъ борьбы за нее, въ адресѣ Марксъ не сходилъ съ почвы характеристики послѣдняго полувѣка въ развитіи соціальныхъ отношеній. Въ сдержанныхъ словахъ Марксъ рисуетъ здѣсь не великую идеологію рабочаго класса, а его печальную судьбу въ современныхъ капиталистическихъ государствахъ. Онъ рисуетъ колоссальное экономическое богатство, созданное капитализмомъ съ одной стороны угнетенность и нищету рабочаго класса съ другой.

Но великая „идея четвертаго сословія",—конечная цѣль. Соціализмъ пронизываетъ предразсвѣтными лучами нынѣшнюю тьму рабочей доли, и уже въ самомъ развитіи соціально-политическаго положенія Марксъ отмѣчаетъ свѣтлыя точки. Этими свѣтлыми точками онъ признаетъ англійскій билль о десятичасовомъ рабочемъ днѣ и попытки кооперативной организаціи. Оцѣнка Марксомъ билля о десятичасовомъ рабочемъ днѣ чрезвычайно характерна для той точки зрѣнія глубокаго реализма, которая отличала позицію Маркса въ „Интернаціоналѣ".

Этотъ реализмъ Маркса какъ нельзя рельефнѣе оттѣняется, если сравнить оцѣнку десятичасового билля, сдѣланную Марксомъ, съ тою оцѣнкою этого же билля, которую въ 1850 году сдѣлалъ Энгельсъ на страницахъ „Новаго Рейнскаго Обозрѣнія". О статьѣ Энгельса намъ уже приходилось говорить въ другой связи. Какъ мы уже знаемъ, Энгельсъ въ своей статьѣ о десятичасовомъ биллѣ пришелъ къ заключенію, что этотъ билль „представляетъ превосходную арену для дѣятельности реакціонныхъ классовъ и партій, направленной на то, чтобы соединиться съ пролетаріатомъ противъ промышленной буржуазіи. Въ значительной степени тормазя быстрое развитіе богатства, вліянія общественной и политической власти фабрикантовъ, этотъ билль приноситъ рабочимъ лишь чисто-матеріальную, даже лишь чисто-физическую выгоду" [2]).

---

[1]) Ср. L'alliance de la démocratie socialiste et l'association internationale des travailleurs. Londres. Hamburg. 1873, стр. I.

[2]) Aus dem literar. Nachlass von K. Marx. Dritter. Band. Stuttgart. 1902. стр. 386.

На діаметрально-противоположную точку зрѣнія при оцѣнкѣ англійскаго десятичасового билля сталъ въ 1864 году Карлъ Марксъ. Если въ 1850 году Энгельсъ считалъ этотъ билль съ принципіальной точки зрѣнія реакціоннымъ шагомъ аристократіи, посягающимъ на революціонный духъ пролетаріата и лишь удовлетворяющимъ бреннымъ запросамъ его непомощной плоти, то К. Марксъ въ 1864 году, какъ разъ наоборотъ, увидѣлъ въ этомъ биллѣ „побѣду принципа", идейную побѣду пролетаріата надъ буржуазіей.

„Билль о десятичасовомъ рабочемъ днѣ,—писалъ Марксъ во „Вступительномъ адресѣ",—былъ не только огромной практической побѣдой, но и побѣдой принципа: впервые при ясномъ свѣтѣ дня политическая экономія буржуазіи была побѣждена политической экономіей рабочаго класса".

Замѣчательные опыты кооперативной организаціи, сдѣланные въ Рочделѣ, тоже были отнесены Марксомъ къ свѣтлымъ лучамъ завоеванія, дѣлаемаго пролетарскими идеями въ темномъ царствѣ капитализма. И это кооперативное движеніе, подобно десятичасовому биллю, Марксъ привѣтствуетъ, какъ „побѣду принципа", какъ частичную побѣду соціалистическаго принципа, носителемъ котораго является пролетаріатъ, надъ индивидуалистическимъ принципомъ, носительницей котораго является буржуазія.

Сами по себѣ разрозненные попытки кооперативныхъ организацій, говоритъ Марксъ, не могутъ положить конецъ капиталистическому строю, кооперативное движеніе должно быть построено на широкой національной почвѣ. „Для того, чтобы спасти занятыя въ промышленности массы, кооперативный трудъ долженъ принять широкій, національный масштабъ и обезпечить себѣ поддержку со стороны государства". Но подобная національная государственная организація не возможна до тѣхъ поръ, пока въ рукахъ крупныхъ землевладѣльцевъ и фабрикантовъ сосредоточены обширныя политическія привилегіи. „Въ виду этого,—говоритъ манифестъ „Интернаціонала",—главною обязанностью рабочаго класса является завоеваніе политической власти". При настоящихъ же условіяхъ, кооперативное движеніе привѣтствуется Марксомъ, какъ чрезвычайной важности соціалистическій фактъ, показывающій опытнымъ путемъ, что хозяйственныя предпріятія смогутъ прекрасно организоваться и процвѣтать, не опираясь на классовый антагонизмъ между рабочими и предпринимателями.

Таково было основное содержаніе составленнаго Марксомъ манифеста „Интернаціонала". По сравненію съ „Коммунистическимъ Манифестомъ" манифестъ „Интернаціонала" представляетъ несравненно болѣе блѣдное и, такъ сказать, сдержанное произведеніе. Въ немъ нѣтъ тѣхъ яркихъ и неожиданныхъ, какъ молнія,

геніальныхъ идей, которыя сверкаютъ чуть ли не съ каждой страницы „Коммунистическаго Манифеста“, въ немъ нѣтъ того черезъ край бьющаго радостнаго и увѣреннаго энтузіазма, которымъ пропитанъ весь „Манифестъ“, появившійся въ годъ обще-европейской революціонной грозы точно чувствительный барометръ, уже ясно ощущавшій недалекую грозу и радостно ее возвѣщавшій.

Но, если манифестъ „Интернаціонала“ былъ лишенъ того проникающаго „Коммунистическій Манифестъ“ юношескаго пыла, который близко предстоявшую битву уже принималъ за побѣду, то зато манифестъ „Интернаціонала“ весь проникнутъ тою глубокою вдумчивостью и сдержанностью, которая диктовалась зрѣлостью движенія и сознаніемъ отвѣтственности каждаго своего слова. Дѣло тутъ не въ томъ, конечно, что Марксъ лично постарѣлъ, отказался отъ юношескихъ мечтаній и пригнулся къ землѣ. Не Марксъ постарѣлъ, а самое рабочеее движеніе выросло и возмужало, и говоря теперь не отъ имени сравнительно небольшой группы коммунистовъ, какъ это дѣлалъ въ 1848 г. „Коммунистическій Манифестъ“, а отъ имени все растущихъ полчищъ организованнаго международнаго пролетаріата, Марксъ былъ занятъ теперь не тѣмъ, чтобы воодушевить маленькую армію на геройскій штурмъ и ярко развернуть передъ нею знамя коммунизма: передъ Марксомъ стояла теперь несравненно болѣе отвѣтственная и трудная задача: содѣйствовать мобилизаціи, организаціи и вооруженію обширной и разнородной арміи, которой предстоитъ очень долгій и очень тяжелый походъ, многочисленныя, непрерывныя сраженія.

Манифестъ „Интернаціонала“, составленный Марксомъ, весь проникнутъ глубокимъ сознаніемъ трудности и отвѣтственности той задачи, которая выдвигалась теперь передъ руководящими лицами европейскаго рабочаго движенія.

Первый конгрессъ „Международнаго Товарищества Рабочихъ“ открылся въ Женевѣ 3-го сентября 1866 года. Съѣхалось на конгрессъ 60 делегатовъ. Марксъ, чрезвычайно занятый въ это время подготовленіемъ къ печати перваго тома „Капитала“, не могъ лично пріѣхать на конгрессъ. Онъ писалъ по этому поводу своему другу Кугельману;

„Хотя я посвящаю много времени подготовительнымъ работамъ къ женевскому конгрессу, я не могу и не хочу туда поѣхать, такъ какъ никакой продолжительный перерывъ въ моей работѣ невозможенъ. Я считаю то, что я дѣлаю, благодаря этой работѣ гораздо болѣе важнымъ для рабочаго класса, чѣмъ все то, что я лично могъ бы сдѣлать на какомъ бы то ни было конгрессѣ“ [1]).

[1]) Ср. Письма К. Маркса къ Кугельману. Спб. 1907. 18 стр.

Уже на этомъ первомъ конгрессѣ „Интернаціонала“ обнаружился водораздѣлъ между двумя теченіями соціалистической мысли, теченіями, которыя вели то глухую, скрытую, то явную борьбу на всемъ протяженіи существованія „Интернаціонала“ и въ концѣ концовъ привели къ расколу. Нѣмецкіе и англійскіе делегаты были настроены реалистически, они искали опоры для своей революціонной дѣятельности въ объективномъ процессѣ истощенія капиталистическихъ силъ, въ процессѣ воспитанія и роста соціалистическихъ силъ внутри капиталистическаго организма. Борясь съ капитализмомъ, они, однако, ни на минуту не соблазнялись докапиталистическими отношеніями и въ самомъ капиталистическомъ грѣхопаденіи видѣли актъ зачатія тѣхъ общественныхъ силъ, которыя, созрѣвъ въ нѣдрахъ капитализма, воспользуются всѣми коллосальными техническими завоеваніями послѣдняго и сбросятъ тогда истлѣвшій капиталистическій коконъ. Эти делегаты, несмотря на тѣ или другія разногласія, въ общемъ раздѣляли основныя идеи Маркса.

Въ противоположность имъ, французскіе делегаты находились подъ сильнымъ идейнымъ вліяніямъ Прудона и отказывались принять капиталистическій міръ, увѣряя себя и другихъ, что можно придумать средство отъ капитализма, и Прудонъ такое средство уже придумалъ.

Держась почвы практическаго движенія, а не отвлеченнаго обсужденія, конгрессъ совершенно не пускался въ принципіальное обсужденіе этихъ двухъ теченій, но, конечно, и при обсужденіи практическихъ вопросовъ соціальной политики сказывалось глубокое различіе между романцами, проникнутыми революціоннымъ романтизмомъ, и германцами, склонявшимися къ соціалистическому реализму. Особенно рѣзко антагонизмъ этотъ сказался при обсужденіи вопроса о дѣтскомъ и женскомъ трудѣ въ промышленности. Французскіе делегаты сурово осуждали этотъ трудъ и требовали, чтобы фабрики были закрыты для женщинъ и женщины вернулись къ семейному очагу. Нѣмецкіе же делегаты, наоборотъ, доказывали неисполнимость и реакціонность подобныхъ требованій, причемъ ни мало не отрицая губительнаго вліянія промышленнаго труда на женщинъ, нѣмецкіе и англійскіе делегаты указывали на реакціонность отмѣны этого труда при сохраненіи всѣхъ остальныхъ сторонъ капитализма и на извѣстное революціонирующее вліяніе, которое оказываетъ вовлеченіе женщинъ въ область промышленнаго труда.

Марксъ, какъ мы уже знаемъ, лично на конгрессъ въ Женеву не могъ поѣхать, но имъ была составлена обширная докладная записка, представленная конгрессу лондонской делегаціей.

Въ противоположность французскимъ делегатамъ, отворачивавшимся отъ соціальнаго законодательства, осуществляемаго

съ помощью государства, докладная записка, составленная Марксомъ, отстаивала необходимость подобнаго законодательства и доказывала, что это законодательство вовсе не укрѣпляетъ существующее государство. „Проведеніемъ такихъ законовъ,—говоритъ докладная записка,—рабочій классъ не способствуетъ укрѣпленію правящей власти. При помощи всеобщаго законодательнаго акта, рабочій классъ достигаетъ такихъ результатовъ, которые при изолированныхъ идеальныхъ стремленіяхъ оказались бы лишь безполезной попыткой“.

Касаясь вопроса о кооперации, которой французскіе делегаты придавали значеніе всеисцѣляющаго средства, докладная записка, составленная Марксомъ, указывала на то, что хотя кооперація и представляетъ собою весьма важный факторъ освобожденія рабочаго класса, но факторъ этотъ не единственный и для успѣшности своего дѣйствія онъ требуетъ соотвѣтствующей специально-политической обстановки и организаціи. Докладная записка при этомъ вновь указываетъ на необходимость завоеванія политической власти. Обсуждая затѣмъ вопросъ о судьбахъ кооперативнаго движенія въ современномъ обществѣ, Марксъ отдаетъ рѣшительное предпочтеніе производительнымъ товариществамъ передъ потребительными. При этомъ докладная записка требуетъ, чтобы кооперативныя общества отчисляли часть своихъ доходовъ въ фондъ для соціалистической пропаганды.

Переходя къ обсужденію профессіональнаго движенія, докладная записка, составленная Марксомъ, рѣзко подчеркнула огромное значеніе профессіональной организаціи въ борьбѣ рабочаго класса за новый общественный строй. „Профессіональные союзы,—пишетъ Марксъ въ докладной запискѣ,—безсознательно явились центрами организаціи рабочаго класса, подобно тому, какъ средневѣковые муниципалитеты были организаціонными центрами буржуазнаго класса. Если профессіональные союзы въ качествѣ организацій, стремящихся къ уничтоженію конкуренціи между рабочими, необходимы для ежедневной партизанской войны между капиталомъ и трудомъ, то они имѣютъ еще гораздо большее значеніе въ качествѣ организованныхъ рычаговъ для уничтоженія системы наемнаго труда и господства капитала... Профессіональные союзы удѣляли слишкомъ много вниманія непосредственной борьбѣ съ капиталомъ; они не вполнѣ еще поняли значеніе своей дѣятельности въ борьбѣ съ теперешнимъ способомъ производства; они держались въ сторонѣ отъ общаго соціальнаго и политическаго движенія. Но въ новѣйшее время, по крайней мѣрѣ въ Англіи, профессіональные союзы пришли къ сознанію своей великой исторической задачи... Они сознательно должны научиться дѣйствовать въ качествѣ огромныхъ фокусовъ организаціи рабочаго класса, они должны поддерживать всякое соціальное и политическое движеніе, направленное

къ этой цѣли, а на себя самихъ смотрѣть, какъ на активныхъ передовыхъ борцовъ цѣлаго класса. Этимъ самымъ они обратятъ на свою тактику вниманіе еще отсталыхъ слоевъ пролетаріата, напр., сельскихъ рабочихъ, и даже послѣдній рабочій убѣдится въ томъ, что ихъ цѣль, чуждая ограниченности и эгоизма, заключается въ полномъ освобожденіи угнетенныхъ милліоновъ людей" [1]).

Мы видимъ, такимъ образомъ, что на этомъ первомъ конгрессѣ „Интернаціонала" проявилось глубокое различіе между политическимъ разумомъ и политическимъ темпераментомъ, съ одной стороны—французскихъ делегатовъ, а съ другой — нѣмецкихъ и англійскихъ.

Но это первое столкновеніе не приняло сколько-нибудь острыхъ формъ, и, судя по первому конгрессу, можно было думать, что въ предѣлахъ одной и той же органицiи „Интернаціонала" сумѣютъ существовать и сотрудничать эти два теченія соціалистической мысли.

Въ письмѣ къ Кугельману, бывшему членомъ „Интернаціонала", Марксъ выражаетъ полное удовлетвореніе ходомъ и итогами перваго конгресса, въ нѣсколькихъ мѣткихъ словахъ противопоставляя при этомъ свое реалистическое направленіе романтическимъ стремленіямъ французовъ. Онъ говоритъ здѣсь о составленной имъ докладной запискѣ: „Я намѣренно включилъ въ нее только такіе пункты, которые допускаютъ непосредственное соглашеніе между рабочими и ихъ совмѣстное дѣйствіе и даютъ непосредственно пищу и толчекъ потребностямъ классовой борьбы и организаціи рабочихъ въ классъ. У господъ парижанъ головы были наполнены пустѣйшими прудоновскими фразами. Они болтаютъ о наукѣ и ничего не знаютъ. Они отвергаютъ всякую *революціонную*, т.-е. изъ самой классовой борьбы вытекающую тактику, всякое концентрированное общественное, а слѣдовательно и *политическими* средствами осуществляемое движеніе (напр., *законодательное* сокращеніе рабочаго дня)" [2]).

„Международное Общество Рабочихъ" развивалось быстро и широко. Во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ возникали его отдѣленія, и число членовъ непрерывно возрастало. Съ живымъ энтузіазмомъ привѣтствовали сознательные рабочіе всѣхъ странъ этотъ быстрый ростъ „Интернаціонала", со скрежетомъ зубовнымъ слѣдила за нимъ буржуазная печать. На ежегодныхъ конгрессахъ „Интернаціонала" все шире намѣчалась его основная цѣль, и большинствомъ голосовъ проходили резолюціи въ духѣ коллективизма. Французскіе делегаты попрежнему будировали и оппонировали, попрежнему носились съ прудоновскими утопіями,

---

[1]) Ср. Іеккъ, „Интернаціоналъ". Москва. 1906. Стр. 56.
[2]) Письма К. Маркса къ Кугельману. Спб. 1907. Стр. 20.

но это лишь придавало более страстный характеръ дебатамъ и на первыхъ порахъ не влекло за собою никакихъ острыхъ столкновеній и осложненій.

Съ каждымъ годомъ росло вліяніе „Международнаго Товарищества Рабочихъ", и все крѣпли его связи съ пролетаріями всѣхъ странъ. Обширныя стачки, безпрерывно вспыхивавшія то въ одномъ, то въ другомъ концѣ Европы, находили всегда въ лицѣ „Интернаціонала" опытнаго организатора, ссужавшаго къ тому же и деньгами. „Интернаціоналъ" чутко отзывался на всѣ запросы рабочаго класса, поддерживалъ всѣ формы экономической организаціи рабочихъ и методически, на почвѣ борьбы и организаціи, стремился прояснить и расширить классовое сознаніе пролетаріата. Высшаго пункта развитія „Интернаціоналъ" достигъ къ 1869—1871 годамъ. Какъ велико было вліяніе „Интернаціонала" и численность его членовъ, объ этомъ свидѣтельствуютъ какъ горячее увлеченіе имъ со стороны передовыхъ слоевъ международнаго пролетаріата, такъ и злобное отношеніе къ нему буржуазныхъ классовъ. Когда къ концу шестидесятыхъ годовъ „Интернаціоналъ" выросъ въ могущественную организацію, когда онъ являлся всюду, гдѣ столкновеніе между трудомъ и капиталомъ принимало широкіе размѣры и острыя формы, когда онъ повсюду организовывалъ пролетаріатъ,—буржуазія всѣхъ странъ соединилась въ ненависти и страхѣ къ нему и въ своемъ испуганномъ воображеніи уже рисовала себѣ пришествіе соціализма. „Times" меланхолически писалъ о дѣятельности „Интернаціонала": „Нужно итти къ возникновенію христіанства и обновленію античнаго міра, чтобы найти аналогію этому движенію".

Нѣкій Бернгарди писалъ по поводу дѣятельности „Интернаціонала": „Изъ Лондона и Женевы распространяются соціалистическіе происки, чтобы революціонизировать всю Европу и вызвать не только политическую, но и соціальную революцію... „Интернаціоналъ" въ Лондонѣ собралъ наличными 5 мил. фун. ст. (50 мил. руб.), которыми онъ можетъ распоряжаться... Мольтке боится побѣды соціализма и вслѣдствіе этого—всеобщаго обнищанія и одичанія". Нѣкій Тестю написалъ въ 1871 году специальную обстоятельную книгу объ „Интернаціоналѣ", въ предисловіи къ которой растерянно призывалъ буржуазію всѣхъ странъ соединиться для борьбы съ новымъ страшнымъ врагомъ.

Въ предисловіи къ своей книгѣ Тестю пишетъ: „Интернаціоналъ" въ настоящее время въ высшей степени занимаетъ общественное мнѣніе. Министръ иностранныхъ дѣлъ въ особомъ циркулярѣ обратилъ вниманіе Европы на опасность для существующаго порядка, которымъ грозитъ столь могущественно организованный союзъ. Время не терпитъ. Если Франція въ союзѣ съ другими правительствами не предприметъ рѣшительныхъ и энергичныхъ мѣръ, то соціальная революція скоро восторжествуетъ, и черезъ нѣ-

сколько лѣтъ, а, быть-можетъ, и мѣсяцевъ мы окажемся безсильными и безоружными свидѣтелями пожаровъ, грабежей и безстыдныхъ дѣяній, подобныхъ тѣмъ, которыя недавно пережилъ Парижъ".

Самое существованіе общества поставлено на карту.

„Граждане и капиталисты, ваши дни сочтены, будьте же на сторожѣ. Время не терпитъ!" [1]). Эти слова Тестю показываютъ, какого могущества достигъ „Интернаціоналъ" и какой ужасъ нагналъ онъ на все буржуазное общество. Конечно, правительства всѣхъ странъ не замедлили принять тѣ рѣшительныя и энергичныя мѣры, къ которымъ взывалъ Тестю. Преслѣдованія „Интернаціонала" начались повсюду, за исключеніемъ, пожалуй, одной Англіи. Но не эти преслѣдованія сами по себѣ послужили причиною ослабленія и распаденія „Международнаго Общества Рабочихъ". Тѣ конфликты и разногласія внутри этого общества, о которыхъ мы уже говорили выше, вмѣсто того, чтобы сгладиться и, такъ сказать, разсосаться, чѣмъ дальше, тѣмъ больше обострялись, разростались, точно злокачественная язва разъѣдая и парализуя весь организмъ. А тутъ еще надвинулись историческія событія колосальной важности и міровою значенія. Франко-прусская война... Страшный разгромъ Франціи... Гибель наполеоновской монархіи... Титаническая борьба Парижа... Коммуна и ея дни... А затѣмъ страшные дни, когда мародеры и шакалы, которые шли въ хвостѣ событій, оказались хозяевами исторической сцены и плотоядно набросились на лежачаго врага и началась дикая оргія массовыхъ убійствъ, издѣвательствъ, разстрѣловъ, мученій.

Съ страшною быстротою развертывался клубокъ грандіозныхъ историческихъ событій, отвлекая силы и вниманіе „Интернаціонала" отъ непосредственной его работы по организаціи рабочаго класса. Какъ мы увидимъ, „Интернаціоналу" пришлось принять самое дѣятельное участіе въ событіяхъ парижской Коммуны, но не это вовлеченіе въ цѣлый рядъ сложныхъ соціальныхъ движеній само по себѣ вызвало принципіальный расколъ, закончившійся распадомъ. События соціальной исторіи конца шестидесятыхъ и начала семидесятыхъ годовъ только содѣйствовали полному созрѣванію и, такъ сказать, вскрытію тѣхъ глубокихъ противорѣчій двухъ идеологій, которыя съ самаго основанія „Интернаціонала" уже обнаружили свою непримиримость.

Въ своей развитой формѣ противоположность этихъ двухъ идеологій сводилась къ противоположности между соціалистическимъ и анархическимъ направленіемъ и воплощалась, съ одной стороны—въ лицѣ Маркса, а съ другой—въ лицѣ Бакунина. Цен-

---

[1]) Ср. Oscar Testu. Die Internationale. Ihr Wesen und ihre Bestrebungen Leipzig. 1872. Стр. III.

тральнымъ и неустранимымъ пунктомъ разногласій между этими двумя теченіями было различіе въ отношеніяхъ ихъ къ государству и политической дѣятельности. Бакунисты считали и называли себя „антигосударственниками“, подвергали рѣзкой критикѣ „государственныя“ стремленія соціалистовъ и настаивали на необходимости для рабочаго класса лишь самостоятельной и боевой экономической организаціи, при полномъ и сознательномъ воздержаніи отъ политической борьбы. На политическую борьбу бакунисты смотрѣли, какъ на вредную буржуазную затѣю, приучающую рабочій классъ къ буржуазному строю и увѣковѣчивающую этотъ строй. Бакунисты требовали отъ рабочаго класса брезгливаго отстраненія отъ всякаго участія въ „буржуазной“ политикѣ и обѣщали, что только при этихъ условіяхъ „Международное Общество Рабочихъ“ однимъ своимъ дуновеніемъ снесетъ съ земли прогнившій капиталистическій строй. Бакунисты требовали, чтобы рабочіе отказались „отъ дѣятельности, имѣющей цѣлью произвести соціальное переустройство посредствомъ національныхъ политическихъ реформъ и чтобы они перенесли всю свою энергію на федеративное устройство профессіональныхъ союзовъ, какъ на единственное средство, способное обезпечить успѣхъ соціальной революціи“.

Что же касается нынѣшняго буржуазнаго общества, то бакунисты совѣтывали предоставить ему свободно разлагаться:

„Пусть, какъ Геліогабаллъ, гніетъ въ своихъ испражненіяхъ это общество эгоизма, преступленія и несправедливости; вскорѣ достаточно будетъ нашего дуновенія, чтобы оно низверглось въ позорѣ; тогда на развалинахъ стараго порядка мы сможемъ положить основаніе нашего общества свободы, равенства и солидарности“.

Мы видѣли, что уже въ своемъ „Вступительномъ адресѣ“ Марксъ ясно подчеркнулъ огромное значеніе экономической организаціи рабочаго класса и въ частности высоко оцѣнилъ значеніе профессіональныхъ союзовъ, но при этомъ, въ полную противоположность бакунистамъ, Марксъ и его послѣдователи неустанно указывали на необходимость для рабочаго класса возможно болѣе широкаго участія въ политической дѣятельности и на необходимости для рабочей партіи стремиться къ захвату политической власти.

Такова была основная причина глубокихъ разногласій, въ концѣ концовъ расколовшихъ „Интернаціоналъ“. Эти разногласія на первыхъ порахъ притуплялись благодаря тому, что „Интернаціоналъ“ по характеру своей задачи и организаціи носилъ сначала экономическій характеръ и не позволилъ особенно широко разгуляться политическимъ страстямъ и разногласіямъ. И только послѣ того, какъ грандіозныя историческія событія семидесятыхъ годовъ увлекли „Интернаціоналъ“ въ водоворотъ бурныхъ полити-

ческихъ событій, рѣзко обнаружились и непримиримо столкнулись марксизмъ съ бакунизмомъ.

Въ семидесятыхъ годахъ нѣмецкая соціалъ-демократія успѣшно начала свою политическую кампанію въ качествѣ самостоятельной политической партіи, и это обстоятельство, наряду съ другими, послужило новымъ толчкомъ къ тому, что Марксъ и его послѣдователи вновь ясно подчеркнули необходимость для пролетаріата политической борьбы. Вопросъ объ отношеніи къ политической борьбѣ и государственной организаціи въ большой степени становился осью, вокругъ которой вращались споры между бакунистами и марксистами.

Парижская Коммуна на время заставила эти споры смолкнуть. „Международное Общество Рабочихъ" не могло оставаться безучастнымъ зрителемъ великихъ событій Коммуны; оно было связано съ этой Коммуною тысячами нитей и принимало въ ней самое дѣятельное участіе.

Еще въ началѣ франко-прусской войны „Интернаціоналъ" обратился съ горячимъ воззваніемъ, будившимъ въ сердцахъ и умахъ французскихъ и нѣмецкихъ рабочихъ чувство негодованія и протеста противъ братоубійственной рѣзни.

Парижскіе члены „Интернаціонала" горячо говорили въ этомъ воззваніи:

„Опять политическое честолюбіе, подъ предлогомъ защиты національной чести и европейскаго равновѣсія, грозитъ всеобщему миру. Французскіе, нѣмецкіе и испанскіе рабочіе! Соединимъ свои голоса въ одинъ общій крикъ возмущенія противъ войны... Война, вызванная желаніемъ превосходства, или война въ интересахъ какой-нибудь династіи не можетъ въ глазахъ рабочихъ быть чѣмъ-нибудь инымъ, кромѣ преступнаго безумія. Мы, которые нуждается въ мирѣ и работѣ, мы громко протестуемъ противъ воинственныхъ кличей тѣхъ, кто можетъ откупиться отъ „налога кровью" (т. е. отъ воинской повинности) и для кого міровое несчастье служитъ источникомъ новыхъ спекуляцій. Нѣмецкіе братья наши! Вражда между нами, французскими и нѣмецкими рабочими, имѣла бы только послѣдствіемъ полное торжество деспотизма по обѣимъ сторонамъ Рейна... Рабочіе всѣхъ странъ! Каковы бы ни были въ данный моментъ результаты нашихъ общихъ усилій—мы, члены „Международнаго Товарищества Рабочихъ", для которыхъ не существуетъ никакихъ государственныхъ границъ, мы шлемъ вамъ, какъ залогъ неразрывной солидарности, добрыя пожеланія и привѣтъ отъ рабочихъ Франціи!"

На это горячее воззваніе французскихъ рабочихъ немедленно откликнулись рабочіе Германіи.

Въ Хемницѣ делегаты отъ 50 тысячъ саксонскихъ рабочихъ единогласно приняли резолюцію: „Отъ имени нѣмецкой демократіи вообще и въ частности отъ имени рабочей соціалъ-де-

мократической партіи мы объявляемъ нынѣшнюю войну исключительно династической... Съ радостью пожимаемъ мы братскую руку, протянутую намъ французскими рабочими... Памятуя лозунгъ „Международнаго Товарищества Рабочихъ“: „Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!“, мы никогда не забудемъ того, что рабочіе всѣхъ странъ—наши друзья, а деспоты всѣхъ странъ—наши враги“.

Берлинская секція „Интернаціонала“ отвѣтила французскимъ рабочимъ: „Мы всею душою присоединяемся къ вашему протесту... Мы даемъ великій обѣтъ въ томъ, что ни звуки трубъ, ни громы пушекъ, ни побѣда, ни пораженіе не отвратятъ насъ отъ нашего общаго дѣла объединенія рабочихъ всѣхъ странъ“.

Но всѣ эти протесты рабочихъ организацій были безсильны оставить ходъ историческихъ событій, развертывавшихся съ страшною силою и быстротою и оставлявшихъ за собою широкій кровавый слѣдъ.

Еще продолжалась кровопролитная война между Франціей и Германіей, еще стоялъ надъ всей Европой кровавый туманъ международной бойни, а уже внутри самой Франціи разгоралась новая упорная и кровопролитная *гражданская* война. Народная масса Парижа возстала и слила идею національной войны съ идеей соціальнаго преобразованія. Возникла знаменитая парижская Коммуна, представляющая самый замѣчательный экспериментъ въ области соціальнаго переустройства.

Экспериментъ этотъ былъ соціальнымъ, а не соціалистическимъ. Соціалисты составляли въ управляющихъ кругахъ Коммуны незначительное меньшинство, и по своему соціальному составу и по характеру своихъ убѣжденій большинство коммунаровъ было крѣпко прикрѣплено къ мелкой буржуазіи.

Возникнувъ среди грохота и хаоса быстро надвигавшихся историческихъ событій, не дававшихъ времени одуматься и организоваться, заставъ французскій рабочій классъ еще не достаточно многочисленнымъ, организованнымъ и сознательнымъ, безконечно осложнивъ соціальную борьбу національной, парижская Коммуна не представляла собою созданія, проникнутаго выдержаннымъ единствомъ своего плана и своего основного замысла. Наоборотъ, весь ея соціальный стиль, весь ея характеръ отражалъ на себѣ путаницу понятій многихъ ея руководителей. Революціонные фразеры и фантазеры, напялившіе на себя пестрые костюмы Великой французской революціи, собирались разыгрывать старыя историческія роли.

Листокъ прудонистовъ „Коммуна“ предостерегалъ отъ этого увлеченія революціонными маскарадами. „Молодежь, — писалъ этотъ листокъ, — поступаетъ, какъ гимназисты, разыгрывающіе роли Брута, Катона или Демосѳена. Такъ, съ одной стороны— у насъ школьная игра, а съ другой — тупицы и ископае-

мые, и вездѣ старые костюмы и истрепанные галуны. У Версаля свой 1815 годъ, у Парижа—свой 1793 г. Интеллигенты Коммуны, помните, что самое вредное для революціи, это—революціонный маскарадъ".

Съ другой же стороны, мелко-буржуазные трезвенники тащили Коммуну къ малымъ дѣламъ и озлобленно требовали, чтобы она занялась вопросами городского благоустройства въ то время, когда у воротъ Парижа сталъ ея двойной и объединенный врагъ—французская и прусская армія и въ то время, какъ не хватало самыхъ элементарныхъ оружій для отраженія этого врага.

Чрезвычайная пестрота и путаница тѣхъ желаній, стремленій и убѣжденій, которыя обнаруживали различныя группы и члены Коммуны, и неумолкающій грохотъ событій, заставлявшій постоянно напряженно стоять на часахъ и отовсюду ждать удара,—все это создавало такую атмосферу неопредѣленности, неувѣренности и нервозности, которая лишала возможности рѣшительныхъ и послѣдовательныхъ дѣйствій, требовавшихся всѣмъ ходомъ головокружительныхъ событій.

Коммуна пала подъ ударами внѣшнихъ враговъ вслѣдствіе раздоровъ и безпомощности своихъ вождей. На ея могилѣ начались дикія оргіи и каннибальскія пиршества торжествующихъ побѣдителей. Членовъ Коммуны разстрѣливали тысячами, ссылали, пытали, подвергали мучительствамъ и сладострастнымъ издѣвательствамъ, устраивали на нихъ облавы и охоты, какъ на дикихъ звѣрей.

Такъ печально закончился одинъ изъ величайшихъ экспериментовъ соціальнаго переустройства. Этотъ великій экспериментъ ясно показалъ, что французскій пролетаріатъ семидесятыхъ годовъ еще далеко не созрѣлъ для того, чтобы взять въ свои руки государственную власть и съ ея помощью перевести общество съ капиталистической на соціалистическую ступень развитія. Ни по своему экономическому развитію, ни по своей политической зрѣлости Франція семидесятыхъ годовъ не была готова для соціалистическаго переворота, и Коммуна призвана была совершить лишь переходъ Франціи къ „соціальной республикѣ".

Коммуна была раздавлена и задушена въ морѣ крови; но никакими репрессіями, никакими казнями и разстрѣлами нельзя было вырвать у парижской „черни" воспоминанія о тѣхъ великихъ дняхъ, когда вся правительственная власть была въ ихъ рукахъ, когда они воочію убѣдились, что не боги горшки обжигаютъ и отправленіе политической власти можетъ превосходно выполняться „блузниками". Несмотря на кратковременность своего существованія, несмотря на то, что вооруженный врагъ стоялъ у воротъ Парижа и постоянно отвлекалъ все главное вниманіе и всѣ главныя силы, несмотря на весь кромѣшный хаосъ историческихъ событій, Коммуна успѣла произвести очень многія

соціальныя реформы въ пользу трудящихся классовъ и успѣла въ теченіе краткаго періода сдѣлать такіе успѣхи въ области политическаго воспитанія и организаціи рабочаго класса, для которыхъ требовались въ обыденное время многіе десятки лѣтъ.

„Интернаціоналъ" принялъ самое дѣятельное участіе въ дѣлахъ Коммуны. Прежде всего многіе французскіе члены „Интернаціонала" состояли членами Коммуны и хотя составляли въ послѣдней меньшинство, но все-таки играли въ ней очень видную роль. Но помимо этого, генеральный совѣтъ „Интернаціонала" постоянно откликался на всѣ крупныя событія, связанныя съ Коммуной, и стремился выяснить ихъ смыслъ и значеніе.

Какъ мы уже знаемъ, на первыхъ порахъ „Интернаціоналъ" надѣялся, что объединенными усиліями пролетаріевъ всѣхъ странъ удастся положить конецъ войнѣ между Франціей и Германіей. Второе воззваніе „Интернаціонала" по поводу этой войны заканчивалось словами:

„Пусть же секціи международнаго товарищества рабочихъ призовутъ рабочій классъ во всѣхъ странахъ къ дѣятельному выступленію. Если рабочіе забудутъ свой долгъ, если они останутся пассивными,—настоящая ужасная война станетъ предтечей еще болѣе ужасныхъ международныхъ войнъ, приведетъ въ каждой странѣ къ новымъ побѣдамъ надъ рабочими рыцарей шпаги, капитала и землевладѣнія".

Но когда всѣ эти воззванія не остановили кровопролитной войны, и когда еще не просохнувшіе кровавые слѣды этой войны уже обильно покрылись свѣжей кровью новой гражданской войны, международное товарищество рабочихъ выпустило новое обширное составленное Марксомъ воззваніе, въ которомъ оно сжатыми и яркими штрихами обрисовало ходъ событій, приведшихъ къ возникновенію Коммуны, и затѣмъ выяснило, какое соціальное значеніе имѣетъ Куммуна.

Тайна Коммуны,—говорится въ воззваніи,—заключается въ томъ, что она, по существу своему, была *правительствомъ рабочаго класса*, результатомъ борьбы между классомъ производящимъ и классомъ присваивающимъ, той давно искомой политической формой, въ которой могло бы совершиться экономическое освобожденіе труда.

„Безъ этого послѣдняго условія Коммуна немыслима, безъ него она пустой призракъ. Политическое господство производителей не можетъ существовать рядомъ съ увѣковѣченіемъ ихъ соціальнаго рабства. Коммуна должна была поэтому служить орудіемъ ниспроверженія тѣхъ экономическихъ устоевъ, на которыхъ зиждется самое существованіе классовъ, а слѣдовательно и классовое господство. Разъ трудъ освобожденъ, всѣ станутъ рабочими, и производительный трудъ перестанетъ быть особенностью извѣстнаго класса".

„Рабочій классъ,—продолжало далѣе воззваніе,—не требовалъ чудесъ отъ Коммуны. Онъ не думаетъ осуществлять посредствомъ народнаго рѣшенія готовыхъ и законченныхъ утопій. Онъ знаетъ, что для того, чтобы добиться своего освобожденія и достигнуть той высшей формы жизни, къ которой неудержимо стремится современное общество въ силу собственнаго своего экономическаго развитія, ему придется выдержать упорную борьбу, пережить цѣлый рядъ историческихъ процессовъ, которые совершенно измѣнятъ и людей, и обстоятельства [1])“.

Обнаруживъ громадное моральное превосходство трудящагося класса надъ буржуазіей, показавъ, что трудящійся классъ, овладѣвъ политическою властью, употребляетъ ее на установленіе наибольшаго блага наибольшаго числа людей, Коммуна оказалась вмѣстѣ съ тѣмъ реально безсильной удержать власть въ своихъ рукахъ и отразить внѣшняго врага. Паденіе Коммуны повлекло за собою не только свирѣпое, каннибальское преслѣдованіе коммунаровъ, но и ожесточенныя нападки на международное товарищество рабочихъ. Въ немъ видѣли истиннаго вдохновителя и организатора всѣхъ соціальныхъ смутъ и повсюду принимали самыя энергичныя мѣры для того, чтобы положить конецъ его дѣятельности. Европейская пресса била тревогу и, страшно преувеличивая силы и значеніе „Интернаціонала“, открыла противъ него походъ, всюду усердно поддерживаемый репрессіями правительства. Международное товарищество рабочихъ гордо отвѣчало, что оно не боится этихъ репрессій, что никакія репрессіи не сломятъ его организаціи.

„Наше международное общество рабочихъ,— писалъ генеральный совѣтъ,— есть лишь международный союзъ, объединяющій передовыхъ рабочихъ разныхъ странъ цивилизованнаго міра. Гдѣ бы ни проявлялась классовая борьба, какія бы формы она ни принимала, при какихъ бы условіяхъ она ни происходила, каково бы ни было ея содержаніе, — вездѣ на первомъ мѣстѣ стоятъ, само собою разумѣется, члены нашего Международнаго Товарищество Рабочихъ. Та почва, на которой оно выросло, есть самое современное общество. Товарищество не можетъ быть искоренено, сколько бы крови ни было пролито. Чтобы искоренить его, правительства должны были бы искоренить условія своего собственнаго существованія“.

Но эти гордыя и твердыя слова оказались на дѣлѣ слишкомъ оптимистическими. Репрессіямъ правительства и внутреннимъ раздорамъ удалось въ концѣ концовъ погубить международное товарищество рабочихъ, вызвавъ сначала его упадокъ, а затѣмъ и полное исчезновеніе. Послѣ великихъ событій семидесятыхъ

[1]) Ср. К. Марксъ. „Гражданская война во Франціи“. Одесса 1905. Стр. 50—51.

годовъ, когда кончилась франко-прусская война и была похоронена парижская Коммуна, „Интернаціоналъ" понемногу вернулся къ своимъ очереднымъ текущимъ дѣламъ организаціи рабочаго класса, и теперь-то заглушенныя на время грохотомъ событій внутреннія разногласія обострились въ крайней степени.

Глубокія принципіальныя разногласія между различными теченіями въ средѣ „Интернаціонала" приняли отталкивающую форму личныхъ дрязгъ и грязныхъ перебранокъ и въ частности воплотились въ ожесточенной борьбѣ и ругнѣ между Марксомъ и Бакунинымъ. Марксъ открыто называлъ Бакунина агентомъ русскаго правительства, обвинялъ его въ вымогательствѣ денегъ, авантюризмѣ, лжи и т. д.

Бакунинъ въ свою очередь честилъ Утина, стоявшаго на сторонѣ Маркса, „жидовскимъ мальчишкою" [1]); писалъ, что Марксъ и вся его „германо-жидовская компанія затѣяли противъ меня грозный клеветливый процессъ".

Эта грязная и гадкая ругня становилась все крѣпче по мѣрѣ того, какъ обострялась борьба въ „Интернаціоналѣ" между реалистическимъ и романтическимъ направленіемъ.

Марксъ выступилъ съ печатнымъ обличительнымъ памфлетомъ, цѣль котораго была разъ навсегда дискредитировать Бакунина предъ соціалистическимъ міромъ. Матеріалъ для этого памфлета былъ собранъ и сгруппированъ русскимъ членомъ „Интернаціонала", Утинымъ. Марксъ обработалъ этотъ матеріалъ и выпустилъ его въ видѣ анонимнаго памфлета: „Союзъ соціалистической демократіи и международная ассоціація рабочихъ" [2]).

Памфлетъ этотъ былъ изданъ по постановленію конгресса „Интернаціонала" въ Гаагѣ, на которомъ произошла генеральная битва между марксистами и бакунистами.

Оставляя въ сторонѣ частности и личныя дрязги, мы должны будемъ признать, что обостреніе борьбы между этими двумя теченіями и завершеніе этой борьбы полнымъ разрывомъ было явленіемъ совершенно неизбѣжнымъ, какъ неизбѣжно столкновеніе поѣздовъ, идущихъ по однимъ рельсамъ на встрѣчу другъ другу.

Марксъ и его сторонники посредствомъ организаціи „Международнаго товарищества рабочихъ" стремились прежде всего вывести европейское рабочее движеніе изъ душнаго и тѣснаго подполья тайныхъ, заговорщическихъ организацій на широкій просторъ легальной политической партіи.

Какъ только закончился революціонный періодъ 1848 года и Марксъ, выкуренный ѣдкимъ дымомъ реакціи изъ Германіи,

---

[1]) Ср. Письма Бакунина къ А. Герцену и Н. Огареву. Спб. 1907. Стр. 363.

[2]) Ср. L'Alliance de la démocratie socialiste et l'association internationale des travailleurs. Londres et Hambourg. 1873. „Союзомъ соціалистической демократіи" называлось основанное Бакунинымъ общество.

переѣхалъ въ Лондонъ, онъ началъ неустанную борьбу съ игрой въ революцію, съ революціоннымъ романтизмомъ, всецѣло жившимъ переживаніями тайныхъ заговорщическихъ организацій. Онъ продолжалъ эту борьбу съ революціонной кружковщиной и революціонною обрядностью и въ „Интернаціоналѣ".

Въ своемъ письмѣ къ товарищу Больте Марксъ говоритъ объ „Интернаціоналѣ":

„Интернаціоналъ" былъ основанъ для того, чтобы на мѣсто соціалистическихъ и полу-соціалистическихъ сектъ создать истинную боевую организацію рабочаго класса... „Интернаціоналъ", собственно говоря, не могъ бы и возникнуть, если бы ходъ всей исторіи предварительно не разрушилъ бы сектантскія организаціи. Развитіе соціалистическихъ сектъ и развитіе настоящаго рабочаго движенія всегда находились въ обратномъ отношеніи. Пока секты находили свое историческое оправданіе, рабочій классъ, значитъ, еще не созрѣлъ для самостоятельнаго историческаго движенія. Когда же рабочій классъ уже достигалъ этой зрѣлости, всякія секты становились явленіемъ реакціоннымъ" [1]).

А между тѣмъ бакунисты принадлежали всѣмъ своимъ естествомъ къ этому уже изжитому исторіей типу сектантовъ-революціонеровъ. Марксъ и его товарищи стремились организовать рабочій классъ въ самостоятельную партію, ведущую энергичную борьбу за демократизацію политическаго строя государствъ, бакунисты же отрицали политическую борьбу, а отрицая парламентскую дѣятельность, опирались, главнымъ образомъ, не на классъ пролетаріата, а на деклассированные элементы.

Бакунинъ не разъ высказывалъ убѣжденіе, что именно деклассированные элементы общества являются надежными революціонерами, а не пролетаріатъ.

Въ 1872 году Бакунинъ пишетъ нѣкоему Франческо Мора: „Въ Италіи есть то, чего нѣтъ въ другихъ странахъ: — горячая, энергичная молодежь, совершенно *лишенная занятій* (*tout à fait déplacée*), *безъ всякихъ надеждъ на карьеру, безъ всякаго исхода*, и притомъ эта молодежь, не смотря на свое буржуазное происхожденіе, не истощена морально и интеллектуально такъ, какъ буржуазная молодежь другихъ странъ. Въ настоящее время она съ головою бросилась въ революціонный соціализмъ, *раздѣляя всю нашу программу, программу Альянса*" [2]).

Въ книжкѣ „Государственность и анархія" Бакунинъ выражается на этотъ счетъ еще опредѣленнѣе: „Да, можетъ-быть, нигдѣ такъ не близка соціальная революція, какъ въ Италіи...

---

1) Ср. Briefe und Auszüge aus Briefen von I. Becker, Dietzgen, Engels, Marx u. A. an Sorge und And. Stuttgart. 1906. Стр. 38.

2) Alliance de la democratie socialiste etc. Londres. 1873. 136 стр. Курсивъ Бакунина.

Въ Италіи не существуетъ, какъ во многихъ другихъ странахъ Европы, особаго рабочаго слоя, уже отчасти привилегированнаго благодаря значительному заработку, хвастающагося даже въ нѣкоторой степени литературнымъ образованіемъ и до того проникнутаго буржуазными началами, стремленіемъ и тщеславіемъ, что принадлежащій къ нему рабочій людъ отличается отъ буржуазнаго люда только положеніемъ, отнюдь же не направленіемъ... Въ Италіи преобладаетъ тотъ нищенскій пролетаріатъ, о которомъ гг. Марксъ и Энгельсъ, а за ними и вся школа соціальныхъ демократовъ Германіи, отзывается съ глубочайшимъ презрѣніемъ и совершенно напрасно, потому что въ немъ, и только въ немъ, отнюдь же не въ вышеозначенномъ буржуазномъ слоѣ рабочей массы, заключается и весь умъ и вся сила будущей соціальной революціи".

И по отношенію къ Россіи Бакунинъ писалъ въ 1869 году: „Я вѣрю единственно въ міръ мужицкій и грамотный міръ безпардонныхъ (!) юношей, не находящихъ себѣ ни мѣста, ни возможности занятія въ Россіи".

Могъ ли Бакунинъ, строившій всѣ свои надежды на деклассированныхъ элементахъ общества и считавшій Испанію и Италію наиболѣе революціонными странами, *потому что* тамъ нѣтъ обособленнаго класса рабочихъ, могъ ли онъ быть искреннимъ и дѣятельнымъ членомъ классовой организаціи Международнаго Товарищества *Рабочихъ?* Могъ ли Бакунинъ не тормазить дѣятельность „Интернаціонала", направленную на улучшеніе экономическаго положенію рабочихъ, когда онъ былъ убѣжденъ, что улучшеніе экономическаго положенія рабочихъ дѣлаетъ послѣднихъ буржуями „по направленію" и исключаетъ ихъ изъ революціонной арміи?

Могъ ли далѣе романтическій революціонизмъ Бакунина, страдавшаго, по мѣткому выраженію Герцена, постоянной революціонной чесоткой, ужиться съ реализмомъ Маркса, ожесточенно выкуривавшаго изъ „Интернаціонала" революціонное позерство и фразерство.

Бакунинъ былъ немыслимъ, былъ „самъ не свой" безъ этого революціоннаго позерства и фразерства, безъ игры въ революцію.

Герценъ писалъ о немъ:

„Бакунинъ помолодѣлъ, онъ былъ въ своемъ элементѣ. Онъ любилъ не только ревъ возстанія и шумъ клуба, площади и баррикады, онъ любилъ также приготовительную агитацію, эту возбужденную и вмѣстѣ съ тѣмъ задержанную жизнь конспирацій, консультацій, неспанныхъ ночей, переговоровъ, договоровъ, ректификацій, химическихъ чернилъ и условныхъ знаковъ. Кто изъ участниковъ не знаетъ, что репетиціи къ домашнему спектаклю и приготовленію елки составляютъ одну изъ лучшихъ изящныхъ частей?"

Такихъ два противоположныхъ типа революціонеровъ, какъ Марксъ и Бакунинъ, воплощавшихъ два различныхъ теченія соціалистической мысли и практики, не могли, конечно, ужиться въ рамкахъ одной и той же организаціи. Безконечныя принципіальныя разногласія и личныя дрязги должны были упереться въ категорическій вопросъ: кому уйти?

Этотъ вопросъ и былъ поставленъ на конгрессѣ въ Гаагѣ въ 1872 г. Чувствуя, что на этомъ конгрессѣ произойдетъ рѣшительное сраженіе между двумя враждующими теченіями и одно изъ нихъ должно будетъ уйти изъ „Интернаціонала“, всѣ спѣшили явиться на конгрессъ. Пріѣхалъ и Карлъ Марксъ, впервые лично посѣтившій конгрессъ.

Бакунисты прежде всего направили свою атаку противъ Генеральнаго Совѣта „Интернаціонала“. Они страстно доказывали, что Генеральный Совѣтъ въ его нынѣшней организаціи представляетъ собою авторитетное учрежденіе, одержимое самодержавными поползновеніями, и для борьбы съ этимъ бакунисты требовали коренной реорганизаціи Международнаго общества. Генеральный Совѣтъ въ этомъ реорганизованномъ Обществѣ долженъ былъ играть лишь роль административнаго центра, лишеннаго всякой „диктаторской“ власти.

Нужно ли говорить о томъ, что эта атака противъ Генеральнаго Совѣта была замаскированной атакой противъ Маркса, игравшаго въ этомъ Совѣтѣ рѣшающую роль?

Марксъ лично отвѣтилъ на эту атаку. Ссылаясь на то, что у Генеральнаго Совѣта нѣтъ въ распоряженіи никакой дисциплинарной власти, что этотъ совѣтъ избирается, Марксъ доказывалъ, что всѣ толки о диктаторской роли Совѣта являются лишь плодомъ безсильной злобы меньшинства, и въ виду этого необходимо сохранить нынѣшнюю организацію Совѣта и не сводить его роль до роли „почтоваго ящика“.

Большинство членовъ конгресса оказалось на сторонѣ Маркса, и атака бакунистовъ была отбита.

Вопросъ о политической борьбѣ вновь зажегъ жаркіе дебаты. Бакунисты горячо отстаивали тактику борьбы съ государствомъ ради полнаго уничтоженія послѣдняго и только въ этомъ направленіи и отношеніи признавали политическую борьбу; къ проповѣди же для пролетаріата организоваться въ самостоятельную политическую партію бакунисты отнеслись рѣзко отрицательно.

И въ этомъ пунктѣ побѣда оставалась за марксистами. Конгрессомъ была принята внесенная Вальяномъ резолюція.

Она гласила: „Въ своей борьбѣ за освобожденіе рабочіе могутъ выступать, какъ классъ, лишь объединившись въ политическую партію, которая бы вполнѣ отмежевалась отъ всѣхъ старыхъ партій имущихъ классовъ и враждебно противостояла бы этимъ партіямъ. Такое объединеніе рабочаго класса въ одну политиче-

скую партію необходимо для того, чтобы добиться тріумфа соціальной революціи и ея послѣдняго слова, уничтоженія всѣхъ классовъ. Концентрація силъ, которыя рабочій классъ уже проявилъ въ своей экономической борьбѣ, должна въ то же время служить ему рычагомъ въ его борьбѣ противъ политическаго значенія землевладѣльцевъ и капиталистовъ. Въ борьбѣ рабочаго класса за свое освобожденіе, экономическое движеніе и политическія дѣйствія являются нераздѣльно слитными".

Одержавъ идейную побѣду надъ бакунистами, обсудивъ, утвердивъ и благословивъ тактику и теорію марксистовъ, конгрессъ въ Гаагѣ приступилъ къ обсужденію самаго остраго пункта—вопроса объ организованномъ Бакунинымъ „Союзѣ соціалистической демократіи".

Разсмотрѣвъ этотъ вопросъ, конгрессъ пришелъ къ заключенію, что „Союзъ политической демократіи былъ основанъ съ цѣлью погубить „Интернаціоналъ", что статуты этого „Союза" противорѣчатъ статутамъ „Интернаціонала", что поведеніе Бакунина заслуживаетъ рѣзкаго осужденія и что поэтому Бакунинъ и его ближайшіе товарищи должны быть исключены изъ числа членовъ „Интернаціонала".

Это постановленіе вызвало сенсацію. Бакунинъ и его друзья не ожидали столь суроваго приговора, вызвавшаго рѣзкіе дебаты. Но исходъ голосованія дѣлалъ всѣ дальнѣйшіе протесты безнадежными. Теперь только и оставалась для бакунистовъ возможность бороться съ „Интернаціоналомъ", какъ съ внѣшнимъ врагомъ, такъ какъ двери „Интернаціонала" негостепріимно захлопнулись передъ пораженными и взбѣшенными бакунистами.

Но нельзя сказать, чтобы Марксъ и его сторонники чувствовали себя торжествующими побѣдителями. И для нихъ все яснѣе становилось, что „Интернаціоналъ" въ его тогдашней организаціи уже давно перешелъ высшую точку своей восходящей исторической линіи и теперь клонился къ упадку.

Конечно, только сознаніемъ того, что „Интернаціоналъ" заканчиваетъ свою историческую миссію, можно объяснить, почему на конгрессѣ въ Гаагѣ Марксъ и Энгельсъ такъ добивались и добились, чтобы Генеральный Совѣтъ былъ перенесенъ въ Нью-Іоркъ.

Свою рѣчь на гаагскомъ конгрессѣ Марксъ закончилъ словами, полными глубокой вѣры въ рабочій „Интернаціоналъ". Онъ говорилъ:

„Революція должна быть солидарной, и великое доказательство тому мы находимъ въ парижской Коммунѣ, которая пала потому, что во всѣхъ столицахъ, Берлинѣ, Мадридѣ и т. д., одновременно не возникло мощное революціонное движеніе, которое находилось бы въ тѣсной связи съ этимъ грандіознымъ возстаніемъ парижскаго пролетаріата. Что касается меня, то я буду

продолжать работать надъ моей задачей, надъ созданіемъ этой столь грозной въ будущемъ солидарности рабочихъ. Нѣтъ, я изъ „Интернаціонала“ не уйду, остатокъ моей жизни, какъ и вся моя предыдущая работа, будетъ посвященъ торжеству соціальныхъ идей, которыя, какъ я въ томъ убѣжденъ, когда-нибудь приведутъ къ господству пролетаріата“.

Но эти торжественныя и увѣренныя слова лишь маскировали тотъ непреложный фактъ, что Марксъ сознавалъ, что „Интернаціоналъ“ въ его тогдашней организаціи уже доигрывалъ свою историческую роль. Кромѣ того, въ самомъ Генеральномъ Совѣтѣ „Интернаціонала“ къ этому времени обострились крупныя разногласія, очень утомлявшія и раздражавшія Маркса.

Марксъ былъ утомленъ напряженной работой въ „Интернаціоналѣ“, да и работа надъ „Капиталомъ“ требовала напряженія всѣхъ его силъ. 27 мая 1872 года Энгельсъ писалъ Либкнехту: „Бельгійцы дебатировали, но окончательно еще не рѣшили вопроса о пересмотрѣ статутовъ. Гинсъ внесъ проектъ, которымъ упраздняется Генеральный Совѣтъ. *Лично я былъ бы очень радъ, если бы я и Марксъ больше не вошли туда;* при данномъ положеніи дѣлъ у насъ нѣтъ свободнаго времени для работы, и *этому долженъ быть положенъ конецъ*“.

Эти усталыя и раздраженныя слова Энгельса, сказанныя въ дружескомъ письмѣ, вѣрнѣе отражаютъ настроеніе Маркса, чѣмъ тѣ приведенныя нами слова его офиціальной рѣчи, гдѣ онъ говорилъ, что никогда не уйдетъ изъ „Интернаціонала“.

Послѣ конгресса въ Гаагѣ дѣятельность „Интернаціонала“ представляла процессъ постепеннаго и медленнаго умиранія. Частью исключенное, а частью само ушедшее прудонистски-бакунистское меньшинство членовъ „Интернаціонала“ не сложило оружія и пыталось создать изъ своего „Союза соціалистической демократіи“ новый „Интернаціоналъ“. Организаціонныя, тактическія и принципіальныя начала, положенныя въ основу бакунинскаго „Союза“, были діаметрально противоположны тѣмъ, которые руководили дѣятельностью „Интернаціонала“. Оставляя въ сторонѣ ту глубокую пропасть, которая зіяла между романтическимъ анархизмомъ Бакунина и реалистическимъ соціализмомъ Маркса, глубокое различіе обнаружилось и въ основныхъ цѣляхъ, которыя преслѣдовались этими двумя организаціями. Если „Интернаціоналъ“ употреблялъ всѣ свои силы для того, чтобы вывести соціалистическое движеніе изъ душной атмосферы подпольныхъ заговорщическихъ организацій на вольный воздухъ политической партіи, то бакунистскій „Союзъ“—наоборотъ—стремился вновь загнать соціалистическое движеніе въ мрачное подполье и вновь заковать въ тайную заговорщическую организацію.

Не даромъ вѣдь воззваніе бакунистскаго „Союза“ доказывало, что ихъ цѣль—создать генеральный штабъ революціоннаго

движенія, и что „число этихъ членовъ оранизаціи не должно быть очень велико. Для международной организаціи во всей Европѣ достаточно сотни хорошо сплоченныхъ революціонеровъ. Двѣ, три сотни революціонеровъ достаточны для организаціи движенія въ самой обширной странѣ“.

Въ программѣ бакунистскаго „Союза соціалистической демократіи“ и „Революціонной организаціи международныхъ братьевъ“ очень пестро перемѣшаны усвоенныя Бакунинымъ реалистическія идеи Маркса и соотвѣтствующія его естеству романтическія фантазіи. Въ программѣ этихъ организацій ясно, напр., указывается, что никакіе революціонеры и никакія революціонныя организаціи сами по себѣ не въ состояніи „сдѣлать революціи“, если народъ не готовъ для этой революціи.

Но вслѣдъ за этимъ сейчасъ же идутъ фантастическія разсужденія о значеніи и силѣ кучки хорошо сплоченныхъ и организованныхъ революціонеровъ, о революціонныхъ „инстинктахъ“ всякаго народа и т. д., и т. д., а въ параграфѣ второмъ программы „Международнаго союза соціалистической демократіи“ неожиданно заявляется, что этотъ союзъ „прежде всего стремится къ политическому, экономическому и соціальному *равенству классовъ* (veut avant tout *l'egalisation* politique, économique et sociale des classes! [1]).

За это чудовищное „равенство классовъ“ досталось Бакунину отъ Марксу. Бакунинъ самъ призналъ, послѣ основательной головомойки, устроенной ему на конгрессѣ, что организаціи, стремящейся теперь же устроить соціалистическій переворотъ и отмахивающейся отъ демократическаго государства, какъ отъ жалкой постепеновщины, не пристало говорить о „равенствѣ классовъ“, какъ своей главной цѣли.

„Новый Интернаціоналъ“, основанный Бакунинымъ, оказался мертворожденнымъ предпріятіемъ. Нашумѣвъ въ теченіе недолгаго срока, пустивъ нѣсколько гремучихъ и эффектныхъ революціонныхъ фейерверковъ и принявъ самое шумливое участіе въ той самой политической дѣятельности, которую теоретически онъ сто́ль рьяно презиралъ и отрицалъ, „Новый Интернаціоналъ“ сошелъ со сцены, а съ сентября 1873 г. на конгрессѣ въ Женевѣ было объявлено распущеннымъ и „Международное Товарищество Рабочихъ“.

Марксъ предполагалъ широко использовать для обширныхъ теоретическихъ работъ тотъ досугъ, который образовался у него съ прекращеніемъ „Интернаціонала“. Какъ ни много силъ, нервовъ и времени требовала отъ Маркса работа въ „Интернаціоналѣ“, но онъ всегда какъ-то находилъ время для обширныхъ теоретическихъ занятій, несмотря на то, что ему приходилось от-

---

[1]) Программы „Союза соціалистической демократіи“ и „Революціонной организаціи международныхъ братьевъ“ напечатаны въ приложеніи къ брошюрѣ Маркса-Утина „L'alliance de la democratie socialiste“ etc. Londres. 1873.

давать массу вниманія и труда на раздобыванія хлѣба насущнаго, и терпѣливо экспонировалъ себя толпѣ любопытныхъ.

Въ одномъ изъ писемъ къ Кугельману Марксъ полушутливо полускорбно пишетъ: „Подумай, mon cher, что если бы день имѣлъ 48 часовъ, то и тогда я все же не справлялся бы со своею ежедневною работою за послѣдніе мѣсяцы“. Работа для „Интернаціонала“ достигаетъ громадныхъ размѣровъ, далѣе, чрезмѣрный наплывъ эмигрантовъ въ Лондонѣ, которыхъ намъ приходится устраивать. Кромѣ того, мнѣ не даютъ проходу еще и другія лица, интервьюеры и всякіе другіе, желающіе собственными глазами увидѣсь „monstre'a“ [1]).

Но несмотря на это, въ эпоху интенсивной работы для „Интернаціонала“ Марксъ выпустилъ первый томъ „Капитала“.

Первый томъ „Капитала“ появился въ печати какъ разъ тогда, когда въ Лозаннѣ происходилъ конгрессъ „Интернаціонала“.

Въ предисловіи къ „Капиталу“ Марксъ недаромъ писалъ, что „въ области политической экономіи свободное научное изслѣдованіе встрѣчаетъ не только тѣхъ же самыхъ враговъ, какъ и въ другихъ областяхъ. Своеобразный характеръ предмета, который она разсматриваетъ, вызываетъ на борьбу противъ такого изслѣдованія самыя сильныя, самыя мелочныя, самыя злобныя человѣческія страсти, возбуждаетъ противъ него всѣхъ фурій частнаго интереса“.

Встрѣча, которая была оказана первому тому „Капитала“, какъ нельзя лучше подтвердила справедливость приведенныхъ словъ Маркса.

Главный камень преткновенія состоялъ въ томъ, что Марксъ искусною и твердою рукою подводилъ надежный научный фундаментъ подъ тѣ самыя соціалистическія теоріи, которыя до сихъ поръ нѣмецкіе ученые привыкли третировать, какъ „чародѣйства красныхъ вымысловъ“, какъ карточный домикъ, разсыпающійся отъ перваго легкаго дуновенія научной критики. Но съ „Капиталомъ“ раздѣлаться было не такъ легко. Марксъ, ждавшій и призывавшій серьезную научную критику, былъ крайне раздраженъ этимъ „заговоромъ молчанія“, какъ онъ писалъ Кугельману.

„Трусость профессіональныхъ мандариновъ, съ одной стороны,—пишетъ Марксъ въ февралѣ 1869 г. Кугельману,—и заговоръ замалчиванія буржуазной и реакціонной прессы—съ другой, сильно мнѣ вредятъ“.

Но долго замалчивать такое произведеніе, какъ „Капиталъ“ Маркса нельзя было. О немъ заговорила скоро и буржуазная печать, и еще раньше стали приходить восторженные отзывы соціалистической аудиторіи.

Бывшій товарищъ Маркса, Арнольдъ Руге, ко времени по-

---

[1]) Письма К. Маркса къ Кугельману. Спб. 1907. Стр. 100—101.

явленія „Капитала“ уже успѣвшій рѣзко разойтись съ Марксомъ, съ восторгомъ привѣтствовалъ появленіе „Капитала“. Онъ писалъ о немъ: „Это—произведеніе, составляющее эпоху; оно проливаетъ яркій, часто рѣзкій свѣтъ на развитіе, на гибель и страшныя родовыя боли общественныхъ періодовъ. Объясненіе прибавочной цѣнности посредствомъ неоплаченнаго труда, доказательство экспропріаціи рабочихъ, работающихъ на себя, и предстоящей экспропріаціи экспропріаторовъ—являются классическими. Марксъ обладаетъ обширными знаніями и великолѣпнымъ діалектическимъ талантомъ. Книга его выходитъ за предѣлы горизонта многихъ людей и публицистовъ, но она несомнѣнно проложитъ себѣ путь и, несмотря на широко задуманный планъ ея или же благодаря ему, будетъ имѣть могучее вліяніе“.

Слова Арнольда Руге показываютъ, что тотчасъ же по выходѣ „Капитала“ передовые мыслители Германіи поняли, какую могущественную роль призванъ сыграть этотъ ученый трактатъ. Конечно, на первыхъ порахъ число людей, понявшихъ „Капиталъ“ и его значеніе, было очень не велико, и въ письмахъ Маркса, относящихся къ этой эпохѣ, ясно звучатъ нотки раздраженія.

Но великія идеи „Капитала“ точно концентрическіе круги, расходящіеся отъ брошеннаго въ воду камня, охватывали все болѣе и болѣе широкіе слои.

Замѣчательно при этомъ, что успѣхъ идей „Капитала“ совершенно не соотвѣтствовалъ степени экономической зрѣлости тѣхъ странъ, гдѣ онѣ распространялись. Наиболѣе широко и быстро распространились онѣ въ Германіи, а за нею слѣдовала изъ великихъ европейскихъ государствъ наиболѣе отсталая по своему экономическому развитію—Россія.

Марксъ въ одномъ изъ писемъ къ Кугельману, уже въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, отмѣтилъ успѣхъ своихъ идей въ Россіи, и нельзя сказать, чтобы очень возгордился по этому поводу или даже просто обрадовался.

„Нѣсколько дней тому назадъ,—пишетъ Марксъ въ октябрѣ 1868 г.,—какой-то петербургскій книгоиздатель поразилъ меня извѣстіемъ о томъ, что „Капиталъ“ печатается въ настоящее время въ русскомъ переводѣ. Онъ просилъ мою фотографическую карточку для его обложки, и въ такомъ пустякѣ я не могъ отказать моимъ хорошимъ друзьямъ-русскимъ. Иронія судьбы заключается въ томъ, что русскіе, противъ которыхъ я вотъ уже 25 лѣтъ выступалъ не только на нѣмецкомъ, но и на французскомъ и на англійскомъ языкахъ, всегда были моими доброжелателями. Въ 1843—1844 гг. въ Парижѣ тамошніе русскіе аристократы меня на рукахъ носили. Мое сочиненіе противъ Прудона (1847 г.), а также и вышедшее у Дункера (1859 г.) нигдѣ не нашли большаго сбыта, чѣмъ въ Россіи. И первая чужая нація,

переведшая „Капиталъ“,—это русская. Но все это нельзя очень высоко цѣнить. Русская аристократія въ юности своей воспитывается въ нѣмецкихъ университетахъ и въ Парижѣ. Она всегда гонится за самымъ крайнимъ изъ того, что даетъ Западъ. Это чистая гастрономія, какой занималась часть французской аристократія въ XVIII вѣкѣ“ [1]).

Но очень скоро Марксъ убѣдился, что его идеи не только тѣшатъ русскую аристократію, какъ „плѣнной мысли раздраженіе“, какъ острая пряная духовная пища. Вскорѣ по выходѣ „Капитала“ Марксъ убѣдился, что въ далекой, таинственной Россіи объявился новый другъ - читатель „Капитала“, читатель, никогда и никакой „гастрономіи“ и не нюхавшій и глубоко усвоившій соціальную суть марксизма.

Въ концѣ 1867 года Марксъ получилъ изъ С.-Петербурга отъ Іосифа Дицгена, „мастера владимірской фабрики кожевенныхъ издѣлій“, письмо, которое ясно показало, какъ быстро проникли и какъ глубоко были поняты основныя идеи „Капитала“ передовыми единицами рабочаго класса.

Въ этомъ замѣчательномъ письмѣ талантливый философъ-кожевникъ писалъ Марксу:

„Глубокоуважаемый г. Марксъ!

„Позвольте мнѣ, прошу Васъ, хотя я съ Вами незнакомъ, выразить Вамъ мою признательность за тѣ неоцѣнимыя услуги, которыя Вы своими изслѣдованіями оказали какъ наукѣ, такъ и въ частности рабочему классу. Уже въ ранней юности, какъ я былъ въ состояніи скорѣе только угадывать, чѣмъ понимать все богатое содержаніе Вашихъ произведеній, я былъ ими очарованъ и, не переставая, по нѣсколько разъ перечитывалъ, пока не достигалъ удовлетворявшаго меня яснаго ихъ пониманія. Но тотъ энтузіазмъ, который возбудило во мнѣ изученіе Вашего недавно появившагося въ Гамбургѣ произведенія (т. е. „Капитала“. *П. Б.)*, побуждаетъ меня съ, быть - можетъ, навязчивой нескромностью выразить Вамъ свою признательность, почтеніе и благодарность. Появившуюся въ Берлинѣ первую книгу „Къ критикѣ политической экономіи“ я въ свое время проштудировалъ весьма прилежно и признаюсь, что никогда ни одна книга, сколь бы многотомна она ни была, не дала мнѣ столь много новыхъ положительныхъ знаній и такого яснаго пониманія предмета, какъ эта небольшая брошюра. И поэтому я съ большимъ нетерпѣніемъ ожидалъ ея продолженіе. Вы впервые въ ясной, неопровержимой научной формѣ высказали то, что отнынѣ станетъ *сознательной* тенденціей историческаго развитія, а именно—тенденцію подчинить человѣческому сознанію, бывшему до сихъ поръ слѣпымъ,

[1]) Письма К. Маркса къ Кугельману. Спб. 1907. Стр. 51.

естественную силу общественнаго процесса производства. Вы объяснили причины этой тенденціи, Вы помогли проникнуться сознаніемъ того, что наше производство носитъ стихійный характеръ, и въ этомъ—Ваша безсмертная заслуга, глубокоуважаемый г. Марксъ. Съ теченіемъ времени всѣ оцѣнятъ и должны оцѣнить по заслугамъ Ваши произведенія. Между строкъ Вашего произведенія я читаю, что предпосылку Вашей глубоко обоснованной политической экономіи составляетъ глубоко обоснованная философія".

Кратко изложивъ далѣе свои замѣчательныя философскія идеи, Дицгенъ заканчивалъ свое письмо словами:

„Еще разъ заканчиваю увѣреніемъ, что я принимаю живѣйшее участіе въ Вашихъ стремленіяхъ, выходящихъ далеко за предѣлы нашего времени. Соціальное развитіе, борьба за господство рабочаго класса интересуетъ меня гораздо живѣе, нежели мои собственныя личныя дѣла. Я жалѣю только о томъ, что я не въ состояніи принимать въ этомъ болѣе дѣятельнаго участія".

Іосифъ Дицгенъ, мастеръ Владимірской фабрики кожевеныхъ издѣлій. Васильевскій Островъ. Спб, 24 октября (7 ноября) 1867 г.

Это замѣчательное письмо рабочаго доставило Марксу минуты глубокаго удовлетворенія. Въ такія минуты Марксъ ясно чувствовалъ, что великія идеи „Капитала" съ удивительною быстротою успѣли проникнуть даже въ далекую, отсталую Русь и здѣсь болѣе горячо восприняты и глубоко поняты тѣми, пока единицами, для арміи которыхъ и создавался „Капиталъ".

А вскорѣ по выходѣ на русскомъ языкѣ „Капитала" о немъ появилась въ „Вѣстникѣ Европы" глубокая критическая статья Кауфмана, которую Марксъ съ сочувствіемъ изложилъ въ предисловіи ко второму изданію „Капитала".

Въ то же самое время стали во все растущемъ числѣ появляться статьи о „Капиталѣ" на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ. Марксу уже не приходилось жаловаться на то, что „Капиталъ" замалчиваютъ.

IX.

Карлъ Марксъ и рабочее движеніе въ Германіи. — Лассальянство и марксизмъ.—Личная жизнь Маркса.—Къ характеристикѣ Маркса.

Величайшій нѣмецкій соціалистъ дѣйствовалъ въ самой Германіи всего одинъ годъ, всѣ остальные годы онъ провелъ на чужбинѣ, сначала въ добровольномъ, а потомъ и вынужденномъ изгнаніи. Только „безумный“ 1848 годъ, революціоннымъ вихремъ пронесшійся по всей Западной Европѣ, позволилъ Марксу вернуться на родину и принять самое непосредственное и энергичное участіе въ ея политическихъ судьбахъ. Мы видѣли, что Марксъ весь отдался тогда блестящей газетной кампаніи противъ абсолютизма и феодализма, угрюмою и упрямою стѣною задерживавшихъ бурные порывы освободительнаго движенія.

Мы уже видѣли выше, что подъ конецъ этой кампаніи, вынужденный измѣной буржуазіи и безсиліемъ изолированнаго и неорганизованнаго пролетаріата, Карлъ Марксъ сталъ удѣлять все больше времени и вниманія *непосредственной* работѣ надъ организаціей и политическимъ сплоченіемъ нѣмецкаго рабочаго класса, но эта новая дѣятельность Маркса въ самомъ ея началѣ была насильственно прервана реакціей, выселившей Маркса изъ предѣловъ Пруссіи и вновь заставившей его сдѣлаться политическимъ изгнанникомъ.

Когда революціонное движеніе было подавлено, торжествующая реакція принялась ожесточенно вытаптывать всѣ посѣвы и всходы „безумнаго“ года и, конечно, уничтожила огромное большинство рабочихъ организацій.

Послѣ долгихъ сношеній и совѣщаній между различными нѣмецкими государствами, были выработаны общія правила, опубликованныя 13-го іюля 1854 года.

Первый параграфъ этихъ правилъ гласилъ:

„Во всѣхъ союзныхъ нѣмецкихъ государствахъ могутъ быть допускаемы лишь такіе союзы, которые могутъ представить достаточныя доказательства въ томъ, что ихъ цѣли находятся въ согласіи съ союзными и мѣстными законами и не угрожаютъ общественной безопасности и порядку“.

Подобные каучуковые параграфы уже сами по себѣ вполнѣ развязывали правительству руки и позволяли на законномъ основаніи разогнать всѣ рабочія организаціи. Но не довольствуясь

этимъ, для большей вразумительности союзный сеймъ изготовилъ специальный восьмой параграфъ, уже прямо гласившій:

„Въ интересахъ общей безопасности всѣ союзныя правительства симъ обязуются въ теченіе двухъ мѣсяцевъ закрыть всѣ еще существующіе въ ихъ предѣлахъ рабочіе союзы и рабочія братства, преслѣдующія политическія, соціалистическія или коммунистическія цѣли, и подъ угрозой наказанія помѣшать возобновленію подобныхъ союзовъ“.

Рабочіе союзы, правда, не совсѣмъ исчезли. Остались въ живыхъ образовательные и чисто-экономическіе союзы рабочихъ, но и они влачили унылое и жалкое существованіе.

Рабочая масса Германіи пятидесятыхъ годовъ была еще слишкомъ малочисленна, неорганизована и малосознательна для того, чтобы не съежиться подъ тупыми ударами реакціи и вступить съ ней въ борьбу одинъ на одинъ. Тяжелая мгла реакціи все гуще заволакивала страну. Политически безглагольна и недвижима была рабочая масса, и только въ ея скрытой глубинѣ мало-по-малу разгорался священный огонь сознательности и медленно накапливались силы.

Одинъ изъ видныхъ дѣятелей той эпохи, Бернгардъ Беккеръ, въ такихъ словахъ говоритъ объ этомъ тяжеломъ и тускломъ времени: „Теперь въ Германіи, куда ни посмотришь, повсюду замѣчаешь отвращеніе къ политикѣ, страхъ и сонливость. „Крайніе“ демократы сидятъ по тюрьмамъ, голодаютъ въ изгнаніи или же благодаря политическому надзору, карамъ и штрафамъ присмирѣли и стали осторожны. И ихъ надежды и бодрость подчинились общему упадку духа и разочарованію. Многіе изъ прежнихъ партійныхъ товарищей перешли въ лагерь реакціи или сдѣлались болѣе умѣренными. Отъ испытаннаго потрясенія многіе преждевременно постарѣли и умерли съ разбитымъ сердцемъ. Другіе, разочарованные сдѣланными ошибками, потеряли бодрость, увѣренность, вѣру въ самихъ себя. Разбитые и усталые выходили изъ тюремъ на свободу одни политическіе заключенные за другими, чтобы погрузиться въ тусклую жизнь филистера и уйти въ семейную жизнь и матеріальную карьеру [1]).

Медленно и туго разсѣивались тучи реакціи, разгоняемые вновь оживляющимся общественнымъ движеніемъ. Лишь къ шестидесятымъ годамъ по всей Европѣ вновь повѣяло свѣжимъ порывомъ къ освобожденію Появился и сталъ быстро расти „Интернаціоналъ“.

Постоянно отрѣзанный отъ родины, Марксъ и вообще былъ этимъ самымъ лишенъ возможности принять непосредственное участіе въ нѣмецкомъ рабочемъ движеніи, но кромѣ этого, близ-

---

[1]) B. Becker. Geschichte des Arbeiter-Agitation F. Lassall's. Braunschweig. 1875. Стр. 11.

кое участіе въ международномъ рабочемъ движеніи мѣшало ему погрузиться въ детали рабочаго движенія въ Германіи. И только по мѣрѣ того, какъ нѣмецкое рабочее движеніе начиная съ шестидесятыхъ годовъ, начинало обнаруживать быстрый темпъ роста и зрѣлости, Марксъ сталъ удѣлять ему все большее и большее вниманіе.

Въ Германіи въ это время быстро всходила яркая звѣзда Лассаля. Лассаль самъ признавалъ и называлъ себя ученикомъ Маркса и открыто указывалъ и на авторитетъ, и на пріоритетъ послѣдняго. Но все это ни мало не мѣшало Марксу и Лассалю быть людьми совершенно разнаго психическаго склада и различныхъ соціально - политическихъ воззрѣній. Это ясно сказалось въ той блестящей кампаніи, которую велъ Лассаль въ шестидесятыхъ годахъ въ періодъ конституціоннаго конфликта между нѣмецкой либеральной буржуазіей и феодальнымъ правительствомъ.

Какъ мы уже отмѣтили, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ по всей Европѣ вновь повѣяло дуновеніемъ свободы. Въ частности, въ Германіи вновь обострилась борьба между либеральной буржуазіей и феодальнымъ правительствомъ съ Бисмаркомъ во главѣ. Либеральная буржуазія, твердо опираясь на мощное промышленное развитіе Германіи, на свою сплоченность и интеллигентность, настойчиво тянулась къ политической власти, но феодальное правительство, опиравшееся на поземельную знать, каждый разъ больно ударяло буржуазію по пальцамъ и ни за что не хотѣло уступить свои теплыя и насиженныя мѣста хозяевъ политической сцены буржуазнымъ „выскочкамъ“.

Въ этой борьбѣ между феодальнымъ и буржуазно-конституціоннымъ строемъ обѣ борющіяся стороны, не чувствуя себя достаточно сильными для единоборства, пытались перетянуть на свою сторону промышленный пролетаріатъ. Было, конечно, ясно, что сознательный пролетаріатъ въ этой конституціонной борьбѣ всею своею помощью станетъ на сторону либеральной буржуазіи въ ея тяжбѣ съ абсолютизмомъ и феодализмомъ. Чѣмъ быстрѣе росъ нѣмецкій пролетаріатъ, тѣмъ глубже врѣзывались въ его тѣло феодально-абсолютистскія путы, разбросанныя по всей Германіи, оставшіяся отъ разбитаго, но не добитаго дореволюціоннаго строя.

Нѣмецкій пролетаріатъ не могъ шагу сдѣлать впередъ, не ударившись больно объ эти безчисленные обломки феодально-приказнаго строя. Нѣмецкому пролетаріату, какъ воздухъ, необходима была политическая свобода, необходимъ былъ широкій конституціонный строй. Могли ли быть при этихъ условіяхъ какія-либо сомнѣнія въ томъ, что маломальски сознательные слои пролетаріата объединятся съ либеральною буржуазіей для борьбы съ феодализмомъ за „конституціонныя гарантіи“?

Но это само по себѣ чрезвычайно ясное и чрезвычайно бла-

гопріятное для буржуазіи положеніе вещей очень затемнялось и осложнялось чрезвычайною перепутанностью соціально-политическихъ отношеній и воззрѣній, господствовашихъ въ Германіи шестидесятыхъ годовъ.

Нѣмецкой буржуазіи, конечно, вполнѣ ясно было, что она должна и легко можетъ привлечь всѣ симпатіи и всю поддержку промышленнаго пролетаріата на свою сторону, поскольку она борется съ абсолютизмомъ во имя конституціонализма. И быть-можетъ, никогда либеральная нѣмецкая буржуазія не „возплась" столько съ рабочимъ классомъ, какъ въ шестидесятые годы. Она устраивала и поддерживала всевозможныя просвѣтительныя и образовательныя рабочія общества, она браталась съ рабочими, она содѣйствовала устройству среди рабочихъ всяческихъ обществъ экономической самопомощи, и на первыхъ порахъ буржуазіи казалось, что все идетъ къ обоюдному согласію между нею и рабочимъ классомъ.

Но во всѣхъ этихъ хлопотахъ о рабочихъ буржуазія не допускала и мысли о возможности самостоятельнаго рабочаго движенія, не допускала и мысли о *политической* самостоятельности рабочихъ. Насколько она сочувственно относилась къ безчисленнымъ затѣямъ устройства *экономической* самодѣятельности среди рабочихъ, настолько же сурово и раздраженно осуждала она всѣ самостоятельныя политическія движенія рабочихъ. А между тѣмъ въ нѣмецкомъ рабочемъ движеніи шестидесятыхъ годовъ проснулось мощное стремленіе выйти изъ политической опеки буржуазіи и стать на свои ноги. Вмѣстить въ свою конституціонную борьбу съ абсолютизмомъ и политически-самостоятельное рабочее движеніе нѣмецкая либеральная буржуазія не соглашалась ни за что, и благодаря этому всякій самостоятельный политическій шагъ пролетаріата навлекалъ на него гнѣвъ и немилость буржуазіи. А въ шестидесятыхъ годахъ нѣмецкій пролетаріатъ, очнувшись отъ разгрома 1848 года, дѣлалъ все болѣе твердые шаги по пути своего политическаго самоопредѣленія. И это сильно раздражало либеральную буржуазію. Она была убѣждена, что рабочій классъ Германіи будетъ ея политической арміей, которой она будетъ свободно командовать и располагать.

До чего буржуазія опасалась всякаго самостоятельнаго политическаго движенія среди рабочихъ, показываетъ, напр., такой фактъ, что въ прогрессистскій „Національный союзъ" доступъ широкой рабочей массѣ былъ прегражденъ высокимъ членскимъ взносомъ, взимаемымъ къ тому же сразу. Напрасно вожаки рабочихъ, стоявшіе въ рядахъ прогрессивной партіи, употребляли всѣ усилія, чтобы рабочимъ хотя бы разсрочили членскій взносъ. на всѣ эти хлопоты прогрессисты отвѣтили отказомъ, боясь, что рабочіе широкою волною прильютъ къ центральнымъ организаціямъ либеральной буржуазіи.

При такихъ условіяхъ всякій истинно-прогрессивный политическій шагъ со стороны нѣмецкаго рабочаго класса усложнялъ и обострялъ отношенія между либералами и демократами и приближалъ неминуемость разрыва между ними. Эти постоянныя тренія между рабочими, стремившимися къ политической самостоятельности, и политически опекавшими ихъ либералами усиливали уже пробудившееся у рабочихъ стремленіе къ классовой организаціи. Къ самому началу шестидесятыхъ годовъ, подъ вліяніемъ цѣлаго ряда факторовъ отчасти международнаго, а отчасти національнаго характера, у рабочихъ Германіи сдѣлалась очень популярной идея общаго рабочаго съѣзда.

Пропаганда общенѣмецкаго рабочаго съѣзда, конечно, очень огорчила и встревожила нѣмецкихъ прогрессистовъ. „Народная Газета“ прогрессистовъ заклинала рабочихъ отказаться отъ этой затѣи, по ея словамъ, прямо играющей въ руку реакціи, раздробляющей силы единой конституціонной арміи и краснымъ призракомъ отпугивающей въ лагерь реакціи многихъ друзей свободы.

Но эти суровыя осужденія либераловъ только убѣждали наиболѣе прогрессивные слои рабочихъ въ томъ, что по пути политической самостоятельности они могутъ итти, только выйдя окончательно изъ-подъ опеки буржуазіи и создавъ свою самостоятельную организацію.

И уже въ 1862 году наиболѣе передовые и рѣшительные слои нѣмецкаго пролетеріата вышли изъ организаціи прогрессистовъ и основали свой чисто-рабочій союзъ „Впередъ“. Идея общенѣмецкаго рабочаго съѣзда, встрѣчая для своего практическаго осуществленія нескончаемыя трудности какъ внутри самого рабочаго класса, такъ и во внѣшнихъ условіяхъ, однако, созрѣвала все болѣе и болѣе.

Пропагандисты этой идеи не тѣшили себя никакими особенными иллюзіями и не собирались навязать рабочему съѣзду какія-либо опредѣленныя рѣшенія. Фальтейхъ, одинъ изъ наиболѣе неутомимыхъ пропагандистовъ рабочаго съѣзда, въ своемъ оставшемся неопубликованномъ воззваніи хорошо охарактеризовалъ задачи, которыя ставились съѣзду.

„Мы знаемъ,—гласило это воззваніе,—духовную и матеріальную нужду своихъ товарищей и принимаемъ ее близко къ сердцу; мы хотимъ, друзья, чтобы вы заявили, наконецъ, какъ сильно гнететъ васъ эта нужда, и конгрессъ долженъ быть вашими устами. Онъ долженъ доказать, что нѣмецкое рабочее сословіе стало совершеннолѣтнимъ и чувствуетъ себя призваннымъ, если не дать окончательное разрѣшеніе высоко-важнаго соціальнаго вопроса, то, по крайней мѣрѣ, положить ему начало и подвинуть его впередъ. Рабочее сословіе соединяетъ въ себѣ необходимыя для этого ясность ума, богатство чувства, обдуманность и выдержку въ дѣйствіяхъ, оно одинаково чуждо стяжательному матеріализму

англичанина и утопическому идеализму француза, оно обладаетъ способностью и желаніемъ трудолюбиво завоевать себѣ свое освобожденіе, продолжая спокойно строить на основѣ данныхъ отношеній".

Послѣ разныхъ мытарствъ и затрудненій рабочіе, подготовившіе съѣздъ, рѣшили обратиться за совѣтомъ и помощью къ Фердинанду Лассалю. Лассаль живо откликнулся, и съ этихъ поръ блестящая политическая кампанія, которую велъ Лассаль, дѣлаетъ его центральной фигурой нѣмецкаго рабочаго движенія. У насъ здѣсь нѣтъ мѣста, да это и не входитъ въ нашу задачу, описывать хоть бы въ общихъ чертахъ яркую и многообразную дѣятельность Ф. Лассаля. Намъ нужно въ этой дѣятельности отмѣтить лишь главные пункты расхожденія между Лассалемъ и Марксомъ.

Трудно преувеличить громадность роли, сыгранной Лассалемъ въ дѣлѣ *политическаго* воспитанія нѣмецкаго рабочаго класса. Съ одной стороны, условія очень благопріятствовали Лассалю: шестидесятые годы во всей Западной Европѣ были отмѣчены сильнымъ политическимъ подъемомъ рабочаго класса. Въ этотъ подъемъ былъ втянутъ и нѣмецкій пролетаріатъ. Что же касается спеціально-нѣмецкихъ условій, то и они съ одной стороны тоже чрезвычайно благопріятствовали Лассалю: за нѣмецкимъ пролетаріатомъ шестидесятыхъ годовъ „ухаживали" и феодальное правительство, и либеральная буржуазія.

Но если это послѣднее обстоятельство, съ одной стороны, создавало благопріятную почву для политическаго пробужденія и сплоченія нѣмецкаго пролетаріата, то, съ другой стороны, это же создавало чрезвычайную скользкую почву, соблазняющую ко всякаго рода политиканству. И какъ мы знаемъ, Лассаль очень часто на этой именно почвѣ отъ политики соскальзывалъ къ политиканству и дѣлалъ грубыя политическія безтактности.

Положеніе его было чрезвычайно трудно. Мы уже знаемъ, что либеральная нѣмецкая буржуазія, всячески поощрявшая образовательное и экономическое движеніе пролетаріата, вмѣстѣ съ тѣмъ испуганно и раздраженно косилась на всякое самостоятельное политическое движеніе нѣмецкаго рабочаго класса. Въ своей конституціонной программѣ нѣмецкіе прогрессисты, правда, гарантировали всѣ тѣ политическія „свободы", которыхъ въ первую голову добивался тогда пролетаріатъ, но коренное политическое требованіе пролетаріата—всеобщее избирательное право, хотя формально и не отвергалось прогрессистами, но и не находило въ нихъ искренней и дѣйствительной поддержки. И несправедливо было бы видѣть въ этомъ простое проявленіе классовой корысти нѣмецкой буржуазіи. Не слѣдуетъ забывать, что тогдашняя европейская демократія жила подъ свѣжимъ еще впечатлѣніемъ государственнаго переворота, устроеннаго Луи Наполеономъ съ по-

мощью всенароднаго голосованія. Этотъ реакціонный переворотъ надолго дискредитировалъ въ глазахъ европейской демократіи идею всеобщаго избирательнаго права, идею, которой она еще недавно такъ пламенно поклонялась, видя въ ней панацею отъ всѣхъ политическихъ и соціальныхъ бѣдъ. И благодаря тому же самому обстоятельству, идея всеобщаго избирательнаго права сразу привлекла къ себѣ широкія симпатіи со стороны охранителей.

Консервативные элементы нѣмецкаго общества шестидесятыхъ годовъ вообще склонны были забросить въ пролетарское море удочку съ „соціалистической" приманкой, чтобы отвлечь рабочій классъ отъ ненавистной либеральной буржуазіи и, изолировавъ ее, легко разбить. Среди извѣстныхъ и очень вліятельныхъ консервативныхъ круговъ Германіи шестидесятыхъ годовъ получилъ довольно широкое распространеніе тотъ „консервативный соціализмъ", который былъ распространенъ въ Англіи двадцатыхъ годовъ. Рабочее движеніе, по малочисленности и неорганизованности пролетаріата, тогда еще очень мало пугало нѣмецкіе феодальные классы, и они не прочь были на счетъ буржуазіи заняться „соціальной политикой", положить начало „соціальному королевству", а во всеобщемъ избирательномъ правѣ, памятуя знаменитый экспериментъ Наполеона III, они склонны были видѣть лишь средство укрѣпленія своей власти.

При такихъ необычныхъ условіяхъ Лассалю не легко было вести кампанію въ пользу всеобщаго избирательнаго права и въ пользу самостоятельнаго политическаго выступленія рабочаго класса. Нужна была желѣзная энергія и могучій талантъ Лассаля, чтобы въ такое сравнительно короткое время съ такимъ блестящимъ успѣхомъ и при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ привить рабочему классу Германіи непоколебимую вѣру во всеобщее избирательное право.

„Еще до выхода въ свѣтъ „Гласнаго отвѣта" Лассаля,—разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Августъ Бебель,—я въ февралѣ 1863 г. на празднествѣ по поводу второй годовщины со времени основанія „Ремесленнаго образовательнаго союза" высказался противъ всеобщаго избирательнаго права" [1]).

И если Бебель и многія тысячи другихъ вскорѣ радикально измѣнили свое отношеніе къ всеобщему избирательному праву, то этимъ въ значительной степени они были обязаны блестящей кампаніи, которую велъ за эту идею Лассаль.

Энгельсъ писалъ въ 1865 г.: „Что же касается всеобщаго избирательнаго права, то достаточно посмотрѣть на Францію, чтобы убѣдиться, какіе смирные выборы можно организовать, располагая многочисленнымъ тупоумнымъ сельскимъ населеніемъ, хорошо организованной бюрократіей, основательно придавленной печатью, въ достаточной мѣрѣ преслѣдуемыми полиціей союзами,

при полномъ отсутствіи политическихъ собраній. Сколькихъ представителей имѣютъ рабочіе въ французской палатѣ депутатовъ благодаря всеобщему прямому избирательному праву?.. Какіе результаты дало бы всеобщее избирательное право въ Германіи, гдѣ феодальное дворянство обладаетъ еще дѣйствительною соціальною и политической силою и гдѣ на одного промышленнаго рабочаго приходится два сельскихъ поденщика? Борьба противъ феодальной и бюрократической реакціи—онѣ неотдѣлимы другъ отъ друга—равнозначуща въ Германіи борьбѣ за духовное и политическое освобожденіе сельскаго пролетаріата — и пока сельскій пролетаріатъ не вовлеченъ въ движеніе, до тѣхъ поръ городской пролетаріатъ не сможетъ въ Германіи ничего подѣлать, до тѣхъ поръ всеобщее прямое избирательное право будетъ для пролетаріата не оружіемъ, а западнею".

Съ другой же стороны, консерваторы во главѣ съ Бисмаркомъ тоже вѣрили въ консервативную силу всеобщаго избирательнаго права. Въ 1866 г. Бисмаркъ говорилъ въ Учредительномъ Рейхстагѣ Сѣверо-Германскаго Союза: „Прямые выборы и всеобщее избирательное право я считаю бóльшею порукою за консервативное направленіе, чѣмъ всякое искусственное избирательное право, разсчитывающее на искусственное большинство. Мое убѣжденіе, что искусственная система непрямыхъ и классовыхъ выборовъ гораздо болѣе опасна, така какъ она мѣшаетъ соприкосновенію высшей власти со здоровыми элементами, составляющими ядро и массу народа,—основано на долгомъ опытѣ. Въ странѣ съ монархическими традиціями и лойяльнымъ образомъ мыслей всеобщее избирательное право приведетъ, устраняя вліяніе либеральныхъ буржуазныхъ классовъ, къ монархическимъ выборамъ".

Взгляды Лассаля на всеобщее избирательное право можно понять только въ связи съ убѣжденіемъ Лассаля, что историческая роль буржуазіи уже въ 60-хъ годахъ была сыграна и она не сегодня-завтра сойдетъ съ исторической сцены. Съ другой же стороны, Лассаль подъ „пролетаріатомъ" понималъ совсѣмъ не то, что Марксъ. „Пролетаріатомъ" Лассаль считалъ всю сборную разношерстную массу „трудящихся классовъ", мелкаго люда, и потому былъ убѣжденъ, что уже въ 60-ые годы, когда нѣмецкій рабочій классъ былъ еще сравнительно очень малочисленъ, нѣмецкій „пролетаріатъ" составлялъ 96% всего населенія!

Теперь часто повторяютъ, что Лассаль односторонне увлекался этой идеей всеобщаго избирательнаго права, что онъ сильно переоцѣнивалъ ея значеніе, но при этомъ забываютъ, что именно благодаря этому увлеченію и преувеличенію Лассалю

---

[1]) Ср. сборникъ „Die Gründung der Deutschen Socialdemokratie", Leipzig. 1903. 12 стр.

удалось одолѣть цѣлый рядъ психологическихъ препятствій, безъ этихъ „односторонностей“ едва ли одолимыхъ.

Лассаль хорошо зналъ основы политической психологіи массъ, когда онъ писалъ:

„Повторяйте неустанно каждый день то же самое, еще то же самое и всегда—то же самое! Чѣмъ чаще повторяется какая-нибудь мысль, тѣмъ больше она укрѣпляется, тѣмъ могущественнѣе она становится. Все искусство достигать практическихъ успѣховъ заключается въ способности концентрировать во всякій данный моментъ всѣ силы на одномъ пунктѣ, не оглядываясь по сторонамъ. Не смотри ни направо, ни налѣво, будь глухъ ко всему, что не есть всеобщее избирательное право, что не относится и не ведетъ къ нему“.

Марксъ, несмотря на все то значеніе, которое онъ придавалъ всеобщему избирательному праву, никогда не написалъ бы фразъ, подобныхъ приведенной. Всякое политическое выступленіе пролетаріата, всякая его отдѣльная политическая кампанія должна была быть координирована со всей классовой позиціей и всей классовой политикой рабочаго класса. Между тѣмъ, дѣятельность Лассаля была отмѣчена именно отсутствіемъ этой классовой координаціи политическихъ дѣйствій, которыя онъ рекомендовалъ пролетаріату.

Лассаль былъ безповоротно убѣжденъ, что общая кампанія пролетаріата съ либеральной буржуазіей совершенно безнадежна, безнадежна не изъ-за классоваго фанатизма рабочихъ, которые, наоборотъ, въ эту эпоху какъ разъ находились подъ чрезвычайно сильнымъ вліяніемъ прогрессистовъ и съ большимъ трудомъ покидали знамена буржуазныхъ прогрессивныхъ партій; эту общую кампанію Лассаль считалъ безнадежной изъ-за упрямаго нежеланія прогрессистовъ разстаться со своимъ званіемъ почетныхъ политическихъ опекуновъ несовершеннолѣтняго пролетаріата.

Въ виду этого Лассаль всю силу своего бурнаго краснорѣчія, всю желчь своей насмѣшки сосредоточилъ на либеральной буржуазіи. Буржуазія не замедлила отвѣтить на выступленіе Лассаля грубой травлей и нескрываемой ненавистью. И дальнѣйшее поведеніе Лассаля было для такого человѣка, какъ Марксъ, совершенно непріемлемымъ.

Та тактика, которую Марксъ всегда рекомендовалъ рабочему классу и которой онъ самъ твердо придерживался въ своей политической дѣятельности, выдвигала допустимость лишь той политики, которая проясняла и повышала классовое сознаніе и классовую солидарность пролетаріата.

На этотъ то верховный тактическій принципъ посягалъ Лассаль. Онъ мастерски умѣлъ использовать всѣ случайныя и временныя обстоятельства, благопріятствовавшія пролетаріату, но при ихъ использованіи онъ постоянно переступалъ ту черту, которая

отдѣляла политику отъ политиканства, за предѣлами которой начинались опасныя болота рискованной азартной политики и затемненіе классоваго сознанія. Какъ далеко заходилъ Лассаль на этомъ пути, показываетъ такая его крупная безтактность, какъ посылка телеграммы Бисмарку съ жалобой на бургомистра-прогрессиста, закрывшаго рабочее собраніе. Лассаль, конечно, отлично зналъ, что бургомистръ не подвѣдомственъ Бисмарку, но онъ, непримиримый революціонеръ, не постѣснялся прибѣгнуть къ защитѣ Бисмарка противъ бургомистра-прогрессиста, прибѣгнуть къ защитѣ человѣка, никогда не церемонившагося въ выборѣ средствъ борьбы противъ оппозиціонныхъ и революціонныхъ силъ и только потому еще не пускавшаго въ ходъ особенно крутыхъ мѣръ противъ рабочихъ, что онъ считалъ ихъ политически безсильными, да къ тому же необходимыми ему для разгрома прогрессистовъ.

При такой тактикѣ организація рабочаго класса по необходимости должна была носить строго централизованный характеръ, притомъ самъ Лассаль долженъ былъ получить чрезвычайно обширныя, почти диктаторскія полномочія. Тонкая дипломатическая игра съ Бисмаркомъ, учетъ и примѣненіе закулисныхъ вліяній,—все это требовало въ большей или меньшей степени значительной единоличной власти.

И мы, дѣйствительно, знаемъ, что „Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ" носилъ по своей организаціи централистскій характеръ, отдавъ въ руки Лассаля почти диктаторскую роль и притомъ назначивъ его президентомъ на *пять* лѣтъ.

Мы намѣтили въ самыхъ, конечно, общихъ чертахъ тѣ пункты въ политической дѣятельности Лассаля, которые съ самаго начала ея заставили Маркса отнестись къ ней съ цѣлымъ рядомъ оговорокъ.

Періодъ расцвѣта политической дѣятельности Лассаля, быстраго восхожденія его яркой звѣзды на тускломъ небосклонѣ нѣмецкой политики лишь немногимъ предшествовалъ кипучей дѣятельности Маркса въ „Международномъ Товариществѣ Рабочихъ".

И въ то время, какъ въ „Интернаціоналѣ" Марксъ неутомимо обличалъ всѣ диктаторскія и сектантскія замашки, въ то время какъ онъ усердно боролся противъ всякой азартной политической игры, разсчитанной на внезапный „выигрышъ", въ это самое время Лассаль въ Германіи, оказывая рабочему движенію огромныя услуги и сыгравъ самую крупную роль въ процессѣ его классовой организаціи, въ то же время не могъ отказаться отъ азартныхъ игръ въ политикѣ и диктаторскихъ организацій.

Что же касается области общихъ соціально-экономическихъ идей Маркса Лассаля, то между ними уже ясно намѣтилось глубокое различіе. Дѣло было не только въ тѣхъ производи-

тельныхъ ассоціаціяхъ, основанныхъ съ государственной помощью, которыя усердно пропагандировалъ Лассаль. И Марксъ въ значительной степени раздѣлилъ иллюзіи Лассаля насчетъ производительныхъ товариществъ съ государственною поддержкою. Объ этомъ ясно свидѣтельствуетъ составленный Марксомъ вступительный адресъ „Интернаціонала“. Но какъ показываетъ этотъ же адресъ, Марксъ уже тогда совершенно не раздѣлялъ ученія Лассаля о желѣзномъ законѣ заработной платы, приковывавшемъ рабочаго къ нищенскому уровню существованія и приказывавшемъ ему покинуть всякую надежду улучшить въ рамкахъ капиталистическаго строя свое матеріальное положеніе.

Неудивительно поэтому, что Марксъ сдержанно относился къ дѣятельности Лассаля, и люди, близкіе Марксу, стояли въ сторонѣ отъ Лассалевской организаціи и даже вели съ ней ожесточенную борьбу. Однако, когда въ 1864 году умеръ Лассаль и его преемникъ фонъ-Швейцеръ основалъ центральный партійный органъ „Соціалъ-Демократъ“, то Марксъ и Энгельсъ согласились вступить въ число сотрудниковъ этой газеты, что указывало на ихъ готовность работать вмѣстѣ съ лассальянцами.

Но эта попытка совмѣстной работы оборвалась, едва успѣвъ установиться. Марксъ успѣлъ помѣстить въ „Соціалъ-Демократѣ“ всего одну статью—о Прудонѣ. Затѣмъ все та же опасная игра съ феодальнымъ правительствомъ, которую велъ Швейцеръ, заставила Маркса и Энгельса печатно заявить о своемъ выходѣ изъ числа сотрудниковъ „Соціалъ-Демократа“.

Швейцеръ былъ чрезвычайно умнымъ и энергичнымъ человѣкомъ, но, и по своему психологическому сродству, и по державшимъ его въ своихъ крѣпкихъ тискахъ традиціямъ, Швейцеръ оставался вѣренъ даже тѣмъ взглядамъ Лассаля, непригодность которыхъ уже ясно обнаружилась на практикѣ. Лассаль, какъ извѣстно, ничего не хотѣлъ знать о профессіональныхъ организаціяхъ рабочихъ, а между тѣмъ потребность въ этихъ организаціяхъ была такъ сильна въ тогдашнемъ рабочемъ движеніи Германіи, что не итти ей навстрѣчу — значило оттолкнуть отъ себя молодое рабочее движеніе. Швейцеръ это понялъ и сдѣлалъ попытки созданія профессіональной организаціи рабочихъ, но эти попытки кончились ни чѣмъ. Швейцеръ, вырабатывая свой проникнутый централизмомъ проектъ профессіональной организаціи, обратился за совѣтомъ и указаніями къ К. Марксу. Въ своемъ отвѣтномъ письмѣ Швейцеру отъ 13-го апрѣля 1868 года Марксъ сжато намѣтилъ основные пункты своего разногласія съ лассальянцами.

„Я безусловно признаю умъ и энергію, съ которыми вы дѣйствуете въ рабочемъ движеніи. Этого взгляда я не скрываю ни отъ кого изъ моихъ друзей. Тамъ, гдѣ я высказался открыто, какъ, напр., въ генеральномъ совѣтѣ Международной Рабочей Ассо-

ціаціи и въ здѣшнемъ нѣмецкомъ Коммунистическомъ ферейнѣ. я всегда высказывался о васъ, какъ о человѣкѣ нашей партіи, и не проронилъ никогда *ни одного слова о пунктахъ разногласія*.

Однако, такіе пункты разногласія существуютъ.

Во-первыхъ, что касается Лассалевскаго Союза, то онъ былъ основанъ въ эпоху реакціи. Послѣ пятнадцатилѣтней спячки голосъ Лассаля — и въ этомъ его безсмертная заслуга — снова пробудилъ рабочее движеніе въ Германіи. Но онъ впалъ въ большую ошибку. Обстоятельства того времени оказали на него слишкомъ сильное вліяніе. Ничтожный исходный пунктъ — свою противоположность такому карлику, какъ Шульце Деличъ — онъ сдѣлалъ центральнымъ пунктомъ своей агитаціи, противопоставляя государственную помощь—самопомощи. Онъ принялъ при этомъ пароль, который Бюше, вождь французскаго *католическаго* соціализма, выставилъ въ 1843 г. противъ тогдашняго рабочаго движенія во Франціи. Слишкомъ умный для того, чтобы счесть этотъ пароль за нѣчто иное, чѣмъ временное pis aller, онъ могъ оправдать этотъ лозунгъ только его непосредственной практической выполнимостью—practicability. Съ этою цѣлью онъ долженъ былъ доказать его удобоисполнимость для ближайшаго будущаго, а потому и „государство“ превращалось въ прусское государство. Такимъ образомъ, онъ вынужденъ былъ къ уступкамъ прусскому королевству, прусской реакціи (феодальной партіи) и даже клерикаламъ.

Къ проекту Бюше о государственной помощи ассоціаціямъ онъ присоединилъ чартистское требованіе всеобщаго избирательнаго права. Онъ проглядѣлъ, что въ Германіи и Англіи условія неодинаковы. Онъ проглядѣлъ и уроки bas empire касательно всеобщаго избирательнаго права. Далѣе, подобно всякому человѣку, утверждающему, что носитъ у себя въ карманѣ панацею противъ страданій массы, онъ придалъ своей агитаціи религіозно-сектантскій характеръ. Въ сущности, всякая секта — религіозна. Далѣе, онъ, какъ основатель секты, отрицалъ всякую естественную связь съ предыдущимъ движеніемъ. Онъ впалъ въ ошибку Прудона, отыскивая реальный базисъ своей агитаціи не въ дѣйствительныхъ элементахъ классоваго движенія, но желая направить ходъ послѣдняго по извѣстному доктринерскому рецепту.

То, что я здѣсь говорю post festum, это я раньше уже высказывалъ Лассалю, когда онъ пріѣзжалъ въ Лондонъ въ 1862 г. и приглашалъ меня стать, вмѣстѣ съ нимъ, во главѣ новаго движенія.

Вы сами, собственнымъ опытомъ, убѣдились въ противорѣчіи между сектантскимъ движеніемъ и классовымъ. Секта ищетъ свой raison d'etre въ своемъ point d'honneur, не въ томъ, что является общимъ ей съ классовымъ движеніемъ, но *въ особенномъ лозунгѣ*, отличающимъ ее отъ послѣдняго... Наступила новая

стадія развитія и назрѣлъ моментъ сектантскому движенію перейти въ классовое и положить конецъ всякому застою".

Въ этомъ письмѣ къ Швейцеру Марксъ очень раздулъ противорѣчія между собою и Лассалемъ, но, быть-можетъ, благодаря увеличительному стеклу, черезъ которое Марксъ разсматривалъ эти противорѣчія, письмо его, во многомъ исторически несправедливое по отношенію къ Лассалю, вмѣстѣ съ тѣмъ очень ясно указываетъ на недостатки Лассалевской организаціи и агитаціи и на пункты расхожденія Маркса съ нимъ.

Дальнѣйшее развитіе рабочаго движенія въ Германіи было, какъ извѣстно, ознаменовано долгой и упорной борьбою между Лассальянцами и эйзенахцами, основавшими въ 1868 г. на конгрессѣ въ Эйзенахѣ „Соціалъ-демократическую рабочую партію".

Послѣ долгой и безпомощной войны между двумя фракціями: одной, продолжавшей отстаивать основныя начала Лассальянства, другой, проникнутой духомъ ученія Маркса, на объединительномъ конгрессѣ въ Готѣ въ 1875 г. обѣ фракціи, убѣдившись, что долгая практическая дѣятельность незамѣтно, несмотря на офиціальную ожесточенную войну, сблизила ихъ, слились въ единую и нераздѣльную „Соціалистическую Рабочую Партію Германіи".

Марксъ рѣзко возсталъ противъ этого объединительнаго движенія. Когда была составлена и опубликована та программа, которая должна была объединить лассальянцевъ и эйзенахцевъ, Марксъ написалъ рѣзкое письмо эйзенахцамъ, называя эту программу „абсолютно позорной и деморализующей партію".

Въ своемъ обширномъ письмѣ по поводу объединительной программы Марксъ подвергнулъ чрезвычайно рѣзкой и придирчивой критикѣ всѣ основныя положенія готской программы, причемъ позволилъ себѣ пренебрежительныя и оскорбительныя выходки по адресу уже мертваго Лассаля.

Но дѣло было, конечно, не въ этихъ некрасивыхъ личностяхъ и рѣзкостяхъ. Марксъ намѣтилъ цѣлый рядъ крупныхъ разногласій принципіальнаго характера.

Среди нихъ особый интересъ представляютъ возраженія Маркса противъ параграфа готской программы, гласившаго, что „освобожденіе труда должно быть дѣломъ рабочаго класса, по отношенію къ которому всѣ другіе классы являются только *одной реакціонной массой*".

Критикуя этотъ параграфъ, Марксъ показываетъ, что уже „Коммунистическій Манифестъ" опровергъ утвержденіе, что всѣ классы являются по отношенію къ пролетаріату „сплошной реакціонной массой". Уже въ „Ком. Ман.", говоритъ Марксъ, „буржуазія, носительница крупной промышленности, понимается, какъ революціонный классъ по отношенію къ феодаламъ и промежуточнымъ сословіямъ, которыя всѣ хотятъ удержать соціальныя

позиціи, составляющія образованіе устарѣлыхъ способовъ производства. Значитъ, они не образуютъ *вмѣстѣ съ буржуазіей* только одну реакціонную массу".

„Съ другой стороны, — продолжаетъ Марксъ, — пролетаріатъ революціоненъ по отношенію къ буржуазіи, потому что онъ, выросши самъ на почвѣ крупной промышленности, стремится стереть съ производства его капиталистическій характеръ, который буржуазія стремится увѣковѣчить. Но „Манифестъ" прибавляетъ сюда, что промежуточныя сословія... становятся революціонными въ виду предстоящаго имъ перехода въ пролетаріатъ". Съ этой точки зрѣнія опять-таки безсмыслица, будто они, вмѣстѣ съ буржуазіей и феодалами, „образуютъ по отношенію къ рабочему классу только одну реакціонную массу".

Очень интересенъ также и протестъ Маркса противъ вошедшаго въ программу параграфа о „желѣзномъ законѣ заработной платы". Разсужденія Маркса имѣютъ, помимо критики Лассаля, большой самостоятельный интересъ, такъ какъ они выясняютъ его позицію въ пресловутомъ вопросѣ объ „обнищаніи" рабочаго класса.

„Со времени смерти Лассаля,—пишетъ здѣсь Марксъ,—проложилъ себѣ путь въ нашей партіи научный взглядъ, что заработная плата есть не то, чѣмъ она съ виду кажется, не цѣнность или, иначе говоря, цѣна труда, а только замаскированная форма цѣнности *рабочей силы*. Этимъ было разъ навсегда ниспровергнуто все прежнее буржуазное пониманіе заработной платы, а также вся прежде направлявшаяся на нее критика, и выяснено, что наемный рабочій получаетъ позволеніе работать для собственнаго пропитанія, т.-е. *жить*, лишь по стольку, поскольку онъ работаетъ даромъ извѣстное время на капиталиста (а значитъ, и на пожирающихъ вмѣстѣ съ нимъ прибавочную цѣнность); выяснено, что вся капиталистическая система вращается около удлиненія этого дарового труда путемъ удлиненія рабочаго дня или развитія производительности, иначе говоря, большого напряженія рабочей силы и проч.; что, такимъ образомъ, система наемнаго труда есть система рабства, притомъ тѣмъ болѣе суроваго, чѣмъ болѣе развиваются общественныя производительныя силы труда, все равно, получаетъ ли рабочій лучшее или худшее вознагражденіе. И вотъ, въ то время, какъ этотъ взглядъ все больше и больше прививается въ нашей партіи, возвращаются вспять къ догмѣ Лассаля".

„Похоже на то, какъ если бы среди рабовъ, которые постигли, наконецъ, тайну рабства и подняли возстаніе, пропитанный устарѣлыми представленіями рабъ написалъ на программѣ возстанія: „рабство должно быть отмѣнено, потому что содержаніе раба при системѣ рабства не можетъ превысить извѣстный низкій максимумъ!" [1]).

[1]) Ср. К. Марксъ „Критика готской программы". Спб. 1906 г.

Еще болѣе рѣзкой критикѣ подвергъ Марксъ остальные пункты объединительной программы.

Но несмотря на крайне рѣзкую критику Маркса, эйзенахцы и среди нихъ ближайшій другъ Маркса—Либкнехтъ—не отказались отъ объединенія съ лассальянцами на почвѣ выработанной общей программы.

Вспоминая позже объ этомъ времени, Либкнехтъ писалъ: „Потребность въ объединеніи лассальянцевъ и „честныхъ" (такъ называли эйзенахцевъ. *П. Б.*) чувствовалась одинаково сильно и той и другой стороной, а политическая обстановка дѣлала это объединеніе прямо *необходимостью.* Но надо было щадить предразсудки, и въ выработной нами объединительной программѣ мы должны были согласиться на нѣкоторыя уступки. Но Марксъ, который изъ своего заграничнаго „далека" не могъ такъ хорошо ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ, какъ мы въ Германіи, и слышать не хотѣлъ объ уступкахъ; послѣ продолжительнаго обмѣна мнѣній со мною имъ, и было написано то знаменитое письмо, о которомъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ было такъ много разговора. Довольно продолжительное время Марксъ былъ очень золъ на меня, но въ интересахъ движенія въ Германіи я не могъ рѣшиться на другой шагъ. Если бы рѣчь шла о томъ, чтобы пожертвовать принципомъ, Марксъ былъ бы, конечно, правъ; но вѣдь рѣчь шла лишь о временной уступкѣ въ цѣляхъ достиженія большихъ тактическихъ выгодъ для партіи. Нельзя говорить о жертвѣ принципа, когда жертва именно въ *интересахъ принципа* и приносится. Что я не ошибся здѣсь въ своихъ разсчетахъ, самымъ блестящимъ образомъ доказало будущее и всѣ послѣдствія примиренія. Выясненіе принципіальныхъ вопросовъ въ объединенной партіи подвигалось впередъ такъ быстро и легко, что если бы законъ противъ соціалистовъ не отодвинулъ программныхъ вопросовъ временно на задній планъ, мы бы уже въ концѣ семидесятыхъ годовъ могли взяться за очищеніе нашей программы, не встрѣчая серьезнаго сопротивленія, и только положеніе, вызванное этимъ закономъ, заставило насъ отложить это до начала 90-хъ годовъ" [1]).

На конгрессѣ въ Готѣ было провозглашено единство партіи, и въ ея основу положена объединительная программа, выработанная лассальянцами совмѣстно съ эйзенахцами на почвѣ взаимныхъ уступокъ. И лишь въ 1891 году на конрессѣ въ Эрфуртѣ впервые были приняты въ соображенія критическія замѣчанія, сдѣланныя Марксомъ по поводу объединительной готской программы, и тогда впервые изъ программы были устранены всѣ тѣ элементы, которые явились продуктомъ уступки, сдѣланной марксистами лассальянцамъ, и тогда впервые программа соціалисти-

[1]) В. Либкнехтъ. Воспоминанія о Марксѣ. Одесса. 1905, стр. 21.

ческой рабочей партіи Германіи приняла выдержанный марксистскій характеръ [1]).

Но когда это случилось, Марксъ уже семь лѣтъ лежалъ въ могилѣ.

Повидимому, объединеніе лассальянцевъ съ эйзенахцами и крупныя уступки, сдѣланныя послѣднимъ, въ теченіе долгаго времени заставляли Маркса недружелюбно относиться къ рабочему движенію Германіи.

По крайней мѣрѣ еще въ 1877 г. Марксъ пишетъ Зорге:

„Въ Германіи въ средѣ нашей партіи, не столько среди рабочихъ, сколько среди вожаковъ, замѣчается процессъ разложенія. Компромиссъ съ лассальянцами вызвалъ компромиссъ и съ другими половинчатостями. Въ Берлинѣ идутъ на компромиссъ съ Дюрингомъ и его „поклонниками", съ цѣлой бандой полусозрѣвшихъ студентовъ и премудрыхъ академиковъ, стремящихся придать соціализму „болѣе высокій идеальный" полетъ, т.-е. его матеріалистическую основу замѣстить современной миѳологіей съ ея божествами—справедливостью, свободой, равенствомъ и братствомъ" [2]).

Но, какъ свидѣтельствуетъ Либкнехтъ, уже къ началу восьмидесятыхъ годовъ К. Марксъ перемѣнилъ свое мнѣніе о тогдашнемъ нѣмецкомъ соціалистическомъ движеніи и сталъ восторженно отзываться о немъ. Онъ умеръ въ твердой надеждѣ, что нѣмецкое рабочее движеніе идетъ по вѣрному пути, кратчайшею и легчайшею дорогою приводящему къ конечной цѣли.

Личная жизнь Карла Маркса не отличалась большимъ богатствомъ и разнообразіемъ внѣшнихъ событій. Изъ крупныхъ революціонеровъ ни одинъ не провелъ тамъ много времени въ тиши библіотекъ и кабинета, какъ Карлъ Марксъ. Характерно, что и мѣста своего жительства Марксъ мѣнялъ только подъ давленіемъ административнаго гнета. Къ тому же Марксъ былъ чрезвычайно привязчивый „семьянинъ". Не говоря уже о женѣ, съ которой, помимо чувства, онъ былъ связанъ тѣсными узами идейной дружбы, Марксъ страшно любилъ дѣтей и съ наслажденіемъ проводилъ въ играхъ съ ними немногія свободныя минуты. Въ своихъ извѣстныхъ „Воспоминаніяхъ о Марксѣ" Либкнехтъ написалъ даже отдѣльную главу: „Марксъ и дѣти", въ которой разсказалъ цѣлый рядъ сценъ, рисующихъ трогательную привязанность и любовь къ дѣтямъ Карла Маркса, который на своихъ портретахъ, навѣрное, пугаетъ дѣтей строгостью и мрачностью

[1]) См. объ этомъ въ нашей книгѣ „Политическія партіи въ Зап. Европѣ". Спб. 1907 г.

[2]) Ср. Briefe und Auszüge aus Briefen von B. Becker, Engels, Marx, etc. Stuttgart. 1906. Стр. 159.

своего вида и котораго его недруги съ такимъ наслажденіемъ изображаютъ сухимъ и суровымъ человѣкомъ.

„Онъ былъ,—разсказываетъ Либкнехтъ,—не только самымъ нѣжнымъ отцомъ, который цѣлыми часами могъ возиться со своими дѣтьми, но и къ чужимъ, особенно къ безпомощнымъ и несчастнымъ дѣтямъ, встрѣчавшимся ему на пути, онъ чувствовалъ какъ бы магнетическое влеченіе“.

„Нужно было видѣть Маркса, окруженнаго дѣтьми,—пишетъ Либкнехтъ въ другомъ мѣстѣ,—чтобы получить полное представленіе о душевной глубинѣ и дѣтской простотѣ этого исполина науки. Въ свободныя минуты, на прогулкахъ, онъ бралъ ихъ съ собою и участвовалъ въ самыхъ веселыхъ дѣтскихъ играхъ“ [1]).

То же самое разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Марксѣ и Лафаргъ. „Марксъ,—говоритъ онъ,—проводилъ цѣлые часы въ играхъ со своими дѣтьми. Послѣднія и до сихъ поръ вспоминаютъ о морскихъ сраженіяхъ и пожарахъ цѣлой флотиліи бумажныхъ корабликовъ, которые онъ самъ для нихъ сооружалъ, пускалъ въ большомъ тазу съ водой и затѣмъ поджигалъ къ величайшей радости ребятъ... Когда дочери были еще маленькими, Марксъ, чтобы укоротить длинный путь, разсказывалъ чудесныя волшебныя сказки, тянувшеяся безъ конца, самъ по дорогѣ изобрѣталъ ихъ, растягивая или, наоборотъ, ускоряя, и дѣти, заслушавшись его, забывали о своей усталости“.

О глубокой, никогда не прерывавшейся дружбѣ-любви между Марксомъ и его женой намъ уже приходилось говорить въ первой главѣ. Трудно найти другой примѣръ такого идеальнаго и даже идиллическаго брака, какъ жизнь супруговъ Марксъ.

Всѣ, которымъ приходилось лично сталкиваться съ Марксомъ, съ чувствомъ глубокой симпатіи отмѣчаютъ удивительную гармонію между нимъ и его женой, гармонію, въ особенности останавливавшую на себѣ вниманіе въ Германіи, гдѣ революціонеры жизни и мысли далеко не были избалованы интеллигентностью своихъ женъ. Извѣстный нѣмецкій революціонеръ сороковыхъ годовъ Стефанъ Борнъ пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ:

„Я рѣдко встрѣчалъ такой счастливый бракъ, бракъ, въ которомъ бы всѣ радости и горести,—а послѣднихъ было очень много,—дѣлились такъ дружно, въ которомъ всѣ тяжелыя испытанія смягчались сознаніемъ неразлучной интимной близости. Я рѣдко видѣлъ женщину, у которой бы все—и наружность, и сердце, и умъ,—такъ гармонировало бы, какъ у жены Маркса“. „Жена Маркса всецѣло жила идеями своего мужа и, несмотря на то, что она всѣ свои силы отдавала домашнимъ дѣламъ, она была, какъ небо отъ земли, далеко отъ нѣмецкихъ Hausfrau, постоянно вяжущихъ чулки и стряпающихъ на кухнѣ“ [2])

---

[1]) Либкнехтъ. Воспоминанія о Марксѣ. Одесса. 1905, стр. 42—46.

[2]) Born. Errinerungen eines Achtundvierziger. Leipzig. 1898. 68—69 стр.

Происходя изъ аристократической нѣмецкой семьи, выросши въ богатомъ и аристократическомъ домѣ, жена Маркса не только глубоко усвоила себѣ демократическіе взгляды и привычки, но съ удивительнымъ стоицизмомъ переносила тяжелую и нерѣдко полуголодную жизнь политическаго изгнанника, съ постоянными тяжелыми заботами о сытости завтрашняго дня.

Марксъ былъ бы счастливѣйшій въ личной жизни человѣкъ, если бы надъ его семьей не носилась смерть, вырывавшая одну жертву за другою. Еще надъ семьей родителей Маркса носился этотъ постоянный призракъ смерти, и ужъ въ своемъ юношескомъ письмѣ къ отцу Марксъ съ тяжелымъ чувствомъ поминаетъ о немъ. Нѣсколько братьевъ Маркса умерли совсѣмъ еще въ молодыхъ годахъ. А потомъ смерть стала частою гостью въ семьѣ и самого Маркса.

Въ 1852 году у Маркса умираетъ сынъ. „Моя скорбь была такъ велика!"—пишетъ въ своемъ дневникѣ жена Маркса. Проходитъ нѣсколько мѣсяцевъ, и у Маркса умираетъ маленькая дочь. Это было въ одну изъ самыхъ тяжелыхъ въ жизни Маркса эпохъ—эпоху тяжелой и унизительной нищеты и одиночества. „Смерть нашей дорогой дѣвочки,—пишетъ въ своемъ дневникѣ Женни Марксъ,—совпала съ періодомъ самой горькой нужды въ нашей жизни. Денегъ на погребеніе не было. Я побѣжала къ французу-изгнаннику, жившему неподалеку отъ насъ и незадолго до этого насъ посѣтившему; онъ тотчасъ же далъ мнѣ съ дружескимъ участіемъ два фунта стерлинговъ. Изъ этихъ денегъ было уплачено за маленькій гробъ, въ которомъ, наконецъ, съ миромъ успокоилось бѣдное дитя".

Умеръ у Маркса и его второй сынъ, на котораго всѣ возлагали очень большія надежды. Ихъ похоронила могила.

Не трудно себѣ представить, какъ дѣйствовали частые визиты смерти на Маркса, такъ безумно любившаго своихъ дѣтей. Съ каждымъ умершимъ ребенкомъ Марксъ хоронилъ часть себя самого, и его могучій отъ природы организмъ сильно поддавался подъ страшными ударами судьбы. Но не только эти удары судьбы, не только сумбурныя условія жизни, къ тому же и не всегда сытой, политическаго изгнанника, медленно подтачивавшія силы,—не только все это къ концу жизни надорвало могучія силы Маркса и помѣшало ему завершить свой колоссальный трудъ, помѣшало ему привести въ систему и порядокъ тотъ неисчерпаемый, несмѣтный „Капиталъ", который онъ завѣщалъ пролетаріямъ всѣхъ странъ: Марксъ самъ, всѣмъ образомъ своей жизни, расточительно тратилъ силы своего организма и, какъ ни была щедра природа, наградившая его желѣзнымъ здоровьемъ, но къ концу жизни даже этихъ рессурсовъ не хватило. Ихъ не хватило бы и раньше, если бы семья и друзья Маркса не учредили

надъ нимъ постояннаго надзора и почти силой не заставляли его оставлять книги и отдыхать.

Всю жизнь Марксъ учился. И какъ учился! Ни семейныя несчастья, ни гоненія правительства, ни каверзы мачихи-судьбы, ни захватывающія политическія событія, — ничто не могло прервать самыхъ напряженныхъ умственныхъ занятій Маркса. Онъ и въ эпоху самой кипучей политической дѣятельности, въ ту эпоху, когда онъ стоялъ въ центрѣ международнаго рабочаго движенія, всегда находилъ время для самыхъ глубокихъ теоретическихъ работъ.

Въ то время, какъ большинство эмигрантовъ, выброшенныхъ на берегъ Темзы стремительнымъ реакціоннымъ отливомъ, всецѣло предавались революціонному фантазерству, фракціонной борьбѣ и нескончаемымъ спорамъ и ссорамъ, Марксъ ушелъ въ тишину Британскаго музея и дома просиживалъ ночи надъ толстыми фоліантами.

Онъ ѣлъ мало и лѣниво, принужденъ былъ прибѣгать ко всякимъ острымъ, возбуждающимъ аппетитъ средствамъ, и казалось, что его крупная львиная голова стягиваетъ къ себѣ всѣ силы его мощнаго организма и сжигаетъ ихъ.

Даже по вечерамъ, поздно возвращаясь со всяческихъ утомительныхъ собраній и засѣданій, Марксъ усаживался за занятія и разсвѣтающій день заставалъ его за письменнымъ столомъ. И даже во время прогулокъ онъ то и дѣло вытаскивалъ изъ кармана записную книжку и дѣлалъ въ ней замѣтки—его мысль неустанно работала.

И только тогда, когда этотъ колоссальный умственный трудъ окончательно подорвалъ его силы, онъ внялъ настоянію врачей, бросилъ ночную работу и сталъ соблюдать хотя элементарныя требованія умственной гигіены.

Въ послѣдніе годы жизни Марксъ часто и тяжко болѣлъ, и эти постоянныя болѣзни затягивали и затягивали окончаніе „Капитала“. Болѣзнь и смерть жены окончательно оборвали силы Маркса, хотя онъ и пытался побороть себя.

Жена Маркса скончалась 2-го декабря 1881 года. Она долго и мучительно болѣла—умерла она отъ рака. Мы знаемъ, чѣмъ была для Маркса его жена, и намъ понятно поэтому, чѣмъ была для него ея смерть. Недаромъ, когда Энгельсъ узналъ о смерти жены Маркса, онъ печально сказалъ: „Мавръ тоже умеръ“ („Мавромъ“ въ шутку называли Маркса за черный цвѣтъ его волосъ и смуглую кожу).

„Съ жизнью мамочки,—разсказываетъ дочь Маркса,—ушла и жизнь „Мавра“. Онъ жестоко боролся, чтобы сохранить себя, ибо до самаго конца онъ былъ борцомъ, но онъ былъ уже сломленъ. Общее состояніе его здоровья становилось все болѣе и болѣе сквернымъ; будь „Мавръ“ эгоистичнѣе, онъ просто забросилъ

бы всѣ свои дѣла и совершенно ушелъ бы въ лѣченіе; но у него было нѣчто такое, что господствовало надо всѣмъ: это—преданность дѣлу; онъ весь отдался своему великому произведенію, стремясь кончить его, и потому у него даже не появлялось мысли о поѣздкѣ для поправленія здоровья".

А между тѣмъ здоровье Маркса быстро ухудшалось, и онъ вынужденъ былъ уѣхать во Францію на поправку и бросить работу надъ „Капиталомъ", который онъ, точно чувствуя близкій конецъ, лихорадочно спѣшилъ закончить.

Но всего черезъ годъ послѣ смерти Женни Марксъ страшная гостья вновь навѣстила семью Маркса—у него неожиданно скончалась старшая дочь, въ которой онъ души не чаялъ.

Этого новаго удара безпощадной судьбы уже не въ силахъ былъ вынести Марксъ. 14-го марта 1883 года на 67-мъ году жизни Марксъ умеръ за своимъ письменнымъ столомъ, точно часовой на посту.

Энгельсъ, бывшій при послѣднихъ минутахъ Маркса, писалъ о нихъ своему другу Зорге:

„Всѣ событія, наступающія съ естественною необходимостью, въ самихъ себѣ несутъ утѣшеніе, какъ бы ужасны они сами по себѣ ни были. Быть-можетъ, докторское искусство и могло бы обезпечить Марксу еще нѣсколько лѣтъ растительнаго существованія, обезпечить ему жизнь безпомощнаго существа, во славу докторскаго искусства умершаго не сразу, а умирающаго постепенно. Такой жизни нашъ Марксъ никогда не вынесъ бы. Жить, имѣя передъ собою множество невыполненныхъ работъ, мучась танталовой жаждой закончить эти работы и сознавая невозможность этого,—эта жизнь была бы въ тысячу разъ тяжелѣе Марксу, чѣмъ его легкая смерть. Видѣть, какъ этотъ могучій, геніальный человѣкъ влачитъ свое существованіе во славу медицины и для насмѣшекъ тѣхъ филистеровъ, которыхъ онъ нѣкогда такъ охотно раздавливалъ, о, нѣтъ, въ тысячу разъ лучше, такъ какъ теперь, въ тысячу разъ лучше, что послѣзавтра мы опустимъ его въ могилу, гдѣ лежитъ его жена.

„А послѣ всего, что съ нимъ въ послѣднее время случилось, по моему мнѣнію, для Маркса возможенъ былъ только одинъ изъ указанныхъ мною исходовъ.

„Свершилось! Человѣчество сдѣлалось на цѣлую голову ниже и притомъ на самую замѣчательную голову изъ всѣхъ тѣхъ, которыя теперь существовали.

„Движеніе пролетаріата и дальше пойдетъ тѣмъ же путемъ, но исчезъ тотъ центръ, къ которому въ критическія минуты неизмѣнно обращались за помощью французы, русскіе, американцы, нѣмцы, получая всегда ясные, надежные совѣты: такіе ясные и

надежные, которые могъ дать только геній, въ совершенствѣ знающій предметъ“ [1]).

„Разумѣется, — говоритъ Энгельсъ въ заключеніе своего письма,— конечная побѣда обезпечена, но разбираться въ пути къ ней, устранять затрудненія теперь, со смертью Маркса, будетъ несравненно труднѣе. Теперь выплывутъ на поверхность движенія разныя мѣстныя знаменитости и мелкокалиберные таланты и попытаются овладѣть движеніемъ“.

Грустныя слова ближайшаго соратника и друга Маркса подтверждались каждый разъ, какъ только въ рабочемъ движеніи или его теоретическомъ истолкованіи намѣчались затрудненія или разногласія. Всегда въ этихъ случаяхъ изъ тысячъ грудей вырывался вздохъ: „Если бы былъ живъ Карлъ Марксъ“.

Мы знаемъ, что удивительная цѣльность и стройность возврѣнія, желѣзная энергія и колоссальныя знанія еще при жизни Маркса заставляли обращаться къ нему, какъ къ величайшему авторитету, не только его послѣдователей, но даже и его противниковъ.

Когда онъ писалъ свой геніальный „Коммунистическій Манифестъ“, у него была лишь горсть послѣдователей, кучка враговъ, а остальное необъятное море его ученыхъ и неученыхъ современниковъ совсѣмъ не знали о его существованіи.

На первыхъ порахъ кучка враговъ росла быстрѣе горсти послѣдователей. Это было до тѣхъ поръ, пока зерна ученія Маркса падали лишь на рыхлую и изнѣженную почву интеллигенціи, но когда эти сѣмена стали попадать и на могучій черноземъ рабочаго класса, будущность посѣва была обезпечена. Марксу выпало на долю испытать то радостное и великое чувство, которое такъ рѣдко испытываютъ геніи,—видѣть, какъ густо и широко восходятъ воздѣланные имъ посѣвы.

Еще при своей жизни Марксъ видѣлъ, какъ его идеи, „обходя моря и земли“ во всѣхъ концахъ міра, поднимали и организовывали движеніе.

Буржуазная печать сначала его замалчивала, а потомъ стала періодически хоронить, объявляя его ученіе устарѣвшимъ и похороненнымъ, но тщетно. Марксъ не только далъ геніальную теорію, истолковывающую міръ, но онъ указалъ и на геніальный рычагъ, преобразующій этотъ міръ.

Четверть вѣка прошло со смерти Маркса, о его жизни, о его дѣятельности, о его теоріи написана цѣлая библіотека солидныхъ изслѣдованій и политическихъ памфлетовъ. Въ цѣлыя арміи об-

---

[1]) Briefe und Auszüge aus Briefen von Joh. Becker, Dietzgen, Engels, Marx etc. an Sorge und And. Stuttg. 1906, стр. 187—188.

ратились его друзья и недруги, и все сложнѣе и запутаннѣе становится теоретическая борьба за марксизмъ и практическая борьба съ помощью марксизма. И несмотря на это, а быть-можетъ, и вслѣдствіе этого, мы до сихъ поръ не имѣемъ сколько-нибудь исчерпывающей и объективной характеристики Маркса, характеристики его психическаго и умственнаго облика во всемъ его своеобразіи. Портреты Маркса, какъ человѣка, до сихъ поръ лубочно пишутся всегда въ одну краску — нѣжно розовую, съ позолотою, однимъ лагеремъ художниковъ, и сажею — другимъ лагеремъ.

Либкнехтъ очень долго жилъ вблизи Маркса, часто съ нимъ встрѣчался, близко съ нимъ сошелся и смогъ бы нарисовать превосходный портретъ великаго основателя научнаго соціализма. Но въ оппозицію къ той бѣшенной травлѣ, которая постоянно шипѣла вокругъ Маркса, того потока грязи, которой старались забросать личность Маркса, Либнехтъ изобразилъ Маркса въ видѣ чуть ли не кроткаго святого, и нарисованный имъ Марксъ часто больше напоминаетъ икону, чѣмъ портретъ, а его дѣятельность— больше житіе, чѣмъ жизнь.

То же самое приходится сказать о небольшой характеристикѣ Маркса, сдѣланной Лафаргомъ. И въ ней, какъ и въ брошюрѣ Либкнехта, нѣтъ совершенно никакой пропорціи между свѣтотѣнью. Да, впрочемъ, и тѣни вообще никакой нѣтъ.

Въ полную противоложность этому, недруги Маркса рисуютъ его портретъ исключительно сажею и изображаютъ его въ видѣ одной мрачной тѣни.

Біографическій матеріалъ о личной жизни Маркса и о его личности чрезвычайно скуденъ, и при характеристикѣ Маркса эта скудость біографическаго матеріала очень чувствительно даетъ себя знать.

Остановимся сперва на современникахъ Маркса и посмотримъ прежде всего, что привлекало и что отталкивало ихъ въ личности Маркса.

Чрезвычайно характерно, что Марксъ, несмотря на то, что его великій геній и его великія заслуги были уже признаны при жизни, никогда не видѣлъ вокругъ себя густой и восторженной толпы почитателей. Уже при жизни Маркса появились многія тысячи послѣдователей его ученія въ тѣхъ соціалистическихъ организаціяхъ, въ которыя онъ входилъ („Союзъ Коммунистовъ“, „Международное Товарищество Рабочихъ“). Марксъ сумѣлъ подчинить желѣзной логикѣ своего ученія даже многихъ изъ своихъ закоренѣлыхъ противниковъ. Но при этомъ около Маркса никогда не было той длинной вереницы восторженныхъ поклонниковъ и поклонницъ, которыя, точно хвостъ около кометы, всегда тянулись за великими людьми, оцѣненными современниками. Такъ сказать, личныхъ поклонниковъ, поклонниковъ, окру-

жавшихъ восторженно сіявшимъ ореоломъ самую личность учителя, а не только сущность ученія, у Маркса почти-что не было. И это находится въ законной психологической связи съ тѣмъ чрезвычайно-своеобразнымъ отношеніемъ къ своимъ послѣдователямъ, которое всегда обнаруживалъ Карлъ Марксъ.

Въ воспоминаніяхъ извѣстнаго нѣмецкаго революціонера сороковыхъ годовъ, Карла Шурца, мы находимъ очень характерную въ интересующемъ насъ отношеніи сценку. Шурцъ разсказываетъ:

„Лѣтомъ Кинкель и я получили порученіе явиться представителями нашего клуба на конгрессѣ демократическихъ союзовъ въ Кельнѣ. Это собраніе, на которомъ я держался всегда робко и молчаливо, осталось у меня въ памяти потому, что тамъ я увидѣлъ лицомъ къ лицу многихъ выдающихся людей того времени, между прочимъ, вождя соціалистовъ, Карла Маркса. Ему было въ то время 30 лѣтъ, и онъ уже считался признаннымъ главою соціалистической школы. Невысокаго роста, крѣпко сложенный, съ широкимъ лбомъ, съ черными волосами, густою бородою и темными блестящими глазами, онъ сразу привлекалъ вниманіе. Про него говорили, что въ своей спеціальности это замѣчательный ученый, а такъ какъ я весьма мало зналъ изъ его политико-экономическихъ открытій и теорій, то я мечталъ удержать въ памяти каждое слово знаменитаго человѣка. Мои ожиданія не оправдались. Все, что Марксъ говорилъ, было, дѣйствительно, содержательно, логично и ясно. Но никогда я не встрѣчалъ человѣка, отличавшагося такимъ оскорбительнымъ и нестерпимымъ высокомѣріемъ. Ни одного мнѣнія, сколько-нибудь отличнаго отъ его собственнаго, не удостаивалъ онъ благосклоннаго отзыва. Ко всякому, кто ему противорѣчилъ, онъ относился съ худо скрываемымъ презрѣніемъ. На каждый непріятный ему доводъ онъ отвѣчалъ или ѣдкой насмѣшкой надъ жалкимъ невѣжествомъ говорившаго, или оскорбительнымъ заподозрѣваніемъ его побужденій. Я до сихъ поръ помню тотъ рѣзко-саркастическій тонъ, которымъ онъ произносилъ слово „бюргеръ". А названіемъ „бюргеръ", т.-е. несомнѣннымъ образцомъ умственнаго и нравственнаго невѣжества, онъ клеймилъ всякаго, кто осмѣливался возражать ему. Послѣ этого неудивительно, что предложенія, внесенныя Марксомъ въ собраніе, не были приняты, что всѣ, чьи чувства онъ оскорбилъ своимъ обращеніемъ, голосовали противъ него и что онъ не только не пріобрѣлъ послѣдователей, но оттолкнулъ многихъ, кто былъ готовъ сдѣлаться его сторонникомъ" [1]).

Эта страничка изъ воспоминаній нѣмецкаго революціонера

---

[1]) К. Шурцъ. Изъ воспоминаній нѣмецкаго революціонера. Спб. 1907 31 стр.

сороковыхъ годовъ очень характерна для уясненія того чрезвычайно своеобразнаго способа пропаганды своихъ идей, которымъ всегда пользовался Марксъ. Конечно, Шурцъ, несмотря на всю свою революціонность, былъ кость отъ кости и плоть отъ плоти тѣхъ самыхъ „бюргеровъ", насмѣшки надъ которыми въ рѣчи Маркса такъ жестоко его оскорбляли.

Такое же впечатлѣніе, какъ на молодого Шурца, Марксъ производитъ почти на всѣхъ людей, впервые сталкивавшихся не только съ нимъ лично, но — что еще важнѣе — съ его ученіемъ.

Характерно, что аналогичное впечатлѣніе Марксъ произвелъ и на своего русскаго современника—П. Анненкова, встрѣчавшагося съ нимъ въ Брюсселѣ въ 1847 г.

„Самъ Марксъ, — говоритъ Анненковъ, — представлялъ изъ себя типъ человѣка, сложеннаго изъ энергіи, воли и несокрушимаго убѣжденія — типъ крайне замѣчательный и по внѣшности. Съ густою черною шапкою волосъ на головѣ, съ волосистыми руками, въ пальто, застегнутомъ наискось—онъ имѣлъ, однако же, видъ человѣка, имѣющаго право и власть требовать уваженія, какимъ бы ни явился передъ вами и что бы ни дѣлалъ. Всѣ его движенія были угловаты, но смѣлы и самонадѣянны, всѣ пріемы шли наперекоръ съ принятыми обрядами въ людскихъ сношеніяхъ, но были горды и какъ-то презрительны, а рѣзкій голосъ, звучащій, какъ металлъ, шелъ удивительно къ радикальнымъ приговорамъ надъ лицами и предметами, которые произносилъ. Марксъ уже и не говорилъ иначе, какъ такими безапелляціонными приговорами, надъ которыми, впрочемъ, еще царствовала одна, до боли рѣзкая нота, покрывавшая все, что онъ говорилъ. Нота выражала твердое убѣжденіе въ своемъ призваніи управлять умами, законодательствовать надъ ними и вести ихъ за собой. Передо мной стояла олицетворенная фигура демократическаго диктатора, какъ она могла рисоваться воображенію въ часы досуга. Контрастъ съ недавно покинутыми мною типами на Руси былъ напрѣшительный" [1]).

Подобные отзывы о Марксѣ чрезвычайно типичны для всѣхъ современниковъ не марксистскаго лагеря, встрѣчавшихся съ Марксомъ. Если мы къ тѣмъ чертамъ, которыя отмѣтили Шурцъ и Анненковъ, прибавимъ еще упреки въ нападкахъ на личность своихъ противниковъ, упреки чрезвычайной рѣзкости съ людьми, иначо мыслящими, и готовности объяснить идейную борьбу нечистыми личными мотивами, то мы собственно исчерпаемъ весь запасъ тѣхъ красокъ, которыми современники рисовали портретъ Маркса.

---

[1]) П. Анненковъ. Замѣчательное десятилѣтіе. „Вѣст. Европы". 1880 г., кн. IV. Стр. 497.

Было бы ослѣпленіемъ думать, что всѣ непріятныя черты, которыя люди, лично знавшіе его, но не раздѣлявшіе его идей, приписывали Марксу, выдуманы съ вражескою цѣлью. Намъ думается, на основаніи тѣхъ документальныхъ данныхъ, которыя имѣются о Марксѣ, что многія изъ этихъ чертъ указаны совершенно вѣрно, и не сами по себѣ подлежатъ отрицанію, но вѣрно подмѣченныя и сообщенныя онѣ зачастую совершенно ложно истолковываются и вслѣдствіе этого часто скорѣе искажаютъ, чѣмъ изображаютъ общій духовный обликъ Маркса.

Въ своемъ отзывѣ о Марксѣ Шурцъ, какъ мы видѣли, отмѣчаетъ, что даже лица, которыя готовы были увлечься идеями Маркса, были, однако, отпуганы отъ марксистскихъ идей высокомѣріемъ и насмѣшливостью Маркса. Здѣсь мы подходимъ къ чрезвычайно характерной и интересной чертѣ духовной особенности Маркса, чертѣ, сдѣлавшейся „родовою", перешедшей къ духовному потомству Маркса, къ марксистамъ. Черта эта—пропаганда своихъ идей не путемъ смягченія необычности и новизны своего ученія, не путемъ осторожнаго обхожденія со старымъ завѣтомъ, а наоборотъ, съ помощью рѣзкаго подчеркиванія новизны, своеобразности, полной непримиримости со старымъ своего новаго ученія. Это подчеркиваніе сплошь и рядомъ заходило такъ далеко, что разрывало и тѣ близкія родственныя связи, которыя безспорно существовали съ другими ученіями. При пропагандѣ своихъ идей Марксъ безжалостно глумился надъ своими противниками и старался привлечь ихъ на свою сторону только послѣ того, какъ они окончательно убѣдятся въ полной несуразности и нелѣпости своего ученія. Марксъ никогда не пытался привлечь на свою сторону людей путемъ осторожнаго и поучительнаго отношенія къ ихъ вѣрованіямъ и убѣжденіямъ. Наоборотъ, онъ съ злыми насмѣшками, несокрушимымъ сарказмомъ сразу стиралъ мишуру и позолоту съ ихъ божковъ и старался обнажить простую и непрочную глину, изъ которой сработаны ихъ божества, и засимъ, продѣлавъ эту демонстрацію, рѣзко, часто вызывающе рѣзко, излагалъ свою теорію, почти всегда преувеличивая ея новизну и такъ сказать самочинность.

Но жестокою иронiей Марксъ преслѣдовалъ не только своихъ недруговъ и просто недомыслей, но и своихъ послѣдователей. Ему мало было, чтобы какой-либо ораторствующій или пишущій человѣкъ объявилъ себя его послѣдователемъ, Марксъ всегда требовалъ отъ своихъ послѣдователей критической продуманности и самостоятельности сужденій. Своихъ приближенныхъ учениковъ онъ постоянно тренировалъ, постоянно заставлялъ ихъ учиться, неожиданно устраивалъ имъ строгіе „экзамены" и жестоко разносилъ ихъ, когда они не обнаруживали требуемой мѣры знанія или пониманія.

Можно себѣ легко представить, какое впечатлѣніе должна

была производить на свѣжихъ людей эта манера Маркса пропагандировать свои идеи путемъ рѣзкихъ насмѣшекъ надъ господствующими идеями и путемъ утрированно рѣзкаго противопостановленія своихъ идей идеямъ своихъ предшественниковъ.

Многихъ современниковъ Маркса раздражала въ немъ также та черта, что Марксъ постоянно издѣвался *надъ личностью* своихъ идейныхъ противниковъ. Рѣзкостями и „личностями“, какъ густою солью, пересыпана вся идейная полемика Маркса и съ Прудономъ, и съ Бруно-Бауэромъ, и съ Бакунинымъ и т. д. Марксъ позволялъ себѣ совершенно непозволительныя рѣзкости и „личности“ и по адресу Бакунина, и по адресу Герцена и т. д.

Эту непріятную черту, конечно, нельзя зачеркнуть въ духовной физіономіи Маркса, но намъ кажется, что объяснить и понять ее можно, только установивъ ея *психическую* связь съ соціологическою сущностью ученія Маркса. Для Маркса, быть-можетъ, менѣе, чѣмъ для кого-либо другого, представляла какой-либо интересъ личность того или иного дѣятеля, взятая сама по себѣ, такъ сказать, оторванная отъ корней, выроставшихъ ее въ данной общественной средѣ. Простѣйшею составною частью общества, неразложимою дальнѣйшимъ соціологическимъ анализомъ, для Маркса являлась не отдѣльная личность, не индивидуумъ, а общественная группа. Отдѣльная личность была лишь производной величиной данной общественной группы и опредѣлялась ея характеромъ.

Эта соціологическая точка зрѣнія, какъ это ни кажется на первый взглядъ пародоксальнымъ и непослѣдовательнымъ, психологически постоянно толкала Маркса на рѣзкость и „личности“ въ полемикѣ. Когда Марксъ лицомъ къ лицу сталкивался съ крупнымъ идейнымъ противникомъ, то, вѣрный своей соціологической точкѣ зрѣнія, онъ *въ идеяхъ* своего противника постоянно склоненъ былъ видѣть безсознательное отраженіе, а то просто замаскированное представительство *интересовъ* извѣстной общественной группы. У своихъ идейныхъ противниковъ Марксъ постоянно искалъ связи съ интересами извѣстныхъ общественныхъ группъ, а въ пылу полемики не всегда было достаточно времени и самообладанія для тонкаго и внимательнаго анализа этой связи. Въ пылу и спѣхѣ приходилось довольствоваться грубымъ словомъ, устанавливающимъ въ оскорбительной формѣ *заинтересованность* вмѣсто безсознательной *зависимости* идей даннаго лица и интересовъ данной общественной группы.

Соціологическая доктрина Маркса, конечно, научно уполномочивала лишь на то, чтобы вскрыть объективную прочную связь между идеями личностей и интересами группъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ она создавала психологическій соблазнъ обвинить данное лицо въ прислужничествѣ интересамъ какой-либо группы.

И противъ этого соблазна Марксъ въ пылу полемики не всегда умѣлъ устоять...

Возьмите наиболѣе рѣзкія полемическія произведенія Маркса, возьмите памфлеты, наиболѣе возмущающіе критиковъ Маркса своею рѣзкостью противъ „личностей". Возьмите „Нищету философіи", „Святое семейство", „Господинъ Фогтъ" и т. д. Что же вы увидите? Вы увидите прежде всего, что центромъ, осью, вокругъ которой вращаются всѣ рѣзкости Маркса, всѣ его „нападки на личности", является обвиненіе даннаго лица или въ безсознательномъ отстаиваніи интересовъ какой-либо общественной группы, или въ сознательномъ прислужничествѣ этимъ интересамъ. Таковымъ является установленіе выраженія интересовъ мелкой буржуазіи въ теоріи Прудона („Нищета философіи"), въ субъективизмѣ Бруно-Бауэра („Святое семейство").

Возьмите даже самый рѣзкій, полный личностей памфлетъ Маркса—„Господинъ Фогтъ", и здѣсь центральнымъ ругательнымъ козыремъ Маркса является обвиненіе Фогта въ сознательномъ служеніи интересамъ французскаго правительства. Или возьмите одну изъ самыхъ грубыхъ и печальныхъ выходокъ Маркса противъ личности противника — оскорбительное примѣчаніе насчетъ Герцена въ первомъ изданіи перваго тома „Капитала", примѣчаніе, грубая несправедливость и несуразность котораго скоро стала ясна самому Марксу, и онъ его вычеркнулъ уже изъ второго изданія „Капитала". И даже здѣсь Марксъ обвиняетъ Герцена, а затѣмъ и Бакунина въ сознательномъ прислужничествѣ интересамъ панславистовъ, т.-е. опредѣленной общественной группы. Мы видимъ, такимъ образомъ, что если Марксъ позволилъ себѣ въ полемикѣ рѣзкости и грубости по отношенію къ личности противника, то вовсе не потому, что носился съ личностями, придавалъ имъ преувеличенное значеніе и погрузился въ болото личныхъ дрязгъ. Наоборотъ, какъ мы видѣли, „личности" даже въ полемикѣ интересовали Маркса, какъ „соціологическія категоріи", какъ производныя общественной среды, общественной группы.

Вообще, нѣтъ ничего безнадежнѣе, какъ писать характеристику Маркса, совершенно отвлекаясь отъ ученія Маркса, отъ тѣхъ задачъ, которыя была призвана выполнить его доктрина, и отъ тѣхъ условій историческаго времени и мѣста, при которыхъ эта доктрина складывалась. Однимъ изъ наиболѣе распространенныхъ упрековъ по адресу Маркса является обвиненіе въ томъ, что элементъ гнѣва и ненависти совершенно задавливалъ въ душѣ Маркса элементъ любви и состраданія. Этотъ упрекъ по адресу Маркса еще въ 1860 г. дѣлалъ извѣстный демократъ Теховъ; эти же обвиненія дѣлаютъ нынѣ гг. С. Булгаковъ и М. Тугань-Барановскій.

Булгаковъ пишетъ: „И прежде всего, что касается личной

психологіи Маркса и его личныхъ чувствъ, то, какъ я его воспринимаю, мнѣ кажется довольно сомнительнымъ, чтобы такія чувства, какъ любовь, непосредственное состраданіе, вообще теплая симпатія къ человѣческимъ страданіямъ играла такую, дѣйствительно, первенствующую роль въ его душевной жизни.

„Если судить по печатнымъ трудамъ Маркса, душѣ его вообще была гораздо доступнѣе стихія гнѣва, ненависти, мстительнаго чувства, нежели противоположныхъ чувствъ“ [1]).

То же самое пишетъ и Туганъ-Барановскій.

„Ненависть, презрѣніе, сарказмъ—вотъ тѣ чувства, изъ которыхъ слагается паѳосъ Маркса. Творецъ „Капитала“ былъ глубокимъ психологомъ, но нельзя не согласиться съ Зомбартомъ, что человѣческая душа была раскрыта для него лишь на-половину: все темное и злое находило въ нашемъ мыслителѣ удивительнаго ясновидца, но по отношенію къ благороднымъ движеніямъ человѣческой души онъ страдалъ чѣмъ-то весьма похожимъ на умственную слѣпоту. Ему было знакомо негодованіе противъ зла, но въ этомъ негодованіи чувству симпатіи къ угнетеннымъ почти не было мѣста.

„Чувство любви къ людямъ было ему мало доступно. Но зато онъ былъ чрезвычайно способенъ къ враждѣ—и вражда къ угнетателямъ замѣняла въ его душѣ любовь къ угнетеннымъ“ [2]).

Въ характеристикѣ Туганъ-Барановскаго удивляетъ странность антитезы: Марксъ ненавидѣлъ угнетателей, но не питалъ любви къ угнетаемымъ. Спрашивается тогда, за что же Марксъ ненавидѣлъ угнетателей? Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, сорокъ лѣтъ питать яркую, неутолимую ненависть къ угнетателямъ, не чувствуя любви и состраданія къ угнетаемымъ.

Можно—и мы знаемъ сотни тому примѣровъ—питать глубокую любовь и состраданіе къ угнетаемымъ, въ то же время, по кротости и незлобливости душевной, не питая ни малѣйшей ненависти къ угнетателямъ, можно даже и ихъ жалѣть, считать и ихъ „несчастными“, не вѣдующими, что творятъ.

Но невозможно ненавидѣть угнетателей, вести съ ними ожесточенную борьбу, не питая любви и состраданія къ угнетаемымъ. Ненависть къ угнетателямъ есть соотносительное чувство состраданія къ угнетаемымъ. Устраните послѣднее—и первое потухнетъ, подобно тому, какъ устраненіе свѣта устраняетъ и тѣнь.

Туганъ-Барановскій совершенно правъ, указывая на то, что въ душѣ Маркса ненависть къ угнетателямъ играла пропорціонально несравненно большую роль, чѣмъ у другихъ великихъ

---

[1]) Ср. С. Булгаковъ. К. Марксъ, какъ религіозный типъ. „Московскій Еженедѣльникъ“. 1906 № 22, стр. 36.

[2]) М. Туганъ-Барановскій. „Очерки изъ новѣйшей исторіи политической экономіи и соціализма“. Спб. 1906; стр. 228.

соціалистовъ, у которыхъ, въ противоположность Марксу, элементъ любви и состраданія перевѣшивалъ элементъ гнѣва и борьбы.

Но если бы этого не было, то не было бы и марксизма, какъ совершенно своеобразнаго соціалистическаго ученія, то не была бы выполнена та специфическая историческая миссія, которую такъ блестяще выполнилъ марксизмъ.

Оставимъ въ сторонѣ личность Маркса, оторванную и абстрагированную отъ его ученія и отъ исторической обстановки. Марксъ отдалъ безъ малаго сорокъ лѣтъ тяжелой жизни политическаго изгнанника для выработки надежнаго оружія для борьбы угнетаемыхъ съ угнетателями, и на этотъ личный подвигъ онъ былъ способенъ, конечно, изъ чувства глубокаго, хотя и лишеннаго всякой сентиментальности, состраданія къ угнетеннымъ.

Но оставляя въ сторонѣ вопросъ о личности Маркса, мы хотѣли бы отмѣтить, что все историческое призваніе марксизма заключалось, между прочимъ, именно въ томъ, чтобы сдѣлать удареніе, рѣзко подчеркнуть, громко провозгласить необходимость не состраданія къ угнетаемымъ, которое проповѣдывалось и безъ Маркса, а организованной ненависти угнетаемыхъ къ угнетателямъ.

Состраданіе къ угнетаемымъ можно было проповѣдывать только людямъ постороннимъ самимъ угнетаемымъ и стоящимъ ближе къ угнетателямъ, а у угнетаемыхъ надо было зажечь готовность къ борьбѣ, пробуждаемой ненавистью.

Тѣ соціалисты, которымъ еще была чужда классовая точка зрѣнія, тѣ соціалисты, которые еще вѣрили въ возможность разрѣшенія соціальнаго вопроса путемъ просвѣтлѣнія сердецъ и умовъ самихъ *угнетателей*, эти соціалисты были преисполнены высокаго гуманизма, и имъ было чуждо чувство ненависти къ угнетателямъ и проповѣдь этого чувства другимъ. Но Марксъ въ этотъ путь разрѣшенія соціальнаго вопроса не вѣрилъ, онъ обращался со своимъ словомъ не къ классамъ-угнетателямъ, а къ угнетаемому классу, и это слово дышало огнемъ ненависти и гнѣва и зажигало тѣ же чувства и въ рабочей массѣ.

Надо еще помнить, что когда складывалась доктрина Маркса, буржуазный міръ культивировалъ разные домашніе, ручные виды филантропическаго соціализма, разсматривавшаго рабочій классъ, какъ объектъ филантропическихъ упражненій владѣющихъ классовъ. И чрезвычайно характерно, что одинъ изъ самымъ популярныхъ поэтовъ Германіи сороковыхъ годовъ, Гервегъ, написалъ пламенную „Пѣснь о *ненависти*“, пользовавшуюся огромнымъ успѣхомъ:

Wir haben lang genug geliebt,
Wir wollen endlich hassen.

(„Мы достаточно долго любили, мы хотимъ, наконецъ, ненавидѣть“).

Эта популярная пѣснь популярнаго поэта представляетъ настоящій гимнъ ненависти, въ противоположность проповѣди любви. Поэтъ восклицаетъ:

„Нѣтъ, нѣтъ, любовь не дастъ рабамъ свободы,
И нѣтъ спасенія въ любви.
Ты, ненависть, суди враговъ свободы,
Ты, ненависть, оковы разорви!
Разите же враговъ, не уставая,
Разите смѣлою рукою
И будетъ вамъ та ненависть святая
Священнѣе любви святой."

(Перев. П. Лаврова. Курс. нашъ).

И за каждой строфой стихотворенія Гервега, пламенно призывавшаго къ ненависти, повторяются слова—„мы достаточно долго любили, мы хотимъ, наконецъ, ненавидѣть".

Научить ненависти тогда было, дѣйствительно, насущною задачею. Не надо забывать, что въ сороковыхъ годахъ еще очень многіе и крупнѣйшіе социалисты проповѣдывали социализмъ не угнетеннымъ, а угнетателямъ, какъ религію любви и гуманности, и многіе просвѣщенные дѣятели буржуазныхъ классовъ „сочувствовали" социализму и даже видѣли въ немъ средство размягченія и лѣченія пролетарскаго нарыва на капиталистическомъ организмѣ.

Этотъ расслабляюще и размягчающе дѣйствовавшій гуманизмъ парализовалъ энергію и усыплялъ сознаніе угнетаемыхъ, являясь серьезнымъ психологическимъ препятствіемъ для успѣшной борьбы за лучшее будущее.

Такимъ образомъ, условія времени были таковы, что Марксу необходимо было сдѣлать особенно сильное, особенно рѣзкое удареніе на элементѣ ненависти, своими жгучими шипами будящимъ у угнетенныхъ острое сознаніе своей угнетенности и твердую готовность организоваться для борьбы съ нею.

Это правда, что стихія гнѣва и ненависти была Марксу роднѣе, ближе стихіи любви и состраданія, это правда, что эта стихія часто диктовала Марксу грубое и несправедливое отношеніе къ людямъ, не заслуживавшимъ этого; но если стихія гнѣва и ненависти обусловила многіе личные недостатки Маркса, то она же—въ психологическомъ единствѣ личности и ученія Маркса—обусловила и великую историческую заслугу Маркса—научить рабочій классъ владѣть и управлять этой стихіей, какъ могучей исторической силой.

Универсальная Библіотека.

№ 1. **Г. Ибсенъ.** Кукольный Домъ (Нора). Второе изданіе. Переводъ съ норвежскаго *М. Благовѣщенской.*
№ 2. **Г. Ибсенъ.** Врагъ Народа (Докторъ Штокманъ). Второе изданіе. Переводъ съ норвежскаго *Н. Мировичъ.*
№ 3. **Г. Ибсенъ.** Привидѣнія. Второе изданіе. Переводъ съ норвеж. *К. Бальмонта.*
№ 4. **Г. Ибсенъ.** Гедда Габлеръ. Второе изданіе. Переводъ съ норвежскаго *Ю. Балтрушайтиса.*
№ 5. **Г. Ибсенъ.** Строитель Сольнесъ. Второе изданіе. Переводъ съ норвежскаго *Ю. Балтрушайтиса.*
№ 6. **Г. Ибсенъ.** Эллида (Женщина съ моря). Переводъ съ норвежскаго *В. М. Спасской.*
№ 7. **Бьернстерне-Бьернсонъ.** Свыше нашихъ силъ, ч. I. Перев. *И. Н. Витова.*
№ 8. **Бьернстерне-Бьернсонъ.** Свыше нашихъ силъ, ч. II. Перев. *М. Покровской.*
№ 9. **Г. Гауптманъ.** Передъ восходомъ солнца. Переводъ съ нѣмецкаго *Л. и П. Тепловыхъ.*
№ 10. **А. Шницлеръ.** Зеленый попугай. Переводъ съ нѣмецкаго *В. Дунаева.*
№ 11. **М. Метерлинкъ** Монна Ванна. Второе изданіе. Переводъ съ французскаго *Анс. Чеботаревской.*
№ 12. **С. Пшибышевскій.** Снѣгъ. Второе изданіе. Переводъ съ польскаго *Е. и И. Леонтьевыхъ.*
№ 13. **Г. Ибсенъ.** Росмерсхольмъ. Второе изданіе. Переводъ съ норвежскаго *В. М. Спасской.*
№ 14. **Г. Гауптманъ.** Роза Берндъ. Переводъ съ нѣмецкаго *Р. Левіашъ.*
№ 15. **Г. Гауптманъ.** Эльга. Переводъ съ нѣмецкаго *С. Гордонина.*
№ 16. **А. Шницлеръ.** Сказка. Переводъ съ нѣмецкаго *З. Мейеровичъ.*
№ 17. **Г. д'Аннунціо.** Дочь Іоріо. Переводъ съ итальянскаго *Н. И. Бронштейна.*
№ 18. **С. Жеромскій (Зыхъ).** Лѣсные отголоски и др. разсказы. Переводъ съ польскаго *Е. и И. Леонтьевыхъ.*
№ 19. **М. Метерлинкъ.** Сестра Беатриса. Смерть Тентажиля. Переводъ съ французскаго *М. В. Пичета.*
№ 20. **Э. д'Амичисъ.** Учительница рабочихъ. Переводъ съ итальянскаго *Н. И. Бронштейна.*
№ 21. **О. Уайльдъ.** Саломея. Второе изданіе. Авторизованный переводъ съ французскаго оригинала *М. Ликіардопуло.*
№ 22. **Г. Гауптманъ.** Извозчикъ Геншель. Переводъ съ нѣмецкаго *Г. Вилліамъ.*
№ 23. **Г. Гейермансъ.** Всѣхъ Скорбяшихъ. Пер. съ голландскаго *А. Израильсона.*
№ 24. **С. Пшибышевскій.** Вѣчная сказка. Второе изданіе. Пер. съ польскаго *Е. и И. Леонтьевыхъ.*
№ 25. **Г. Гауптманъ.** Одинокіе люди. Переводъ съ нѣмецкаго *Л. и П. Тепловыхъ.*
№ 26-27. **К. Фибихъ.** Бабья деревня. Переводъ съ нѣмецкаго *Н. И. Бронштейна.*
№ 28. **Г. Гофмансталь.** Свадьба Зобеиды. Переводъ (въ стихахъ) съ нѣмецкаго *О. Н. Чюминой.*
№ 29. **Г. Гофмансталь.** Смерть Тиціана. Вчера. Переводъ (въ стихахъ) съ нѣмецкаго *О. Н. Чюминой и Л. М. Василевскаго.*
№ 30. **М. Делла Граціэ.** Катастрофа. Переводъ съ нѣмецкаго *Л. и П. Тепловыхъ.*
№ 31. **Ф. де-Кюрэль.** Новый кумиръ. Переводъ съ французск. *Анс. Чеботаревской.*
№ 32-33. **„Изъ одного русла“.** Сборникъ съ предисловіемъ Э. Ожешко. Переводъ съ польскаго *Е. и И. Леонтьевыхъ.*
№ 34. **Г. Ибсенъ.** Когда мы мертвые проснемся. Переводъ съ норвежскаго *С. А. Полякова и Ю. Балтрушайтиса.*
№ 35. **П. Гейзе.** Марія изъ Магдалы. Переводъ съ нѣмецкаго *Н. И. Бронштейна.*
№ 36. **К. Лемонье.** Пьесы: Мертвецъ. Руки. Глаза, которые видѣли. Переводъ съ французскаго *Н. Соболевскаго.*
№ 37. **Г. Гауптманъ.** Михаэль Крамеръ. Переводъ съ нѣмец. *Л. М. Василевскаго.*
№ 38. **М. Бетхеръ.** Шквалъ. Переводъ съ нѣмецкаго *В. А. Готвальдъ.*
№ 39. **А. Шницлеръ.** Сумеречныя души. Переводъ съ нѣмецкаго *С. М. Антикъ.*
№ 40. **Леконтъ де-Лиль.** Эринніи. Переводъ съ французскаго (въ стихахъ) *О. Н. Чюминой.*
№ 41. **О. Уайльдъ.** Вѣеръ Лэди Уиндермеръ. Авторизованный переводъ съ англійскаго *М. Ликіардопуло.*
№ 42. **Ф. Коппе.** Северо Торелли. Переводъ (въ стихахъ) съ французскаго *О. Н. Чюминой.*
№ 43-44. **Блэчфордъ.** Страна чудесъ. Переводъ съ англійскаго *К. Ф. Лебедева* съ предисловіемъ *А. А. Боровового* (въ продажѣ не имѣется).

№ 45. **С. Пшибышевскій.** Ради счастья. Мать. Переводъ съ польскаго *Е. и И. Леонтьевыхъ.*
№ 46. **А. Шницлеръ.** Поручикъ Густль. Переводъ съ нѣмецкаго *В. А. Восходова.*
№ 47. **М. Метерлинкъ.** Чудо Святого Антонія. Аріана и Синяя Борода. Переводъ съ французскаго *А. Воротникова.*
№ 48. **Г. д'Аннунціо.** Сильнѣе любви. Переводъ съ итальянскаго *Н. И. Бронштейна.*
№ 49-50. **Г. Гауптманъ.** Потонувшій колоколъ. Переводъ съ нѣмецкаго (въ стихахъ) *В. И. Дунаева.*
№ 51. **Г. Гауптманъ.** Праздникъ мира. Переводъ съ нѣмец. *Л. М. Василевскаго.*
№ 52-53. **Г. Ибсенъ.** Кесарь и Галилеянинъ. I. Отступничество цезаря. Переводъ съ норвежскаго *В. М. Спасской.*
№ 54-55. **К. Гамсунъ.** Панъ. Переводъ съ норвежскаго *М. П. Благовѣщенской.*
№ 56. **Б. Шоу.** Промыселъ госпожи Варренъ. Переводъ съ англійскаго *В. А. Готвальдъ.*
№ 57. **Ф. Геббель.** Юдифь. Переводъ съ нѣмецкаго *Виктора Гофмана.*
№ 58-59. **Г. д'Аннунціо.** Корабль. Переводъ съ итальянскаго *Н. И. Бронштейна.*
№ 60. **Э. Верхарнъ.** Монастырь. Переводъ съ французскаго (въ стихахъ) *Эллиса* съ предисловіемъ *Андрея Бѣлаго.*
№ 61. **А. Стриндбергъ.** Отецъ. Переводъ со шведскаго *Ю. Балтрушайтиса.*
№ 62. **М. Метерлинкъ.** Слѣпые. Тамъ внутри. Непрошеная. Переводъ съ французскаго *Н. Соболевскаго.*
№ 63. **Б. Шоу.** Фарисеи. Переводъ съ англійскаго *В. А. Готвальдъ.*
№ 64. **К. Гамсунъ.** Викторія. Переводъ съ норвежскаго *М. Коваленской.*
№ 65. **С. Лагерлёфъ.** Легенда одной усадьбы. Переводъ со шведскаго *М. П. Благовѣщенской.*
№ 66. **Г. Ибсенъ.** Столпы общества. Переводъ съ норвежскаго *А. Гретманъ* подъ редакціей *Ю. Балтрушайтиса.*
№ 67. **М. Дрейеръ.** Семнадцатилѣтніе. Перев. съ нѣмецкаго *Р. М. Марковичъ.*
№ 68. **Г. Гофмансталь.** Женщина въ окнѣ. Глупецъ и смерть. Переводъ (въ стихахъ) съ нѣмецкаго *Л. М. Василевскаго и Г. А. Галиной.*
№ 69. **Э. Верхарнъ.** Зори. Переводъ съ французскаго *А. Воротникова и С. Шамбинаго.*
№ 70. **А. Шницлеръ.** Смерть. Переводъ съ нѣмецкаго *Н. И. Бронштейна.*
№ 71-72. **А. Франсъ.** Источникъ Святой Клары. Переводъ съ французскаго *Е. Т. и М. Н. Коваленскихъ.*
№ 73. **С. Пшибышевскій.** Пляска любви и смерти: I. Золотое руно. II. Гости. Переводъ съ польскаго *Е. и И. Леонтьевыхъ.*
№ 74. **А. Стриндбергъ.** Товарищи. Переводъ со шведскаго *Л. Б. Хавкиной.*
№ 75-76. **Т. Гедбергъ.** Іуда. Переводъ со шведскаго *В. М. Спасской.*
№ 77. **Г. Зудерманъ.** Іоаннъ. Переводъ съ нѣмецкаго *П. Д. Городецкой.* Подъ редакціей *Л. М. Васильевскаго.*
№ 78. **К. Тетмайеръ.** Бездна. Переводъ съ польскаго *Владимира Высоцкаго.*
№ 79. **А. Стриндбергъ.** Графиня Юлія. Перев. со шведскаго *Л. Б. Хавкиной.*
№ 80. **Г. Ибсенъ.** Дикая утка. Переводъ съ норвежскаго *К. Д. Бальмонта.*
№ 81. **И. Фрапанъ.** Спасители нравственности. Переводъ съ нѣмецкаго *В. Величкиной.*
№ 82. **М. Метерлинкъ.** Пелеасъ и Мелизанда. Переводъ съ французскаго *Анастасіи Чеботаревской.*
№ 83. **П. Аданъ.** Византія. Переводъ съ французскаго *А. Воротникова.*
№ 84. **Г. Флоберъ.** Иродіада.—Сказаніе о св. Юліанѣ Милостивомъ.—Простая душа. Переводъ съ французскаго *Н. И. Соболевскаго.*
№ 85. **М. Яничекъ.** Женщина. Переводъ съ нѣмецкаго *Л. Горбуновой.*
№ 86. **П. Мериме.** Карменъ. Переводъ съ французскаго *Г. А. Рачинскаго.*
№ 87. **Г. Ибсенъ.** Маленькій Эйольфъ. Переводъ съ норвежскаго *К. Д. Бальмонта.*
№ 88. **А. Стриндбергъ.** Пепелище. Переводъ со шведскаго *Ю. Балтрушайтиса.*
№ 89. **К. Фибихъ.** Борьба за мужчину. Переводъ съ нѣмецкаго *Л. М. Василевскаго.*
№ 90. **Г. Гофмансталь.** Эдипъ и Сфинксъ. Переводъ (въ стихахъ) съ нѣмецкаго *О. Н. Чюминой.*
№ 91-92. **А. Шницлеръ.** Фрау Берта Гарланъ. Переводъ съ нѣмецкаго *С. М. Антикъ.*
№ 93-94. **П. Мериме.** Жакерія. Переводъ съ французскаго *З. Венгеровой.*
№ 95. **А. Шницлеръ.** Часы жизни. Переводъ съ нѣмецкаго *А. Гретманъ.*

№ 96. **Жеромъ и Жанъ Таро** Слава Дингли. Переводъ съ французскаго *Ал. Чеботаревской*, съ предисловіемъ переводчицы.
№ 97. **А. Шницлеръ.** Жена мудреца. Переводъ съ нѣмецкаго *В. А. Восходова.*
№ 98. **А. Шницлеръ.** Забава. Переводъ съ нѣмецкаго *Л. и П. Тепловыхъ.*
№ 99-100. **К. Гамсунъ.** Голодъ. Съ портретомъ автора. Переводъ съ норвежскаго *М. П. Благовѣщенской.*
№ 101. **К. Гамсунъ.** У вратъ царства. Переводъ съ норвежскаго *С. А. Полякова и Ю. К. Балтрушайтиса.*
№ 102. **А. Шницлеръ.** Безъ запрета. Переводъ съ нѣмецкаго *Л. Тепловой.*
№ 103. **С. Пшибышевскій.** Обрученіе. Переводъ съ польскаго *В. Высоцкаго.*
№ 104. **М. Метерлинкъ.** Аглавена и Селизетта. Переводъ съ французскаго *Н. Эфроса.*
№ 105. **С. Лагерлёфъ.** Деньги господина Арне. Переводъ со шведскаго *М. П. Благовѣщенской.*
№ 106. **А. Шницлеръ.** Маріонетки. Переводъ съ нѣмецкаго *Н. Бронштейна.*
№ 107. **Х. Эчегерай.** Великій Галеотто. Переводъ съ испанскаго *Л. Б Хавкиной.*
№ 108. **М. Гальбе.** Юность. Переводъ съ нѣмецкаго *Л. и П. Тепловыхъ.*
№ 109. **А. Шницлеръ.** Интермеццо. Переводъ съ нѣмецкаго *С. М. Антикъ.*
№ 110-111. **Г. Ибсенъ.** Кесарь и Галилеянинъ. II. Юліанъ Отступникъ. Переводъ съ норвежскаго *В. М. Спасской.*

Цѣна каждаго выпуска 10 коп.

Подписка на Универсальную Библіотеку принимается въ конторѣ **книгоиздательства „Польза“ В. Антикъ и К°, Москва,** Мал. Гнѣздниковскій, д. № 10. Заявленія о подпискѣ можно дѣлать и по почтѣ или по телефону 124-24.

Доставка на домъ въ Москвѣ безплатно.

Въ другіе города книги высылаются наложеннымъ платежомъ. Выписывающіе не менѣе 10 экз. за пересылку не платятъ.

Того же автора:

1. **Пасынки цивилизаціи и ихъ просвѣтители.** Спб. 1905 г. Изд. Г. Львовича. Ц. 1 руб.

2. **Германія наканунѣ революціи 1848 г.** (Очерки по исторіи нѣмецкой интеллигенціи). Спб. 1906. Изд. Г. Львовича. Ц. 1 р. 50 к.

3. **Первый нѣмецкій парламентъ.** Изд. О. Поповой. Спб. 1906. Ц. 10 к.

4. **Политическая борьба въ парламентѣ и внѣ его.** Спб. 1906. Изд. О. Поповой. Ц. 10 к.

5. **Очеркъ развитія экономическихъ ученій въ XIX в.** Изд. Г. Львовича. Спб. 1907 г. Ц. 20 к.

6. **Политическія партіи на Западѣ, ихъ докрины, организація и дѣятельность.** Спб. 1907. Изд. «Дѣло». Ц. 1 р. 25 к.

Научно-Популярная Библіотека.

Въ первую серію входятъ книги, составленныя спеціалистами, разрабатывающія тѣ или иные вопросы монографически, но безъ подробнаго научнаго аппарата. Вторая серія содержитъ популяризаціи болѣе доступнаго типа, разсчитанныя на малоподготовленнаго читателя.

Вышли въ свѣтъ слѣдующія книги:

I серія:

№ 1. Проф. **Э. Д. Гриммъ**. Мирабо. Очеркъ изъ исторіи великой французской революціи.
№ 2. **А. Г. Михайловскій**. Реформа городского самоуправленія въ Россіи.
№ 3—4. **А. К. Дживелеговъ**. Начало Итальянскаго Возрожденія.
№ 5—6. **П. А. Берлинъ**. Карлъ Марксъ и его время.
№ 7—8. Проф. **И. Х. Озеровъ**. Чему учитъ насъ Америка.

II серія:

№ 1—2. **И. И. Голобородько**. Старая и новая Турція.
№ 3. **А. Ѳ. Быкова**. Франція и французы.
№ 4. **Р. А. Тютрюмова**. Фабричное законодательство въ Россіи.
№ 5. **Е. А. Ефимова**. Парижская революція въ XIV вѣкѣ.
№ 6. **О. А. Волькенштейнъ**. Великія реформы 60-хъ годовъ.
№ 7. **Е. Ѳ. Волкова**. Пророкъ „разумнаго общества.“ (Робертъ Оуэнъ.)

Готовятся къ печати:

Н. Валентиновъ. Аграрный вопросъ и сельскохозяйственная кооперація.
Проф. **М. М. Ковалевскій**. Представительное правленіе.
Вл. Горнъ. Крестьянскія движенія за полтора вѣка.

Кромѣ того обѣщали свои работы еще слѣдующія лица: пр.-доц. **М. В. Бернацкій**, проф. **П. Г. Виноградовъ**, проф. **Ю. С. Гамбаровъ**, проф. **И. М. Гревсъ**, проф. **В. М. Гессенъ**, проф. **Н. И. Карѣевъ**, проф. **А. А. Кизеветтеръ**, проф. **С. А. Котляревскій**, проф. **Т. В. Локоть**, проф. **И. В. Лучицкій**, пр.-доц. **П. П. Митрофановъ**, проф. **М. И. Ростовцевъ**, проф. **М. И. Туганъ-Барановскій** и др.

Цѣна за каждый выпускъ: первой серіи—50 коп., второй серіи—40 коп.

Русское Товарищество, Москва.

